

Э л л е н К а р н а г а н

...А ПОРЯДКА В НЕЙ НЕТ

РОССИЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ
В НЕИДЕАЛЬНОМ МИРЕ

Современная
западная русистика

История

Ellen Carnaghan

•

Out of Order

Russian Political Values
in an Imperfect World

THE PENNSYLVANIA STATE UNIVERSITY PRESS

2007

Элен Карнаган

•

... А порядка в ней нет

Российские политические
ценности в неидеальном мире

Academic Studies Press

Библиороссика

Бостон / Санкт-Петербург

2022

УДК 321
ББК 63.3(2)64+60.59(Рос)
К244

Перевод с английского Андрея Горбова, Николая Махлаюка

Серийное оформление и оформление обложки Ивана Граве

Карнаган, Элен

К244 ...А порядка в ней нет. Российские политические ценности в неидеальном мире / Карнаган Э.; [пер. с англ. А. Горбова, Н. Махлаюка]. — Санкт-Петербург : Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. — 439 с. — (Серия «Современная западная русистика» = «Contemporary Western Rusistika»).

ISBN 978-1-644698-44-0 (Academic Studies Press)

ISBN 978-5-907532-20-5 (Библиороссика)

ISBN 978-1-644698-43-3 (open access)

На самом ли деле жители России не склонны разделять общедемократические идеалы и ценности свободного рынка? Вправду ли россияне заперты в ловушку авторитарного мышления и стремления к подчинению власти? Наследуются ли политические ценности — и можно ли построить демократическое государство на осколках государства авторитарного? Профессор политологии Элен Карнаган обращается к жителям постсоветского пространства, чтобы выяснить, что они думают на этот счет — и приходит к неожиданно обнадеживающим выводам о политических ценностях и чаяниях в самых разных слоях российского общества.

УДК 321
ББК 63.3(2)64+60.59(Рос)

С 31 марта 2021 года эта книга распространяется в соответствии с лицензией CC-BY-NC. Ознакомиться с условиями можно на сайте <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>. Помимо оговоренных в данной лицензии случаев, никакая часть книги не может быть использована без разрешения правообладателя.

ISBN 978-1-644698-44-0
ISBN 978-5-907532-20-5
ISBN 978-1-644698-43-3

© Ellen Carnaghan, text, 2007
© The Pennsylvania State University, 2007
© А. Горбов, перевод с английского, 2021
© Н. Махлаюк, перевод с английского, 2021
© Academic Studies Press, 2022
© Оформление и макет,
ООО «Библиороссика», 2022

Посвящается Марку

Благодарности

Я начала обдумывать идею этой книги еще в процессе работы над другим проектом в момент, когда происходил распад Советского Союза. Как-то раз осенью 1990 года я вечером возвращалась из Института социологии в гостиницу при Академии наук и по дороге зашла в булочную купить хлеб к ужину. Хлеба не оказалось, и вместо него я купила пряники, подумав, что теперь знаменитая фраза могла бы звучать так: «Пусть едят пряники». Лифт в гостинице не работал; я с пакетом пряников поднялась пешком на десятый этаж в свой номер, и тут в здании погас свет. И мне внезапно пришло в голову, что, наверное, именно так должна ощущаться революция: нет ни воодушевления, ни особых политических перемен, есть лишь гнетущая усталость от того, что все постепенно рушится и разваливается на части. Если обычные граждане ощущают свою причастность к политике через множество повседневных проявлений, то в России в 1990-е годы такие проявления, безусловно, вызывали раздражение и чувство бессилия: неработающие эскалаторы на некоторых станциях и переходах в метро, внезапное отключение горячей воды, бесконечное ожидание, когда чиновники наконец сделают то, что от них требуется. Цель этой книги — исследовать, как чувства неудовлетворенности и безысходности в повседневной жизни влияют на политические взгляды российских граждан.

Эта книга основана на глубинных интервью, которые я проводила с простыми россиянами с 1998 по 2003 год. Я благодарна всем, кто, несмотря на занятость, уделил мне время; многие приглашали меня к себе домой, угощали чаем с домашним вареньем и предоставляли возможность понять поразительные особенности русского мировоззрения. Я не могу поблагодарить

каждого из них поименно, не нарушив их анонимность, но все мои собеседники внесли неоценимый вклад в мое исследование. Без их готовности высказаться по темам моего проекта не было бы этой книги.

Эти интервью были бы невозможны без огромной поддержки. На протяжении пяти лет я получала финансирование по Программе Фулбрайта — Хейса (средства от Департамента образования США), Совета по международным исследованиям и научным обменам (IREX), средства от Национального гуманитарного фонда (NEH), Государственного департамента США и Информационного агентства США (USIA), Американской ассоциации политической науки (APSA), а также от фонда Де Бомон и фонда Меллона в Университете Сент-Луиса. Кроме того, в период работы над данным проектом я три лета подряд получала финансовую поддержку для участия в Летней исследовательской лаборатории по изучению России, Восточной Европы и Евразии при Иллинойском университете (средства были предоставлены Государственным департаментом США в соответствии с разделом VIII Закона о советских и восточноевропейских исследованиях и подготовке кадров 1983 года). Для написания книги я получила творческий отпуск в Университете Сент-Луиса. Разумеется, никто из тех, кто оказывал мне помощь и поддержку, не несет ответственности за содержащиеся в этой книге идеи.

Я особенно признательна людям, которые помогли мне найти россиян, готовых поговорить о политике с американской исследовательницей. В частности, я хочу выразить благодарность Полине Козыревой, чья помощь и советы были столь ценными, что без нее я вряд ли смогла бы написать эту книгу. Ее коллеги в институте социологии Михаил Косолапов и Марина Чижова также уделили мне немало времени и помогли своим экспертным мнением. Ольга Ястребова, Нина Ростегаева и Наталья Пешкова организовали ряд интервью в Москве; я также признательна им за дружеское участие и содействие в расширении моей культурной программы. Люди, помогавшие мне за пределами Москвы, работали в очень жестких временных рамках, и им нередко удавалось в кратчайшие сроки найти большое число согласных

на интервью респондентов. За их колоссальные усилия я, в частности, хочу поблагодарить Татьяну Богомолу из Новосибирска, Валентину Первову из Красноярска, Ольгу Щеглову из Воронежа, Андрея Шашенкова из Смоленска и Арбахана Магомедова из Ульяновска.

Я также признательна Лайзе Полман и Мери Сантанелло, которые проводили интервью с американцами; Джошуа Мелтону, проанализировавшему различные данные по опросам общественного мнения в России, а также Шону Уэнделу и Марии Гроган за их помощь в подготовке рукописи этой книги.

В процессе написания книги мне помогли и другие люди, взявшие на себя труд прочитать ее части и сделавшие ряд ценных замечаний. Их участие немало способствовало улучшению книги, но любые оставшиеся в ней ошибки — это не их вина; они остаются на моей совести, равно как и мое, возможно, превратное понимание их замечаний. Я особенно благодарна Донне Бари, которая предложила использовать глубинные интервью как своего рода портал на пути к пониманию умонастроений российских граждан. Кроме того, она в своей неподражаемой манере не раз давала мне правильные советы в нужный момент. Я признательна Сэнди Тэтчер из Издательства Университета штата Пенсильвания за интерес, проявленный к моей работе. Я благодарна Роберту Грею и Эрику Шираву, которые внимательно прочитали рукопись и тем самым подвигли меня улучшить эту книгу и сделать ее более ясной, а благодаря тщательной редакции Ромейн Перин она стала еще лучше. На завершающей стадии проекта заведующий моей кафедрой Уинн Уолкер Москоп на время освободил меня от преподавания, что также помогло мне завершить работу. Мой коллега Тимоти Ломперис прочитал значительную часть рукописи, неизменно поддерживая меня и давая ценные советы.

Мои коллеги Элоиз Бьюкер, Вики Хесли, Лайза Полман, Ричард Роуз, Блэр Рабл, Джейсон Уиттенберг и Шэрон Волчик прочитали отдельные главы или статьи, позднее переработанные в главы, и высказали свои замечания. Одна из версий главы четвертой была опубликована как статья под названием «Размышления

о демократии: интервью с российскими гражданами» («Thinking About Democracy: Interviews with Russian Citizens») в журнале «Slavic Review» (лето 2001). Еще более ранняя версия была напечатана в серии «Studies in Public Policy» 322 (1999) при содействии Центра исследований публичной политики при Университете Стратклайда в Глазго, Шотландия. Некоторые абзацы главы шестой основаны на моей работе «Попытка усидеть на двух стульях: колебания между демократией и порядком среди российских граждан» («Have Your Cake and Eat It Too: Tensions Between Democracy and Order Among Russian Citizens») изданной в серии «Studies in Public Policy» 352 (2001). Эти ранее опубликованные материалы воспроизводятся в этой книге с соответствующим уведомлением.

Глубочайшую признательность я выражаю моему мужу Марку, который, хотя и не переносит беспорядок, все эти годы остается моим верным и бестрепетным спутником в жизни и в моих поездках по России.

Глава первая

Не в порядке

В России многое получается не так, как задумано. Пример тому — создание новых политических и экономических институтов после распада Советского Союза. В стране прошли конкурентные выборы, резко вырос уровень индивидуальных свобод, простые люди, на протяжении десятилетий лишённые благ демократии, обрели новые возможности, а некоторые достигли такого небывалого благосостояния, какое коммунисты полагали невозможным и недопустимым. Однако в годы правления первого президента России Б. Н. Ельцина то, что тогда называли «демократией», вылилось в обстрел здания парламента, а затем в проталкивание Конституции РФ, которая наделяла президента непомерными полномочиями. Ставший преемником Ельцина В. В. Путин укрепил «вертикаль власти», выстроенную на основе этой Конституции, отменив выборы глав регионов, закрыв независимые телевизионные каналы и внедрив практику запугивания людей, стремившихся к созданию гражданского общества. Как при Ельцине, так и при Путине элиты пытались сопротивляться ограничению своего влияния на политику, коррупция подрывала принцип ответственности правительства, а у граждан практически не оставалось механизмов воздействия на тех, кто ими правит. Рыночная экономика способствовала обогащению немногих, предоставляя большинству людей лишь ограниченные возможности. Именно в этих условиях богатейший российский олигарх М. Б. Ходорковский оказался в тюрьме, осмелившись противостоять власти Путина.

Простые люди на себе ощущали такого рода неоднозначные последствия трансформации системы. Для среднего россиянина

крушение советской системы означало нехватку продуктов питания, перебои с электроснабжением, занесенные снегом дороги и тротуары, которые никто не чистил, так как коммунальные службы перестали работать. Переход к рыночной экономике сопровождался дефицитом бюджета, задержками заработной платы, урезанием социальных расходов и разрушением городской инфраструктуры. Расширение свобод привело к росту уровня преступности и увеличению числа терактов на воздушном транспорте, в метро и других общественных местах, включая теракты с захватом заложников в московском Театральном центре на Дубровке и бесланской школе. Результаты всех этих изменений — далекие от совершенства институты с демократическими и авторитарными чертами — предстают перед гражданами в виде туманных правил, грубых чиновников и коррумпированных сотрудников ДПС, а также начальственных кабинетов, по непонятным причинам закрытых в приемные часы. В этой книге я хочу показать, как в такой беспорядочной и непредсказуемой реальности, порождаемой кардинальными изменениями в политике и экономике, формировались политические ценности россиян.

Описывая этот процесс, я оспариваю представление о том, что культурные традиции в целом сохраняются на протяжении веков и в значительной степени ограничивают развитие возможных в данной стране форм институтов¹. Ряд исследователей утверждает, что простые россияне находятся в плену этих традиций — если и не тысячелетней истории крепостничества, то, во всяком случае, вековой традиции авторитарной и патерналистской верховной власти. По их мнению, в силу исторического прошлого русские были не готовы воспринять демократию. Считается, что они скорее опасаются свободы для других, хотя и желают получить свободу для себя; они готовы уступить свои права правительству, если правители обещают заботиться о своих подданных; и при этом они нетерпимы к отсутствию порядка, якобы свойственному демократии. Так, например, А. Г. Дугин утверждает, что древние, геополитически обусловленные ценно-

¹ См. [Huntington 1996; Putnam 1993; Bova 2001].

сти Евразии изначально враждебны западному либерализму [Дугин 2001]. Т. Макдэниел указал на некоторые аспекты «русской идеи», которые остаются неизменными с царских времен до настоящего времени и подрывают усилия, направленные на проведение реформ [McDaniel 1996]. Ф. Флерон высказывал обеспокоенность тем, что на Западе некоторые «стремятся слишком быстро навязать слишком много демократии обществу, которое разительно отличается отсутствием демократических традиций» [Fleron 1998: 41]. По мнению Дж. Александера, российская политическая культура 1990-х годов характеризовалась «бесформенностью», политическими ценностями и убеждениями, которые были «раздроблены, противоречивы и расплывчаты», поскольку русские пытались придать осмысленность изменяющейся реальности, используя понятийный инструментарий, более подходящий для обсуждения автократического прошлого [Alexander 2000: 15, 32].

В этой книге я придерживаюсь иного подхода. Я не ищу истоки сегодняшних ценностей в географии, древней истории, религиозных традициях или сложившихся культурных нормах, но пытаюсь найти их ближайшие источники в том мире, в котором живут современные люди. Я не задаюсь вопросом, имеют ли граждане России правильные ценности для создания демократических институтов, но исследую те ценности, формированию которых способствуют существующие институты и определяемая ими реальность. Я утверждаю, что за годы советской власти простые люди, жившие в автократической системе, адаптировались к ней, но не обязательно приняли ее ценности. Точно так же они живут сегодня в политической системе, имеющей некоторые демократические элементы (например, выборы) и свои особенности, уходящие корнями в автократическое прошлое России, однако отнюдь не предпочтения большинства уводят российские власти в сторону от демократии. На протяжении большей части своей жизни российские граждане воспринимали результаты деятельности властных структур как официально творимый беспорядок — от непредсказуемости системы, в которой граждане не имели никаких прав противостоять государству,

и неэффективности государственного планирования, из-за которого было сложно купить туалетную бумагу и мыло, до дезорганизации переходного периода и сопутствующих всплесков гиперинфляции и финансовых кризисов. Именно на основании собственного жизненного опыта, а не опыта предков, живших столетия назад, россияне отдают предпочтение порядку.

В силу этого предпочтения некоторые россияне не видят особой пользы от тонкостей демократии на практике. На их взгляд, представительные институты являются слишком неуправляемыми, в социальном беспорядке им видится большая угроза, а свободный рынок они считают опасным местом, где у простых людей мало шансов на успех и им следует опасаться воров. Но далеко не все россияне смотрят на мир таким же образом. Многие, оставаясь приверженцами «порядка», в своем воображении видят страну, где все — даже представители власти — подчиняются закону, где соблюдаются права граждан и где каждый может стремиться к достижению своих целей так, как считает нужным. Для этих россиян их видение порядка в полной мере соответствует представлению о необходимости расширения демократических институтов в стране.

Ученые, которые пытаются объяснить стремительный крах коммунистических институтов, разрушившихся под давлением реформ, отмечают, что эти институты непреднамеренно способствовали поведению, которое и привело к их крушению [Bunce 1999; Solnick 1998; Olson 2000]. Советские институты не поощряли упорный труд, экономное использование ресурсов и достоверные отчеты начальству о производственных результатах; напротив, принципы стимулирования, встроенные в экономические отношения, побуждали людей уклоняться от ответственности, запасаться впрок, обманывать и воровать. Меры политического стимулирования не побуждали людей сохранять преданность руководящим органам, но, наоборот, вынуждали стремиться исключительно к собственной выгоде за счет общества. Однако эти наблюдения относятся прежде всего к поведению элит. Я же применяю логику этих аргументов к уровню обычных граждан и к тем ценностям, которые непроизвольно поощрялись

как в конце советской эпохи, так и в начале постсоветского периода. В научной литературе подробно описана сложная и зачастую хаотичная реальность советской и постсоветской систем, но в исследованиях общественного мнения в России почти не уделяется внимания влиянию этого беспорядка на общепринятые представления и ценности. Вместе с тем большинство исследователей исходит из того, что режим реализовывал свои намерения, будь то обеспечение относительной материальной безопасности в советские годы или политической свободы при Ельцине. В отличие от них я в основном сосредоточиваюсь на реалиях политической и экономической жизни, которые простые люди ощущают непосредственно, а также на влиянии этой реальности на их общественно-политические ценности.

Обнаружение источников сегодняшних ценностей в повседневной жизни граждан создает более обнадеживающую картину, чем та, которую обычно рисуют исследователи политической культуры. Если общие ценности формируются в современной действительности, а не в далеком прошлом, это означает, что культура не может отгородить нацию, даже российский народ от возможности демократического развития. История не диктует будущее. Разумеется, вполне возможно, что руководители России более не намерены развивать демократию в стране. Если в первые годы после крушения коммунистического режима мы видели расширение свобод и политической конкуренции, то при Путине развитие в сторону демократии, судя по всему, прекратилось или обратилось вспять [Levitsky 2002]. Даже если россияне в большей мере ценят демократические элементы в политической системе страны, это отнюдь не гарантирует процветание демократии в будущем.

Разговоры с россиянами

В этой книге я даю слово простым россиянам, предоставляя им возможность описать источники их политических взглядов. Мой анализ основывается на глубинных интервью, проведенных

с 60 российскими гражданами в период с 1998 по 2003 год. Я беседовала с ними в Москве, а также в двух сибирских городах (Красноярске и Новосибирске) и трех городах в так называемом «красном поясе» в европейской части России (Смоленске, Ульяновске и Воронеже). В этот «красный пояс» входят регионы, в которых с 1990-х годов у власти остаются представители коммунистической номенклатуры, а на федеральных выборах избиратели отдадут предпочтение представителям компартии или националистам. Кроме того, я побывала в нескольких небольших городах и поселках Московской области, чтобы побеседовать с людьми в местах, где позитивные изменения происходили гораздо медленнее. Я интервьюировала представителей разных слоев общества, людей самых разных политических взглядов, от приверженца рынка — нового русского, живущего в потрясающих апартаментах в центре Москвы — до пожилой коммунистки, которая, чтобы как-то прожить на скудную пенсию, продавала пирожки на автобусной остановке в своем городке. Среди моих респондентов были молодая женщина-парикмахер, озабоченная сокращением возможностей, один из основателей первого в России гражданского движения, операторы ПК, электрики, учителя, врачи и пенсионеры. Они выбирались таким образом, чтобы обеспечить максимальное представительство по таким параметрам, как возраст, образование и регион проживания, поскольку именно эти факторы, как показывают различные исследования, влияют на политические предпочтения². Хотя основное внимание в этой книге уделяется политическим ценностям россиян, я использую небольшую подборку интервью с американцами, чтобы показать, в чем понимание ценностей у первых отличается от их понимания у вторых, а в чем чаще всего они совпадают.

Если массовые опросы дают очень точную картину распределения различных представлений среди населения, то глубинные интервью позволяют увидеть логику и ход мысли небольшого числа людей [Schober, Conrad 1997]. Такие интервью предоставляют возможность исследовать очевидные противоречия в пред-

² См. [Colton 2000; Colton, Hough 1998; Rose, Munro 2002].

ставлениях людей, выявить интересы, которые лежат в основе их политических предпочтений, и понять, почему люди думают так, а не иначе. Это были открытые интервью, во время которых респонденты могли говорить без ограничений, противоречить себе и затем пытаться объяснить эти противоречия, а также рассказывать истории и приводить примеры. Из многочисленных подробностей и складывалась более насыщенная, хотя и неизбежно более ограниченная картина представлений и ценностей простых россиян. У российских граждан уже была возможность выразить свое мнение в многочисленных качественных массовых опросах, проведенных в России после распада Советского Союза. В глубинных интервью, на которых основана эта книга, они получили возможность объяснить, что именно они имеют в виду.

Исследования на основе глубинных интервью, проводимых в России и других странах, позволяют сделать более глубокие выводы, которые не всегда с очевидностью следуют из массовых опросов (то есть опросов, охватывающих большое число респондентов). Одним из классических образцов такого рода работ является исследование Р. Лейна о мужчинах «Истпорта» [Lane 1962]. Лейн изучал социальные и психологические основания представлений американских мужчин из рабочего класса и нижнего среднего класса, прослеживая истоки их политических убеждений в их отношениях с отцами. Дж. Хохшильд на основе выводов из глубинных интервью с американцами сумела объяснить, почему люди в Соединенных Штатах не поддерживают перераспределение богатства [Hochschild 1981]. Глубинные интервью были особенно полезны в этом контексте, поскольку ответ обнаружился в противоречивых представлениях о справедливости и не мог быть получен на основе стандартизированных опросников. В российском контексте одним из самых глубоких исследований можно назвать работу Н. Рис, посвященную изучению историй о страданиях, которыми русские люди постоянно делятся друг с другом [Ries 1997]. Рис удалось показать, как бесконечные причитания по поводу отчаянного и плачевного положения способствуют воспроизводству того состояния, на которое они жалуются. Взявшись за тему, которая совершенно не подходит для изучения

посредством вопросов с альтернативными ответами, Д. Песмен использовала сочетание глубинных интервью и наблюдений за участниками, чтобы понять, что русские имеют в виду, когда говорят о «русской душе» [Pesmen 2000]. Применяя аналогичный подход, основанный на предоставленной простым людям возможности высказаться, Дж. Драйзек и Л. Холмс сумели выявить логику, лежащую в основе трех направлений политического дискурса в России³. В отличие от книг Песмен и Рис, моя работа в большей степени сосредоточена на политической жизни; в отличие от Драйзека и Холмса, я более подробно рассматриваю социальные истоки выявленных представлений.

Анализ глубинных интервью с россиянами дал ряд интересных результатов. Прежде всего, эти интервью показывают, как повседневная жизнь и непосредственный личный опыт влияют на политическую ориентацию многих россиян. Например, оценки моими респондентами представительных институтов основывались не на абстрактной идее о том, как в идеале должны функционировать демократические институты, но на их собственном представлении о несовершенной работе институтов, с которыми они сталкивались. Точно так же их реакции на рыночные реформы отражают недостатки, характерные для российского рынка, а не обусловленную культурой предрасположенность к уравнительному распределению благ. В глазах многих моих респондентов окружающая их социальная действительность представляла хаотичной, угрожающей или, по крайней мере, непредсказуемой. И это ощущение неминуемого социального беспорядка оказывало значительное влияние на их политические взгляды. Люди, в наибольшей степени обеспокоенные этим социальным беспорядком, были менее склонны поддерживать демократию и доверять чиновникам. Но при этом они не стремились приветствовать институциональные изменения, поскольку любые перемены

³ Драйзек и Холмс применяют дискурс-анализ и Q-методологию. С помощью Q-методологии выстраиваются модели субъективности в относительно небольшой выборке респондентов, которых просят реагировать на высказывания, отчасти построенные на основе опросов фокус-групп [Dryzek, Holmes 2002: 92–113].

сами по себе воспринимались ими как элемент беспорядка, который их пугал.

Однако далеко не все россияне разделяли эти опасения. Некоторые из тех, кого я интервьюировала, были убежденными сторонниками демократии. Многие из них были способны видеть закономерности в процессах, которые оставались непонятными для других, в частности внутренние раздоры, характерные для представительных институтов, или предвыборные межпартийные распри. Они видели в демократических институтах не источники хаоса, а инструменты, с помощью которых можно контролировать окружающую действительность. Даже российские демократы, как правило, отдают предпочтение «порядку» и «сильному государству», и именно анализ интервью помогает лучше разобраться в том, что на первый взгляд предстает как внутренние противоречия в их идеях. Когда люди, у которых я брала интервью, говорили о «порядке», они чаще всего имели в виду общество, в котором закон ограничивает противоправное поведение членов общества — даже нечистых на руку чиновников — таким образом, чтобы все остальные могли пользоваться благами свободы. Для многих из моих респондентов — демократов и недемократов, поборников и противников свободного рынка, пенсионеров и молодых людей — была характерна пассивность по отношению к власти. В целом они довольно скептически относились к возможности позитивных перемен. Они еще не освоились со своей новой ролью граждан, так как не уверены в том, что политическая ситуация в стране кардинально изменилась. Их пассивность может обернуться убеждением в том, что становление демократии в России зависит от благих намерений тех, кто находится у власти. Вряд ли на это стоит рассчитывать.

Предварительные замечания

Изложение материала в этой книге выстраивается как ряд последовательных этапов. В главе второй рассматриваются пространственные политические взгляды в контексте жизненных

обстоятельств простых людей. Я утверждаю, что эти обстоятельства — в частности опыт взаимодействия с государственными институтами, забота об экономической безопасности семьи, а также восприятие порядка и предсказуемости в повседневной жизни — окрашивают политические взгляды по меньшей мере в такой же степени, как культурные ценности, унаследованные от прошлого. Я предлагаю новую интерпретацию советской и постсоветской политической культуры как ответа на текущий социальный беспорядок.

В главе третьей дается описание применяемой методологии. В ходе глубинных интервью респонденты могут объяснить свои идеи, обосновать свой выбор и прояснить логику, увязывающую одну идею с другой. В результате такие интервью дают нам уникальную возможность понять политические и социальные ценности простых людей. В российском контексте глубинные интервью особенно полезны для выявления очевидных противоречий в общей системе ценностей в меняющемся обществе. Поскольку респонденты были выбраны в разных больших и малых городах России, в главе третьей я также рассматриваю политические и экономические условия в тех местах, где я проводила интервью, показывая спектр обстоятельств, с которыми сталкиваются мои респонденты и все россияне. Кроме того, для сравнения я анализирую небольшую выборку интервью с американцами. В определенном смысле представления россиян становятся более понятными, когда мы видим, чем они отличаются и чем похожи на представления людей, которым посчастливилось жить в гораздо более политически стабильном и в целом процветающем обществе. Без такого сравнения можно подумать, что недостаточная поддержка демократии — это чисто российская особенность, тогда как на самом деле эта черта, вероятно, свойственна также и обществам в странах, где намного лучше функционируют политические институты.

В главах с четвертой по восьмую представлены результаты анализа интервью. В главе четвертой я показываю, как несовершенство политических институтов в России определяет несовершенство демократических ценностей граждан. Комментарии

российских респондентов о работе законодательных институтов и роли закона в организации общества отчетливо указывают на следующее: то, что выглядит как недостаточная поддержка демократии, может быть лучше понято как разноплановая критика деятельности существующих институтов. Моим респондентам абстрактная демократия нравится гораздо больше, нежели то, что обозначается этим словом в обществе, в котором они живут. Они не разделяют многие убеждения, которые принято считать характерными для традиционной, недемократической политической культуры России. Они хотят улучшения, а не демонтажа демократических институтов. Плохая работа институтов, безусловно, влияет на отношение к ним, однако такое восприятие, по-видимому, не способствует укреплению демократии в целом. Общее разочарование в возможности простых граждан влиять на чиновников означает, что сами граждане не готовы прилагать усилия для усовершенствования этих институтов или расширять существующие в них демократические элементы.

Многие россияне скептически относятся к преимуществам свободного рынка, в том числе люди, которые в целом отдают предпочтение демократическим институтам. В главе пятой я показываю, что в России скептически настроенные по отношению к рынку демократы не сильно отличаются от либерально настроенных демократов. В моей выборке и те, и другие полагают, что в экономической жизни должны действовать принципы справедливого вознаграждения за труд и что не все люди заслуживают одного и того же. Ни одна из групп не отдает предпочтение равному распределению богатства. Все они считают, что существенную роль в экономике должно играть правительство, в частности посредством создания условий, при которых люди могут действовать самостоятельно. Обе группы видят явные изъяны в российском капитализме. Отличие демократов-скептиков от демократов-либералов заключается в том, какое значение они придают этим изъянам. Проблема, как они ее видят, заключается в экономической системе, которая основана на чрезвычайно несправедливом распределении государственной собственности и в которой бóльшую часть благ получают

криминал и люди, обладающие связями, а не те, кто честно и много трудится. В отличие от либеральных демократов, скептики не готовы поддерживать экономическую систему, которая еще не обеспечивает равные возможности для большинства российских граждан. Сравнение с американскими респондентами показывает, что у россиян, по всей видимости, нет какого-то иного, обусловленного культурой набора экономических ожиданий. В главе пятой объясняется, почему простые россияне — даже демократически настроенные — поддерживают явно усиливающийся авторитаризм путинского режима. Многие из моих респондентов видят в Путине лидера, преодолевающего худшие беды времен Ельцина, когда люди из его ближайшего окружения делали огромные состояния, приватизировали СМИ и использовали свое несправедное богатство для политического влияния. Ограничивая свободу и отбирая собственность олигархов, Путин, по мнению этих респондентов, закладывает основы политической и экономической системы, которая, вероятно, призвана служить интересам простых людей.

В главе шестой я перехожу от плохо функционирующих политических и экономических институтов к более общим социальным проблемам и их влиянию на распространенные взгляды россиян. Как в позднесоветский период, так и в первое десятилетие реформ, жизнь простых людей в России характеризовалась непредсказуемостью и социальной неупорядоченностью. В результате распада Советского Союза границы страны сжались, на смену плановой экономике пришел захватнический капитализм, одни государственные институты сменились другими, которые, в свою очередь, исчезли в пламени октября 1993 года, а потом возродились в ином виде. Инфляция стремительно росла, реальные доходы населения падали, а власти, похоже, больше были озабочены тем, кто кого победит, нежели решением проблем простых людей. В этом контексте, пожалуй, неудивительно, что россияне явственно озабочены порядком: в опросах они часто ставят порядок выше демократии или свободы⁴. В главе шестой

⁴ См. [ВЦИОМ 1997: 49–58].

я рассматриваю вопрос о том, что имеют в виду российские респонденты, когда говорят о порядке и его противоположности — беспорядке, и как озабоченность порядком влияет на поддержку демократии. Среди моих респондентов люди, которые полагают, что в их мире практически полностью отсутствует порядок, в большей степени готовы пожертвовать демократическими процедурами и свободами. Люди, меньше обеспокоенные социальным беспорядком, в большей степени поддерживают демократию, в меньшей степени готовы жертвовать свободой ради иных социальных целей и более склонны понимать «сильное» государство как государство, в основе которого лежат демократические институты. Для этих демократически настроенных россиян стремление к порядку и демократии основывается на понимании порядка, которое мало напоминает представление о порядке, характерное для авторитарных режимов прошлого, но имеет много общего с идеей порядка в западных демократиях. Они понимают порядок как обеспечение условий, при которых могут быть реализованы индивидуальные свободы, а сильное правительство — как механизм достижения общих целей.

В главе седьмой я анализирую восприятие обычными людьми изменений в политической жизни. Учитывая глобальное значение краха коммунизма, к моему удивлению, не все респонденты видят существенные изменения в своем политическом статусе. Если респонденты, которые относительно глубоко разбираются в политике и в большей степени поддерживают демократию, в основном видят и понимают изменения, произошедшие в российской политической жизни, то менее политически грамотные и менее демократически настроенные респонденты, как правило, не видят тех же самых изменений. Маловероятно, что люди, которые не видят, как изменились политические институты, изменят свое отношение к этим институтам. Они остаются вечно недовольными и апатичными и не способны действовать как граждане, поскольку по-прежнему воспринимают себя подданными государства.

В главе восьмой я говорю о том, чего россияне хотят от государства и что они хотели бы изменить, если бы могли. Я прихожу

к выводу, что поддержка существующей политической системы не связана с предпочтениями людей в отношении демократии или рыночной экономики. Эта поддержка не обусловлена в какой-либо значительной степени демографическими характеристиками респондентов. Однако она связана с убежденностью в том, что режим успешно обеспечивает порядок и предсказуемость. Респонденты, обеспокоенные тем, что они воспринимают как «беспорядок» в обществе, в большей степени склонны считать, что власть имущие действуют в своих собственных, а не общественных интересах. Несмотря на то что часть респондентов не удовлетворена существующей системой, они не испытывают особого воодушевления по поводу перемен. Такое отношение особенно очевидно при сравнении с выборкой американских респондентов, которые более уверены в правомерности существующих институтов и при этом более явно желают их изменить. Учитывая недавние политические и экономические потрясения и постоянное отсутствие финансовой стабильности, изменения кажутся слишком рискованными многим из моих российских респондентов. В целом они одновременно являются приверженцами существующих институтов — не желая их менять — и испытывают отвращение к ним, так как эти институты не отвечают потребностям общества.

Глава девятая посвящена заключительным наблюдениям. В ней суммируются основные выводы предыдущих глав и предпринимается попытка ответить на один из наиболее острых вопросов, волнующих исследователей современной России: почему так много россиян поддерживают Путина, несмотря на очевидно недемократический путь, по которому движется страна под его руководством? Из анализа глубинных интервью с очевидностью вытекает одна важная вещь: когда у россиян появляется возможность объяснить свое понимание демократии, рынка, изменений, отсутствия безопасности в повседневной жизни, своих ожиданий от правительства, а также понимание своей роли как граждан, многие видимые противоречия в их представлениях начинают рассеиваться. Российские политические и экономические ценности формируются в контексте отсутствия порядка, в обществе,

где считается, что чиновники набивают свои карманы за счет народа, где новые экономические возможности доступны лишь немногим, где обычная поездка на метро может стать тяжелым испытанием. Политические взгляды простых россиян во многом являются отражением этого мира, лишнего порядка. Таким образом, эта книга показывает, что распространенные политические предпочтения в значительной степени укоренены не в прошлом, а в настоящем. С точки зрения развития демократии в России, этот вывод обнадеживает. В конце концов, изменить настоящее проще, чем прошлое. Однако по крайней мере сейчас российское настоящее остается трудным временем и существующие политические и социальные структуры не способны удовлетворить потребности большинства граждан. В результате стремление россиян к порядку чревато проблемами для реализации демократического проекта. В силу этого стремления они слишком одобрительно относятся к энергичным людям — таким, как Путин, — которые обходят правила и демократические процедуры ради достижения своих целей. Из-за такого отношения некоторые россияне склонны принимать во многом порочные институты, поскольку опасности социальных и политических перемен слишком очевидны, чтобы их игнорировать.

Итак, в этой книге рассматривается целый ряд важных тем. Помимо анализа отношения россиян к демократии, рыночной экономике, порядку и изменениям, исследуется вопрос о том, каким, по мнению простых россиян, должны быть государство и общество. Эти темы непосредственно связаны с вопросом о социальном порядке, который является желанной, но для многих россиян недостижимой целью. Если говорить кратко, то эта книга закладывает основы для более глубокого понимания смешения демократии и автократии, которое столь характерно для России. Во многих странах мы видим смешение демократии и автократии, и многие люди страдают от действий политических институтов, которые не занимаются их проблемами, и поэтому анализ того, как простые россияне относятся к правительству и его деятельности, поможет нам лучше понять положение людей в несовершенном мире.

Глава вторая

Запутанная паутина культуры

В условиях демократии имеют значение идеи и ценности простых людей. Но в каком отношении и, главное, насколько они важны — вопрос в некоторой степени спорный. С одной стороны, политическая система, в которой не налагается существенных ограничений на силу общественного мнения и мобилизацию народа, встречается нечасто. Вместе с тем многие граждане настолько не информированы или не интересуются политикой, что не могут оказывать серьезного влияния на политические решения. Однако, с другой стороны, имеет значение и то, готовы ли граждане соблюдать законы, мириться с неопределенностью, возникающей в результате изменения электорального большинства, и признавать легитимность выборов и выборных должностных лиц. В тех случаях, когда представительные институты или индивидуальные права находятся под угрозой, имеет значение, пытаются ли граждане спасти их или, наоборот, проявляют к их будущности безразличие. Некоторые ученые заходят в своих рассуждениях намного дальше, утверждая, что необходимыми предпосылками для создания демократических институтов являются правильные общественные взгляды и правильная культура. Согласно этой точке зрения, на начальном этапе строительства институтов трудно компенсировать недостаток людей демократических взглядов. Без правильно сформировавшейся политической культуры демократические институты могут в какой-то мере выжить, но вряд ли будут процветать. Безуспешная попыт-

ка укорениться в соответствующем культурном и социальном контексте, скорее всего, скажется на способности этих институтов удовлетворять потребности общества и выполнять функции управления.

Неудивительно, что этот аргумент регулярно используется для объяснения относительной слабости демократических институтов в России. С крахом коммунизма в России повысился уровень индивидуальных свобод, состоялись конкурентные выборы, и представительные законодательные органы попытались бросить вызов контролю со стороны исполнительной власти способом, который невозможно было представить при советском строе. Но надежды начала 1990-х, казалось, с годами потускнели. При В. В. Путине диапазон свободы сузился, а президент приобрел такое большое влияние как на выборы, так и на законодательные органы, что наблюдатели стали задаваться вопросом, сколько еще осталось демократии. Были ли в этом виноваты простые россияне и то, что они оказывали демократии недостаточную поддержку? Была ли проблема в том, что, как утверждали некоторые, россияне руководствовались набором ценностей, более соответствующих их автократическому прошлому? Или она заключалась в политической культуре, унаследованной не только от советской власти, но и от царизма или православия? Или, может быть, дело в непреложной судьбе, предопределенной географическим положением?

Возможно, россияне — далеко не идеальные демократы, и очевидно, что российские граждане не боролись изо всех сил, чтобы спасти демократию от автократических посягательств. Но эти широко распространенные наблюдения сами по себе не являются достаточным доказательством того, что проблема кроется в некой авторитарной ориентации, унаследованной от недемократического прошлого России. В этой главе я рассматриваю доводы о происхождении российских политических ценностей. Анализ начинается с рассмотрения логики стандартного для исследователей политической культуры утверждения о том, что успех или неудача демократических институтов объясняется общественными политическими взглядами. Я утверждаю, что при таком общем

подходе уделяется недостаточно внимания обратному влиянию, то есть тому, как институты влияют на идеи людей, которые живут под их властью. Затем я применяю общую логику рассуждения к конкретному случаю России. В итоге я прихожу к выводу, что предположение о том, что современные социальные условия, включая существующие политические институты, оказывают серьезное влияние на формирование общественных политических взглядов, разумно настолько же, насколько разумно и предположение о том, что порядок причинно-следственных связей имеет исключительно обратный характер, то есть главный источник современных взглядов обычных людей — это то, что произошло столетия назад. В отношении России я также утверждаю, что неясно, оставило ли прошлое бесспорный авторитарный отпечаток на политической культуре народа. На самом деле обычные россияне, кажется, формируют свои социальные ценности в контексте противоречивого и хаотичного общества. В результате россияне действительно являются несовершенными демократами, но причина этого, похоже, в том, что они живут в несовершенном обществе, управляемом глубоко несовершенными политическими институтами, а не в том, что они унаследовали недемократические идеи от предыдущих поколений.

В конце концов, в политической жизни имеют значение идеи и ценности обычных людей. Но они не высечены в граните раз и навсегда, как нечто культурно врожденное и неизменное, унаследованное лишь от сурового прошлого. И они не являются непреодолимой преградой для построения демократических институтов в России.

Какое значение имеет культура?

Мысль о том, что общественные взгляды и ценности влияют на успех демократических институтов, имеет глубокие исторические корни. Так, Платон считал, что правительства различаются в зависимости от качеств граждан, а Аристотель полагал, что ментальные привычки среднего класса лежат в основе того, что

он считал наиболее практичной формой эффективного правления — политики [Аристотель 1983].

Спустя столетия А. де Токвиль объяснил жизнеспособность американских демократических институтов стремлением людей к ассоциации, готовностью американцев формировать небольшие группы в качестве механизмов гражданской активности [Токвиль 1992]. Там, где эта социальная тенденция отсутствовала, как во Франции, демократическое равенство приводило не столько к притоку свежей крови, сколько к кровопролитию. Г. Алмонд и С. Верба также предполагали, что стабильность демократии зависит от наличия определенного набора установок, которые они называли «гражданской культурой» [Almond, Verba 1989]. На рубеже XXI века ученые и эксперты продолжают утверждать, что «культура имеет значение» не только для стабильности демократических институтов, но и для экономического процветания [Harrison, Huntington 2000; Фукуяма 2004].

Хотя мало кто возразит против того, что культура имеет значение, менее ясно, что именно имеет значение, какое значение и откуда берутся человеческие ценности. В рассуждениях о том, *что* имеет значение для успеха демократических институтов, в центре внимания обычно находится политическая культура. Ученые употребляют термин «политическая культура» для обозначения идей и ценностей, широко распространенных среди населения страны, «сети смыслов», посредством которой протекает политическая жизнь и понимается ее сущность [Welch 1987]. Например, Верба определяет политическую культуру как «систему эмпирических убеждений, выразительных символов и ценностей, определяющих ситуацию, в которой происходит политическое действие». Далее он заключает: «Она обеспечивает субъективную ориентацию на политику» [Verba 1965: 513].

Выяснить, какие ценности имеют решающее значение для демократии, не совсем просто. Демократия может пониматься как политическая система, характеризующаяся широким участием в выборе лидеров и политики, конкуренцией между отдельными лицами и группами за все существенные должности в правительстве, а также гражданскими и политическими свободами,

необходимыми для обеспечения значимости участия и конкуренции¹. Если это корректное описание реально существующей демократии, то из этого следует, что при демократии граждане должны проявлять желание участвовать в политической деятельности, должны быть терпимы к конфликтам и нестабильности, которые могут возникнуть в результате конкуренции, и должны быть готовы защищать свои собственные права, а также уважать права других. Действительно, такие ценности выделяются во многих исследованиях демократической политической культуры. Например, в работах Алмонда и Вербы «гражданская культура» характеризуется, среди прочего, открытой и умеренной приверженностью тем или иным взглядам, чувством обязательства участвовать, чувством эффективности и социального доверия, а также членством в добровольных организациях. Кроме того, фактором, способствующим гражданскому участию и, следовательно, развитию демократического общества, обычно признается межличностное доверие [Патнэм 1996; Warren 1999; Gibson 1998]. Ряд исследований новых демократий концентрируется на «сознании прав» граждан в ранее существовавших демократических регионах, особенно на готовности граждан распространить права на людей и группы, которые им не нравятся².

Однако вокруг этих ценностей по-прежнему ведутся серьезные споры. Например, существуют разногласия по поводу того, насколько активными должны быть граждане в демократическом обществе. Всегда ли чем выше активность, тем лучше, как это

¹ См. [Sorenson 1993:13; Dahl 1971: 3–9]. Определения демократии варьируются от предполагающих минимальный набор институтов, например, конкурентные выборы, до таких, согласно которым требуется расширение равенства и прав за пределы чисто политической сферы. Используемое в этой книге понимание демократии (демократия предполагает инклюзивное участие, значимую конкуренцию и защиту личных свобод) достаточно строгое, чтобы исключить политические системы, которые проводят выборы, но ограничивают действия как оппозиции, так и граждан. При этом оно не настолько строгое, чтобы ни одна из существующих политических структур не соответствовала его условиям. См. [Schumpeter 1950; Held 1987; Barber 1984].

² См., напр., [Gibson 1998a].

обычно подразумевают исследователи социального капитала, или чрезмерная активность может перегрузить систему, как предполагали Алмонд и Верба? А также: способствует ли межличностное доверие гражданскому участию и демократическим ценностям или доверие является *следствием* политической активности? Готовы ли где-либо обычные граждане защищать права людей, которые им не нравятся?³ Если да, то почему, согласно положениям конституций большинства демократических стран, защита прав личности однозначно выводится из-под контроля большинства на том основании, что большинству нельзя доверять в вопросах защиты прав меньшинств? Если эмпирически неясно, что граждане в демократическом обществе должны с энтузиазмом относиться к гражданскому участию, быть готовыми доверять своим соседям и защищать индивидуальные свободы, то не сразу становится понятно, какие еще ценности им необходимо разделять. Возможно, цинизм и апатия — настроения, весьма типичные для людей в функционирующих демократических государствах, — это и есть те настоящие ценности, которых требуют демократические институты.

В литературе вопроса прослеживается не только отсутствие полного согласия относительно того, *какие* ценности характеризуют демократическую политическую культуру, но и наличие разногласий по поводу того, *чьи* ценности имеют значение. Большая часть недавних эмпирических исследований в области политической культуры была основана на массовых опросах, из которых следует, что значение имеют мнения людей, причем мнение каждого человека имеет более или менее одинаковый вес. На практике, однако, мнения некоторых людей могут оказывать большее влияние на политику, чем мнения других. Так, Л. Пай утверждает, что изучение индивидуальных воззрений не дает возможности сделать какие-либо выводы о моделях коллективного поведения в политической системе. По его мнению, политическая культура «состоит из тех «ориентаций», которые делают систему самобытной, причем не обязательно таких, которые

³ См. [Prothro, Grigg 1960; Sniderman et al. 1996].

являются наиболее самобытными среди всех мнений, которых может придерживаться население» [Руге 1973: 73]. Однако при таком подходе есть риск оставить без должного внимания различия между подгруппами населения, включая потенциально значительные политические разногласия.

Даже в случае полной определенности в отношении правильности выбора типа изучаемых взглядов остается неясным, какую они играют роль. Длительное изучение данного вопроса не привело к выработке общепринятого механизма, описывающего, насколько взгляды, разделяемые многими людьми, влияют на политическую систему [Reisinger 1995; Laitin 1995]. Общественные взгляды могут повлиять на конкретные решения властей, и в условиях демократии они играют роль в принятии решения о том, какие кандидаты займут какие должности, но влияние этих взглядов на институциональные структуры менее очевидно. Пока кандидаты, за которых граждане могут принять решение отдать свои голоса, не выступают за свержение демократических институтов или массовое нарушение прав меньшинств, не имеет значения, поддержит ли часть граждан именно такие действия. В то время как общественные взгляды ограничивают возможности политической жизни, многие другие факторы, в том числе выбор, который делают элиты, оказывают на форму и функционирование политических институтов более непосредственное влияние, нежели внешние границы того, что принимает и отвергает маргинальная общественность [Dahl 1961: 325; Roeder 1998].

Откуда берутся общественные взгляды?

Еще более важным является вопрос о том, как формируются общественные взгляды. Если предполагается, что жизнеспособность данного набора институтов объясняется ценностями общества, тогда ценности должны быть продуктом не этих институтов, а чего-то другого. В связи с этим некоторые ученые утверждают, что точки зрения людей по фундаментальным политическим вопросам, таким как ценность свободы и то, как гра-

ждане должны относиться к своим правительствам, являются продуктом более или менее постоянных культурных тенденций, основанных, в частности, на религиозных традициях [Huntington 1996; Weber 1946]. В то же время существует практически полный консенсус в отношении того, что даже фундаментальные ценности могут медленно эволюционировать с течением времени, в основном в результате долговременных социальных и экономических изменений, особенно повышения уровня материального благосостояния [Eckstein 1988; Inglehart 1977; Inglehart 1990; Lipset 1981].

Способствует ли высокий уровень благосостояния росту «постматериалистических» ориентаций, или просто в условиях достатка формируется слой образованных граждан, осознающих окружающий мир и интересующихся им, способных действовать в целях защиты своих интересов, но вряд ли стремящихся к радикальным изменениям, которые могут угрожать их собственности, — материальная обеспеченность, по-видимому, создает условия для продвижения демократических ценностей. Обеспеченные граждане склонны видеть ценность в политических институтах, которые защищают права личности, ограничивают произвол государственных чиновников и побуждают их реагировать на волнующие общество проблемы.

Тем не менее, если экономические условия формируют общественное мнение и заставляют его медленно меняться с течением времени, почему другие социальные силы не имеют подобного эффекта? Фактически две силы, которые с большой вероятностью могут формировать общественные взгляды, — это политические институты, при которых живут люди, и параметры общественной жизни, определяемые политикой, проводимой этими институтами [Almond 1990: 138–156]⁴. Политические институты создают контекст для действий, структуру стимулов, на которую реагируют граждане. Социальная среда, создаваемая политическими установками, также поощряет одни действия и запрещает другие.

⁴ Алмонд признавал, что на политическую культуру влияют характеристики государственного управления, социальные и экономические показатели. См. также [Muller, Seligson 1994; Brehm, Rahn 1997; Burawoy, Verdery 1999].

Если предполагается, что граждане достаточно разумны, чтобы их ценности изменялись в зависимости от изменения уровня их материального благосостояния, то имеет смысл думать, что они достаточно разумны, чтобы их поведение изменялось в зависимости от структуры стимулов, создаваемых политическими институтами.

Конечно, если институциональные структуры в значительной степени формируют общественные взгляды, то не совсем разумно объяснять успех или неудачу конкретных политических институтов результатом тех же взглядов. Вместо предпочитаемой многими исследователями политической культуры красивой однонаправленной модели, согласно которой взгляды влияют на институты, а влияние в обратном направлении ограничено, мы получаем более сложную картину. Взгляды и ценности могут формировать институты, но институты также формируют взгляды и ценности. Это не умаляет значения политической культуры, но может изменить ее определение. Вместо набора идей и ценностей, которые можно аналитически отделить от существующих в данное время социальных институтов и повседневной реальности, которую они создают, политическая культура становится неотъемлемой частью всех социальных отношений, измерением всех политических институтов и одним из факторов, влияющих на поведение людей в этих учреждениях [Goodwin, Jasper 2004: 23]⁵. Как только мы поместим общественные ценности в этот контекст, станет ясно, что интерес представляют вопросы о том, как ценности, поведение и институциональные структуры влияют друг на друга, а не просто как ценности влияют на поведение и институциональные структуры.

Тот факт, что политические институты формируют идеи и ценности людей, которые живут под их властью, подспудно подразумевается в ряде рассуждений, призванных показать обратное, а именно — то, что популярные ценности формируют политические институты. Например, в своем исследовании

⁵ Дж. Гудвин и Дж. Джаспер называют культуру «всепроникающим и конституирующим аспектом всех социальных отношений, структур, сетей и практик».

Патнэм указывает на важность социального капитала, «норм взаимности и структур гражданской вовлеченности», которые делают возможными совместные действия. При их отсутствии гражданами создается гоббсианский «вариант итальянского Юга — аморальная семейственность, клиентела, беззаконие, неэффективное управление и экономическая стагнация» [Патнэм 1996: 228]⁶. При наличии правильных норм и моделей поведения в обществе появляются демократические институты и имеет место экономическое развитие. Но откуда берутся нормы взаимности и структуры гражданской вовлеченности? В своей работе об Италии Патнэм утверждает, что различия в гражданских традициях регионов Италии можно проследить до социальных и правительственных структур предыдущих веков. Строго авторитарное общественное и политическое устройство на Юге препятствовало росту взаимопомощи и добровольных организаций, в то время как на Севере общинный республиканизм сначала развился из добровольных групп, а затем поощрял их дальнейшее развитие. Согласно Патнэму, оба набора политических структур — авторитарных или республиканских — и соответствующие культурные тенденции — недоверие или доверие — были рациональной реакцией на анархию средневековой Европы. Но как только культурные модели закрепились, они менялись редко. Нерационально доверять другим в обществе, построенном на недоверии, а недоверчивый человек не сможет воспользоваться преимуществами культуры, основанной на доверии [Патнэм 1996: 202–207, 224]. Возможно, Патнэм хотел, чтобы его читатели пришли к выводу, что различия во взглядах между Севером и Югом Италии предшествуют различию в их институциональном выборе и, следовательно, объясняют эти различия. Однако мы также можем сделать вывод о том, что ценности общества были сформированы политическими и социальными институтами. В самом деле, Патнэм признавал, что по крайней мере в некоторых случаях поведение создает ценности, а не наоборот. В частности, он

⁶ См. также [Bourdieu 1986; Coleman 1988].

утверждал, что социальное доверие возникает из «норм взаимности и структур гражданской вовлеченности»; таким образом, доверие является *следствием*, а не *причиной* моделей поведения [Патнэм 1996: 207–212].

Это положение еще более четко сформулировано П. Холлом в его статье о социальном капитале в Британии. Объясняя, почему в Великобритании готовность людей к самоорганизации не снизилась со временем, как это, по-видимому, произошло в Соединенных Штатах, Холл утверждал, что государственная политика в Великобритании, возможно, поощряла самоорганизацию как напрямую, через развитие движения волонтеров, так и косвенно, за счет распространения образования и повышения численности среднего класса [Hall 1999]. Таким образом, представляется, что по крайней мере одним из источников норм взаимности и структур гражданской вовлеченности являются институциональные системы, которые поощряют эти нормы.

То, что верно для социального капитала, верно и для родственного ему понятия — гражданского общества. В то время как исследователи социального капитала сосредоточиваются на повседневном поведении обычных людей, те, кто изучает гражданское общество, уделяют главное внимание более крупным и общественным системам социальной организации, таким как рынки, политические партии, церкви, свободная пресса и группы по интересам. В остальном их подходы и методика очень похожи. Считается, что и социальный капитал, и гражданское общество способствуют развитию демократии. И социальный капитал, и гражданское общество как бы стирают различия между отношениями, поведением и институтами. Жизнеспособное гражданское общество часто рассматривается как важнейшее предварительное условие демократии [Локк 1988; Фукуяма 1996]. Без независимой организации общества интересы не могут быть агрегированы и сформулированы таким образом, чтобы демократия получила реальное содержание. Если государство не сдерживается уравнивающей силой гражданского общества, оно может либо игнорировать своих граждан, либо грубо вторгаться в их жизнь. Однако снова возникает вопрос: откуда берет-

ся это гражданское общество и когда оно образуется? Культурные установки — токвилевские «привычки души» — могут здесь сыграть свою роль, но такую же важную роль играют и существующие политические возможности. Общественные организации вряд ли будут существовать, если этого не позволяют политические условия. Когда независимая организация общества находится вне закона, гражданское общество не сможет выжить независимо от взглядов и ценностей обычных людей, но как только будут защищены индивидуальные права и люди получат возможность оказывать влияние на политику, будут созданы условия для быстрого развития гражданского общества [Fish 1995]⁷. Как и в случае с социальным капиталом, в конечном итоге *взгляды* простых людей, возможно, имеют не такое важное значение, как их *поведение*. Поведение же определяется многими факторами, включая, в частности, пределы того, что позволяют существующие институты.

Подытожить сказанное можно следующим образом: часто делается утверждение, что институты так или иначе являются продуктом общественных ценностей, однако чем активнее продвигается эта позиция, тем больше появляется оснований полагать, что верно и обратное: общественные ценности частично являются продуктом политических институтов.

Как институты формируют поведение

В рамках различных теоретических традиций обосновывается точка зрения, согласно которой не столько люди получают институты, которых они заслуживают в социальном или культурном плане, сколько институты формируют поведение людей в областях, на которые эти институты оказывают влияние. Так, Дж. Мэдисон утверждал, что институты должны быть организованы

⁷ По мнению С. Фиша, характер государственной власти во многом определил природу формирующегося независимого политического общества при М. С. Горбачеве.

таким образом, чтобы даже самые низменные человеческие инстинкты не могли их подорвать. В связи с этим широко известна мысль, высказанная Мэдисоном в статье № 51 «Федералиста»:

Будь люди ангелами, ни в каком правлении не было бы нужды. Если бы людьми правили ангелы, ни в каком надзоре над правительством — внешнем или внутреннем — не было бы нужды. Но при создании правления, в котором люди будут вестись людьми, главная трудность состоит в том, что в первую очередь надо обеспечить правящим возможность надзирать над управляемыми; а вот вслед за этим необходимо обязать правящих надзирать за самими собой [Федералист 1994: 347].

По мысли Мэдисона, этот контроль должен осуществляться с помощью институциональных проверок, а не путем призывов людей действовать как ангелы. Настаивая на том, что институты способны влиять на индивидуальное поведение, Дж. Марч и Й. Олсен точно уловили суть рассуждений Мэдисона:

Обеспечивая структуру установившихся практик, ролей, форм и правил, политические институты вносят элемент организации в потенциально беспорядочный политический процесс. Формируя смысл, политические институты создают порядок интерпретации, в рамках которого понимается политическое поведение и обеспечивается его преемственность [March, Olsen 1989: 52]⁸.

Иными словами, нормы и ценности возникают из институциональных структур и возможностей, которые они предоставляют. Сходным образом в рамках теорий коллективных действий признается, что группы будут более склонны действовать в защиту своих интересов тогда, когда политические институты предоставляют возможности, повышающие вероятность успеха таких действий [Tarrow 1994]. Способность институтов

⁸ См. также [March, Olsen 1984].

влиять на индивидуальное поведение также может быть выражена на языке теории игр. В этой связи примечательно суждение Э. Остром:

В самом общем случае все институциональные договоренности можно представлять как игры в экстенсивной форме. Если рассмотреть эти договоренности как экстенсивную игру, можно заметить, что допустимые ходы, их последовательность, информация, доступная игрокам, относительные выигрыши и штрафы, связанные с различными последовательностями ходов, — все это может менять структуру достигаемых результатов [Остром 2010: 60].

Говоря о демократии более конкретно, следует отметить, что целые научные школы развивались вокруг идеи о том, что ключевыми факторами, определяющими успех консолидации демократических институтов, являются институциональный выбор и действия своекорыстных по своей сути элит, а не унаследованные ценности или социальные структуры. Институциональный выбор — создание парламентской или президентской формы правления, выбор пропорциональной или мажоритарной избирательной системы и выбор правил работы законодательных органов — влияет на количество и эффективность партий, их больший или меньший успех на выборах, а также на вероятность развития тупика в отношениях между исполнительной и законодательной ветвями власти или повторной смены партии большинства в парламенте⁹. Демократизирующиеся элиты оценивают возможности полного или частичного сохранения своей власти и продвижения политики, которая, хотя и может быть полезна для страны в целом, не нанесет слишком большого вреда и им самим [Przeworski et al. 1995]¹⁰. В конечном счете возможность

⁹ См., в частности, полемику, первоначально опубликованную на страницах издания «The Journal of Democracy», а позднее в виде статьи в сборнике [Linzi 1996], а также следующие статьи в том же сборнике [Hogowitz 1996; Lijphart 1996; Lardeyret 1996; Quade 1996]. См. также [Andrews 2002].

¹⁰ См. также [Elster et al. 1998; O'Donnell, Schmitter 1986].

создания демократических институтов, по-видимому, в большей степени зависит от соотношения сил между элитами и того выбора, который они делают, чем от идей, уже владеющих умами рядовых граждан [Rustow 1970].

Осознание очевидной важности институционального выбора и действий ключевых элит привело некоторых аналитиков к выводу о том, что то, как думают и ведут себя граждане, имеет в лучшем случае весьма второстепенное значение и даже практически не может пригодиться для понимания процесса демократизации. Однако теоретическая позиция, в рамках которой внимание полностью сосредоточено на государстве, а не на обществе, столь же проблематична, как и ее противоположность [Migdal 2001; Mann 1986]. Даже если общественное мнение не является фундаментальным ограничением, определяющим вероятность демократической стабильности, в демократическом обществе мнение людей имеет значение. По крайней мере, люди ходят на выборы и голосуют. Чтобы система государственного правления работала эффективно, люди также должны подчиняться закону, уважать государственную власть и признавать адекватность существующих институтов. В противном случае даже самые лучшие институты могут функционировать неэффективно, что может привести либо к коллапсу и анархии, либо к переходу к более автократическим формам правления. Общественные взгляды могут влиять на восприятие государственными чиновниками своих интересов и имеющихся вариантов выбора. Однако если взгляды людей испытывают влияние со стороны политических институтов и других аспектов повседневной жизни, то эти взгляды не могут являться фактором, перманентно ограничивающим возможности политических институтов. Институты способствуют формированию взглядов, которые, в свою очередь, будут влиять на то, насколько эффективно эти институты функционируют. Ученым необходимо изучать общественные взгляды не как устойчивые культурные артефакты, сформированные в прошлом и нечувствительные к требованиям настоящего, а, скорее, как продукты, по крайней мере частично, этого самого настоящего. Лучше понимая, как формируются взгляды

людей, мы сможем лучше понять, как они меняются и как их можно переформировать, чтобы они лучше соответствовали тем институтам, которые люди, возможно, захотят создать.

Российская политическая культура

Описанный выше подход не пользуется особой популярностью у исследователей российской политической культуры. Вопрос, который обычно стоит в центре внимания в их работах, заключается в том, достаточно ли россияне демократичны для своих новых институтов, а не в том, поощряют ли российские институты людей становиться сторонниками демократии. Конечно, нельзя сказать, что российская история поощряет демократические тенденции. Россияне веками жили под властью авторитарных институтов, которые практически не гарантировали людям свободы и лишь в минимальной степени отвечали интересам народа. В особенности это относится к советскому периоду, когда все независимые общественные организации были либо упразднены, либо кооптированы государством, в результате чего у советских граждан почти не осталось традиционных публичных площадок, где они могли бы общаться друг с другом и свободно обмениваться мнениями. Но следует ли из этого, что, поскольку россияне веками жили в условиях автократических институтов, они разработали культурно устойчивый набор идей, поддерживающих автократию?

Некоторые ученые утверждают, что дело обстоит именно так. В частности, по мнению Э. Кинана, тяжелые условия жизни в Московии в конце XV века требовали как коллективизма, так и консерватизма: никто не смог бы выжить в одиночку, а реформирование системы могло привести государство к коллапсу [Keenan 1986]. Как утверждает Кинан, в последующие столетия господствующие идеи практически не изменились, что в результате подорвало усилия М. С. Горбачева по демократизации. Аналогична точка зрения С. Уайта, который полагал, что унаследованная большевиками в 1917 году авторитарная, коллективистская,

нелиберальная политическая культура, с ее традициями неограниченной государственной власти и весьма слабыми представительными институтами, сохранялась в основном без изменений весь советский период [White 1984]¹¹. Обращаясь к более позднему историческому периоду, К. Джовитт полагает, что наследие ленинизма затруднило построение демократических институтов в постсоветскую эпоху:

В это наследие входят следующие элементы: политическая культура гетто, жители которого относятся к государству с глубоким подозрением; недоверчивое общество, в котором люди обычно прячут информацию, товары и доброе отношение к другим и делятся этими благами лишь с несколькими близкими; повальное увлечение распространением слухов, подрывающих трезвый общественный дискурс; неопытные, часто аполитичные руководители, едва знакомые с профессией политика и часто относящиеся к ней с презрением [Jowitt 1996: 28]¹².

Российские ученые также считают, что русский народ вплоть до настоящего времени придерживался идей, противоречащих развитию демократии. Эти аналитики регулярно указывают на склонность общества к авторитаризму и культурному дискомфорту с элементами либерализма¹³. Некоторые из подобных утверждений основаны на воззрениях славянофилов — группы русских философов и идеологов XIX века, которые были убеждены, что Россия, а не рационалистический материалистический Запад, содержит в себе ключ к Новому Иерусалиму — более чистой форме сообщества, основанной на православной вере и истинном братстве деревенской общины. По мнению В. М. Сергеева и Н. И. Бирюкова, эта вера в соборность — особого рода гармонию — заставляет россиян чувствовать себя некомфортно, когда они имеют дело с понятиями плюрализма или конкурирующих интересов,

¹¹ См. также [Brzezinski 1984].

¹² См. также [Brown 1989].

¹³ См., напр., [Ахиезер 1992; Яковлев 1992; Штурман 1995; Качановский 1995; Burlatsky 1989].

которые, безусловно, лежат в основе либеральной демократии [Sergeyev, Biryukov 1993]. Другие российские ученые в своих работах опираются на концепцию евразийского движения, сформированного писателями-эмигрантами, покинувшими Россию после большевистской революции. Подобно славянофилам, евразийцы подчеркивали уникальность русского «этноса» и превосходство русских ценностей над западным мировоззрением. Так же как и славянофилы, евразийцы придерживались мессианского взгляда на судьбу России, высокое предназначение которой заключается в создании правительства истины для защиты православия и противодействия материализму [Исаев 1992; Гумилев 2002]. Опираясь на эти идеи, А. Г. Дугин постулировал внутренний конфликт между Россией и Западом — конфликт, который включает в себя как геополитически детерминированное противостояние между «цивилизацией Суши» и «цивилизацией Моря», так и исконное расхождение культурных ценностей. По мысли Дугина, Запад олицетворяет собой «Капитал, Либерализм, Рынок», тогда как древними и геополитически укоренившимися ценностями Евразии являются труд, социализм, духовность, иерархия и традиция. Несмотря на то что Запад одержал победу в XX веке, Россия все же ближе к небесам — верит апокалипсический свидетель пути к Божественному Иерусалиму Дугин [Дугин 2001]¹⁴.

Не все, кто занимается изысканиями исторически укоренившихся верований русского народа, заходят так далеко в прошлое. Например, Л. Я. Гозман и А. М. Эткинд утверждают, что источники сопротивления реформам лежат в психологии людей, переживших советские времена. По словам Гозмана и Эткинда, многие граждане Советского Союза адаптировались к советскому режиму и приняли картину мира властей, какой бы неправдоподобной она ни была. Столкнувшись с неприятными изменениями в привычном мире, который уже стал психологически комфортным, люди сопротивлялись реформам, в том числе демократическим.

¹⁴ По мнению С. Шенфилда, нет никаких доказательств того, что идеи Дугина повлияли на взгляды широкой общественности, однако они, по-видимому, оказали некоторое влияние на руководство Коммунистической партии, а также на университетские круги [Shenfield 2001: 198].

Авторы утверждают, что одной из характерных черт психологии тоталитаризма была вера в простой мир с простыми объяснениями и простыми решениями. В таком мире демократии не было места.

Демократия с ее выборами, голосованиями и обсуждениями необходима, когда мир сложен и решение должно подвергаться сомнению. Когда же все ясно и альтернативы нет, все, что нужно, — это лидер, чья мудрость предотвратит ошибки и чья сила обеспечит выполнение решений [Gozman, Etkind 1992: 21].

Считается, что ценностей советского режима придерживаются в особенности пожилые россияне [Shirayev, Glad 1999: 168–170].

Позиции исследователей гораздо более сходны в признании того факта, что российская политическая культура демонстрирует значительную преемственность во времени, чем в вопросе о том, какие именно идеи присутствуют в ней постоянно. В частности, С. Уайт и другие во главу угла ставят авторитарный характер русских идей, тогда как Э. Кинан утверждает, что царь был скорее номинальной фигурой, скрывающей реальность коллегиального или олигархического правления. В концепции Кинана российская политическая культура характеризуется прежде всего фундаментальным консерватизмом, в то время как у А. С. Ципко, так же как у славянофилов и евразийцев, в центре внимания находятся мессианские элементы [Ципко 1989; Бердяев 2008]. Некоторые мыслители более провокационно характеризовали мировоззрение русских как «рабскую покорность». В понимании В. С. Гроссмана эта «покорность» является следствием тысячелетнего крепостного права; по мнению Д. Ранкур-Лаферьера, такой мазохизм возникает, когда гнев, направленный на мать, обращается человеком на самого себя [Гроссман 2012; Ранкур-Лаферьер 1996]. Другие ученые, в особенности российские, говорят об *отсутствии* у народа идей, предположительно, в результате искоренения советской властью гражданского общества и обмена мнениями, который мог бы иметь место в более свободном обществе. В частности, А. М. Мигранян в своих

рассуждениях зашел так далеко, что заявил, что «за более чем семьдесят лет хождения с завязанными глазами за поводырем, [русский народ] утратил даже ту способность к независимому мышлению и деятельности, которая была у него раньше»¹⁵. Вследствие этого, как утверждает Мигранян, в период постепенного восстановления гражданского общества, разрушенного коммунизмом, россияне должны находиться под управлением авторитарной власти [Мигранян 1989].

В принципе, ни одно из упомянутых предполагаемых направлений общественного мнения не поддерживает демократию. И если россияне покорны и обычно послушны, и если они циничны и склонны к бессилию перед властями, они не будут пытаться привлечь к ответственности своих лидеров. Если «русская идея» предполагает, что правильное правительство является воплощением истины, а правитель является интерпретатором истины, то формальным правам, безличным процедурам, законам и законодательным органам, предназначенным для представления различных точек зрения, места в такой логике не находится [McDaniel 1996: 94–96]. В этом случае политика будет направлена не на удовлетворение конкурирующих интересов, а, скорее, на создание более идеального мира, который преобразует конкуренцию в гармонию.

Но можем ли мы быть настолько уверены в том, что взгляды россиян несовместимы с демократией? Как и культура любой страны, культура России разнообразна и содержит в себе различные направления, явно противоречащие друг другу [McAuley 1984]. Например, длительная история существования имеется у консультативных и представительных органов в российских политических структурах как на национальном уровне, так и в эффективно самоуправляющихся крестьянских общинах. Интересно также, что П. А. Сорокин однажды охарактеризовал российское правительство царского периода следующими словами:

¹⁵ См.: Мигранян А. М. На исторических параллелях // Литературная газета. 1990. № 1. Март. См. также: Титма М. Х. Видеть дальше, чем на ход вперед // Советская культура. 1990. 10 ноября. С. 4.

«под железной крышей самодержавной монархии жило сто тысяч крестьянских республик»¹⁶.

Кроме того, существование автократических институтов не означает, что большинство россиян разделяют ценности, поддерживающие эти институты. Даже если установки людей формируются в контексте, создаваемом существующими институтами, эти институты не обязательно производят те идеи, для производства которых они предназначались. Фактически многие люди склонны формировать свои собственные ценности в ответ на попытку навязать ценности сверху. Попытки искусственно сформировать у людей одну ориентацию могут непреднамеренно спровоцировать формирование другой. Например, О. В. Хархордин показал, как интенсивные официальные усилия по укреплению коллективистской ориентации в советском населении в действительности заложили основу для развития более сильного чувства личности [Kharkhordin 1999]¹⁷.

В отношении России очевидно, что многие ее граждане придерживались идей, которые власти не намеревались поощрять. Оппозиционная часть интеллигенции выступала за демократию и социализм, по крайней мере, с начала XIX века [Kagarlitsky 1988; Бердяев и др. 2017]. Давление народа на власть с целью добиться создания представительных институтов, особенно в 1905 году, показывает, что вне зависимости от предпочтений правителей в некоторые исторические периоды народ России проявлял желание иметь право голоса в принятии политических решений. Относительно небольшая для предположительно авторитарного населения часть народа, по-видимому, искренне оплакивала и потерю царского самодержавия после отречения Николая II в 1917 году, и конец правления И. В. Сталина. В постсоветской России легко найти людей, которые жалеют о крахе социальных программ советской эпохи, но гораздо труднее найти сторонников избавления народа от недавно приобретенных им свобод.

¹⁶ Перевод на русский язык английского текста, цитированного по изданию: Petro N. *The Rebirth of Russian Democracy: An Interpretation of Political Culture*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995. P. 48.

¹⁷ См. также [Lukin 2000: 122–133].

Тезис об авторитарности традиционной российской политической культуры фактически основан на предположении, что идеи и ценности простых россиян соответствовали тем институтам, которые у них были. Действительно, есть основания полагать, что идеи обычных людей могут соответствовать их политическим институтам в демократическом контексте, в котором обычные люди имеют возможность хотя бы в минимальной степени влиять на своих правителей и на функционирование институтов. Однако гораздо меньше оснований ожидать, что люди, жившие при режиме, который они не выбирали и за критику которого они были бы брошены за решетку, в самом деле придерживались бы ценностей, поддерживающих этот режим.

В крайне репрессивных условиях, когда сама жизнь человека может зависеть от того, удастся ли ему не навлечь на себя гнев тех, кто обладает деспотической властью, поза почтения и видимость покорности могут быть продуманной стратегией самосохранения. Крестьянам было безопаснее выказывать свою любовь к самодержцу, а открытую ненависть направлять только на бояр, чем допустить мысль о том, что правление их царя-батюшки было не во всем справедливым [Gleason 1980: 6–11]. Точно так же при сталинском режиме люди доносили на своих соседей и закрывали глаза на арест своих явно ни в чем не повинных знакомых не потому, что они хотели иметь правителя, который убивал бы их миллионами, создавая новую версию крепостнического царского государства, а потому что верный арест и вероятная смерть казались им худшей альтернативой покорности. В условиях репрессивного режима идеи и ценности простых людей и даже некоторых государственных чиновников могут не совпадать с официальными ценностями режима, но люди зачастую просто не имеют возможности открыто выразить свое несогласие [Shlapentokh 1985; Scott 1990]¹⁸. Так, по мнению Р. Такера, и в царский,

¹⁸ В ряде недавних исторических исследований на материале архивных источников приводились факты, подтверждающие тезис о том, что общественное мнение не соответствовало установкам официальной пропаганды даже при Сталине, когда усилия власти, направленные на достижение конформизма, были наиболее интенсивными. См. [Fitzpatrick 1994; Fitzpatrick 1999; Viola 1996; Зубкова 2000].

и в советский периоды существовала настолько непреодолимая дистанция между «официальной Россией» и населением в целом, что обычные люди считали государство чуждой властью, «мрачной стихийной силой, удерживающей землю в цепкой хватке и удушающей жизнь общества» [Tucker 1971: 121–122]. Если это так, то мало оснований полагать, что ценности обычных людей каким-то образом соответствовали институтам, при которых их жизнь была так безрадостна.

Таким образом, при отсутствии свободы выражения трудно определить, соответствуют ли ценности людей ценностям режима. Невозможно с уверенностью утверждать, что авторитаризм был доминирующей чертой в мышлении простых россиян в советский период и что он остается в их мировоззрении историческим наследием и после краха советской власти.

Что думают россияне

Что же *на самом деле* думают россияне и каковы источники их взглядов? В недавно проведенных исследованиях российского общественного мнения предприняты попытки описать политические ориентации россиян, однако эти работы дают несколько противоречивую картину¹⁹. Результаты первых опросов в посткоммунистической России выявили неожиданно высокую поддержку демократических норм, в том числе таких характерных для *гражданской культуры* показателей, как доверие и интерес к политике, поддержка выборов или поддержка индивидуальных свобод и тех институтов, которые защищают эти свободы²⁰. Однако уже в ходе этих исследований были отмечены некоторые недостатки обнаруженных ориентаций, и эти недостатки снова проявились в более поздних исследованиях. В частности, уровни

¹⁹ Более подробный обзор результатов недавних исследований см. [Fleron 1996; Fleron, Ahl 1998].

²⁰ О доверии и интересе к политике см. [Hahn 1991]. О выборах см. [Tedin 1991]. О личной свободе см. [Gibson et al 1992].

политической эффективности, ожидания реакции властей и политического доверия оказались у российского населения не особенно высокими, хотя и ненамного более низкими, чем аналогичные показатели в западных демократиях [Hahn 1995; White 2004: 80]. В то время как уровень поддержки людьми индивидуальных свобод в целом достаточно высок, представляется, что уровень понимания ими необходимости существования определенных институциональных структур для защиты этих свобод существенно ниже. В частности, россияне мало доверяют представительным законодательным органам — как Верховному Совету, так и пришедшей ему на смену Государственной думе [Rose 1994; Rose, Doh Chull Shin 2001; Colton, McFaul 2001: 11]. Россияне неохотно признают права за людьми, которые им не нравятся, а многие готовы отказаться от свободы в пользу порядка [Gibson 1997; Gibson 19986; Левада 1995; Wyman 1994]. Некоторые исследователи установили, что каждый второй гражданин выступает за «сильную руку» — лидера, способного решить проблемы страны [Клямкин и др. 1993: 10; Vainshtein 1994: 254]. При этом не до конца понятно, что именно подразумевают россияне, когда говорят о «сильной руке». В частности, есть некоторые свидетельства того, что они имеют в виду не диктатуру. В понимании многих россиян «сильный» может означать просто «компетентный» [Reisinger 1998: 170].

С большей долей оптимизма можно констатировать, что, с точки зрения создания демократических институтов, модели политической деятельности кажутся похожими на демократические западные модели. Уже на выборах раннего постсоветского времени предпочтения избирателей можно связать с социологическими характеристиками и приоритетами в отношении важности насущных проблем [Colton 1998], а с течением времени закономерности стали более четкими. Несмотря на неопределенность, присущую выборам переходного периода, когда у избирателей нет стандартных ориентиров, характерных для устоявшихся демократий, и эффективность власти выборных должностных лиц остается под вопросом, новые российские избиратели голосовали в соответствии с некоторыми из тех же моделей, которые

применяются для объяснения поведения избирателей в западных демократиях. В связи с этим характерен вывод Т. Колтона: «Россияне на выборах демонстрируют в целом шаблонное поведение. Его компоненты и установочные основы характеризуются закономерными соотношениями, которые поддаются точному анализу» [Colton 2000: 212].

Россияне начали идентифицировать себя как сторонников различных политических партий, они участвуют в обширных политизированных социальных сетях, по сути приближающихся к гражданскому обществу, хотя и на несколько более низком уровне, чем на Западе [Miller, Klobucar 2000; Brader, Tucker 2001; Reisinger et al. 1995]. Высокий уровень недоверия к государственным институтам уравнивается несколько более высоким уровнем доверия к близким социальным сетям [Rose 1994; Rose 1995]. При этом демократические взгляды людей, по-видимому, связаны с выступлениями народа в защиту демократии, что нашло особенно яркое проявление во время путча в августе 1991 года [Gibson 19976].

Имеются также результаты исследований, подтверждающие предположение о том, что среди россиян нет единого мнения в отношении природы демократии. Например, лишь меньшая часть россиян считает, что политические и экономические свободы неразрывно связаны друг с другом, то есть связь политической демократии и рыночной экономики для россиян не очевидна, и значительная их часть полагает, что политическая демократия совместима с социалистическими формами организации экономики [Finifter, Mickiewicz 1992; Brym 1996]²¹. Такая точка зрения более характерна для простых россиян, чем для представителей элит [Kullberg, Zimmerman 1999]. Россияне, для которых важны государственные гарантии экономического благосостояния, обычно понимают демократию в большей степени в катего-

²¹ Авторы некоторых исследований обнаруживают более сильную взаимосвязь между поддержкой демократии и поддержкой рынков, но даже согласно результатам этих исследований, значительная часть демократически настроенных граждан не поддерживает рыночную экономику. См. [Miller et al 1996].

риях верховенства закона, нежели в категориях свободы личности. При этом представители элит более, чем обычные люди, склонны в качестве важных аспектов демократии выделять верховенство закона, личную ответственность и уважение к другим. Свобода важна для обычных людей тем более, чем в большей степени они образованы, политически активны и имеют возможность воспользоваться улучшением экономических условий [Miller et al. 1997: 171]. В то же время, согласно результатам других исследований, средний россиянин имеет своеобразное представление о свободе, понимая ее больше как материальную обеспеченность, нежели как независимость или возможность выбора [Шабанова 2000].

По ряду вопросов существуют различия во взглядах между поколениями. Россияне старшего поколения в меньшей степени поддерживают демократию и рынок, чем молодые люди [Rose, Carnaghan 1995]. Они чаще озабочены сохранением порядка, понимают демократию скорее как исполнение законов и силу государства и с большей вероятностью проголосуют за коммунистов [Шестопал 1996; Красильникова 2000: 50; Colton, McFaul 2003: 122; Rose, Munro 2002: 152]. Пожилые россияне также больше заинтересованы в защите коллективного, чем индивидуального блага; такая позиция включает в себя готовность пожертвовать правами обвиняемого ради защиты общественных интересов [Лапкин, Пантин 1998: 12; Reisinger et al. 1997].

Кроме того, менее образованные люди, как правило, менее других склонны поддерживать демократические ценности [Bahry 1993], причем обычные россияне поддерживают эти ценности в меньшей степени, чем представители элит [Miller et al. 1997; Левада 1997]. Согласно выводу Дж. Каллберг и У. Циммермана, «идеологические ориентации и ценности российских элит и масс резко разделены, причем массы проявляют большую склонность к социалистическим и нелиберальным идеям» [Kullberg, Zimmerman 1999: 340]. Однако даже представители элит не всегда выступают против введения режима «сильной руки» ради защиты частного сектора экономики [Клямкин и др. 1995], и, как отмечалось выше, хотя элиты поддерживают демократию больше,

чем массы, в их понимании демократии индивидуальной свободе также может быть отведено не так уж много места.

Таким образом, результаты недавних исследований показывают, что, хотя россияне и не являются идеальными демократами, их взгляды не являются и безоговорочно авторитарными. Несмотря на различные недостатки в способах выстраивания логических связей, они по-прежнему поддерживают индивидуальную свободу и даже демократические институты в значительно большей степени, чем можно было бы ожидать, если бы авторитарные ценности обладали такой проникающей способностью и такой властью над умами, как это представляют некоторые исследователи. Другим аргументом, опровергающим тезис о том, что взгляды людей в прошлом определяют их нынешние установки, является отсутствие значительных различий во взглядах людей в разных посткоммунистических странах. Если бы установки минувших времен передавались из поколения в поколение, то ввиду значительных различий в истории многих стран Восточного блока следовало бы ожидать, что структуры установок в разных странах будут значительно различаться и в настоящее время. Однако в целом это не так. Фактически различия внутри стран, особенно различия между поколениями, как правило, более выражены, нежели различия между странами [Rose, Carnaghan 1995].

Тот факт, что сегодня россияне не являются ни такими сторонниками авторитаризма, какими их ожидали увидеть многие исследователи, ни такими демократами, какими предпочли бы их увидеть некоторые другие, выразился в попытках понять источники взглядов россиян. Некоторые ученые утверждают, что взгляды должны были претерпеть изменения с течением времени²². По их мнению, в более ранние периоды, когда у западных ученых не было возможности проводить замеры настроений россиян, эти настроения должны были быть более авторитарными, чем впоследствии. Однако не очевидно, что настроения россиян были столь авторитарными, как предполагали некоторые

²² См., напр., [Zimmerman 1995; Шестопап 1996].

ученые, по крайней мере, в относительно недавнем прошлом. Исследования, проведенные в позднесоветский период, как и современные опросы, демонстрируют существенную поддержку россиянами некоторых протодемократических ценностей. Например, согласно результатам опроса, проведенного в 1969 году в Таганроге, 80 % респондентов полагали «довольно» или «очень» важным, чтобы местные власти знали мнение широких слоев населения о проблемах городской жизни; 80,5 % опрошенных полагали, что люди должны выражать свое мнение о проблемах города; 77 % респондентов считали, что чиновникам следует учитывать мнение широких слоев населения при решении городских проблем²³. Результаты проекта советских интервью, проведенных в 1980-х годах, и даже гарвардского проекта 1950-х годов показали, что значительной поддержкой населения пользуется идея расширения индивидуальных свобод по сравнению с их уровнем, предоставляемым режимом [Bahry 1993; Carnaghan 1992]. Таким образом, далеко не очевидно, что мнения людей, впервые измеренные западными учеными в 1990-е годы, были на тот момент действительно новыми.

Некоторые аналитики обнаруживают дополнительное подтверждение изменения настроений — предположительно, в результате социальной модернизации — в том факте, что более образованные жители городов и более молодые россияне с меньшей вероятностью, чем другие, разделяют идеи, связанные с авторитарным прошлым России [Reisinger et al. 1994; Hahn 1991]. Однако и в этом случае результаты опросов, проведенных в советский

²³ Это исследование было частью гораздо более крупного проекта, проведенного под руководством Б. А. Грушина в промышленном городе Таганрог (а также в Москве и Ростове-на-Дону) в период с 1967 по 1974 год. В опросе участвовало 1019 респондентов, включенных в случайную выборку взрослого населения Таганрога. Представленные значения получены в результате прямого анализа данных автором. Ответы «сложно сказать» включены в анализ; ответы «довольно» и «очень» объединены. Эти данные были предоставлены автору с разрешения Б. А. Грушина и В. А. Ядова, директора Института социологии АН СССР. Необходимая для понимания кодировки данных помощь была оказана А. В. Жаворонковым. См. также [Грушин, Оников 1980; Андреевков, Жаворонков 1988; Жаворонков 1988].

период, также указывают на то, что молодые и более образованные россияне с меньшей вероятностью поддерживали многие ценности, пропагандируемые режимом [Bahry, Silver 1987; Silver 1987]. Если социальная модернизация привела к изменению взглядов людей, то вряд ли это произошло только в начале 1990-х годов. Следовательно, к концу XX века наследие культурного авторитаризма было, по-видимому, уже довольно слабым. В любом случае имеются альтернативные варианты объяснения демографического распределения взглядов. Вероятно, образованные люди и жители городов обладают навыками и возможностями извлекать выгоду из демократии и рынков и отдают предпочтение демократическим и рыночным системам из корыстных интересов. Возможно также, что образованные россияне просто лучше умеют отвечать на вопросы социологов и избегают «недемократичных» вариантов ответа²⁴. Во всяком случае, невозможно с уверенностью утверждать, что взгляды россиян изменялись со временем.

В проведенных исследованиях также рассматривался вопрос об изменениях взглядов людей под влиянием политических и экономических реформ, однако результаты этих работ также не дают четкого понимания ситуации. В то время как некоторые аналитики утверждают, что данные свидетельствуют о снижении со временем поддержки демократии, возможно, в результате экономических трудностей или негативных оценок достигнутого прогресса, другие считают, что приверженность народа демократии достаточно устойчива перед лицом экономического хаоса и в значительной степени независима от непосредственной материальной выгоды²⁵. Иными словами, по мнению одних ученых, вопрос о поддержке демократии решается утилитарно — исходя из личных выгод, которые она приносит или не приносит, тогда

²⁴ Например, для получения высокого рейтинга по многим показателям демократизма респондент должен проявить готовность защищать права людей, которые намерены уничтожить демократию. Менее образованным респондентам это может показаться нелогичным.

²⁵ О снижении уровня поддержки демократии см. [Whitefield, Evans 1994; Whitefield, Evans 1996]. Об относительно стабильном уровне поддержки демократии см. [Duch 1995; Gibson 1996a; Gibson 1996b].

как другие уверены, что это неверно. Разница в выводах в данном случае, по-видимому, частично объясняется направленностью вопросов, которые задавали респондентам. После того, как люди пережили трудности периода реформ, для многих *нормативный* уровень приверженности рынкам и демократии остался высоким, даже несмотря на то, что их оценка эффективности институтов снизилась. Кроме того, экономическое благосостояние, как представляется, не оказывает прямого и стабильного влияния на поддержку демократии: люди, которые не воспользовались новыми экономическими возможностями, более враждебны к рынкам, чем к демократии, и связь между поддержкой рыночной экономики и поддержкой демократии весьма далека от прямой зависимости. В любом случае, по-видимому, политические ценности в большей степени связаны с оценками состояния экономики в целом, чем с оценками личного материального положения [Mishler, Rose 1996; Duch 1993]²⁶. Иными словами, политическими ценностями, по всей вероятности, движет не только личный интерес.

Если ни социальные изменения, ни узкий личный интерес в полной мере не объясняют современные социальные и политические взгляды в России, то что же тогда лежит в их основе?²⁷ Почему сегодня ценности россиян не являются ни полностью демократическими, ни такими авторитарными, как можно было бы ожидать, исходя из того, что унаследованная и относительно неизменная политическая культура глубоко повлияла на современные взгляды? В чем причина того, что россияне придерживаются не в полной мере демократических взглядов? В последующих главах будет показано, что современные российские ценности в значительной степени можно рассматривать как следствие

²⁶ См. также [Kinder, Kiewiet 1981].

²⁷ В некоторых исследованиях один набор взглядов объясняется другим; например, доказывается наличие связи между постматериалистическими взглядами и поддержкой демократии (см., напр., [Gibson, Duch 1994]), либо, как упоминалось выше, между поддержкой рыночной экономики и поддержкой демократии. Такие исследования раскрывают интересные взаимосвязи между взглядами, но мало что говорят об источниках этих взглядов.

пережитой людьми повседневной реальности. Прошлое имеет значение, но не такое, какое обычно имеют в виду исследователи. В первую очередь важно не далекое прошлое, а более близкие к современности годы позднесоветского периода. Поскольку большинство россиян, которые были взрослыми на рубеже веков, родились, выросли и сформировали свои фундаментальные ценности при советском режиме, можно ожидать, что этот период повлиял на их образ мышления. Но это не значит, что у людей выработались взгляды, полностью соответствующие реалиям советской власти. Люди соглашались, приспособлялись и искали обходные пути, а некоторые отвергали советский режим, и все эти стратегии повлияли на их политические и социальные ценности. Люди жили при авторитарном режиме, но не полностью прониклись его ценностями. Собственно говоря, некоторые, скорее, даже получили четкое представление о том, чего они хотели бы избежать. Однако на ценности людей влияет не только прошлое. Люди формируют свои представления о социальной и политической жизни в контексте возможностей и ограничений в окружающем их мире, и среди этих ограничений — социальные институты, с которыми они сталкиваются. В России под этим подразумевается «пиратский» рынок и политические институты с элементами демократии и авторитарии [Вайнштейн 1998; Goldman 2003].

В исследованиях общественного мнения в России влияние несовершенных социальных институтов на взгляды людей, как правило, не изучалось, однако имеется несколько работ, затрагивающих этот вопрос. Так, объясняя результаты парламентских выборов 1993 года, Дж. Хаф поместил взгляды россиян в контекст политики того времени и в ходе работы отметил, что у «любого здравомыслящего человека» сложилось бы отрицательное отношение к демократии, которая развивалась в России в период с 1990 по 1994 год [Hough 1994]. На материале данных по России и Восточной Европе, У. Мишлер и Р. Роуз показали, что уровень доверия к политическим институтам связан с уровнем удовлетворения работой этих институтов, особенно в области расширения свобод, улучшения состояния экономики и борьбы

с коррупцией [Mishler, Rose 1997; Mishler, Rose 2001a]. Когда политические институты работают хорошо, граждане больше им доверяют. По мнению Д. Бари, если политические институты не работают, а правление неэффективно, как это было по крайней мере в течение первого десятилетия существования посткоммунистической России, следует ожидать низкого уровня доверия людей к демократическим правилам игры [Bahry 1999]. Подтверждение правильности этой гипотезы найдено Дж. Драйзеком и Л. Холмсом. Из трех типов политического дискурса, которые они обнаружили в России, лишь один являлся в какой-то мере демократическим, и в нем отражалось значительное разочарование тем, как обстоят дела в стране [Dryzek, Holmes 2002: 100–102]. Некоторые исследователи выражали обеспокоенность тем, что недовольство несовершенными, но предположительно демократическими институтами может перерасти в недовольство демократией в принципе [Vainshtein 1994: 255].

Согласно расширенному подходу к проблеме, который я предлагаю в этой книге, взгляды людей формируются политическими институтами как недавнего прошлого, так и настоящего, но не только ими. Политические институты являются частью повседневной реальности, в которой живут обычные люди и которая формирует их точки зрения. На социальные установки влияет весь повседневный жизненный опыт: школа и работа, покупки, продовольственное обеспечение и непредсказуемость функционирования общественного транспорта²⁸. Кроме того, согласно моей точке зрения, повседневный опыт простых россиян в позднесоветский период и сразу после распада Советского Союза свидетельствовал о том, что они жили в плохо работающей системе. Повседневная жизнь была не просто неупорядоченной, а в некотором смысле сюрреалистичной. Советская система характеризовалась огромным разрывом между реальностью и официальным объяснением реальности, между тем, что люди

²⁸ На социальные установки, вероятно, также влияют многие аспекты семейной жизни и развития личности, однако такое влияние выходит за рамки настоящего исследования. См. [Powers 1998; Eckstein et al. 1998].

говорили публично, и правдой, которую они держали при себе. В первые посткоммунистические годы у людей появилось больше возможностей для публичного выражения недовольства, однако практически ничего не было сделано для сокращения разрыва между повседневной жизнью и официальной реальностью. В последующих главах предпринимается попытка показать, что социально-политические установки россиян объясняются не унаследованным ими авторитаризмом, а беспорядочным характером общественной жизни. Доказать, что тяжелое историческое наследие не имеет никакого значения, не представляется возможным, однако можно, по-видимому, показать, что нынешние взгляды людей во многом восходят к более близким по времени и конкретным источникам. Чтобы найти корни современных взглядов, не обязательно углубляться в историю России до XV века. Многие из этих корней лежат гораздо ближе к поверхности, в реакциях людей на неупорядоченное настоящее.

Культура, основанная на хаосе

Многие исследователи российской политической культуры думают, что могут понять природу и источники нынешних взглядов россиян, заглянув в историю. Поскольку история России представляет собой историю непрерывного авторитаризма, предполагается, что авторитаризм должен отражаться в идеях и ценностях простых россиян. Как продукт собственного прошлого, русские в лучшем случае могут быть несовершенно демократами, а в худшем — вообще не могут быть демократами.

Однако выводы могут быть иными, если вместо истории обратить основное внимание на двойственность российского существования — постоянный раскол между государством и народом, между элитой и массами, между словом и делом, между публичным исповеданием веры и частной верой. В этом случае становится ясно, что россияне жили при авторитарных режимах, адаптировались к ним и находили способы выжить, но не столь очевидно, что они приняли авторитарные ценности и восприни-

мают их как свои собственные. Также неочевидно, что россияне воспринимали свое авторитарное прошлое — в частности, то прошлое, которое пережило большинство из них, — как систему, где главной характерной чертой был порядок. На уровне повседневной жизни советский режим был источником скорее хаоса, чем тщательно организованного управления. А перестройка и ее последствия не привнесли в жизнь большей предсказуемости. Эта всепроникающая нестабильность, как кажется, может явиться ключом к пониманию социально-политических взглядов россиян. Как будет показано в последующих главах, это не означает, что россияне — идеальные демократы. Действительно, демократическими являются лишь некоторые из их ценностей. Но если установки людей формируются реальностью, в которой им довелось жить, то весьма вероятно, что эти установки относительно легко меняются. Следовательно, вполне возможно, что у людей, приверженных целям построения демократических институтов, имеется больше возможностей, чем они думают, для создания общества граждан, в которых нуждается хорошо функционирующая демократия.

В целом изучение политической культуры не ответило хорошо на вопрос о том, *что* объясняет политическая культура. Учеными предпринимались попытки доказать, что ценности обычных людей влияют на форму институтов, однако удовлетворительного ответа на вопрос, каким образом осуществляется это влияние, дано не было. Во всяком случае, столь же вероятно и обратное влияние: существующие институты влияют на ценности рядовых людей. Исследователи, стремящиеся показать, как ценности людей формируют институты в России, сталкиваются с дополнительной проблемой, заключающейся в том, что рядовые россияне, по всей видимости, не оказывали значимого влияния на институты в прошлом и, вероятно, не оказывают и в настоящее время. В этой книге предлагается частичное решение этой проблемы путем ее рассмотрения в противоположном ракурсе. Вопрос ставится не о том, *что* объясняют политические ценности людей, а о том, *чем* объясняются политические ценности. Каковы источники установок и ценностей обычных россиян?

Постановка этого вопроса подразумевает, что ответ на него имеет определенное значение и необходимо знать, что думают обычные россияне. Хотя в этой главе существующие подходы к изучению политической культуры были подвергнуты серьезной критике, ни одно из высказанных критических замечаний не подразумевает, что идеи и ценности простых россиян не заслуживают внимания или что общественные взгляды не влияют на форму институтов. Если политика представляет собой механизм, посредством которого сообщество принимает решения, устанавливает правила, позволяющие путем реализации этих решений изменять мир, а также обеспечивает применение и соблюдение установленных правил, то исследователи, изучающие политику, — и люди, просто интересующиеся политикой, — должны проявлять интерес ко всему сообществу, а не только к тем немногим чиновникам, которые занимают посты в ключевых институтах, и не только к самим институтам. Если имеет значение ответ на вопрос, удастся ли россиянам создать демократические институты, которые по своей природе должны иметь какое-то отношение к воле народа, то играет роль и то, что думают российские граждане. Возможно, судьба российской демократии зависит не только от идей, которых придерживаются обычные граждане, однако мнение граждан нельзя игнорировать даже в условиях ограниченной и несовершенной избирательной демократии. Понимание настроений населения и происхождения их идей является важным инструментом для строительства лучшего будущего в той мере, в какой взгляды людей отражают условия жизни в настоящий момент, а не только в далеком прошлом. Чем в большей степени настроения граждан согласуются с институциональными структурами, тем легче создается система правления, основанная на согласии. И тем выше вероятность построения демократии.

Глава третья

Своими словами

Со времен гласности мнения простых россиян были исследованы вдоль и поперек, изучены и оценены в тысячах социологических опросов. Следующие один за другим опросы, проведенные западными учеными, дают массу информации об отношении россиян к демократии и рыночной экономике, об их выборных предпочтениях и политических симпатиях, о распространенных оценках прошлого и надеждах на будущее. Освободившись от ограничений советской эпохи, российские организации по исследованию общественного мнения значительно расширили сферу своей деятельности, и российские ученые теперь могут изучать вопросы, которые прежде были под запретом по политическим мотивам. В результате всей этой работы по социологическому исследованию населения России очень многое известно о том, что думают простые россияне.

Однако мы еще многого *не* знаем. Нам, например, известно, что россияне далеко не самые убежденные демократы. Активная поддержка ими некоторых демократических ценностей сочетается с явным неприятием других. Но мы не знаем, *почему* для россиян настолько характерно это двойственное отношение к демократии. Обычное объяснение заключается в том, что их недемократические взгляды обусловлены политической культурой прошлых эпох, хотя сейчас эти представления меняются под влиянием многолетних социальных перемен. Однако это не объясняет всех фактов. Демократия и рыночная экономика вызывают беспокойство не только у пожилых и менее образованных россиян. Вряд ли можно утверждать,

что распространенные взгляды меняются со временем, даже под влиянием турбулентного настоящего. Не помогают и объяснения, которые исходят из разделения российского населения на сторонников и противников демократии. В России далеко не всегда бывает так, что одни люди неизменно придерживаются демократических взглядов, а другие более авторитарных. Напротив, у многих в головах сочетаются самые, казалось бы, противоречивые идеи.

Опросы общественного мнения могут о многом нам рассказать, но они не могут объяснить, почему многие россияне придерживаются непоследовательных представлений о политической жизни. Для понимания этого полезно дать им возможность высказаться. Глубинные интервью, в ходе которых респонденты могут говорить без ограничений, рассказывать истории, приводить примеры и обосновывать свои идеи, являются ценным инструментом для анализа неоднозначных результатов и противоречивых образов, полученных на основе опросов в России. В этой главе я объясняю методологию проведения глубинных интервью и сравниваю результаты, которые можно получить на основе таких интервью, с тем, что можно узнать из стандартизированных опросов общественного мнения. Опросы незаменимы для создания общей картины распределения мнений среди населения страны, тогда как глубинные интервью помогают прояснить смысл и значение этой общей картины.

Недостатки стандартизации

Стандартизированные опросы общественного мнения дают великолепные данные, которые можно использовать для многих целей, в том числе для обобщений на более широкие группы населения и для многофакторного анализа данных. Но в то же время такие данные имеют определенные ограничения. Некоторые из этих ограничений проистекают из стандартизации, характерной для опросов с большой выборкой. Для того, чтобы провести исследование с участием тысячи или более людей и про-

анализировать их ответы, у социологов не остается иного выбора, кроме как использовать вопросы с множественным выбором. Даже ответы на открытые вопросы необходимо сгруппировать в относительно узкие категории, если предполагается проведение статистического анализа. Респонденты не могут беседовать с интервьюером как в ходе обычного разговора. Вместо этого они должны отвечать на заранее подготовленные вопросы, выбирая один из предлагаемых вариантов ответа. В большинстве случаев процедура опроса не предусматривает возможности перефразировать вопросы, дать развернутые ответы или пояснить их, или даже получить разъяснения непонятных моментов. Чтобы не исказить результаты опроса, интервьюеры должны задавать всем респондентам одни и те же вопросы, в одинаковом порядке и нейтральным тоном.

Такая стандартизация дает возможность суммировать ответы тысяч респондентов и проанализировать статистические зависимости между различными ответами. У стандартизации есть свои преимущества, но имеются и определенные недостатки. Формализованная процедура интервью может оттолкнуть респондентов. Некоторые исследователи обеспокоены тем, что респонденты могут психологически замкнуться и дистанцироваться от процесса проведения интервью, осознав, что интервьюера интересуют лишь отдельные аспекты их мнений [Suchman, Jordan 1992: 244]. Если формализованность интервью препятствует беседе, то исследователи получают ограниченный объем информации от участвующих в опросе респондентов. Короткие ответы, которые разрешается давать респондентам, могут вводить в заблуждение из-за исключения аргументации ответов или отсутствия ограничений, которые существенно регламентируют записываемые ответы. Кроме того, ответы будут недостоверны, если респондент утрачивает интерес к процессу интервью и отвечает чисто механически.

Достоверность ответов в стандартизированных опросах также зависит от общей интерпретации тех или иных слов респондентами и исследователями. Но мы не можем быть уверены, что понимание слов и понятий респондентами соответствует наме-

рениям интервьюера. Исследования опросов общественного мнения показывают, что даже такие слова, как «дети», «вы», «выходные» и «в общем», понимаются по-разному [Belson 1986]. Это касается и таких слов, как «государство», «доверие» и «экстремист», которые часто используются в вопросах о демократических ценностях или в ответах про политические институты. Правильное понимание значения слов еще более усложняется для американских исследователей, интервьюирующих россиян. Некоторые слова в английском языке не имеют прямых эквивалентов в русском. Другие имеют значения, сходные с различными русскими словами, которые, в свою очередь, имеют разные значения. В относительно недавних опросах россиян западными социологами слово «government» переводилось как «правительство» (кабинет министров) или как «государство», соответствующее английскому «state», как, например, в названии Московского государственного университета — *Moscow State University*, где «state» означает «относящийся к государству», «государственный». Или, например, слово «people» переводится либо как нейтральное «люди», либо как «народ», причем последнее может означать и обычных людей (*common people*), и этническую принадлежность — русский народ, что явно не относится ко всем гражданам страны [Ries 1997]. Эти различия, очевидно, влияют на полученные в опросах результаты, которые могут варьироваться по некоторым аспектам в разных исследованиях.

Еще одна проблема, которая проистекает из стандартизации масштабных опросов, заключается в том, что респонденты должны выбирать ответы, которые в наибольшей степени отражают их собственное мнение. Это несложно, если респондент понимает все альтернативные ответы и имеет отчетливое мнение, которое почти полностью совпадает с одним из предлагаемых на выбор ответов. Но, разумеется, нельзя утверждать, что так бывает во всех случаях. Основываясь на вариативности ответов на одни и те же вопросы и влиянии на них порядка предлагаемых на выбор вопросов, некоторые исследователи общественного мнения пришли к выводу о том, что у большинства людей нет

сложившегося собственного мнения [Converse 1964]. Российские социологи высказывают аналогичные опасения, исходя из того, что у людей, которым на протяжении десятилетий не разрешалось высказывать свое мнение, собственное мнение так и не сформировалось [Грушин 1988]. Эта обеспокоенность, вероятно, несколько преувеличена, хотя результаты исследований показывают, что у большинства людей имеется несколько (зачастую противоречивых) мнений, которые не всегда легко вписываются в узкие рамки стандартизированных опросников [Zaller, Feldman 1992; Bahry 1999]. Ответы респондентов на закрытые вопросы зависят от того, какие слова используются, какие вопросы идут первыми в интервью, а также от характера и манеры поведения интервьюера. Предлагаемые контраргументы или иная информация зачастую способствуют изменению мнения респондентов [Gibson 1998a: 820; Sniderman et al. 1996: 65; Alvarez, Brehm 2002]. Ответы в опросах общественного мнения — это своего рода снимки реальности, но реальность, которую они описывают, могла бы предстать в несколько ином свете, если бы эти снимки были сделаны немного под другим углом.

Эта реальность также может быть искажена в процессе интерпретации результатов опроса. Когда мнения респондента разнесены по ответам на множество вопросов с множественным выбором, только статистике по силам вновь свести их воедино. Конечно, легче врать без статистики, чем с ее помощью, однако статистика, полученная в результате большинства опросов, вряд ли возникнет из сырых данных без вмешательства человека. Представленные результаты исследований отражают ряд решений относительно того, какие вопросы выражают те или иные взгляды респондентов, а также понимание аналитиком значения статистических отношений. Аналитики нередко проделывают отличную работу, придавая смысл полученным в опросах данным, но совершенно неочевидно, что их объяснения сочетания взглядов или смысла ответов обязательно будут более точными, чем те, которые сами респонденты могли бы дать, если бы им была предоставлена возможность поговорить чуть дольше.

Альтернатива — глубинные интервью

Но существует и альтернативный метод. Это глубинные интервью, в ходе которых респондентам разрешается делать то, что редко допускается в стандартизированных опросах. Респонденты могут приводить примеры и рассказывать истории; имеют возможность пояснить, что они имеют в виду, и сказать, почему они дают такие ответы. Они могут выражать свое мнение со всеми его сложностями и внутренними противоречиями и даже пытаться объяснить эти противоречия. В результате мы можем больше узнать, о чем именно думают люди и почему они так думают [Elkins 1993; Schober, Conrad 1997]. Проблема, однако, заключается в том, что в этом случае неизбежно уменьшается число опрошиваемых, тогда как стандартизированное интервью позволяет проанализировать сотни и даже тысячи ответов одновременно. Когда мы изучаем мнения людей, которые высказываются без ограничений, а не просто дают считываемые машиной ответы, мы можем извлечь смысл лишь из значительно меньшего числа ответов.

Это отнюдь не простой компромисс. С одной стороны, есть репрезентативные опросы, охватывающие все население страны, которые не могут точно отразить целостное мышление респондентов, но допускают проведение количественного анализа и обеспечивают значительную уверенность в том, что анализируемые ответы не будут существенно отличаться от ответов, которые дали бы остальные жители страны в аналогичных обстоятельствах. С другой стороны, количество глубинных интервью значительно меньше. Они могут дать более широкую и детализированную картину умонастроений респондентов, но при этом их анализ будет весьма трудоемким. Поскольку выборка невелика, нельзя с уверенностью обобщить результаты на большую часть населения, но при этом мы можем быть в большей степени уверены в точности ответов отдельных людей. Оба метода имеют свои недостатки и преимущества. Выбор одного из них отчасти зависит от целей исследования.

Стандартизированный опрос — это довольно грубый инструмент. Сложные понятия в нем представлены посредством корот-

ких формулировок и простых альтернатив. Опрашиваемые отвечают на множество вопросов за короткое время и, как правило, выражают не обдуманное мнение, а выбирают первое, что приходит им в голову. Глубинные интервью, напротив, дают респондентам возможность высказаться достаточно пространно. Как заметила Дж. Хохшильд, люди, пользуясь случаем поговорить, «не ограничиваются простыми заявлениями; они их оттеняют, модулируют, отрицают, отказываются от своих слов или просто прекращают говорить от безысходности» [Hochschild 1981]. Это делает глубинные интервью особенно полезными для изучения внутренних противоречий в представлениях людей. Например, благодаря таким интервью, Хохшильд сумела показать, как американцы используют различные нормы для оценки правосудия в разных сферах. Так, например, в сфере политики они применяют эгалитарные нормы, а в экономической сфере — дифференцирующие. Там, где проблематика относится к обеим сферам (например, в случае политического распределения экономических благ), возникают противоречия, которые респонденты пытались нивелировать или обойти. Хохшильд приходит к выводу, что на основе небольшого числа проведенных интервью можно понять, почему американцы не поддерживают перераспределение богатства, несмотря на то что от этого, по всей вероятности, выиграет большинство людей. В случае политического перераспределения национального богатства возможно применение двух противоречащих друг другу норм справедливости, и людям психологически проще игнорировать эту проблему.

Аналогичным образом О. Шевченко использовала глубинные интервью, чтобы понять противоречивые импульсы в процессе адаптации россиян к изменяющейся социальной среде. Ее респонденты были крайне недовольны многими последствиями перехода от социалистического строя к капитализму. Однако при этом определенные элементы их представлений препятствовали трансформации этого недовольства в действия. Люди не надеялись на улучшение своего благосостояния, но могли легко представить, что все будет еще хуже, и поэтому предпочитали стоически с этим мириться вместо того чтобы выразить свое

возмущение через социальное действие. Как выразился один из респондентов Шевченко:

И что мы должны делать? Бунтовать? Думаю, в нашей истории полно свидетельств того, что восстание никогда не улучшает ситуацию, но делает все еще хуже. [...] Все что угодно только не гражданская война, а война начнется, если люди будут настроены воинственно [Shevchenko 2001: 86].

Если стандартизированные опросы выявляют противоречия, существующие во взглядах людей, то глубинные интервью помогают понять, почему возникают эти противоречия и к каким последствиям они могут привести. Понимание внутренних противоречий особенно важно при изучении взглядов людей в условиях происходящих социальных изменений, как это было в России в течение десятилетий после распада Советского Союза, когда невозможно предположить, что эти взгляды будут стабильными и внутренне неизменными, как это бывает в более простые времена и в более благоприятных условиях.

По сравнению со стандартизированными опросами, глубинные интервью не только эффективнее в выявлении противоречивых взглядов, они также полезнее для понимания того, что респонденты хотят скрыть или даже, возможно, сами не осознают. Классический пример такого рода исследования — это интервью Р. Лейна с мужчинами из «Истпорта». Лейн сумел использовать глубинные интервью, чтобы вскрыть социальные и психологические основы представлений американских мужчин из рабочего класса и нижнего среднего класса. Он, в частности, показал, что политические взгляды мужчин из «Истпорта» предопределяются их отношениями со своими отцами [Lane 1962; Lane 1972]. Н. Рис использовала глубинные интервью, чтобы изучить истории о страданиях, которые россияне рассказывают друг другу, описывая и проясняя социальную реальность, в которой они живут. Ей удалось показать, как эти рассказы об отчаянном положении и разрухе способствуют воспроизводству страдания. В своей книге она приходит к следующему выводу:

Можно прямо сказать, что национальная история жертв, мучителей и избавителей — история в литаниях — послужила таким дискурсивным механизмом, который облегчал осуществление авторитарных социальных отношений. <...> Представляя существующую иерархию социальных категорий как «естественную» и неизбежную, утверждая, что изменить положение вещей может лишь магическое вмешательство личностей вроде Сахарова, литании укрепляли саму иерархию, оправдывали, рационализируя их, эксплуатацию и структурное насилие. Придавая состоянию бессилия качество почти материальное, многократно повторяемые литании имели «побочный» эффект воспроизводства этого состояния [Ries 1997: 120].

В случае стандартизированных опросов было бы трудно вскрыть такие модели поведения, не осознаваемые самими людьми.

Немаловажно и то, что глубинные интервью могут приблизить нас к выявлению «потаенных транскриптов» культуры в большей степени, нежели это возможно с помощью стандартизированных опросов. Исследователи уже давно обеспокоены тем фактом, что в стандартизированных опросах люди отвечают исходя из культурных мифов, высказывая те мнения, которые, как им кажется, от них ожидают услышать, а не свои взгляды и ценности, которые на самом деле определяют их поведение. Эта тенденция, пожалуй, наиболее отчетливо проявляется в репрессивных режимах, при которых люди склонны занимать провластную позицию, скрывая свои истинные мнения, чтобы защититься от произвола власть имущих [Shlapentokh 1985; Havel 1990; Turchin 1981]¹. Со снижением уровня репрессивности в России привычка скрывать правду, вероятно, полностью не исчезла. И в любом случае простые россияне по-прежнему ощущают себя относительно бессильными перед своевольным и порой непредсказуемым государством. В качестве одного из способов выявления подлинных мнений Дж. Скотт предлагает анализировать так называемые

¹ Например, во время коллективизации русские крестьяне маскировали свое сопротивление пьянством, притворным согласием и анонимными совместными действиями. См. [Viola 1996; Fitzpatrick 1994; Зубкова 2000].

«потаенные транскрипты», бытующие в местах, где подвластные социальные слои могут свободно высказываться [Scott 1990]. Разумеется, в глубинных интервью далеко не всегда возникает хмельная откровенность или ярмарочная вседозволенность, однако в ходе разговоров нередко появляются жалобы, сплетни, слухи и шутки, которые образуют существенную часть обычного политического дискурса. Кроме того, учитывая то количество времени, в течение которого респонденты говорят в ходе глубинных интервью, им намного сложнее неизменно высказывать идеи, которые они на самом деле не разделяют. Им труднее по ошибке выбрать вариант ответа, с которым они бы не согласились, если бы полностью понимали его смысл.

Благодаря этому глубинные интервью дают возможность участия в них людей из разных слоев общества. Исследования методологии опросов с очевидностью подтверждают, что людям бывает особенно трудно отвечать на некоторые виды вопросов, которые часто используются в стандартизированных интервью, например, когда респондентов просят расставить свои предпочтения по какой-либо шкале [Converse, Presser 1986]. Некоторые категории людей в меньшей степени расположены отвечать на вопросы и чаще предпочитают выбирать вариант «не знаю». Женщины, люди без высшего образования и малоимущие менее охотно отвечают на вопросы в стандартизированных опросах. То же относится и к людям, отрицающим действенность политики или мало интересующимся политикой [Carnaghan 1996; Converse 1976; Francis, Busch 1975]². Из этого следует, что некоторые люди могут успешнее других справляться с формализованностью стандартизированных интервью. Это различие отчасти устраняется в глубинных интервью, в ходе которых респондентам нужно только говорить. От них не требуется умения хорошо говорить, или точно отвечать на вопросы, или подстраивать свои ответы к заданной структуре интервью. В проведенных мною

² Ф. Марковиц использовал глубинные интервью и наблюдение за участниками, для того чтобы изучить реакцию на изменения со стороны подростков, то есть той группы, которая обычно полностью исключена из стандартизированных опросов. См. [Markowitz 2000].

интервью я заметила склонность некоторых людей — особенно женщин без высшего образования — предвирать ответы словами «не знаю». В случае стандартизированных интервью это был бы единственный записанный ответ. В моих интервью эти люди, как правило, продолжали много говорить, порой пускаясь в рассуждения о различных идеях, которые исключали однозначные простые ответы.

В конечном счете, по крайней мере для некоторых исследовательских программ, тот факт, что глубинные интервью не отражают мнения широких слоев населения, не является таким уж существенным обстоятельством, как может показаться на первый взгляд. Разумеется, если наша цель — обобщить ответы и определить, какая часть населения поддерживает ту или иную позицию, глубинные интервью для этого не подходят. Результаты, полученные на основе небольшой выборки респондентов, скорее всего, будут недостоверными. Но если наша цель — попытаться обнаружить логику, которая лежит в основе культуры, понять, как люди внутри данной культуры интерпретируют свой жизненный опыт и осмысливают окружающий их мир, дать информантам возможность поделиться их пониманием этого мира, о чем мы можем только догадываться, тогда уже одно то, что глубинные интервью помогают нам глубже проникнуть в умы людей и лучше понять их, компенсирует недостаточно широкую выборку респондентов [Spradley 1979]. Как справедливо заметила Хохшильд, «глубинные интервью дают результаты там, где опросы выдают только шум» [Hochschild 1981: 24]. В любом случае полученная в таких интервью информация не заменяет данные опросов. Учитывая большое количество и высокое качество репрезентативных опросов, проведенных в России с начала 1990-х годов, мы уже достаточно хорошо представляем, какие категории населения придерживаются тех или иных позиций и какие идеи пользуются поддержкой большинства. Но мы вступаем в область догадок и предположений, когда рассуждаем о том, что значат полученные в опросах ответы. Если позволить россиянам самим рассказать о том, что их волнует, их высказывания помогут нам понять смысл и значение порой противоречивых результатов опросов.

Разговоры с россиянами

В этой книге я в основном полагаюсь на материалы более чем 60 глубинных интервью, проведенных мною в России в период с 1998 по 2003 год, уже после бурных изменений, произошедших в начале 1990-х, но до того, как установился стабильный новый социальный порядок. Эти интервью представляют собой направленную дискуссию о различных политических институтах, от президента и Государственной думы до мэров городов и правоохранительных органов. Начало дискуссии было достаточно конкретным. В ходе интервью я старалась получить более общие ответы, включая определения демократии и «сильной государственной власти», а также данные о том, как респонденты представляют соотношение индивидуальной свободы и контроля со стороны общества. Финальная часть интервью касалась обсуждения экономических изменений в России и оценки основных политических партий. Моя задача заключалась в том, чтобы в ходе интервью дать респондентам возможность выразить более сложные мысли и показать способы организации различных концепций.

Интервью проходили в больших и малых городах России, с людьми разных возрастов и разного уровня образования³, в основном дома или на работе у респондентов. Несколько бесед

³ Все интервью проводились на русском языке. Большинство проведены автором, четыре — российской коллегой Ольгой Ястребовой. Продолжительность интервью была от 45 минут до трех и более часов. С разрешения респондентов интервью записывались. Кроме того, я делала подробные заметки на случай, если магнитофонная запись прервется, и чтобы отвлечь респондентов от магнитофона. Запись разговора практически никак не влияла на желание респондентов высказаться. Они просили меня выключить магнитофон, только когда предлагали перекусить или когда разговор прерывался телефонными звонками, приходом гостей или вмешательством детей. Магнитофонные записи были транскрибированы носителем русского языка, за исключением двух случаев, когда это было невозможно из-за низкого качества записи. В этих случаях я полагаюсь на заметки, которые делала во время интервью. Перевод на английский был выполнен мною. В большинстве случаев интервьюируемым предлагалось небольшое вознаграждение, но многие отказывались от него в 1998 году. В 2000 и 2003 годах большинство респондентов согласились принять вознаграждение.

я провела в квартире, которую снимала в Москве, или в гостиничных номерах в городах, в которые я приезжала ненадолго. Некоторые интервью состоялись дома у человека, который выступал в роли посредника между респондентами и мною. Хотя разговоры выстраивались по ряду заранее определенных тем, они были относительно неформальными. Респонденты могли говорить без каких-либо ограничений, столько, сколько хотели. Запланированные вопросы я использовала скорее как общую канву, а не для того, чтобы обязательно получить на них ответы. Я поддерживала разговор, кивая, чтобы показать, что понимаю, иногда что-то уточняя или давая краткие комментарии, но не вела беседу на равных. В сущности, я всячески старалась свести к минимуму свое возможное влияние на высказывания респондентов. Я только задавала вопросы и лишь иногда просила что-то прояснить или прокомментировать более развернуто, по большей части во время интервью я сохраняла молчание. Я воздерживалась от выражения согласия или несогласия с высказываниями моих собеседников. Как оказалось, для того чтобы люди продолжали говорить, в большинстве случаев было достаточно просто кивнуть, показав, что я их понимаю. Поскольку меня, прежде всего, интересовали мнения респондентов, я никак не выражала свое мнение.

Иногда интервью прерывались из-за вмешательства домочадцев или коллег респондентов. Как правило, такие перерывы предполагали угощение, обычно чай с домашним вареньем. Поскольку многие интервью проходили в местах, куда я бы вряд ли попала просто так, информацию для данного исследования я черпала не только из слов респондентов. Я имела возможность не только узнавать, о чем думают эти люди, но и наблюдать их повседневную жизнь: их квартиры, общение с членами семьи, состояние дворов и улиц около их домов, а также трудности, с которыми они сталкивались ежедневно: в поездках на общественном транспорте, в поисках работающего телефона-автомата или в попытках разгадать неразборчиво указанный адрес.

Формально выборку респондентов нельзя назвать случайной. Даже если бы она была случайной, она все равно слишком мала

для того, чтобы обобщить исследование на все население России. В любом случае, учитывая небольшое число респондентов, случайная выборка была бы не лучшим вариантом: характеристики, которые относительно редко встречаются у населения в целом, могут не проявиться в небольшой случайной выборке, а распространенные характеристики могут возникать так часто, что в результате многие респонденты окажутся, по сути, одинаковыми [Weiss 1994: 22]. Одна из «не очень распространенных» характеристик особенно важна для данного исследования. Для того чтобы исследовать противоречия и общие черты в политическом и социальном мышлении простых россиян, было необходимо провести интервью с теми, кто готов достаточно долго говорить о политике. Это необязательно должны быть хорошо информированные или способные четко выражать свои мысли люди, но они должны быть, по крайней мере, разговорчивы. Кроме того, у них должно быть время поговорить: от респондента, который постоянно смотрит на часы, будет так же мало толку, как от того, кому нечего сказать. К тому же важно, чтобы респонденты не смущались, разговаривая с американской исследовательницей. Хотя интервью проходили по-русски, потенциальные респонденты, которые редко общались с иностранцами, могли чувствовать себя неуверенно в такой необычной для них ситуации. Поэтому, в силу указанных причин, формально случайная выборка была нецелесообразна в данном случае.

В то же время чисто произвольная выборка тоже была не лучшим вариантом. Исследования общественного мнения отчетливо показали, что политические предпочтения зависят от ряда характеристик респондентов, таких как возраст, образование и место жительства в России. Например, пожилые россияне имеют собственные представления о последствиях демократии. Они в большей степени поддерживают на выборах кандидатов от коммунистической партии, и сторонники этой партии выступают за вполне определенную политику [Шестопап 1996; Hough et al. 1996; Clem, Craumer 1995]. Городские жители с высшим образованием преимущественно поддерживают демократические партии и являются сторонниками рынка [Colton 1998: 87].

Наблюдатели говорят о «красном поясе» на юге России, где избиратели регулярно голосуют за кандидатов-коммунистов или националистов на думских выборах и на протяжении 1990-х годов выбирали коммунистов в местные органы власти⁴. В опросах, проводимых в рамках исследования мнений, респонденты из «красного пояса» по большей части выступают против реформ. Для выявления такого рода систематических различий в политических взглядах я использовала квотную выборку исходя из требуемых сочетаний возраста, образования и пола [Nachmias D., Nachmias C. 1987: 186]⁵. Определив характеристики, которые мне хотелось видеть в моих информантах, я попросила российских коллег найти подходящих разговорчивых респондентов⁶. Около трети из них — жители Москвы. Кроме того, я интервьюировала жителей Московской области и четырех городов в «красном поясе» и за его пределами⁷.

⁴ См. [Colton 2000; Clem, Craumer 1997].

⁵ Используя меньшую выборку, Дж. Драйзек и Л. Холмс также выбирали респондентов таким образом, чтобы получить максимальную вариативность по аналогичным социальным характеристикам. Их цель, как и моя, заключалась в том, чтобы выявить определенные закономерности в представлениях людей [Dryzek, Holmes 2002: 27–28].

⁶ За помощь в поиске респондентов я особенно признательна Полине Козыревой, Михаилу Косолапову, Марине Чижовой, Нине Ростегаевой, Ольге Ястребовой и Наталье Пешковой в Москве, Татьяне Богомоловой в Новосибирске, Валентине Первой в Красноярске, Ольге Щегловой в Воронеже, Андрею Шашенкову в Смоленске и Арбахану Магомедову в Ульяновске. Большинство интервьюируемых были рады поговорить и, по всей видимости, не испытывали неловкости от контекста интервью или от разговора с американским социологом. Самым трудным было договориться с респондентами о том, чтобы они заранее выделили время на интервью. См. также [Rivera et al. 2002: 683–88].

⁷ Аналитики расходятся в определении точных границ «красного пояса», и я склоняюсь к более широкому применению этого понятия. В узком смысле к «красному поясу» относятся Воронежская и Смоленская области (это два региона, где проводились интервью). Ульяновская область на востоке граничит с Пензенской областью, которая обычно включается в «красный пояс» даже в узком понимании этого термина. Как показано ниже, проводимую руководством Ульяновской области политику вполне можно охарактеризовать эпитетом «красный», хотя обычно Поволжье формально не

Еще одной характеристикой, которая очевидно влияет на политические взгляды, является ощущение людьми собственного экономического благополучия в меняющейся экономике. К сожалению, до начала интервью было трудно получить достаточно информации о респондентах, чтобы выбирать их по этому параметру. Тем не менее люди, помогавшие мне найти информантов, старались обеспечить максимальное их разнообразие по материальному благосостоянию и по ряду других характеристик, например таких, как политическая активность и этническая принадлежность.

В исследованиях на основе глубинных интервью размер выборки считается достаточным, когда тема раскрывается полностью, то есть тогда, когда дополнительные интервью практически не дают новой информации [Blee, Taylor 2002: 100]. К началу 2003 года (это был последний год, когда я проводила интервью) я поняла, что могу предсказывать ответы респондентов до того, как они их дадут. В то время только ответы жителей маленьких городов порой могли быть неожиданными. Поэтому в 2003 году я сосредоточилась на интервью с респондентами, живущими в Московской области и в относительно небольшом городе Смоленске.

В отличие от выборки по методу «снежного кома», когда первые респонденты предлагают других кандидатов для интервью, у меня была выборка информантов, которые в основном не знали друг друга. Действительно, они принадлежали к совершенно разным социальным кругам. Среди них были представители творческой интеллигенции и люди, занимающиеся физическим трудом. Были жители Ступино, небольшого городка к югу от Москвы, и жители Сибири. Не все мои респонденты были хоро-

включается в «красный пояс». Некоторые наблюдатели предпочитают не раздвигать границы «красного пояса» за Урал в Сибирь. Тем не менее в Новосибирской области регулярно побеждали кандидаты от КПРФ. Красноярский край интересен не столько из-за поддержки коммунистов, сколько из-за того, что его жители в 1998 году выбрали губернатором А. И. Лебеда, который был ключевой фигурой национально-патриотического движения.

шо образованными людьми и не все особо интересовались политикой. Некоторые из них, по всей видимости, были мотивированы только вознаграждением за участие в интервью. Другие — от домохозяйек, жен богатых новых русских до большинства пенсионеров — очевидно, были рады возможности поговорить с внимательным собеседником. За исключением жителей Московской области и респондента из колхоза «Элита» в Сибири, выборка в основном состояла из жителей крупных городов. Пожалуй, было бы желательно побеседовать с людьми в «глубинах» России, как выразился один из исследователей сельской России, однако это оказалось невозможным из-за материально-технических трудностей и экзотичности американских ученых в глухих российских деревнях. Я не могла жить в деревне достаточно долго, чтобы завоевать доверие собеседников, без которого осмысленные интервью невозможны. К счастью, большинство мировоззренческих различий между городскими и сельскими жителями в России можно объяснить различиями в образовании, возрасте и экономическом положении, то есть по характеристикам, которые в достаточной степени варьировались в моей выборке⁸. И хотя респонденты в моей выборке имеют несколько более высокий уровень образования, чем население в целом, их разбивка по возрастным группам примерно соответствует возрастному составу населения.

Спустя десятилетие после краха коммунизма большинство россиян оказались в сложном экономическом положении, и это в полной мере относится к моим респондентам. В выборке есть несколько пенсионеров, которые были вынуждены искать дополнительные способы заработка, чтобы выжить: они устраивались на официальную работу, сдавали жилье или продавали вещи на автобусных остановках или на рынке. Некоторые молодые люди были безработными, потеряв работу на оборонных заводах или

⁸ См. [Reisinger et al. 1995]. Клем и Кромер приходят к выводу, что, хотя позиции левых партий оставались относительно сильными в сельских районах, уже в 1999 году движение «Единство» начало ослаблять поддержку левых в сельских районах [Clem, Craumer 2002].

в частном секторе. Другие работали на предприятиях, которые разваливались. Несколько моих информантов занимались предпринимательством, как правило, довольно успешно. Если судить по таким характеристикам, как наличие домашних компьютеров или отдых за границей, примерно шесть респондентов можно было назвать относительно преуспевающими по российским меркам. Один из них был настоящей новой русской, она не только ездила отдыхать за границу, но имела недвижимость в Испании и Греции, у нее была потрясающая квартира в центре Москвы, а ребенок учился в школе в Англии. Учитывая столь разное экономическое положение респондентов, неудивительно, что они имели различную политическую ориентацию. Некоторые отдавали предпочтение демократическим партиям, многим нравились коммунисты, а несколько человек одобрительно отзывались о В. В. Жириновском, одном из радикальных националистов. В 1998 году большинству респондентов сильно не нравился Б. Н. Ельцин. Преемник Ельцина В. В. Путин, который уже был действующим президентом во время моих интервью в 2000 году, в то время пользовался значительной популярностью среди респондентов. К 2003 году восхищение Путиным несколько поубавилось, но он по-прежнему оставался более популярным, чем Ельцин.

Большинство респондентов идентифицировали себя в качестве этнических русских, однако в выборке были представители и других национальностей: два татарина, один дагестанец, этнический армянин и несколько человек, у которых родители были разных национальностей, обычно русские и выходцы из бывших советских республик. В результате выборка, хотя она была меньше по размеру и менее репрезентативна, чем в случае стандартизированного опроса, получилась немного больше и более разнообразной, чем часто бывает в этнографических исследованиях. Этнографы обычно используют выборку, которая в 2–4 раза меньше моей, и они не стремятся обязательно включить в нее респондентов с определенным набором характеристик, как в моем случае [Spradley 1979]. Демографические характеристики российских респондентов приведены в приложении А.

Анализ интервью

Проведение интервью сопровождалось целым рядом приключений. В ходе этого проекта я однажды почти безнадежно заблудилась в микрорайоне, где в нумерации домов отсутствовала всякая логика и ни один телефон-автомат не работал. В другой раз мне не без труда удалось найти автобус до поселка Шаховская на краю Московской области, поскольку на автобусах не было никаких табличек с пунктом назначения (я спрашивала всех подряд, но никто ничего не знал). Я разобралась с загадочной системой покупки билетов на поезд. Я без конца пила чай и ела вкуснейшее варенье, печенье и шоколад. В фойе гостиницы в Сибири я встречалась с православной монахиней, чтобы передать ей посылку от ее матери из Москвы. Незнакомцы доверяли мне перевезти деньги из одного города в другой — прежде незнакомая американка вдруг стала для них более надежным посредником, чем банки и почта.

Анализ интервью также был сопряжен с некоторыми трудностями. Когда все интервью были транскрибированы, получилось более тысячи страниц текста. Хотя я старалась придерживаться определенной последовательности вопросов, в ответах респондентов было гораздо меньше последовательности, и необходимая мне информация появлялась в разных местах интервью. Моя цель заключалась в том, чтобы, не навязывая ответам респондентов мою собственную интерпретацию, вывести повторяющиеся характерные особенности, уже содержащиеся в ответах. Для этого я не задавала вопросы, которые могли бы вынудить респондентов дать ответы, подходящие для моих предполагаемых утверждений. Напротив, мое основное утверждение о том, что ценности современных россиян являются результатом повседневной социально-политической реальности, сформировалось далеко не сразу в процессе осуществления данного проекта. Когда я начинала свой проект, у меня не было осознанного намерения доказать эту идею. На самом деле, если бы это было так, то я, вероятно, задавала бы другие вопросы.

Как бы то ни было, я, разумеется, не могу привести в этой книге все высказывания респондентов. Чтобы убедить читателей

в том, что выбранные мною ответы правильно отражают собственные слова и мнения респондентов, я придерживалась определенной стратегии. С одной стороны, в последующих главах я привожу достаточно обширные цитаты из интервью. Тем самым я, прежде всего, даю читателям возможность самим судить о правильности моей интерпретации. Я стараюсь показать все разнообразие точек зрения, представленных в ответах респондентов. Мой анализ основывается главным образом на словах респондентов, но при этом я иногда привожу результаты простого количественного анализа ответов по всей выборке. В этом случае я не преследую цель показать тенденции, которые можно обобщить на всю Россию. Моя цель, скорее, состоит в том, чтобы привести свидетельства, подтверждающие, что выявленные в ответах тенденции действительно присутствуют в данной выборке. Благодаря количественному анализу и таблицам, которые показывают, как ответы распределяются по всей выборке, читатели могут составить представление о том, сколько человек и какие группы людей дают те или иные комментарии и как их различные представления соотносятся друг с другом. Как правило, я не привожу число респондентов, давших те или иные ответы, поскольку это подразумевало бы, что такая же часть населения России, предположительно, высказывала бы аналогичные мнения. Размер моей выборки не позволяет сделать такой вывод. Тем не менее такая выборка помогает нам лучше понять многообразие способов, которые россияне используют для осмысления политики, а также некоторые причины, по которым они думают то, что думают. Именно в этом и заключается цель этой книги.

В дополнение к российским интервью я время от времени использую интервью с небольшой группой американцев. Респонденты в Америке также отбирались на основе квотной выборки, чтобы были максимально представлены разные по возрасту и уровню образования мужчины и женщины. Все американские респонденты жили на Среднем Западе⁹. Их демографические характеристики описаны в приложении В.

⁹ Я благодарна Лайзе Полман и Мери Сантанелло за помощь с американскими интервью.

Я использую американскую выборку для того, чтобы показать, что является значительным для рассуждений россиян о политической жизни, а не для того, чтобы делать какие-то выводы о взглядах и ценностях американцев. Например, одна из особенностей высказываний российских респондентов заключается в том, что в них смешиваются демократические и недемократические заявления. Без объекта для сравнения читатели могли бы прийти к выводу, что россияне странным образом склонны к авторитаризму. Именно поэтому полезно сравнить российских граждан с гражданами других стран, чтобы с большей наглядностью показать наиболее характерные для россиян представления и выявить те, которые широко распространены среди простых людей в других странах.

Интересно сравнить взгляды российских респондентов именно с мнениями американцев, поскольку Россия и Америка существенно различаются по социальному контексту, в котором формируются политические взгляды граждан. Россияне склонны называть жизнь большинства американцев «упорядоченной» или (что, в сущности, одно и то же) «цивилизованной», используя эпитеты, которыми они очень редко описывают собственную жизнь. В Соединенных Штатах люди имеют относительно стабильную работу, которая в большинстве случаев оплачивается достаточно хорошо, чтобы денег хватало хотя бы на самое необходимое. Уровень инфляции довольно низкий. Правительство по большому счету эффективно занимается разработкой и обеспечением соблюдения законов, собирает налоги и препятствует злоупотреблениям чиновников в отношении простых граждан. Конституция страны действует уже на протяжении столетий и успешно регулирует взаимодействие политических институтов друг с другом и с гражданами. Если социальный контекст, в котором формируются политические взгляды, имеет значение, то различные контексты, в которых формируются политические ценности американцев и россиян, должны породить некоторые доступные для анализа оценочные ответы респондентов. Если ответы американцев и россиян не различаются, то это, скорее всего, свидетельствует о том, что социальные

условия не оказывают большого влияния на формирование политических ценностей.

Конечно, различия между американскими и российскими респондентами можно объяснить по-разному. Прежде всего, считается, что американцы сильно отличаются от россиян по своим культурным ценностям, укорененным в истории, а не просто по условиям жизни. В силу своего уникального исторического прошлого — развития демократии без предшествующей феодальной стадии — американцы больше ценят демократизм, индивидуализм и возможность участия в политике¹⁰. В данном случае глубинные интервью также играют важную роль. Различия в том, как российские и американские респонденты *объясняют* свои взгляды, должно помочь нам лучше понять причины, по которым россияне придерживаются именно таких взглядов.

Места проведения интервью

В этом разделе представлены общие сведения о политических условиях в каждом из российских городов и регионов, где проводились интервью. Эта информация будет полезна для оценки разнообразия жизненных обстоятельств российских респондентов.

Большую часть интервью в России (почти треть всей выборки) я провела в Москве. Как известно, Москва — крупнейший город в России с официальной численностью населения более девяти миллионов человек по состоянию на конец 1990-х годов; по неофициальным оценкам реальное число жителей еще больше. Около 90 % москвичей — этнические русские. Как столица Российской Федерации, место регистрации крупнейших российских компаний и относительно благоприятный регион для иностранных инвестиций, Москва лучше других российских регионов перенесла изменения в экономике, произошедшие после распада Советского Союза. Так, например, в 1997 году валовой региональный продукт на душу населения Москвы был вторым по величине

¹⁰ См., напр., [Hartz 1955].

не в России [The Territories 2001: 262]¹¹. В середине 1990-х годов зафиксированные личные доходы москвичей были в три раза выше, чем в среднем по России, хотя при этом стоимость жизни в Москве лишь ненамного превышала средний уровень, чем и объясняется относительное благополучие жителей столицы [Ioffe et al. 2001: 42]. В Москве доля лиц, имеющих более престижную работу и высшее образование, выше, чем в других российских городах. Эти преимущества отнюдь не означают, что все москвичи в равной степени пользуются экономическими благами, получаемыми городом в целом. В период с 1992 по 1995 год промышленное производство в Москве упало на 52 %. В результате многие жители города лишились работы или не получали заработную плату, формально сохраняя свои рабочие места. Банковский сектор в Москве демонстрировал существенный рост до финансового кризиса 1998 года, после которого его восстановление происходило очень медленно. Хотя у среднего москвича больше возможностей получить хорошо оплачиваемую работу в частном секторе, чем у большинства россиян, лишь немногим удается заработать действительно большие деньги и большинство людей остаются относительно бедными, тогда как живущие рядом с ними процветают.

Москва считается одним из самых демократичных городов России [Титков 1999: 72]. Демократические партии и кандидаты в основном показывают в Москве неплохие результаты на местных и национальных выборах, а националистические партии и коммунисты выступают хуже по сравнению с остальными регионами России. Движение «Демократическая Россия» было учреждено в Москве, и во втором туре городских выборов в столице в 1990 году за его кандидатов проголосовали 45,6 % избирателей [Colton 1995: 623]. На выборах в Государственную думу в 1993 году прорыночный блок «Демократический выбор России» получил в Москве 34,7 % голосов — больше, чем в любом другом регионе России. Для сравнения популистская Либерально-

¹¹ Первое место по этому показателю было у Тюменской области, крупнейшего нефтедобывающего региона страны.

демократическая партия России набрала в Москве лишь 12,8%, показав четвертый с конца результат по всем регионам [Kullberg 1998: 311]¹². На городских выборах в 1997 году «Демократический выбор России» получил большинство мест в Московской городской думе.

Демократические настроения москвичей далеко не всегда отражаются на деятельности городского правительства. Все те годы, когда интервью для этого проекта проводились в Москве, мэром города был Ю. М. Лужков. При Лужкове управление городом осуществлялось сильной исполнительной властью, которой подчинялся городской парламент, городские средства массовой информации контролировались аппаратом мэрии, оппозиционные группы подвергались преследованию и периодически предпринимались попытки ограничить приток в Москву людей, которые не были этническими русскими, в частности из кавказских республик [Alexander et al. 2001]. Лужков, ранее занимавший руководящие должности в химической промышленности, в последние годы советской власти был депутатом Московского городского совета и членом Мосгорисполкома. В 1992 году после отставки первого мэра столицы Г. Х. Попова президент Ельцин назначил Лужкова мэром Москвы. Поначалу Лужков был сторонником Ельцина и реформ в целом. Он поддержал Ельцина в 1991 году, выступив против попытки переворота со стороны ГКЧП, а также в его противостоянии с Верховным Советом в 1993 году. Получив почти 90% голосов на выборах мэра в 1996 году, Лужков стал более критически относиться к политике центральной власти, выступая за вмешательство правительства в экономику с целью снижения бремени экономических реформ для простых москвичей. Благодаря этому, а также активным действиям по улучшению городской инфраструктуры Москвы, Лужкову удалось привлечь на свою сторону значительную часть избирателей.

¹² В 1993 году «Демократический выбор России» получил 15,5% голосов в общенациональных выборах; у ЛДПР было 22,92% голосов [Belin, Ortung 1997: 114–117].

Распространенное мнение о том, что Лужков на посту мэра многое сделал для Москвы, отодвигало на второй план критику градоначальника, который многое сделал и для себя. К концу 1990-х годов правительство Москвы владело контрольными пакетами акций телеканала и банка, а также сетью розничных магазинов и заправочных станций. Московский «царь» жил в элитарной высотке. Вместе с бывшим премьер-министром Е. М. Примаковым Лужков возглавил избирательный блок «Отечество — Вся Россия» для участия в думских выборах 1999 года. Этот блок получил незначительную поддержку за пределами Москвы, что лишило Лужкова надежд на успешное участие в президентских выборах в 2000 году. Лужков оставался популярным в Москве, несмотря на то что ему пришлось иметь дело с рядом терактов, включая захват заложников в Театральном центре на Дубровке, в результате которого погибли около 150 человек.

Одиннадцать интервью были проведены в небольших городах и поселках Московской области либо в Москве с жителями области, которые приехали в столицу в гости к своим родственникам. Как и Москва, Московская область — относительно благополучный регион, с развитым промышленным производством, в том числе в таких отраслях, как машиностроение, радиоэлектроника, химическая и легкая промышленность. Респонденты из города Королева, центра космических исследований, входили в благополучную группу, тогда как респонденты из Ступино, Старой Купавны, Шаховской, Луховицкого района и деревни Ильинская, скорее, относились к группе малообеспеченных. Один из них потерял работу на оборонном авиационном заводе и надеялся устроиться на кондитерскую фабрику «Марс». Одна женщина бросила хорошую работу и переехала в Московскую область из Латвии, поскольку считала, что там стали плохо относиться к русским. Другая, пенсионерка, летом выращивала овощи на своем участке в деревне, где ей в наследство достался дом, а зимой торговала домашними пирожками на автобусной остановке. В 1990-е годы население и местные чиновники в Московской области в основном поддерживали программы и кандидатов центральной власти. Однако Московская область не отличалась

особым либерализмом. В своем исследовании 1999 года А. Титков называет Московскую область в числе наименее демократических регионов страны. В 1995 году на выборах в Государственную думу коммунисты получили на 50 % больше голосов, чем общественно-политическое движение «Наш дом — Россия», лидером которого был тогдашний премьер-министр В. С. Черномырдин [Титков 1999: 72]¹³.

Остальные интервью проводились в городах, где демократы пользуются гораздо меньшей популярностью по сравнению с Москвой. Эти города находятся либо в российском «красном поясе», либо в непосредственной близости от него, но не все они были одинаково «красными». Меньше всего реформы 1990-х годов коснулись Ульяновска, названного так в честь родившегося в этом городе В. И. Ленина. Ульяновск — это город с населением менее 700 тысяч человек, расположенный на берегу Волги, в 893 км к востоку от Москвы. Ульяновская область граничит, кроме прочего, с Татарстаном, Мордовией и Чувашией, и поэтому она более разнообразна по этническому составу населения, чем некоторые другие регионы, где проводились интервью. Наиболее многочисленным этническим меньшинством являются татары. И хотя в Ульяновской области есть нефтяные месторождения, плодородные земли и леса, а также различные промышленные предприятия, экономика региона существенно пострадала в пост-коммунистические годы. В Ульяновске практически остановились авиационные и автомобильные заводы, значительно сократилось число туристов, посещающих родину Ленина. Почти на всем протяжении 1990-х годов в этом регионе сохранялось наследие советского режима. Если многие города отказались от названий, связанных с именами выдающихся большевиков, в Ульяновске не было никаких переименований. В 1995 году на думских выборах коммунисты получили 37 % голосов в этом регионе, намного больше, чем в среднем по стране. В первом туре президентских выборов 1996 года кандидат от коммунистов Г. А. Зюганов получил

¹³ Титков исключает из сравнения нероссийские регионы [The Territories 2001: 184].

в два раза больше голосов, чем Ельцин. Первые региональные выборы состоялись только в 1995 году. До этого в руководстве региона были выходцы из советской номенклатуры и назначенцы Ельцина.

Один из таких назначенцев Ю. Ф. Горячев, бывший первый секретарь обкома КПСС, в 1996 году был избран губернатором Ульяновской области. Его кандидатуру поддержали коммунисты и сельские жители области. По сути и по стилю его правление больше соответствовало советскому периоду, нежели эпохе реформ. Горячев выступал против продвигаемой центром «шоковой терапии» в экономической политике и придерживался традиций бюрократического патернализма, чтобы сохранить контроль правящей группы над ресурсами [Магомедов 1999; Shlapentokh et al. 1997: 193–194]¹⁴. Он на местном уровне запретил приватизацию и реформирование колхозов, ввел ограничения на импорт и экспорт товаров в регионе и до начала 1997 года субсидировал цены на хлеб. До июля 1996 года продукты питания продавались по талонам. Местная промышленность получала субсидии из бюджета, а система малых предприятий была создана под покровительством областного правительства.

Горячев жаловался на критику его политики со стороны либеральных российских СМИ:

Я не понимаю, что такого плохого в человеке, которому удалось не допустить полного обвала цен в регионе, особенно учитывая, что у нас был достаточный финансовый потенциал, чтобы поддерживать субсидии... Сам регион

¹⁴ Гельман с соавторами объясняют успешное сопротивление Горячева экономическим реформам, проводимым центральной властью, высоким уровнем единства элит в Ульяновске, высокой концентрацией экономических ресурсов и успешным использованием связей, выстроенных еще в советский период. См. [Gel'man et al. 2003: 193–198]. В своем обширном исследовании российских регионов К. Стоунер-Вайсс соглашается с тем, что такие условия благоприятствуют созданию коалиций политических и экономических элит, что нередко способствует повышению эффективности работы правительства, но в перспективе может привести к снижению уровня политического плюрализма и экономической эффективности. См. [Stoner-Weiss 1997].

не субсидируется, он добросовестно платит налоги, а талоны помогли нам предотвратить обвал рынка. А «водочные» налоги помогли нам контролировать цены¹⁵.

Горячев указывал на успехи своей политики: стоимость аренды и проезда в общественном транспорте, а также цены на основные продукты питания были самыми низкими в России. Благодаря низким ценам уровень жизни в Ульяновске в конце 1990-х годов был выше, чем в среднем по стране [Helmer 1997: 40]. Впрочем, это были не единственные результаты его политики. Регион накопил огромные долги, промышленность развивалась очень медленно, учителя объявляли голодовку, протестуя против задержек зарплаты [Бикметов 1999: 126]. На губернаторских выборах в 2000 году Горячев проиграл генералу В. А. Шаманову, бывшему командующему 58-й армией. К моменту ухода Горячева с поста губернатора Ульяновская область считалась одним из наименее благополучных регионов России. Зимой 2001–2002 годов компания «Ульяновскэнерго» существенно сократила объемы теплоснабжения, утверждая, что местные власти не оплачивают поставки электроэнергии. Из-за отсутствия отопления пришлось закрыть детские сады и школы.

В отличие от чиновников областной администрации, руководство города Ульяновска было в большей степени ориентировано на проведение реформ, что порой приводило к открытому противостоянию с областным правительством. Во время проведения интервью мэром Ульяновска был В. В. Марусин. К 1998 году в Ульяновске наметились определенные перемены в духе времени. Создавались новые компании, ориентированные на потребителей. Начался своего рода строительный бум в районах города, где преобладали индивидуальные частные дома. При этом город не отказывался от своего исторического наследия. «Ленинские места» были приведены в идеальный порядок, и экскурсоводы, как и раньше, с воодушевлением говорили о Владимире Ильиче. Посещающие эти достопримечательности школьники,

¹⁵ Цит. по [Fazullina 1996: 3].

родившиеся и выросшие уже в посткоммунистический период, без запинки рассказывали о детстве Ленина.

Из всех городов, где проводились интервью, меньше всего изменений по сравнению с советским периодом произошло в Воронеже. Расположенный более чем в 500 км к югу от Москвы, Воронеж является крупнейшим городом, важным административным и культурным центром Центрально-Черноземного экономического района России. К важнейшим для региона отраслям относятся сельское хозяйство, авиакосмическая промышленность, радиоэлектроника и машиностроение. Население Воронежа составляет менее миллиона человек, и еще полтора миллиона живут в Воронежской области, однако в связи с низкой рождаемостью общая численность населения снижается. По сравнению с Ульяновском в Воронеже в 2000 году было меньше частных ресторанов, а в магазинах для покупки товаров нужно было, как раньше, пробивать чек в кассе (от такой системы в результате рыночных реформ давно отказались в большинстве других российских городов), и покупатели по-прежнему сталкивались с закрытием магазинов по непонятным причинам и с отвратительным сервисом мрачных продавцов, как в советские времена. В период руководства мэра А. Н. Цапина в центре города в середине дня отключали водоснабжение, а когда воду снова включали, она была красновато-ржавого цвета.

В определенной степени «красной» была и политика руководства региона. В первые постсоветские годы коммунисты контролировали региональную думу, а на выборах в Государственную думу в 1995 году КПРФ получила в регионе 27 % голосов. Кандидат от коммунистов Зюганов с большим отрывом лидировал в Воронежской области на президентских выборах 1996 года, хотя он и не набрал большинства голосов по стране в целом. Губернатором Воронежской области с 1992 по 1996 год был А. Я. Ковалев, который старался удержать цены на сельхозпродукцию и не допустить вывоз товаров из области. После реорганизации колхозов в 1992 году производство зерна резко упало, и этот плодородный регион был вынужден импортировать продукты питания [Allina-Pisano 2002: 309].

Всеобщее недовольство Ковалевым привело к тому, что в 1996 году губернатором области был избран И. М. Шабанов. Несмотря на то что Шабанов был коммунистом, он выступал за изменение прежнего режима. К 1997 году предприятия ряда отраслей, в частности легкой и пищевой промышленности, а также производство строительных материалов были почти полностью приватизированы. После 1995 года значительно выросли иностранные инвестиции. К 1999 году в Воронежской области было уже в два раза больше малых предприятий, чем в Ульяновской [The Territories 2001: 248, 257]. Однако администрация Шабанова отличалась высоким уровнем коррупции, что, вероятно, повлияло на снижение поддержки КПРФ в регионе. На выборах в Государственную думу в 1999 году проправительственный блок «Единство» набрал в Воронежской области больше голосов, чем Коммунистическая партия. В декабре 2000 года Шабанов проиграл губернаторские выборы генералу Федеральной службы безопасности (ФСБ) В. Г. Кулакову, которого поддерживал Путин и который выступал за честность и подотчетность власти [Marsh 2002: 125–128]. К 2001 году представительство левых в областной думе уменьшилось до пяти мест. Похоже, в «красном поясе» России стали образовываться большие дыры.

Смоленск также стал менее красным после 2002 года, чем до этого. Этот город с населением около 325 тысяч человек вблизи границы с Беларусью является столицей Смоленской области. Один из древнейших русских городов, Смоленск располагался на торговом пути от Балтийского моря в Константинополь. Кроме того, он находился на основном пути между Москвой и Варшавой и поэтому не раз захватывался врагами. Наполеон проходил через Смоленск на пути в Россию и обратно; во время Второй мировой войны, в период с 1941 по 1943 год, Смоленск был оккупирован и почти полностью разрушен нацистами. В Смоленской области практически нет природных ресурсов и большинство отраслей серьезно пострадали в период реформ, однако положение этого региона остается важным для сухопутной торговли с Европой. Через Смоленскую область проходят газопроводы «Газпрома» и по железной дороге перевозятся большие

объемы потребительских товаров из Европы. В 1990-е годы единственное в России предприятие по огранке природных алмазов «Кристалл» давало до 70 % экспортных доходов области [Lallemand 1998]. Доходы большинства жителей области были ниже, чем в среднем по стране.

На протяжении 1990-х годов почти все выборы в Смоленской области выигрывали кандидаты от национально-патриотических партий. Например, кандидат от КППФ на выборах президента в 1996 году Зюганов получил 56 % голосов, а Ельцин всего 32 %. В 1990-е годы регионом управляли выходцы из комсомола, находившиеся под сильным влиянием группы тесно связанных между собой бывших директоров крупных советских заводов [Lallemand 1998: 2–3]. Кандидаты, поддерживаемые коммунистами, избирались губернаторами области до 2002 года, когда А. Д. Прохоров проиграл выборы пользовавшемуся поддержкой Кремля генералу В. Н. Маслову, начальнику областного управления ФСБ. Выборы 2002 года привлекли внимание прессы, поскольку за несколько дней до голосования был обстрелян автомобиль вице-губернатора А. М. Макаренко. Водитель погиб, телохранитель Макаренко был ранен. Ранее сгорели две дачи, принадлежавшие членам избирательного штаба Прохорова, в самом штабе взорвалась бомба, а сын юриста Прохорова был избит. Команда Прохорова жаловалась на вмешательство людей Маслова, однако федеральные силовые ведомства полагали, что эти преступления скорее связаны с незаконным бизнесом Макаренко. На выборах в областную думу в 2002 году коммунисты потеряли свое представительство в этом органе, хотя до этого имели там более трети мест. В марте 2003 года, после того как мэр Смоленска И. А. Аверченков умер в своем кабинете, Маслов, по всей видимости, надавил на членов городского совета, чтобы они избрали на должность мэра его кандидата В. Н. Халецкого, бывшего коммерческого директора «Кристалла» [Radio 2003].

Остальные интервью были проведены в сибирских городах Новосибирске и Красноярске. Экономически и политически эти города довольно сильно различаются. Новосибирская область расположена в юго-восточной части Западно-Сибирской равнины,

главным образом в междуречье Оби и Иртыша. Новосибирск был основан в 1893 году во время строительства Транссибирской железнодорожной магистрали. В 1990-е годы Новосибирск с населением около полутора миллионов человек был третьим по величине городом в России. Новосибирская область иногда считается частью российского «красного пояса», поскольку коммунисты занимали ведущие позиции в региональной власти в 1990-е годы [The Territories 2001: 196]. Интервью проводились в пригороде Новосибирска Академгородке, где находится Сибирское отделение Российской академии наук (СО РАН).

Политическое и экономическое развитие Новосибирска и Новосибирской области в посткоммунистический период считается типичным для многих промышленных регионов вдали от Москвы [Olekh 2001: 7]. Область не особо богата природными ресурсами, хотя там добывают каменный уголь, нефть, природный газ, торф, мрамор, известняк и глину. В регионе нет межэтнической напряженности и конфликтов. Есть иностранные инвестиции, хотя и не такие значительные, как хотелось бы местным чиновникам. Уникальная особенность региона заключается в том, что там находятся 43 института РАН, более 100 научно-исследовательских институтов, а также 13 частных и 19 государственных высших учебных заведений. Ведущей отраслью является машиностроение. После крушения советской экономики промышленность региона серьезно пострадала, лишившись субсидий из Москвы. Стремясь получить большую самостоятельность, региональные власти спорили с Москвой о распределении налоговых поступлений. Они утверждали, что большая часть доходов должна оставаться в регионе, а меньшая направляться в центр, особенно после того, как центр передал ряд полномочий регионам. Кроме того, они жаловались, что даже средства, причитающиеся Новосибирской области по закону, зачастую не поступали из Москвы. Более того, у федеральных ведомств накапливались долги перед областью из-за неоплаты поставок тепла, электроэнергии и материалов для оборонной промышленности.

В. П. Муха, который был главой администрации и губернатором Новосибирской области на протяжении большей части пе-

риода с 1991 по 2000 год, знаменит тем, что Ельцин дважды снимал его с должности. После спора с Ельциным по поводу интересов региона Муха был первый раз уволен в марте 1993 года и восстановлен в должности спустя несколько дней. Он вновь был уволен после того, как в октябре 1993 года поддержал противников Ельцина в его конфликте с Верховным Советом. Муха отказался выполнить приказ Ельцина о роспуске законодательного собрания области и местных советов, угрожая перекрытием Транссибирской железной дороги в случае, если Ельцин не уступит требованиям Верховного Совета и представляемых им регионов. После переизбрания на пост губернатора Новосибирской области Муха проводил более прагматичную политику, придерживаясь нейтралитета во время президентской выборной кампании в 1996 году.

Муха сделал карьеру в Коммунистической партии, еще до развала Советского Союза став первым секретарем Новосибирского обкома КПСС, и при поддержке коммунистов ему удалось победить на губернаторских выборах в 1995 году. Тем не менее он стремился найти третий путь между коммунизмом и рыночными реформами Ельцина. В феврале 1996 года областная администрация заключила «социальный договор» с профсоюзами и работодателями. Это соглашение предусматривало оплату труда бюджетников на уровне не менее 85 % средней заработной платы в промышленности, а уровень безработицы не более 6 %. Вместе с мэром Москвы Лужковым Муха был одним из основателей политической общественной организации «Отечество». Муха утверждал, что методы осуществления рыночных реформ должны быть «радикально изменены» и правительство должно нести большую ответственность за уровень и продолжительности жизни людей, за безопасность страны и защиту прав и свобод граждан [Olekh 2001: 18].

На выборах в декабре 1999 года Муха проиграл В. А. Толоконскому, бывшему мэру Новосибирска. Толоконский, продолжавший политику Мухи, выставлял себя реформатором, но при этом выступал за щедрую социальную поддержку беднейших жителей региона, хотя это негативно сказывалось на бюджете области.

В бытность свою мэром Новосибирска Толоконский работал над изменением налоговой политики с тем, чтобы налоги оставались в городе, а не поступали в областной бюджет [Туровский 1998: 15]. Ходили слухи, что он был близок к олигарху Б. А. Березовскому, одному из противников Путина.

Конфликт между центром и регионом продолжался на фоне снижения уровня жизни населения Новосибирской области. В 1995 году около 40 % жителей имели доход ниже прожиточного уровня, а в 1999 году таких было уже 60 %. Во второй половине 1990-х годов средняя заработная плата была на 19,4 %, а ее покупательная способность на 58,8 % ниже, чем в среднем по России. Более трети предприятий в области были убыточны. Протестуя против задержек заработной платы, учителя в январе 1999 года объявили забастовку. Жители сельских районов области в конце 1990-х годов также жаловались на снижение уровня жизни [Olekh 2001: 11; Богомолова, Тапилина 1998].

Уровень жизни снижался и в Красноярском крае. Если в 1995 году 45 % жителей края относили себя к числу бедных, то к 1999 году их доля увеличилась до 64 %. По контрасту число людей, считавших себя богатыми, выросло до 2 % по сравнению с 1 % в 1995 году [Гришаев 2001: 118]¹⁶. В Красноярском крае в 1999 году была крупнейшая в России забастовка учителей, протестующих против задержек заработной платы [Красников 2001: 372]. Бедственное экономическое положение большинства жителей Красноярска резко контрастировало с богатством региона в целом. Красноярский край — один из богатейших регионов России: в нем имеются огромные залежи полезных ископаемых, золота и нефти, мощные гидроэлектростанции и развитая алюминиевая промышленность. Богатства региона привлекают в край не слишком чистоплотных бизнесменов, и когда я была в Красноярске, мне показывали предприятия и дома, предположительно

¹⁶ Категория «бедные» была не самой низкой в социальном спектре. Еще 12 % жителей относили себя к числу «нищих» в 1999 году (для сравнения: в 1995 году их было 7 %). Гришаев определяет *бедных* как людей, которые могут купить лишь самые необходимые вещи и которым едва хватает денег на еду. У *нищих* не хватает денег даже на еду.

сожженные дотла мафией. Красноярский край — второй по площади субъект Российской Федерации, он простирается вдоль Енисея от Северного Ледовитого океана до Республики Тыва на юге. В Красноярский край до 1992 года официально входила Хакасская автономная область, в него также входят Таймырский автономный округ и Эвенкийский автономный округ. Эти два округа граничат с Республикой Саха (Якутия), самым большим по площади субъектом Российской Федерации. Из-за наличия большого числа оборонных предприятий и атомных реакторов в Красноярском крае он был закрыт для иностранцев в советский период. Население Красноярска, крупнейшего города в Восточной Сибири, в 1999 году насчитывало около 900 тысяч человек. На момент проведения интервью мэром Красноярска был П. И. Пимашков.

Всеобщее недовольство экономической ситуацией, по всей видимости, стало одной из причин, почему В. М. Зубову в 1998 году не удалось переизбраться губернатором Красноярского края. Доктор экономических наук и профессор КрасГУ, Зубов был избран губернатором в 1993 году более чем 70 % голосов избирателей [Суховольский 1999: 95]. Реформатор и сторонник Ельцина, Зубов оказался неэффективным руководителем. В 1997-м краевая администрация собрала менее половины начисленных налогов и выплаты заработной платы работникам бюджетной сферы регулярно задерживались [The Territories 2001: 123]. На губернаторских выборах 1998 года победил А. И. Лебедь, бывший генерал ВДВ, который отказался направить войска против защитников Белого дома во время попытки государственного переворота в 1991 году и вел переговоры об окончании первой чеченской войны. Во втором туре президентских выборов 1996 года он отдал свои голоса Ельцину, однако позднее был уволен из правительства Ельцина и, вероятно, рассматривал должность губернатора одного из богатейших регионов России как шаг в сторону на пути к президентству.

Высказывания Лебеда по многим вопросам отнюдь не характеризуют его как поборника демократии. Во время президентской кампании 1996 года он открыто критиковал демократию

и выступал за авторитарный путь развития, в частности по модели А. Пиночета, когда экономические реформы проводятся по указанию диктатора. В сфере экономики он поддерживал создание новых рабочих мест и финансирование за счет дефицита бюджета, а рост преступности в России связывал с процессом приватизации. Кроме того, он был враждебно настроен по отношению к Западу, критикуя присутствие войск НАТО в Боснии и обвиняя Запад в финансировании боевых действий в Чечне.

Есть определенные свидетельства того, что население Красноярского края по своим политическим взглядам в 1990-е годы постепенно становилось все более ориентированным на авторитаризм [Немировский 1999]. Даже если это так, победа Лебеда, вероятно, не была обусловлена только выражаемыми им взглядами по тем или иным вопросам. Скорее, он получил преимущество за счет протестного голосования в экономически отсталых районах. Зубов получил больше голосов в Красноярске, тогда как Лебедь показал лучшие результаты в экономически депрессивных регионах края, включая бедные районы Красноярска. Своим успехом Лебедь отчасти был обязан существенной поддержке со стороны состоятельных людей. По сути, как отмечают некоторые наблюдатели, Лебеда помнят не из-за его антидемократических наклонностей, но благодаря уроку о том, что большие деньги, если их правильно использовать, помогают выиграть выборы [Belin 2002; Петров 1999]¹⁷. Его, в частности, поддерживал олигарх Березовский, который, очевидно, был заинтересован в последующем выдвижении Лебеда кандидатом на президентских выборах. Еще одним важным спонсором кампании был А. П. Быков, который, как говорят, использовал преступные методы, включая убийство конкурентов и чиновников, при захвате значительной части алюминиевой промышленности региона. Альянс Лебеда с Быковым продолжался недолго и вылился в открытый конфликт, когда Лебедь попытался обеспечить контроль экономи-

¹⁷ Расходы на предвыборную кампанию Лебеда, как утверждается, существенно превышали допустимые электоральным законодательством. См. [Yorke 2003: 244].

ческих интересов края со стороны краевого правительства [Satter 2003; Красников 2001; Yorke 2003]. После двух лет относительно благополучия экономика региона серьезно пострадала из-за падения мировых цен на металлы и перешла в кризисное состояние после гибели Лебеда при крушении вертолета в апреле 2002 года. Победа генерального директора «Норильского никеля» А. Г. Хлопонина на конкурентных губернаторских выборах свидетельствует о подчинении краевого правительства интересам регионального бизнеса.

Вывод

Благодаря глубинным интервью, на которых по большей части основывается эта книга, россияне из различных социальных слоев и разных регионов России получили возможность высказаться. Вместо того чтобы отвечать на вопросы с множественным выбором, они могли говорить без ограничений, разъясняя свои не всегда логичные и последовательные взгляды. Таким образом, они могли объяснить, что их привлекает и что отталкивает в демократии, рассказать, какими они видят свои отношения с меняющимися политическими структурами и почему у россиян такое смешанное отношение к демократии. Если стандартизированные опросы позволяют трансформировать сложные идеи в удобные для анализа данные, то в глубинных интервью респонденты могут представить свои взгляды в целом. В результате такие интервью помогают нам лучше понять общую картину, созданную на основе массовых опросов.

Глава четвертая

Абстрактные представления о демократии в зеркале реальной жизни

Путь к демократии в России тернист, и в том, что страна движется по нему слишком медленно, многие винят простых граждан. Поскольку над россиянами тяготееют давние традиции авторитаризма, государственного патернализма и пассивности народа, некоторые эксперты опасаются, что российские граждане, судя по всему, не обладают взглядами и идеями, нужными для того, чтобы быть демократами. В этой главе, описывающей начальный этап анализа отношения россиян к демократии, используются данные, полученные мной в ходе глубоких интервью с обычными российскими гражданами. Анализ начинается с рассмотрения ответов респондентов на вопросы о том, что вызывает у них беспокойство в связи с новыми для их страны политическими институтами и какими, по их мнению, должны быть отношения между гражданами и государственной властью.

Результаты показывают, что россияне обеспокоены тем, что существующие институты не отражают взгляды обычных граждан и не защищают их интересы; кроме того, их беспокоят склонность к бесплодным конфликтам и чрезмерная централизация институтов. Многие граждане поддерживают демократические ценности, однако не уверены в том, что эти ценности поддерживаются институтами. При этом люди хотели бы, чтобы демократические институты совершенствовались, а не демонтировались. Таким

образом, полученные данные практически не свидетельствуют об исторически укоренившейся культурной антипатии к демократическим институтам, но гораздо более четко указывают на отрицательное отношение людей к недостаткам, которые они видят в существующих институтах. При этом плохо работающие институты оставили на общественном мнении свой отпечаток, что вряд ли способствует укреплению демократии в целом. Многие из респондентов более заинтересованы в достижении желаемых результатов, нежели в пристальном внимании к демократическим процедурам, более толерантны в своем отношении к успешным личностям, чем к представительным органам, и настолько разочарованы в политическом процессе, что не хотят принимать никаких мер для защиты или продвижения той несовершенной демократии, которая у них есть. Россияне с удовольствием критикуют имеющиеся институты, но зачастую не горят желанием их менять.

В этой главе внимание сосредоточено на двух наборах установок, значимость которых проистекает из их важности для теории демократии, их соотносимости с предполагаемыми тенденциями в российской политической культуре и пользы их учета для понимания сущности и степени влияния институциональных механизмов на политические ценности обычных людей. Первый из них отражает информацию о том, *что* россияне думают о политических институтах, в особенности о представительной законодательной власти как о ключевой структуре демократии, а также о сильной исполнительной власти как наиболее авторитарном элементе номинально демократических институтов. Второй набор установок связан прежде всего с представлениями россиян о роли граждан по отношению к этим институтам, а также с ожиданиями простых людей в условиях демократии.

Изучая эти установки, можно оценить, насколько плохо соотносятся идеи россиян с демократическими институтами и считают ли россияне, что их институты недостаточно эффективно служат демократическим ценностям. Поместив общественное мнение в России в конкретный контекст институтов, при которых живут россияне, можно увидеть, что кажущуюся недостаточную

поддержку некоторых аспектов демократии, по крайней мере в части случаев, более верно было бы понимать скорее как своего рода критику неэффективной работы этих институтов. Это, безусловно, не означает, что обычные россияне являются образцовыми демократами или что они не несут ответственности за недостатки своих нынешних институтов. Русские более критически относятся к своим институтам, чем к самим себе. Одна из задач граждан в демократическом обществе — оказывать давление на институты таким образом, чтобы они служили общественному благу, и неочевидно, что россияне в настоящий момент справились бы с этой задачей.

Курс демократических перемен в России

В первое десятилетие после распада Советского Союза в России при неустойчивой поддержке граждан, явно не придерживавшихся идеально демократических убеждений, возникли институты, в которых смешались демократические и авторитарные элементы. С одной стороны, на регулярной основе проводились конкурентные выборы и как должностные лица, так и население в целом ориентировались на их результаты. Резко повысился уровень личных свобод и исчезли барьеры, отделявшие советских граждан от остального мира. С другой стороны, новые правители России не всегда играли по новым правилам. Первые институты независимой России оказались в роковом тупике, выйти из которого удалось только тогда, когда в октябре 1993 года первый избранный президент России Б. Н. Ельцин приказал обстрелять парламент. Конституция Российской Федерации 1993 года также не смогла обеспечить баланс между институтами. Президент явно доминирует над Государственной думой: он имеет право назначить новые выборы, если Дума трижды откажется утвердить предложенного им кандидата на пост премьер-министра; он может проигнорировать первый вотум недоверия правительству и имеет право распустить Думу, если она выразит правительству недоверие во второй раз; и, наконец, он может издавать указы,

имеющие силу закона¹. Многие из наиболее противоречивых политических решений режима Ельцина, в частности, о продаже государственного имущества и начале первой чеченской войны воплощались прежде всего на основании президентских указов [Bova 1998: 189]².

Даже при таких условиях Ельцин, казалось, был недоволен ограничениями, налагаемыми Конституцией на его действия. Когда в 1996 году возник риск непереизбрания Ельцина на пост президента из-за серьезных экономических проблем, вызванных его политикой, президентская администрация заговорила об объявлении чрезвычайного положения и отмене выборов. В итоге вместо этого было принято стратегическое решение о передаче государственных активов некоторым «олигархам», имеющим власть над СМИ, что и обеспечило Ельцину победу [Reddaway, Glinski 2001: 477–481]. В 1999 году Ельцин уходит в отставку, чтобы передать своему собственноручно выбранному преемнику В. В. Путину все преимущества занимаемой должности, не подвергая Россию риску неуправляемых выборов с непредсказуемым результатом. В свою очередь, Путин пугает как россиян, так и западных наблюдателей своими разговорами об укреплении государства и восстановлении порядка в обществе. Его попытки заткнуть рот независимой прессе, заставить замолчать своих политических соперников, подчинить себе региональных лидеров и покончить с конкуренцией и присущей демократии неопределенностью выглядят как возвращение в гнетущее прошлое³.

Реакция народа на нарушение принципов демократии в России наиболее точно может быть охарактеризована эпитетом «сдержанная». Россияне не приложили практически никаких усилий, чтобы призвать власть к большей подотчетности перед обществом или даже к соблюдению принятых ею же законов.

¹ См. статьи 111, 117, и 90 Конституции Российской Федерации. См. также [Roeder 1994; Fish 2001].

² Во многих отношениях Россия является делегативной демократией. См. О’Доннелл Г. Делегативная демократия / URL: <http://old.russ.ru/antolog/predeley/2-3/dem01.htm> (дата обращения 07.04.21).

³ См. [McFaul et al. 2004; McFaul 2001: 362–363; Colton, McFaul 2003: 214–223].

Результаты их участия в выборах не всегда способствовали развитию страны в демократическом направлении. На протяжении 1990-х годов на многих местных выборах и выборах в Государственную думу россияне в массовом порядке выбирали в качестве своих представителей коммунистов, фашиствующих националистов и других людей с репутацией сомнительных демократов. Демократические партии показали низкие результаты на многих выборах, а на выборах в Государственную думу 2003 года не смогли получить ни одного места. Кроме того, россияне редко ставили под сомнение право представителей действующей власти манипулировать результатами выборов [Rose, Munro 2002; White et al. 1997]. В острые кризисные моменты, например, в 1991 году, во время решающего сражения между Ельциным и коммунистами — сторонниками жесткой линии, надевшимися сохранить советскую империю — и в 1993 году, во время схватки между президентом и Верховным Советом, большинство россиян оставались дома. Поначалу основная масса населения выступала против усилий федерального центра по подавлению мятежной Чечни, однако после нескольких взрывов в общественных местах и частных жилых домах осенью 1999 года многие простые россияне сплотились вокруг власти, и даже когда чеченские города уже лежали в руинах, а села подверглись опустошению, люди продолжали бездумно повторять тезис о том, что виной всему кучка террористов, которых не поддерживает чеченское население. Иными словами, обычные россияне не особенно рьяно защищали демократические институты и пытались заставить их работать лучше; они не были готовы защищать права других членов общества, особенно тех, которые не являются этнически русскими.

В то же время, однако, обычные россияне во многих отношениях вели себя более или менее как граждане устоявшихся демократий. Они в относительно массовом порядке принимали участие в выборах и подсчитывали их результаты, хотя и не очень хорошо разбирались в людях, которых они выбирали. Они пользовались своими новыми свободами для критики властей. Как только М. С. Горбачев ослабил контроль со стороны государ-

ства, россияне быстро и в большом количестве создали социальные и политические организации, которые составляют основу гражданского общества, причем еще до того, как такие организации были легализованы [Березовский, Кротов 1990]. Число созданных россиянами политических партий было скорее слишком велико, чем слишком мало. Даже в очень напряженные времена, когда многие люди страдали от серьезных экономических трудностей и неурядиц, демонстрации носили в основном организованный характер и граждане давали правительству достаточно времени для решения проблем. Таким образом, хотя россияне, возможно, и не идеальные демократы, они часто ведут себя так, как будто они таковыми являются. Как показано в главе второй, и по результатам опросов общественного мнения, и в реальной жизни россияне проявляют поддержку многих демократических ценностей, однако не во всех контекстах, не всегда в трудных ситуациях и не обязательно в большей степени, чем поддержку других общественных ценностей таких, как, например, порядок.

Измерения демократии

В этой главе рассматриваются причины неполной поддержки демократических ценностей простыми россиянами. Оптимальной для достижения указанной цели является методика глубинного интервью, поскольку она допускает применение серий вопросов, которые было бы затруднительно включить в стандартизированный опрос. В частности, такой подход позволяет иначе организовать беседу об институтах.

По ряду причин измерение поддержки демократии сопряжено с определенными трудностями. Во-первых, проблему представляет собой сам термин «демократия». Он обозначает сложное абстрактное понятие и может соотноситься во внеязыковой реальности с несколькими различными референтами. Невозможно с уверенностью утверждать, что исследователь и респондент, а также разные респонденты вкладывают в понятие «демократия»

один и тот же смысл в каждой беседе [Canache et al. 2001]. Разброс между возможными значениями слова «демократия», вероятно, особенно велик в России, поскольку данное понятие использовалось там весьма широко. В частности, советский режим провозглашал себя «народной» демократией, а так называемые демократы периода реформ в большей степени придерживались идее свободного рынка, чем политического равенства. В результате однозначное понимание того, что имеют в виду русские, когда употребляют слово «демократия», представляется затруднительным. Так, Дж. Драйзек и Л. Холмс в своем исследовании интерпретируют согласие респондентов с утверждением «Демократия и ситуация в России в целом представляют собой хаос и безобразия» как подтверждение их авторитарных взглядов [Dryzek, Holmes 2002: 105]. Однако этот вывод, возможно, является ошибочным, если под демократией респонденты подразумевали те политические институты, которые существовали в 1997 году, когда проводилось исследование. Во избежание возникновения подобных проблем в вопросах, включаемых в опросники, употребление слова «демократия» сводится к минимуму, а в случаях, когда это слово употребляется, сразу после него дается конкретизирующее пояснение⁴. В опросник, как правило, включаются вопросы, касающиеся конкретно различных аспектов демократии, а не значения абстрактного понятия или какого-либо слова.

Каковы же существенные признаки демократии? По мнению многих исследователей, демократия включает в себя как минимум три основных элемента⁵. Во-первых, при такой форме правления должны быть представлены механизмы, позволяющие значительной части населения как минимум участвовать в выборе лидеров и политического курса, а в более развитых системах — также в принятии более конкретных решений. Во-вторых, должна иметь

⁴ Например, в исследовании С. Уайтфилда и Дж. Эванса вопрос был сформулирован следующим образом: «Как вы относитесь к цели построения в стране демократии, при которой политические партии борются за власть?» [Whitefield, Evans 1996].

⁵ См. [Sorenson 1993: 13; Dahl 1971: 3–9; Di Palma 1990: 16].

место значимая *конкуренция* между людьми и их объединениями за ключевые должности. Иными словами, недостаточно предоставить гражданам возможность участвовать в выборах, не давая им возможности выбирать из нескольких кандидатов, как это, безусловно, было в Советском Союзе. Недостаточно также проводить соревнование, в котором всегда побеждает один и тот же участник. В условиях демократии власть любого человека или группы неизбежно будет непостоянной [Przeworski 1986]. В-третьих, основным элементом демократии, согласно большинству определений, является *защита гражданских и политических свобод*. Без такой защиты люди, свободно обсуждающие свои предпочтения с другими гражданами или объединяющиеся для продвижения своих интересов, подвергаются большой опасности. Граждане, выдвигающие свои кандидатуры на альтернативных выборах, в этом случае также подвергнут себя чрезмерному риску, поскольку скорее окажутся в тюрьме, чем добьются получения искомой должности.

Безусловно, можно предъявлять к демократии еще более высокие требования. В частности, Д. Хелд утверждает, что недостаточно предоставить гражданам равные права голоса без предоставления «равных прав на использование условий для эффективного участия, осознанного понимания и определения политической повестки дня», и в заключение заявляет, что демократическая автономия требует, чтобы люди были «свободны и равны в определении условий своей собственной жизни» [Held 1987: 285, 290]. Другими словами, четкого верхнего предела власти, которую, по канонам демократии, люди должны иметь над своей жизнью, может не быть. Однако нижний ее предел существует. Без инклюзивного участия, конкуренции за должности и защиты индивидуальных прав граждане не имеют даже возможности оказать какое-либо воздействие на условия, влияющие на их жизнь. Правда, в некоторых определениях эта планка устанавливается еще ниже, и единственным критерием демократии признаются выборы, а условия, в которых эти выборы проходят, фактически игнорируются [Schumpeter 1950]. Однако такие требования следует признать заниженными, если под демократией подразумевается

некоторая значимая возможность для части граждан — причем даже такой их части, которая находится в меньшинстве, — влиять на политические решения и жить в безопасности.

В стандартизированных опросах, посвященных демократическим ценностям, респондентам обычно задаются вопросы, касающиеся аспектов политического участия, конкуренции и индивидуальной свободы. Часто это вопросы о пользе выборов, о том, в какой степени следует защищать индивидуальные свободы, и о том, должны ли граждане иметь возможность влиять на решения, принимаемые политическими руководителями. Процент положительных ответов на «мягкие» вопросы о демократии — «Должны ли люди пользоваться личными свободами?» или «Должны ли граждане иметь возможность влиять на лиц, принимающих решения?» — будет, как правило, высоким даже в таких странах, которые не имеют длительного опыта демократии, в том числе в России [Colton, McFaul 2001: 10]. Следовательно, основное внимание в опросах обычно сосредоточивается на «жестких» формулировках типа «Должно ли у людей быть так много свободы, что они могли бы нанести вред обществу?» или «Следует ли разрешить участвовать в выборах членам политических партий, стремящихся свергнуть демократию?» [Colton 2000: 248, Whitefield, Evans 1996]. Такая постановка вопросов проблематична по ряду причин. Прежде всего, не очевидно, что успех демократии зависит от того, разбираются ли простые граждане в сложных аспектах демократической жизни. Во многих действующих демократиях защита прав непопулярных меньшинств осуществляется не волей большинства граждан, а судами и конституцией. Кроме того, такие вопросы, возможно, вынуждают респондентов делать выбор между неприятными крайностями, ни одна из которых не соответствует условиям, в которых люди хотели бы жить⁶.

⁶ По мнению исследователей, опросы методом вынужденного выбора по своему качеству превосходят многие другие опросы, в частности, такие, где респондентам предлагается ответить, согласны ли они с тем или иным утверждением. В последнем случае респонденты, особенно представители «вежливых культур», обычно выражают согласие. См. [Javeline 1999].

Сложность разработки формулировок для опроса в целях замера поддержки демократии заключается в том, что идеи и ценности, подлежащие измерению, довольно абстрактны. В исследовании необходимо установить, считают ли респонденты, что обычные люди должны иметь возможность контролировать свою жизнь и решения тех, кто ими руководит; какова ответственность управляющих перед управляемыми; стоят ли трудности демократии на практике — задержки в принятии решений, неразбериха и конфликты — ее потенциальных выгод. Следует также выяснить, как, по мнению респондентов, граждане должны относиться к государству, и наоборот. В конечном итоге исследователь должен понять, что люди думают о возможностях коллективных действий для достижения общей цели. К сожалению, в случаях, когда в стандартных опросниках используются абстрактные формулировки, возникает ряд проблем. Люди, которые обычно не уделяют много времени систематическим размышлениям о политической жизни, испытывают затруднения при ответах на абстрактные вопросы. Даже если исследователю удастся получить ответы, при анализе невозможно с точностью определить, что именно имеют в виду респонденты, отвечая на вопросы высокой степени абстракции. В самом деле, респонденты, возможно, думали совсем не о том, что имели в виду авторы вопросов. В связи с этим в опросах общественного мнения абстрактные вопросы формулируются в конкретных терминах. В частности, абстрактные формулировки о влиянии граждан на правительство заменяются вопросами о выборах, а абстрактные вопросы о надлежащих пределах свободы в обществе заменяются вопросами о том, должны ли экстремисты иметь возможность проводить открытые собрания.

Однако такие конкретизированные вопросы также могут вводить респондентов в заблуждение. Вместо того чтобы отвечать исходя из того, что *должно* соответствовать идеальной демократии, люди могут давать ответы, основываясь на собственном опыте. В новых демократиях этот опыт часто связан с несовершенством функционирования институтов. Так, например, когда респондентов просят выразить согласие либо несогласие с утверждением:

«Любой человек или организация имеет право организовывать противодействие или сопротивление любой правительственной инициативе», они, возможно, будут отвечать исходя из того, что, по их мнению, возможно в соответствии с реальным положением в их стране, а не в соответствии с их пониманием требований, предъявляемых к демократии, или с их личными предпочтениями⁷. В частности, когда респонденты соглашались с тем, что выборы — это пустая трата денег, они, возможно, не имеют в виду, что граждане должны отказаться от выбора своих руководителей: отвечая таким образом, они, вероятно, указывают на то, что условия, в которых проводятся выборы в их стране, на самом деле не дают людям этой возможности.

Противоречие между абстрактным идеалом, который подлежит оценке, и конкретным референтом вопроса особенно сильно проявляется в вопросах об институтах. Некоторые институты жизненно важны для работающей демократии. Например, исключительно важную роль в теории демократии играют представительные законодательные органы, или парламенты⁸. Такие органы наилучшим образом представляют разнообразные интересы и идеи различных слоев общества. Следовательно, они относятся к числу тех институтов, где конкуренция между альтернативными решениями, лежащая в основе демократии, становится наиболее заметной. Избирая представителей в законодательные органы, граждане косвенно участвуют в выборе, который влияет на их жизнь. Кроме того, обычные люди имеют больше возможностей встретиться и поговорить с законодателя-

⁷ Формулировка вопроса из работы [Miller et al. 1996]. А. Миллер и его коллеги, возможно, хотели, чтобы респонденты высказали свое мнение о том, существует ли «право» на собрания, основываясь на логике, согласно которой демократы будут отстаивать существование такого права, даже если на практике в этом праве будет отказано. В установившихся демократиях, или по крайней мере в США, люди могут полагать, что права на собрания и оппозицию являются неотъемлемыми, данными им от Бога, а не зависимыми от воли властей. В новых демократиях, где ранее именно эти права отсутствовали, граждане с большей вероятностью будут думать, что фактически у них могут быть только те права, которые готова признать за ними власть.

⁸ См., напр., [Dahl 1989: 28–30; Федералист 1994: 331–337; Markovitz 1999].

ми, чем с президентами, и, следовательно, законодательные органы предоставляют гражданам большее число точек доступа к лицам, принимающим решения, и упрощают доступ к этим лицам. Исторически законодательные органы были средством ограничения власти королей, а сегодня они продолжают играть ключевую роль в ограничении исполнительной власти и возможности тирании⁹. Таким образом, народная поддержка демократии обязательно должна включать в себя поддержку представительных институтов и принципа их функционирования. Без представительных институтов трудно представить себе демократическую систему для достаточно большой группы людей.

Возможно ли измерение поддержки демократических ценностей при помощи стандартизированных опросов? Вопросы о способах примирения конкурирующих интересов оказываются слишком абстрактными. Вопросы о каком-либо институте на основании собственного опыта респондента могут, опять же, породить ответы, которые отражают меру удовлетворенности этим конкретным и, вероятно, несовершенным институтом, а не меру поддержки идей представительства и конкуренции. Аналогичные проблемы возникают с вопросами о любых институтах, поскольку вполне возможно, что в реальности суды недостаточно эффективно защищают права граждан, «свободная пресса» пропагандирует взгляды своих владельцев, а политические партии не выдерживают и одного периода между выборами. Ввиду трудностей, связанных с вопросами об институтах, авторы замеров поддержки демократии на основе стандартизированных опросов часто избегают вопросов об институтах и в значительной степени полагаются на вопросы, связанные с индивидуальными правами — важным, но далеко не единственным аспектом демократии.

Некоторые из указанных проблем могут быть успешно решены путем проведения глубинных интервью с открытыми вопросами. В непринужденной беседе в контексте таких интервью респонденты

⁹ См. [Руссо 1998; Монтескье 1999; Soberg Shugart, Carey 2003: 272–276; Dahl 1971].

могут разъяснить свое понимание демократии. В процессе разговора исследователь может задавать вопросы, предполагающие вынужденный выбор варианта ответа, не заставляя респондента делать такой выбор, а респондент может объяснить логику своих рассуждений и свои затруднения с выбором варианта. В продолжительной беседе появляется возможность обсудить как конкретные институты, так и абстрактные принципы, лежащие в их основе, и естественным образом перейти от институтов, с которыми респондент знаком по собственному опыту, к институтам, которые могли бы существовать в условиях, приближенных к идеальным. Отсутствие необходимости разбивать сложные идеи на короткие и легко понимаемые вопросы позволяет уделить институциональным аспектам демократии больше внимания, чем им обычно уделяется при проведении стандартизированных опросов.

Институты представительной власти

Хотя согласно всем теоретическим подходам институты представительной власти входят в число важнейших элементов действующей демократии, эти институты плохо вписываются в стандартные концепции российской политической культуры. Почти во всех работах, посвященных политической культуре России, утверждается, что политическое устройство общества, предполагающее разделение властей и тем самым слишком конфликтное, противоречит русским традициям или культуре и потому не нравится россиянам. Некоторые ученые в этой связи указывают на славянофильское понятие *соборности*, подразумевающее симфоническое единство, в котором разнообразие индивидуальных интересов разрешается в гармоничном целом [McDaniel 1993: 32–46; Sergeyev, Viryukov 1993: 22–34]. *Соборность* не совместима с признанием конкурирующих интересов, то есть не содержит в себе идеи о том, что благо, к которому стремятся люди, может пониматься разными людьми по-разному, и эти представления могут вступать в конфликт. Другие исследователи

обращают внимание на автократические тенденции в российском политическом мышлении. Например, Э. Кинан утверждает, что неблагоприятные условия жизни в России — от огромных размеров страны и сурового климата до повсеместного распространения волков-людоедов — затрудняли установление политического порядка [Keenan 1986: 115–181] и решение проблемы состояло в концентрации власти для создания оплота борьбы против воцарения хаоса. Несмотря на наличие у представительных институтов некоторых потенциальных достоинств, эти институты были сочтены слишком рискованными для российских условий ввиду их тенденции к бесконечным дебатам и изменению решений при смене большинства. По мнению Кинана, сосредоточить власть в руках относительно узкого круга лиц было менее опасно. В соответствии с концепцией Л. Я. Гозмана и А. М. Эткинды, причины неприятия россиянами различий во мнениях кроются в не столь далеком прошлом: при советской власти люди почти ничего не знали об образе жизни, отличном от их собственного, у них практически не было опыта принятия независимых решений и выбора между двумя потенциально правильными точками зрения, а образование они получали в школах, где нивелировались любые различия [Gozman, Etkind 1992: 83–85].

Таким образом, концентрация власти является главной характерной чертой институтов, существовавших в России не только в XV веке, как это описано в работе Кинана, но также и при царях, и в советский период. Многие исследователи полагают, что опасения, которые послужили причиной предубеждения предков россиян против разделения властей, не утратили своего веса и сегодня. Например, Ю. А. Зарахович писал:

Каждый народ имеет тех правителей, которых он заслуживает, но у меня есть такое неприятное ощущение, что мы имеем тех правителей, которых хотим иметь. <...> Если наши правители — лжецы, то это потому, что мы, народ, считаем ложь чем-то само собой разумеющимся. <...> Если наши правители угнетают нас, то это потому, что слишком много людей в нашей стране оплакивает *хозяина*, деспотичного вождя [Zarakhovich 1998: 76].

В этой связи стоит также отметить, что, как показывают результаты широкомасштабных опросов общественного мнения, большинство россиян не доверяло старому Верховному Совету и не в большей степени доверяет Государственной думе, которая пришла ему на смену¹⁰.

В этом разделе предпринимается попытка определить, является ли отношение россиян к институтам представительной власти результатом недемократических предпочтений, укорененных в культуре, или, наоборот, такое отношение вызвано неудовлетворенностью тем, как функционируют реальные институты. Если ключевым фактором являются культурные предпочтения, от респондентов следует ожидать в равной мере критического отношения как к действующим институтам, так и к абстрактным демократическим идеалам. В этом случае также логично предположить, что россияне будут выступать за замену представительных институтов более авторитарными, с меньшими ограничениями исполнительной власти и меньшим пространством для присущих демократии компромиссов и конфликтов. Напротив, если неудовлетворенность простых россиян проистекает из неспособности новых политических институтов функционировать в соответствии с демократическими стандартами, то критика, вероятно, будет сосредоточена на провалах в работе институтов, предлагаемые альтернативы будут направлены на приближение институтов к демократическим идеалам, а скептицизм будет распространяться лишь на сами эти институты. Иными словами, в этом случае предполагается, что люди продолжают поддерживать демократию в принципе, хотя и критически относятся к ее конкретному практическому воплощению.

В ходе проведенных интервью положительное отношение к каким-либо аспектам деятельности Государственной думы выразило незначительное меньшинство респондентов. Некоторые собеседники сравнивали ее заседания с мильной оперой или кукольным театром и фактически вторили известной ленинской критике «буржуазного» парламентаризма, обвиняя депутатов

¹⁰ См. [Rose 1994; Rose, Doh Chull Shin 2001; ВЦИОМ 2001a: 67].

Думы в том, что они много говорят, но почти ничего не добиваются. Те же, кого деятельность Думы устраивала в большей степени (респонденты, допустившие, что депутаты, возможно, в некоторых случаях поступают правильно), либо были в основном удовлетворены своим материальным положением, либо более четко осознавали роль представительного законодательного органа как противовеса исполнительной власти. В своих ответах на просьбу дать определение демократии лишь немногие из респондентов отметили значение законодательной власти как института, представляющего множество имеющихся у людей разнообразных точек зрения.

Тем не менее жалобы участников интервью на представительные органы явно относились скорее к реально существующему законодательному органу, чем к законодательным органам вообще. Например, респонденты, наиболее критически настроенные по отношению к Государственной думе, не только указывали на то, что депутаты тратят слишком много времени на принятие решений, но и задавались вопросом, принимают ли они вообще какие-либо решения. Люди также жаловались на медлительность, с которой депутаты заполняли огромные пробелы, образовавшиеся в законодательстве после краха коммунистического режима. Руслан, квалифицированный рабочий из Москвы, заметил:

Дума слишком много внимания уделяет своим делам, своим друзьям и очень мало — законам. Они должны сделать для нас законы. Сейчас, к сожалению, прошло несколько лет, а нормальных законов у нас все еще нет. Структуры в целом изменились, но мы по-прежнему живем по старым законам¹¹.

¹¹ Все имена респондентов являются псевдонимами. Чтобы дать читателю некоторое представление о характеристиках респондентов, им присваивались имена различного типа в зависимости от возраста. Респондентам в возрасте до 30 лет присваивались уменьшительные имена (оканчивающиеся на -а или -я, например: Миша, Наташа, Коля, Света и т. п.). Респондентам старше 60 лет присваивалось имя с отчеством, поскольку к людям такого возраста принято обращаться по имени-отчеству. В целях затруднения точной идентификации участников исследования респонденты определяются лишь как жители Москвы, Московской области, Сибири (Красноярск,

Пять лет спустя Дима, чиновник органа местного самоуправления, допустил, что Госдумой были приняты некоторые достойные законы, однако высказал мнение, что депутаты

должны уделять больше внимания законодательству, чем домыслам, ни на что не влияющим, или, как говорят, не дающим конкретных рычагов воздействия на ситуацию. То есть это лишь декларативные заявления, за которыми ничего не стоит, которые, в общем, ни на что не влияют, а лишь провоцируют политические игры в обществе.

Некоторые из наиболее политически грамотных респондентов отметили, что Дума иногда принимает совершенно правильные законы, но не заботится о предоставлении финансирования, необходимого для их реализации.

Помимо склонности заниматься в большей степени разговорами, чем делом, многое из того, что вызвало у респондентов отрицательное отношение к Думе, не относилось к характеристикам, присущим ее природе как представительному институту.

Новосибирск, Элиста) или европейской части России (Смоленск, Ульяновск и Воронеж). Демографические характеристики респондентов приведены в приложении А.

Примечание о цитировании высказываний респондентов. Все цитаты высказываний респондентов являются прямым переводом записанных на пленку отрывков интервью с русского языка на английский. При переводе я старалась передать исходный смысл высказывания на разговорном английском языке, что, учитывая особенности разговорного русского языка, влекло за собой изменение порядка слов, а иногда и структуры предложений. Я не пыталась передавать заминки, отражающие сомнения респондентов, и иногда объединяла разрозненные словосочетания в грамматически полные предложения. Также в английском переводе текстов могут присутствовать слова, добавленные для передачи значений, которые в языке оригинала передаются грамматическими средствами. В некоторых случаях частичные ответы трансформировались в полные путем соединения частей вопросов таким образом, чтобы ответ приобрел осмысленный характер. *(Ввиду отсутствия доступа к оригинальным репликам респондентов в этой книге их высказывания являются результатом обратного перевода с английского языка на русский — Примеч. пер.)* Многоточиями обозначаются пропуски частей высказывания, а не паузы в речи.

Скорее, по мнению респондентов, Дума не может функционировать как представительный институт, то есть служить общественным интересам, представлять волю большинства и предоставлять возможность обычным людям влиять на решения. Экономист Алла сказала о депутатах: «Они не защищают интересы народа. Они не умеют разговаривать с людьми, не умеют вести диалог. ... Они не зависимы от народа». Согласно результатам массовых опросов, большинство россиян не считает правление в своей стране демократическим, и в описываемом исследовании участники интервью в основном придерживаются того же мнения¹². Очевидно, негативное отношение респондентов к Думе объясняется ее неспособностью выступать в качестве демократического института.

Смысл наиболее распространенных критических замечаний в адрес Думы, как представляется, заключается в том, что в ней заседают корыстные люди, сосредоточенные на собственных интересах. В частности, Татьяна Михайловна отметила, что Дума функционирует как «кормушка» для тех, кто пытается присвоить себе общественные блага, а Борис Борисович, как и многие другие респонденты, назвал депутатов продажными. Он сказал: «Дума разделилась на партийные фракции, но дело в том, что это не партии. Это шайки мошенников, которые преследуют только свои личные корыстные интересы, а необходимую общественную деятельность отодвигают на задний план». По этому поводу Лев лаконично заметил: «Ну, на выборах вы выбираете депутата, а потом он только пользуется своими привилегиями». Полученные результаты перекликаются с результатами массовых опросов, проведенных примерно в то же время, что и интервью: по мнению значительного большинства респондентов, российская власть коррумпирована на всех уровнях [Лайдинен 2001: 29; Бызов 2001: 8].

¹² В ходе опроса, проведенного компанией «Ромир» в сентябре 2000 г., автор исследования Н. В. Лайдинен обнаружила, что на вопрос, считают ли респонденты Россию демократическим государством, 6,5 % опрошенных ответили утвердительно, еще 21,3 % респондентов скорее согласны с этим. См. [Лайдинен 2001: 28].

Некоторые респонденты выражали изумление некомпетентностью Думы. Зинаида, работница находящегося на грани банкротства авиационного завода, сказала:

Это базар с деревенскими бабами. Меня просто поражает, что люди с высшим образованием могут до такой степени опуститься. Конкретных предложений у них нет. ... Это потрясающе, честно сказать, потрясающе. Неужели люди с высшим экономическим, политологическим, гуманитарным образованием не могут достигнуть взаимопонимания? Ведь у каждого из них есть дом, да? У них есть семьи. У них есть семейный бюджет. Они что, управляют своим семейным бюджетом так же, как управляют страной?

Многие из респондентов, выражая пожелание, чтобы депутаты Думы лучше представляли общественность, в то же время беспокоились о том, что в парламенте слишком много конфликтов, что депутаты слишком глубоко погружены в политику и слишком мало занимаются чисто законотворческой деятельностью. Тот факт, что для написания законов может потребоваться примирение конфликтующих интересов и законотворчество представляет собой политический, а не чисто технический процесс, признавали не все собеседники. Например, Толя посетовал на лоббистов, которые подталкивают Думу к принятию законов, которые им нравятся. Он заявил: «Я считаю, что законы должны приниматься в интересах всего общества, всех людей, а не в интересах определенной группы или какой-либо олигархической структуры». Опасения Толи по поводу законов, благоприятствующих лишь богатым, вполне понятны, однако его критика в адрес Думы не уравновешивалась признанием того факта, что трудности может представлять само по себе определение интересов «всего общества, всех людей», не говоря уже о немедленном удовлетворении всех людей сразу.

По мнению другой группы респондентов, депутатам следовало бы просто писать законы, а не пытаться призвать правительство или президента к ответу за предпринятые ими политические шаги; некоторые из респондентов рекомендовали депутатам

не вмешиваться в «политические» дела, которые их не касаются, в такие, например, как война в Чечне. Например, Александра Антоновна, пенсионерка, бывшая служащая госучреждения, высказала следующее суждение: «Мне кажется, Дума еще не научилась действовать. Слишком много эмоций. Я бы хотела, чтобы депутаты больше занимались делом. Они должны создать законодательную базу. В России это все очень неразвито. И надо все это создавать, а не заниматься политикой». Респонденты, опрошенные в годы правления Ельцина, были обеспокоены тем, что между Думой и президентом существует слишком много конфликтов, и выражали пожелание, чтобы лидеры Думы более четко осознавали предназначенную им роль «помощников» президента.

Люди, которые в 1998 году поддерживали политику Ельцина, в своем большинстве видели в Думе препятствие на пути прогресса; те же, кому политика Ельцина не нравилась, отзывались о Думе в основном менее негативно, хотя их не устраивала неспособность Думы привлечь Ельцина к ответу. Несмотря на то что за годы правления Путина острота конфликта между президентом и Думой снизилась, количество жалоб на Думу не уменьшилось, однако изменилась их точка приложения. Респонденты, опрошенные в 2003 году, чаще сетовали на то, что Дума излишне раболепна, слишком склонна к компромиссу с президентом и олигархами, лишена независимости.

Почти никто из интервьюируемых не обратил внимания на то, что Дума обладает недостаточным объемом конституционных полномочий и, следовательно, зависит от воли президента. Один из респондентов даже заметил, что для написания законов Думе не нужны никакие полномочия, а это, в конце концов, и является ее «надлежащей» функцией. Поскольку интервью 1998 года проводились в тот период, когда Ельцин угрожал назначить новые выборы в Думу, если депутаты не утвердят С. В. Кириенко на пост премьер-министра, и сразу после этих событий, тот факт, что люди в большинстве не признавали конституционную уязвимость Думы, мог бы вызвать удивление. Правда, несколько человек сообщили, что, возможно, у них было недостаточно информации,

чтобы судить о повседневной деятельности Думы, и, если бы они знали о ней больше, они могли бы более полно оценить работу парламента.

Несмотря на недовольство реально существующей Думой и нечеткое понимание различных аспектов той роли, которую играют парламента, респонденты в основном соглашались с тезисом о необходимости существования Думы или другого подобного органа. Впрочем, были и исключения. Например, Владимир Ильич, пожилой мужчина из Подмосковья, назвал демократию «демонстрацией бездельников» и объявил Думу бесполезным грузом для пенсионеров и народа вообще. Он также был в значительной степени удовлетворен деятельностью Ельцина и, следовательно, в целом не склонен приветствовать роль Думы как противовеса президентской власти. Некоторые респонденты, отметившие неэффективность Думы, также выразили мнение, что вряд ли ее отсутствие вызвало бы у кого-либо сожаление. Люди, которые были недовольны работой Думы, упоминали, что все было бы хорошо, если бы на посты были избраны более достойные люди, однако большинство собеседников были готовы все же поддержать существование Думы в любой форме. Более того, когда респондентов прямо просили попытаться объяснить, *зачем* должен существовать такой институт, как Дума, многие в конце концов заявляли, что парламента необходим для уравнивания власти президента и для представления разнообразия регионов и народов России, поскольку выполнение этих функций не под силу ни одному конкретному человеку¹³. Аркадий, научный работник из Сибири, высказал следующее мнение: «В Думе есть люди, которые выступают против президента, не дают ему полной власти. В этом смысле я доволен Думой. Тем, что это своего рода противовес президенту». Лев, рабочий завода, выразился проще: «Если бы не было Думы, у нас была бы, как говорится, диктатура.

¹³ При этом многие респонденты выступали за упразднение городских дум, по крайней мере в небольших городах, поскольку для людей не было очевидно наличие в таких городах конфликтующих интересов, которые необходимо представлять депутатам.

Один только президент, и он был бы вроде диктатора». По мнению других респондентов, представительный характер Думы приближает власть к населению. Например, Вася сказал: «Дума нужна в любом случае, потому что это связующее звено между вершиной власти и теми, кто находится внизу».

Таким образом, участники интервью имели довольно противоречивое представление о Государственной думе и сквозь ее призму о представительных институтах в целом, причем имели место противоречия не только между мнениями разных людей, но и прежде всего в мыслях одного человека. Почти все респонденты высказывали недовольство некоторыми аспектами работы Думы (или тем, что по мнению большинства вызывало ее неадекватность), и все же почти каждый из них смог сформулировать причину, по которой Дума должна существовать. Формулируя эти причины, респонденты часто демонстрировали более тонкое, чем в начале разговора, понимание роли представительных институтов в демократии. Безусловно, у многих было слишком упрощенное представление о легкости, с которой можно писать законы, приемлемые для всех, и защищать противоречивые интересы, однако наличие подобных представлений не может служить доказательством уникальности народа в культурном отношении.

Здесь было бы полезно провести некоторое сопоставление россиян и американцев. Без сравнения трудно понять, уникальны ли россияне в своем неприятии конфликтов, присущих представительным институтам, или такое неприятие является общей чертой, которую они разделяют даже с гражданами стабильных демократий. Как оказалось, американцы, по-видимому, не проявляют большей терпимости к политическим конфликтам, чем российские респонденты. Демократические процедуры им нравятся не больше, чем россиянам. Американцы склонны враждебно относиться к Конгрессу, считая его работу неэффективной и излишне конфликтной. Представляется, что американцы также верят, что все граждане между собой согласны, а столкновение интересов происходит из-за государственных чиновников [Hibbing, Theiss-Morse 1995; Hibbing, Theiss-Morse 1999].

Мои американские респонденты также сетовали на партийность Конгресса, на «препирательство и упрямство», а также на тенденцию представителей сосредоточивать избыточное внимание на вопросах, которые, по-видимому, не затрагивают непосредственных интересов граждан страны. Как и российские респонденты, они говорили, что их представители служат своим партиям и интересам богатых лоббистов, а не выражают взгляды избирателей. Например, Кэролайн выразила это мнение в форме вопроса: «Действительно ли кто-нибудь из членов Конгресса заинтересован в людях, которых они представляют, или они заинтересованы только в том, как выиграть свою шахматную партию?» Однако американцы в большей степени, чем российские респонденты, смотрели на представительный орган сквозь призму интересов своей партии: демократы жаловались на республиканцев, а республиканцы жаловались на демократов, вследствие чего сам Конгресс не стал объектом столь резкой критики. Резюмируя, Билл сказал: «Конгрессу я доверяю. Может быть, не столько отдельным конгрессменам, сколько Конгрессу в целом, но доверяю. Думаю, что в Конгрессе есть система сдержек и противовесов. Люди как бы компенсируют друг друга. Я думаю, что в конечном итоге только так можно увидеть людей с лучшей стороны». В целом почти все американские респонденты смогли отразить в своих ответах ту жизненно важную роль, которую представительный законодательный орган играет в демократической системе. Следовательно, в их понимании этот институт является необходимым. Кроме того, они в гораздо большей степени, чем россияне, осознавали, что в отношениях между законодательными и исполнительными органами часто имеет место конфликт, и что этот конфликт может служить интересам простых людей.

Таким образом, недовольство моих российских респондентов Думой, вероятно, отчасти объясняется отсутствием у них опыта участия в политической жизни и неспособностью учреждений, ответственных за просвещение общественности, привить людям понимание канонического принципа сдержек и противовесов. Кроме того, источником проблем, по-видимому, является неспо-

способность Думы адекватно представлять интересы обычных людей, а не культурные предпочтения, направленные на избежание беспорядка в представительных институтах. Как резюмировал Миша, «Дума в идеале должна ограничивать власть кабинета министров, президента и действовать в защиту интересов народа, но пока это не то, что мы имеем». Однако толерантность, которую люди проявили к беспорядку, присущему представительным институтам, была неограничена. Мои российские респонденты хотели от своей Думы конкретных достижений: они желали видеть законы, которыми будет руководствоваться их новое общество. И поскольку Дума оказалась неспособна выполнять свои прямые обязанности, некоторые из моих российских респондентов не видели причин для ее дальнейшего существования.

Тоска по хозяину?

Как бы то ни было, согласно прогнозам школы политической культуры, россияне должны не только с неприязнью относиться к представительным институтам, но и предпочитать сильную централизованную власть. В связи с этим встает вопрос об отношении обычных людей к заложенной в Конституции РФ сильной власти президента. Здесь будет полезен тот факт, что интервью проводились в России в три разных периода времени: интервью 1998 года — на финальном этапе правления Ельцина, когда он пробыл на посту почти семь лет; интервью 2000 года — когда Путин занимал должность исполняющего обязанности президента, в период между моментом его назначения на этот пост Ельциным и мартовскими выборами; интервью 2003 года — когда Путин занимал президентское кресло уже более трех лет, что дало людям достаточно времени, чтобы оценить его деятельность.

Ближе к концу пребывания Ельцина на посту президента у него было больше поклонников, чем у Государственной думы, хотя и не намного. Те, кто положительно отзывался о Ельцине, как правило, принадлежали к числу самых решительных сторонников перевода российской экономики на рыночные рельсы.

Эти люди были готовы не обращать внимания на недостатки Ельцина ввиду важности его целей. Например, Коля, молодой рабочий с юга России, дал следующий комментарий: «Лично я считаю, что Ельцин точно ошибался. Никто не идеален, и, конечно, бывают ошибки. ... Рано или поздно бывают и серьезные промахи, но, на мой взгляд, политика правильная». Многие в целом положительно отзывались о ранних годах правления Ельцина и его усилиях по освобождению россиян; в последние годы его режим вызывал сильное недовольство. Серьезной критике подвергалась экономическая политика Ельцина, часто на том основании, что такая ситуация, когда промышленные предприятия не работают, а небольшая группа людей, близких к правительству или вышедших из старой структуры власти, захватывает все, что возможно, никак не может отвечать интересам большинства.

Обращаясь непосредственно к теме этого раздела, следует отметить, что большинство респондентов, недовольных Ельциным, критиковало его за авторитарное поведение. Безработный молодой человек из Москвы по имени Слава, в целом симпатизирующий Ельцину, заметил, что Ельцин «проводит такую жесткую политику, ни с кем не договаривается, ни с депутатами, ни с кем, и об этом говорят даже везде по телевизору». Николай, относящийся к Ельцину с меньшей симпатией, выразился о нем следующим образом: «Он лживый, он непредсказуемый. Он мелкий тиран; слово есть такое — *самодур*. Он не подчиняется даже тем законам, которые сам устанавливает». Другие респонденты сравнивали стиль руководства Ельцина со стилем руководства высокопоставленного чиновника Коммунистической партии, заявляя, в частности, что он принимает решения без каких-либо обсуждений. Акцентируя внимание на процедуре назначения Кириенко на пост премьер-министра, многие участники интервью 1998 года отмечали, что Ельцин даже не посчитал нужным объяснить депутатам Думы, почему следует поддержать кандидатуру Кириенко, хотя этот вопрос был вполне обоснованным, учитывая молодость Кириенко и его неожиданное возникновение из относительной безвестности. Анна Павловна, пенсионерка из Подмосковья, прокомментировала ситуацию следующим

образом: «[Ельцин] ведет себя так бестактно. ... Он сказал: “Я говорю Кириенко — и все! И больше ничего!” ... Если бы я была президентом, я бы пошла в Думу и обсудила бы там, ну, причины, по которым я поддерживаю Кириенко».

Следуя в русле традиционного отношения крестьян к царю и боярам, некоторые участники интервью обвиняли во всем не столько Ельцина, сколько его окружение. Многие из участников интервью 1998 года считали, что Ельцин слишком болен, чтобы работать эффективно, в результате чего потерял связь с народом, и лишь один респондент — Иосиф — подверг Ельцина критике за слишком слабое руководство в то время, когда ситуация требовала решительных действий. Он заявил:

Ельцин обладает большой властью. У него много полномочий. Но он проявляет пассивность в принятии решительных мер, необходимых России в этот переходный период. Поэтому Россия теряет время, а российский народ теряет веру в демократию. В итоге руководство Ельцина опасно для демократии.

Однако даже этот респондент был обеспокоен лишь тем, что власть Ельцина была слишком слабой для успешной борьбы с коррупцией и защиты интересов граждан. Несмотря на проявленное в какой-то момент положительное отношение к И. В. Сталину, этот человек не выступал за такое сильное руководство, в результате которого у людей были бы отняты демократические права, считавшиеся исключительным завоеванием периода правления Ельцина.

Таким образом, в своих оценках Ельцина интервьюируемые не проявляют признаков инстинктивной тяги к авторитаризму. Они критикуют как непопулярную политику, которую Ельцин проводил благодаря наличию у него соответствующих властных полномочий, так и его автократическое поведение, а самым большим достижением периода правления Ельцина они считают расширение свобод личности. Западная пресса была склонна изображать Путина, преемника Ельцина, скроенным по более авторитарным лекалам, нежели сам Ельцин, поскольку в прошлом он

был сотрудником КГБ и поддерживал ведение жестокой войны в Чечне. Была ли относительная популярность Путина следствием этих его черт?

Участники интервью, проведенных в феврале 2000 года, в основном соглашались с тем, что Путин отличается от Ельцина, но прежде всего выделяли такие его черты, как энергичность, живость характера, молодость, образованность, опыт и решительность. Одному человеку, участвовавшему в групповом интервью в составе трудового коллектива, понравилось, что Путин умел связать больше двух слов, в то время как Ельцин говорил однословными предложениями, что часто становилось объектом пародирования. Светлане, представителю московской интеллигенции, понравилось, как Путин общается с представителями прессы — спокойно и четко аргументируя свою позицию. Некоторые респонденты отмечали человечность, проявленную им в межличностных отношениях и отраженную в его многочисленных телевизионных выступлениях перед выборами 2000 года. Геннадий, намеревавшийся голосовать «против всех» на предстоящих выборах, раскритиковал Путина за отсутствие авторитарного имиджа: «Путин не соответствует образу российского правителя. ... Несмотря на все свои недостатки, Ельцин больше соответствовал монархическому идеалу российского лидера».

Кроме того, Геннадий предположил, что, ведя войну в Чечне, Путин пытается создать себе политический имидж непримиримого борца с терроризмом. Респонденты, более симпатизирующие Путину, напротив, были склонны рассматривать войну как неизбежное зло, даже как гуманитарный акт, сопоставимый с интервенцией НАТО в бывшей Югославии. Напуганные террористическими актами в самом сердце России и, как они полагали, противозаконными вооруженными беспорядками в Чечне, они выражали уверенность в том, что Путин, по крайней мере, хорошо провел эту злосчастную войну, поставив конкретные цели, взяв на себя ответственность и двигаясь от хаоса к возможному в будущем достижению мира. Так, Галина Григорьевна, пожилая женщина, пережившая оккупацию своего города нацистами во время Второй мировой войны, отметила:

Я довольна его решительностью и смелостью. Почему? Потому что другие начали это в Чечне, а потом испугались и все бросили, а он смело пошел вперед. Он молодой, энергичный, взялся за это и сказал: «Я пойду до конца. Вот. Так и будет». Все говорят, что Сталин был старым сами знаете кем, но при нем мы жили, ничего не боясь. Мы были у него как под надежным крылом. Я надеюсь, что и Путин будет таким.

Во многих ранних суждениях людей о Путине слышались нотки ожидания и надежды на то, что он окажется лучшим президентом, чем Ельцин, что он прислушается к людям, будет бороться с коррупцией и добьется улучшения ситуации в экономике, однако это были весьма скромные надежды. В 2000 году мои собеседники не ожидали, что Путин изменит Россию и их жизнь так, как они, возможно, хотели этого. Их толерантное отношение к действиям, ущемляющим права других людей, и в частности к чеченской войне, а также их воспоминания о чувстве безопасности при Сталине можно интерпретировать как готовность следовать за сильным лидером в направлении, противоположном демократии. Однако большинство респондентов считали Путина не диктатором или спасителем, а просто компетентным человеком с чувством ответственности перед своим народом, и именно это, по-видимому, привлекало людей. Такая интерпретация подтверждается результатами национальных опросов. В 1998 году, когда президентом еще был Ельцин, большинство респондентов считало, что Россия движется в тупик, но к 2001 году, по прошествии первого года президентства Путина, большинство опрошенных уже склонялось к мнению, что Россия находится на правильном пути развития и этот путь приведет к положительным результатам [Горшков 2003: 413].

К 2003 году россияне имели уже достаточно длительный опыт общения с Путиным. Они наблюдали, как он арестовывал олигархов, пытался поставить региональных лидеров под контроль федерального центра и создавал командную опору власти в центре российского политического спектра. Видели ли они в нем потенциального диктатора и, что более важно, одобряли ли возможность развития в таком направлении? К 2003 году многие

респонденты уже в несколько меньшей степени надеялись на то, что Путин сможет способствовать улучшению их жизни. Некоторые считали, что Путин не полностью реализовал свой потенциал и за время его правления достаточного улучшения жизни простых людей не произошло. Как лаконично сказала София, «Путин делает мало, и это видно по тому, как живут люди». Светлана, участвовавшая в интервью все три года, в 2000 году поддерживала Путина, но к 2003 году уже не думала, что он действительно сохраняет контроль над правительством; она полагала, что он скорее действует по приказу других. В целом респонденты чаще критиковали Путина за неэффективность и излишнюю мягкость, чем за авторитарные наклонности. Как и участникам предыдущих интервью, Путин все еще представлялся им энергичным и умным человеком, но не диктатором. Сравнивая Путина с Ельциным, Толя сказал:

Путин мне нравится больше. Во-первых, он, без сомнения, образованный человек, эрудит. Спортсмен. Он всегда мыслит здраво, рассуждает аргументированно. Мне никогда не стыдно за него, когда он участвует в международных мероприятиях, принимает ли он международную делегацию или сам участвует в визите. В целом считаю, что сегодня Владимир Путин — оптимальный глава государства.

Некоторые из респондентов были готовы наделить Путина еще бóльшим объемом полномочий, чем он имел в соответствии с позволяющей ему почти все Конституцией РФ, однако не столько потому, что они желали бы жить при авторитарном правлении, сколько потому, что верили в добрые намерения Путина — в то, что он хотел для России лучшего будущего, — больше, чем доверяли людям из его окружения или депутатам Думы.

Другим энергичным лидером, пользовавшимся популярностью у московских респондентов, был мэр Москвы Ю. М. Лужков¹⁴. Хотя отзывы различались по интенсивности эмоций, у всех мо-

¹⁴ За исключением Воронежа, где имели место перебои водоснабжения, респонденты за пределами Москвы, как правило, говорили о своих мэрах лучше, чем о Ельцине, но контраст был не таким резким, как в случае с Лужковым.

сквичей нашлись слова для выражения положительного отношения к Лужкову. Некоторые изливали свою любовь по-настоящему бурно. Екатерина, материально обеспеченная женщина, воскликнула: «Я его обожаю! Нет слов, чтобы сказать, как я его люблю. ... В нем не нужно ничего менять. Он великолепен, наш мэр!» Как и жители «Истпорта» из книги Р. Лейна, москвичи записывали мэру в заслуги вполне тривиальные достижения. Многие респонденты упоминали о том, что Лужков ремонтировал улицы и наводил порядок в городе; пенсионеры были благодарны ему за то, что он нашел способ пополнить их пенсии из городской казны. Иными словами, в то время как в послужном списке федеральных властей числилось в основном нанесение людям вреда, деятельность Лужкова, как считалось, приносила большинству москвичей ощутимую пользу. Именно по этой причине, а не благодаря демократическим процедурам, большинство москвичей были готовы отдать ему должное за то, что он работал в интересах большинства.

Многие из респондентов также высоко оценили манеру поведения Лужкова, назвав ее энергичной, деловой и эффективной. Некоторые называли его хорошим *хозяином* — таким, какого, как предполагается, ищут русские, хотя, по всей видимости, они имели в виду скорее то, что он был хорошим менеджером¹⁵. Были и критические замечания: несколько респондентов указали на проекты, которые стоили больших денег и не приносили прямой выгоды жителям Москвы. Например, Борис Борисович сказал: «Мне не нравятся его односторонние решения по вопросам, которые должно решать население, в частности, о строительстве собора, памятника Петру и тому подобное». Некоторые респонденты говорили, что если уж Лужков решил, чего он хочет, то его мнения не изменит ничто, даже массовые демонстрации.

¹⁵ Слово «хозяин» имеет в русском языке значения 'владелец, собственник' (англ. *master, owner*), 'тот, кто управляет хозяйством' (англ. *manager*), 'глава дома по отношению к гостям, посетителям' (англ. *host*). При желании указать на более авторитарный характер отношений мои собеседники, как правило, говорили «барин». Это слово регулярно употреблялось в разговорах о властях вообще, но не о Лужкове.

Однако в целом сложно представить группу людей, более удовлетворенных своей властью, чем респонденты-москвичи.

Однако быть довольным энергичным менеджером в городе с хорошей налоговой базой — отнюдь не то же самое, что желать избавиться от беспорядка демократии с помощью авторитарного лидера, который приведет город в порядок кнутом вопреки воле горожан. Москвичи были настолько довольны Лужковым не только потому, что он был решительным и добивался результатов, но и потому, что он делал то, что они считали нужным городу, — возможно, за исключением огромного собора и уродливого памятника Петру I. Респонденты, которым нравился Лужков, не только были убеждены в том, что Лужков, хотел он того или нет, работал в интересах большинства москвичей, но и были склонны считать, что местная власть более или менее открыта для их влияния. Для многих людей способом подтверждения их влияния на власть была возможность убедиться в том, что все в городе работает именно так, как они того хотят. В этой связи точно высказался Юрий: «Но, действительно, необходимости влиять на городские власти не возникает. Как будто у нас есть дворник. Как работает дворник? Он работает хорошо, если все чисто убрано. Значит, Дума работает хорошо. ... Снег же с улиц убирают». Некоторые респонденты отметили проведение мэрией опросов общественного мнения, а также тот факт, что местные чиновники относительно более доступны для граждан, чем чиновники федерального уровня, хотя никто из выборки не пытался связаться ни с теми, ни с другими.

Как бы ни нравился населению мэр Лужков, лишь незначительное меньшинство выступило за расширение его властных полномочий, а большинство высказалось против того, чтобы дать ему возможность управлять городом без городской думы, хотя почти никто не знал, чем занимается городская дума. Показательно мнение Руслана: «Я считаю, что городская дума нужна для того, чтобы вообще осуществлять некоторый контроль над мэром». Иными словами, москвичи с энтузиазмом поддерживали эффективного и решительного лидера и в этом смысле предпочитали «сильных» лидеров, однако не желали позволять даже

популярному руководителю править городом единолично и не собирались жертвовать ни своей свободой, ни своим влиянием на власть лишь по той причине, что у них был эффективный лидер. «Власть мэра должна быть под контролем, потому что позже к власти может прийти кто-то другой, кто будет делать все, что хочет, и устраивать безобразия, — резюмировал Николай. — Тогда снова ничего нельзя будет изменить, как у нас получилось с Ельциным».

Таким образом, вполне очевидно, что российские участники интервью склонны уважать эффективное руководство. Поскольку, по их мнению, деятельность Государственной думы не увенчалась серьезными достижениями, она не пользуется поддержкой народа, в отличие от Путина и Лужкова, чья деятельность считается относительно эффективной. В этом отношении между россиянами и американцами обнаруживается значительное сходство: американские респонденты с большей вероятностью выражали удовлетворение деятельностью президента, даже представляющего партию, которую они обычно не поддерживали, если могли назвать какое-либо его достижение — например, успех в борьбе с терроризмом или экономический подъем. Тот факт, что россияне хвалят эффективных руководителей, не означает, что они жаждут прихода к власти авторитарного лидера, который отнимет у них вновь обретенные свободы. Многие из этих людей думают, что «порядок» заключается в расчистке улиц от снега и заделке выбоин на дорогах, и мало кто ждет, когда придет принц на белом коне и спасет страну способом, который сама страна не выбирала для своего спасения. В процессе проведения множества интервью выяснилось, что многие россияне хотели бы иметь лидеров, которые были бы компетентными, умными, профессиональными, честными, деловыми и достойными. Также беседы с российскими респондентами показали, что таких лидеров у них в основном пока еще не было. Как заметил Григорий, «здесь как будто какая-то другая планета».

Из сказанного следует, что с точки зрения ожиданий россиян в отношении институтов проблема, по-видимому, заключается не столько в наборе запросов, искаженном традиционной культурой,

сколько в наборе существующих институтов и представителей власти, которые до сих пор в основном не удовлетворяют запросов, основанных на разумном стремлении людей к предсказуемым условиям жизни. Однако стремление к предсказуемости и склонность ставить результаты выше процедур могут при определенных обстоятельствах серьезно ослабить демократические институты. Если эффективный политик добивается того, чего хочет народ, удовлетворенные россияне могут закрыть глаза на любые нарушения демократических процедур, которые этот политик, возможно, совершает для достижения ощутимых результатов. Кроме того, учитывая тот факт, что знания россиян об обычных демократических процедурах в некоторых отношениях недостаточны, многие граждане могут даже не заметить, что нарушение этих процедур имело место. При этом опять же не очевидно, что россияне в этом отношении сильно отстали от американцев, которые, по-видимому, демонстрировали достаточную готовность пожертвовать некоторыми гражданскими свободами ради борьбы президента Дж. Буша с терроризмом.

Люди и государство

Результаты деятельности представителей российской власти в основном не оправдали ожиданий респондентов, однако правомерен также вопрос о том, чего россияне ожидают от самих себя. Теория демократии не предполагает, что демократические институты существуют сами по себе: в идеализированной партиципаторной демократии граждане должны уделять достаточно внимания обсуждению общественных проблем [Barber 1984], и активное гражданское общество может играть ключевую роль в корректировке поведения институтов и элит в случае совершения ими ошибок или нарушения принятых норм [Keane 1988]. Даже согласно менее экстенсивной либеральной модели демократии граждане должны уважать законы, призванные обеспечивать людям достаточную защиту от других людей, что дает возможность каждому человеку преследовать свои личные интересы

[Sabine 1952]. В условиях демократии закон является средством защиты прав, на деятельность государственных институтов налагаются строгие ограничения, а воля большинства становится руководящим принципом для всех. Недемократические общества, напротив, с большей вероятностью бывают ориентированы на принудительное подчинение приказам диктатора, а не на добровольное подчинение решениям, признаваемым справедливыми. Россияне вполне готовы жаловаться на недостатки в своих политических институтах, но готовы ли они своими действиями поддерживать и совершенствовать эти институты?

Те, кто исповедует концепцию самобытной российской политической культуры, отвечают на этот вопрос отрицательно. Например, по мнению Кинана, русские в управлении обществом полагаются на внешний авторитет, вследствие культурно обусловленной убежденности в том, что людям нельзя позволять управлять самими собой: если люди добровольно не принимают предлагаемые правила игры, их следует заставить сделать это силой [Keenan 1986]. Некоторые исследователи полагают, что тот факт, что Русь не присоединилась к Римской империи, означает, что русские так и не выработали четкого представления о регулировании общественных отношений властью закона [Walicki 1979]. Кроме того, считается, что россияне циничны, безразличны к закону и слишком пассивны, чтобы принимать меры для защиты своих прав [Fleron 1998: 36; Голенкова и др. 1995].

Некоторые из образованных участников интервью разделяли эту точку зрения. Например, Татьяна Михайловна, бывший библиотекарь, сказала:

Но, может быть, у нас институты не могут работать так же, как у всех остальных. Все западные страны вышли из традиций римского права, законов Римской империи. И все люди там крайне законопослушны. Но мы, извините, никогда не дождемся зеленого света, когда на дороге нет машин. У нас есть своя голова. Машин нет, так какого черта я жду? Естественно, я перейду улицу. Значит, законы для нас не так уж и важны. Создавать и соблюдать законы — это просто другая культура. Мы, как тараканы, стараемся уползти в какую-нибудь щель, где закон нас не коснется.

Далее она утверждала, что выработка внутренних ограничений, которые заставят людей подчиняться законам, «вероятно, является духовной задачей для нескольких поколений». Другие образованные респонденты также сетовали на низкий уровень «культуры» простых людей (*народа*), однако, по-видимому, не на свой лично. Однако тот факт, что образованные россияне жалуются на те же недостатки в российской политической культуре, что и некоторые специалисты, не означает, что эти недостатки действительно существуют. Показывают ли результаты проведенных интервью, что россияне готовы подчиняться законам, установленным представительными институтами, и пытаться заставить власть нести ответственность за принимаемые решения?

Материалы интервью содержат в себе некоторые указания на то, что россияне не отличаются твердостью веры в силу закона. Многие респонденты выразили мнение, что было бы больше пользы, если бы у власти находились хорошие *люди*, чем если бы действовали хорошие *законы*. Неожиданно велико оказалось число людей, считающих, что законы не помогут взять под контроль коррупцию. Не все респонденты были убеждены в том, что люди должны платить предписанные законом налоги, особенно налоги на малый бизнес, которые, по общему мнению, были чрезмерно высоки. Однако во многом причиной недоверия к закону было недоверие к правоохранительным органам. Иными словами, опять же, проблема заключалась в состоянии институтов в России, а не в общем представлении о том, какие задачи они должны были выполнять.

Многие респонденты были крайне недовольны милицией. Некоторые считали милиционеров коррумпированными и непрофессиональными людьми, с которыми никому не хотелось бы встретиться в темном переулке. Николай дал следующий комментарий на эту тему: «У милиции много власти, но она использует ее в своих целях. Можно сказать, в корыстных целях. То есть это просто какая-то большая банда, официальная банда. Вот и все». Однако чаще люди жаловались на то, что милиция работает недостаточно эффективно. Например, София сказала:

Я совершенно недовольна деятельностью нашей милиции. Потому что на наших улицах иногда происходят ужасные вещи, а полиция никак не реагирует. То есть могут грабить человека среди бела дня, а милиционер будет стоять где-то в стороне и говорить, что у него нет телефона, чтобы сообщить об этом в отделение. Очень много нераскрытых квартирных краж и других преступлений.

Лишь немногие участники интервью смогли выразить свое мнение о судебной системе, поскольку большинство респондентов не имело опыта прямого контакта с ней, однако те, у кого такой опыт был, неизменно выражали к судам негативное отношение. Итог обсуждению системы правосудия подвела Полина: «Не боимся мы судей, разбирательств, тюрьмы: ничто нас не пугает. Можно убить кого-нибудь и выйти из тюрьмы через два года. А может быть, даже и не сесть в тюрьму, если знаешь нужных людей. Правосудие здесь все еще на низком уровне». В целом высказывания респондентов подводят к выводу о том, что при отсутствии надлежащего правоприменения буква закона не имеет особого веса. В конце концов, как заметил Григорий, при Ленине тоже была хорошая конституция.

Несмотря на признание неэффективности системы правоприменения, многие респонденты выразили понимание, что правильные законы, хорошо и справедливо применяемые, являются важным недостающим элементом в российской политической жизни и ключом к работающей демократии. В частности, Борис Борисович отметил: «Демократия — это неукоснительное исполнение законов в интересах каждого человека». Екатерина сказала: «Демократия для меня — это прежде всего когда законы работают нормально — все законы. Это самое первое. Из этого вытекает все остальное». Лаконичное описание демократии дала Наталья, представительница московской интеллигенции: «Демократия — это взаимодействие власти и населения, когда власть уважает население, а население уважает власть, и все вместе они уважают закон, одинаковый для всех». При этом «сильная» государственная власть понималась многими как власть, способная

обеспечивать соблюдение законов, защищать права и не только требовать уважения к себе, но и заслуживать его. По поводу сильной власти Иван Иванович высказал следующее суждение: «Сильная власть — это исполнение всех законов, независимо от ранга: будь ты министр, прокурор, милиционер, рядовой рабочий или колхозник. Все должны находиться под властью закона». Эта мысль повторялась во многих беседах.

Говоря о законе как о признаке демократии и эффективного государственного управления, респонденты, по-видимому, не имели в виду, что усиление контроля со стороны закона должно быть направлено на них самих или даже на большинство их сограждан. Их внимание было в большей степени сосредоточено на силе закона, направленной на сдерживание правительственных чиновников и «бандитов» — двух, по их мнению, во многом совпадающих категорий людей. В понимании респондентов, мир беззакония — это мир, в котором преступники могут действовать свободно, а простые люди находятся под властью и преступников, и непредсказуемых государственных чиновников. Так, работница одного из сибирских предприятий, участвовавшая в интервью в составе трудового коллектива, заметила, что из-за отсутствия в России эффективного правоприменения дома людей превратились в крепости со стальными дверями и зарешеченными окнами. Она рассказала, что ответил ей сын, когда она позвонила ему домой, чтобы поздравить его с днем рождения и узнать, как у него дела. «Дела идут отлично, — сказал он. — Бандиты отмечают дни рождения в ресторанах, а я — за решеткой». Мнение о том, что единообразно применяемый закон может быть инструментом защиты прав, собственности и свободы людей в более идеальном мире, чем тот, в котором они живут на самом деле, высказали многие участники интервью, и в этом заключается их сходство с гражданами образцовых демократий.

На основе данных массовых опросов граждан России и Украины за 1992 и 1995 годы, А. Миллер, В. Хесли и У. Райзингер установили, что представители элит с большей вероятностью воспринимают демократию с точки зрения закона и порядка, в то время как обычные люди рассматривают ее прежде всего как

свободу [Miller et al. 1997]. В противоположность этим выводам, люди, о которых идет речь в этом исследовании, не являясь представителями элит, связывали демократию с законом не реже, чем со свободой, причем комментарии в этом духе исходили не только от наиболее образованных респондентов. Впрочем, тенденция к росту понимания россиянами важности закона представляется закономерной в связи со спадом раннего эмоционального подъема по поводу новых свобод и значительным ростом запроса на социальный порядок. Так, С. В. Патрушев и его соавторы показали, что в период с 1996 по 2002 год росла доля россиян, считавших, что российское общество *должно* строиться на принципе законности, в то время как процент полагающих, что такое положение имеет место в реальности, неуклонно снижался [Патрушев и др. 2003: 59]. Кроме того, согласно данным Г. М. Денисовского и П. М. Козыревой, число респондентов, считавших, что граждане могут нарушать законы, с которыми они не согласны, в период с 1996 по 2000 год постоянно уменьшалось, и их доля снизилась за эти годы с 10,1 % до 8,6 % [Денисовский, Козырева 2002: 72].

Ставя во главу угла закон как средство организации общества, респонденты, как представляется, противопоставляли его хаосу, который, по мнению большинства, их окружал. По-видимому, они также отвергали идею о том, что произвольно действующие правители должны иметь право делать все, что им заблагорассудится. Вопреки предсказаниям большинства авторов описаний российской политической культуры и несмотря на недоверие респондентов к существующим правоохранительным органам, многие из участников интервью, вероятно, предполагали, что властью закона можно организовать общество, сдерживать сильных и защищать слабых. В этом смысле респонденты были готовы играть по правилам демократического гражданского общества, хотя и думали, что эти правила пока еще не применяются в их стране.

Сравнение российских участников интервью с американскими респондентами еще более ясно показывает, что отношение россиян к закону отражает реальные условия их жизни. Давая

определение демократии, американцы говорили не о законе, а о свободе или, реже, о том, что при демократии голоса людей отражаются в решениях правительства. При описании своего понимания сильного государства американские респонденты не отводили существенной роли правоохранительным органам, но говорили о двухпартийности, сотрудничестве и эффективности. Кроме того, они в основном выражали доверие полиции, хотя и с некоторыми исключениями. В целом они чувствовали себя в безопасности и не выражали беспокойства по поводу полицейского произвола и злоупотребления сотрудниками полиции своими полномочиями. Большинство американских респондентов обращались в полицию по поводу относительно незначительных проблем, например, при необходимости вскрыть свой автомобиль с запертыми в нем ключами, и остались довольны оказанной помощью.

Ну, в последнее время меня не грабили и не били, — поделился своим опытом Лео. — Но был случай, когда мне пришлось позвонить в полицию, чтобы сообщить, что кто-то наехал на стойку с моей рекламой перед входом, и наряд прибыл немедленно. Это для меня была такая мелочь, и мне очень не хотелось беспокоить полицию. Ну, просто чтобы сказать им, что это произошло. И, конечно, да, я им доверяю на все сто процентов.

Таким образом, американцы, поскольку они живут в более упорядоченном мире, осознают роль закона в создании такого мира гораздо в меньшей степени, чем россияне.

Из сказанного выше следует, что российские участники интервью были готовы подчиняться закону, однако демонстрировали гораздо более низкую степень готовности к другим действиям, направленным на защиту своих прав или совершенствование работы органов власти. За очень редкими исключениями респонденты голосовали на выборах и считали это важным. Что касается другой общественной деятельности участников интервью, один человек являлся сооснователем местного отделения одной из первых в стране «неофициальных» организаций; еще один

участвовал в издании популярного журнала, призванного оказывать влияние на общественное мнение; два человека упомянули о своих попытках, в основном неудачных, решить имеющиеся проблемы путем обращения в местные органы власти; некоторые респонденты описывали свою деятельность при советской власти — членство в комсомоле или в самой партии, а также активную работу в добровольной народной дружине; один человек в советское время был членом исполкома; однако в целом респонденты не выразили желания предпринимать какие-либо действия помимо голосования на выборах.

Под некоторым нажимом респонденты признавали, что для демократии имеет значение прежде всего поведение граждан. Так, один из членов сибирского трудового коллектива заметил: «Естественно, никто не собирается подавать нам демократию на блюдечке с золотой каемочкой». Однако говоря о полезном поведении, участники интервью по большей части не имели в виду поведение политического характера: они предлагали людям пытаться повлиять на общественное мнение; начать бизнес, слезть с шеи правительства и, «в конце концов, ... жить честно — понимаете, по закону» (Олег). Нежелание предпринимать политические действия было более заметным у пожилых, чем у молодых членов выборки, то есть у людей, которые жили при коммунистической системе уже будучи взрослыми¹⁶. Татьяна Михайловна, женщина лет семидесяти, отметила: «Мы бегали на выборы, когда эти изменения только начинались. Но теперь мы понимаем свою роль и даже смотреть телевизор не хотим». Вилен Николаевич, пенсионер, рассказал, что купил жене специальные наушники, чтобы она могла закрывать уши во время выпусков новостей. Светлана, женщина за сорок, выразила пожелание, чтобы Дума лучше выполняла свою работу: тогда можно будет не обращать на нее

¹⁶ Сравнивая результаты опросов 1989 и 1999 годов, Ю. А. Левада также отметил существенное увеличение числа респондентов, которые заявили, что «Государство нам дает так мало, что мы ему ничем не обязаны». В 1989 году такой ответ выбрали 6 % респондентов; в 1999 году — 38 %, причем суждение о том, что они ничего не должны государству, было более распространено среди респондентов старшего возраста [Левада 2001].

внимания. Многие люди среднего возраста говорили, что их больше беспокоят непосредственно материальные аспекты жизни. Одна из женщин — членов сибирского трудового коллектива сказала: «Многое зависит от нас. Но многим просто все надоело... Нет веры в будущее; поэтому в какой-то степени мы все подавлены, разочарованы. И стали как-то пассивнее. Раньше было не так. Знаете, мы были вполне активными женщинами».

Ввиду неготовности российских участников интервью к каким-либо политическим действиям их вряд ли можно назвать активными гражданами, полными решимости сохранить демократию в России. Впрочем, было бы несправедливо не отметить сходство этих людей с гражданами основных функционирующих демократий. Большинство американцев не желает посвящать личное время политическим действиям: многие даже не считают нужным участвовать в выборах. В западных демократиях широкие слои населения редко участвуют в политической деятельности за исключением голосования на выборах [Hibbing, Theiss-Morse 1999; Verba et al. 1978]. Российские респонденты в своих суждениях не сильно отличались от таких американцев, как Билл, который сказал:

Я считаю, что все люди, независимо от того, находитесь ли вы в демократии или нет, обязаны действовать определенным образом. Думаю, нужно ходить на выборы и голосовать. Думаю, мы все несем личную ответственность и не должны полагаться на власть. Нужно делать что-то для себя и для своей семьи. Быть честным. Думаю, не совершать преступлений: это нехорошо. И быть активным, умным, получить образование. Это лучший способ помочь себе и другим: просто быть честным, быть хорошим человеком и быть по возможности разумным.

Таким образом, многие американские граждане, как и россияне, полагают, что для сохранения демократии достаточно голосовать, подчиняться законам и быть образцом для других в личной жизни. Активное участие в политической жизни обычно считается необязательным для демократического гражданина.

Еще более важным представляется тот факт, что большинство российских респондентов не хотели участвовать в политической жизни, так как сомневались, что их действия будут иметь какой-либо эффект: существующие институты не предоставляют реальных возможностей для инициативных действий народа. Некоторые россияне полагали, что они имеют возможность влиять на местную власть, однако мало кто из них считал, что граждане могут повлиять на центральное правительство каким-либо образом, кроме голосования. Так, Борис Борисович заметил: «Мое мнение их совершенно не волнует. Даже забастовки рабочих и голодовки, которые проводят шахтеры, на власть имущих практически не влияют». Пелагея подробно рассказала историю одной из своих знакомых, которая в отчаянии писала письма Путину после того, как её внука убили, но преступление не было должным образом расследовано: «Сколько же писем она написала? Путин в ответ шлет нашим местным властям указание: рассмотреть обращение. И они рассматривают. Звонят ей и говорят: “Меньше писем надо писать. До свидания!” Вот так у нас всё». Большинство респондентов отказались назвать центральные политические институты России демократическими¹⁷.

Более того, некоторые респонденты находили новые институты менее чуткими к запросам людей, чем были учреждения, существовавшие при советской власти¹⁸. Так, Анна Павловна заметила:

Мне кажется, когда я работала и на что-то обращала внимание начальника, он мне говорил: «Ну, здесь есть что обсудить!» А сейчас, если поднимешь какой-то вопрос, тебе говорят: «Ты уволена». Начальник может делать все, что хочет. И потом, тогда был профсоюз. А сейчас некуда идти жаловаться.

¹⁷ См. также [Miller et al. 1997: 195]. Со временем в этом отношении произошли некоторые изменения: в 2003 году доля респондентов, полагающих, что их центральные правительственные институты могут быть демократическими, стала выше.

¹⁸ Аналогичные мнения респондентов см. [Ashwin 1995].

Участники интервью, проживающие за пределами Москвы, отмечали, что с депутатами Госдумы сложно связаться, поскольку последние зачастую находятся в Москве.

Таким образом, российские респонденты проявили готовность играть лишь по минимальным правилам демократического гражданства — в частности, голосовать на выборах и подчиняться законам, созданным представительными законодательными органами. Готовность к более активным действиям выразило лишь незначительное меньшинство. Даже если недовольные граждане не хотят бороться с неэффективностью чиновников и институтов по причине своей убежденности в том, что эти институты настолько несовершенны, что никак не будут реагировать на действия граждан, такие недовольные граждане вряд ли станут движущей силой перемен. Если российские политические институты в конечном итоге станут более чутко реагировать на запросы людей, это, вероятно, произойдет не в результате влияния на них со стороны мотивированных граждан.

Заключение

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что большинство российских участников интервью не разделяет многих из тех убеждений, которые принято считать характерными для традиционной российской недемократической политической культуры. Респонденты по большей части готовы голосовать, подчиняться закону и платить налоги, за исключением непомерных налогов на частные предприятия. Кроме того, бóльшая часть этих людей готова поддержать тот беспорядок, который привносит в систему представительная власть, даже в условиях почти полного отсутствия веры в то, что так называемые представители народа хоть сколько-нибудь заботятся о том народе, который они должны представлять. Лишь немногие участники интервью были готовы пожертвовать вновь обретенными свободами в пользу авторитарных лидеров, способных быстро добиваться поставленных целей. С другой стороны, российские респонденты обнаружили

невысокую степень доверия институту президентской власти, еще более низкую — Государственной думе и полное отсутствие доверия милиции. Многие из участвовавших в интервью людей настолько отчаялись в надежде добиться эффективного функционирования политических институтов, что не желали принимать каких-либо мер к совершенствованию тех институтов, которые у них были. Кроме того, многие респонденты заявили, что считают результаты более важными, чем процессы, используемые для их достижения, и ценят эффективных лидеров больше, чем склонные к долгим дискуссиям законодательные органы. Хотя россияне, по-видимому, не стремились во что бы то ни стало найти авторитарного лидера, который бы все исправил, представляется, что при определенных условиях они могли бы терпеть такого автократа, если бы он пришел к власти и действительно делал полезные дела. Тот факт, что российские респонденты в их отношении к защите демократических ценностей обладают теми же недостатками, что и многие граждане функционирующей демократии, возможно, не имеет значения, поскольку граждане функционирующих демократий с меньшей вероятностью могут столкнуться с проблемами в своих институтах.

Во многих отношениях мнения российских участников интервью являются, по-видимому, отражением институтов, в среде которых им довелось жить, а не культурных предрасположенностей, которые вызывали у них предубеждения в отношении демократии. Респонденты не желали предпринимать политические действия, так как не ожидали от таких действий значимого результата. Они выражали недоверие к большинству политических функционеров, так как считали, что эти функционеры практически ничего не сделали, чтобы заслужить их доверие. Особенно остро чувство недоверия проявилось в отношении Государственной думы. Тот факт, что мнения респондентов отражают несовершенство существующей реальности, находит особенно явное подтверждение в тех случаях, когда эти мнения изменялись. В 2000 году респонденты в значительной степени были готовы выдать Путину кредит доверия, поскольку, по их оценке, он еще не сделал ничего плохого. Даже в 2003 году люди считали, что

Путин значительно лучше своего предшественника, хотя бы потому, что они получали зарплату вовремя, а в экономике наблюдались некоторые улучшения. Москвичи оказали исключительное доверие мэру Лужкову, поскольку в Москве были налицо благотворные результаты его деятельности. Как только людям казалось, что политический деятель работает на благо общества, даже если эта работа ограничивалась уборкой улиц или незначительным повышением пенсий, люди были готовы немедленно выдать этому политику кредит доверия. Однако в большинстве случаев это доверие имело свои границы: респонденты не хотели, чтобы Лужков или Путин правили без сдерживающих факторов в виде дум соответствующих уровней и существующих конституционных ограничений. Если скептицизм российских респондентов в отношении институтов в значительной степени является продуктом имеющихся институтов, а не обусловлен культурой, то этот скептицизм не должен носить характер постоянного свойства: россияне, вероятно, будут более оптимистичны в своих оценках перспектив политической жизни в случае реального улучшения этих перспектив.

Таким образом, интервью с россиянами позволяют получить знания, которые иначе были бы недоступны. Применение этого метода дает возможность объяснить, почему, согласно опросам, большинство россиян не проявляет стремления защищать свои законодательные органы: людям не нравятся не столько демократические институты вообще, сколько те институты, которые у них имеются. Интервью также позволяют ответить на вопрос, почему россияне демонстрируют столь низкие показатели личной эффективности и политического доверия: и в этом случае, по-видимому, проблема также заключается не в унаследованных культурных традициях, а в государственных институтах, которые предоставляют гражданам мало возможностей оказывать влияние на политику. Кроме того, беседы с респондентами дают возможность выявить одну из причин, по которым россияне сравнительно неохотно распространяют права на своих политических врагов: в условиях отсутствия правовой системы, которой можно доверить функцию сохранения основ социального порядка,

наделение правами некоторых групп людей действительно может быть связано с недопустимым риском. В целом проведенные интервью показывают, насколько важно, чтобы вопросы, используемые в массовых социологических обследованиях по оценке поддержки россиянами демократии в абстрактном смысле, ни в малейшей степени не отражали несовершенные демократические институты, известные людям по их собственному опыту. Как минимум при интерпретации результатов общие выводы не должны строиться на основании ответов на вопросы, отсылающие респондентов к их непосредственному историческому опыту.

В то же время проведенный анализ не дает ответа на множество вопросов. В частности, как россияне различаются между собой по своим политическим ценностям и оценкам демократических институтов? Как отношение россиян к демократии связано с их оценкой развития рыночных систем и некоторых его социальных последствий, таких как социальное неравенство? Подорвут ли поддержку демократии широко распространенные опасения по поводу «социального порядка», особенно с учетом того, что россияне, по-видимому, ставят результативность действий власти выше процедур, которые она должна выполнять? Как россияне воспринимают изменения в своей политической и экономической системе? И, наконец, чего россияне хотят от власти? Эти вопросы будут рассмотрены в последующих главах.

Глава пятая

Отношение к рынку: россияне против неравенства

В промышленно развитых странах Запада большинство граждан не видят острых противоречий между демократией и рыночной экономикой: на их взгляд, порождаемое рынком неравенство не противоречит эгалитарным принципам, лежащим в основе демократии. В посткоммунистической России, напротив, многие отнюдь не убеждены в этом. Недавно проведенные исследования общественного мнения показывают, что россияне в целом негативно относятся к рыночным структурам и в большей степени склонны поддерживать демократию, нежели рынок¹. Особенно загадочным представляется тот факт, что многие российские *демократы* не поддерживают рыночные институты. В этой главе я анализирую причины, по которым россияне, которые довольно высоко ценят демократию, не видят ничего хорошего в капитализме. Внимательно рассмотрев эту проблему, мы можем перейти к более глубокому исследованию восприятия россиянами демократии, капитализма и взаимоотношений между этими понятиями.

Общепринятое мнение заключается в том, что россияне недостаточно либеральны. Сторонники этого мнения исходят из того, что, будь то в результате чрезмерного влияния византийской

¹ См. [Вайнштейн 1998: 35; Gibson 2001; Дубин 2000].

культурной традиции или в силу привычки к экономическому патернализму недавнего советского прошлого, россияне слишком привержены идее равного распределения экономических благ, слишком полагаются на государство как механизм обеспечения общего благосостояния и слишком склонны жертвовать индивидуальной свободой ради коллективного блага, чтобы быть демократами в западном либеральном смысле [Kullberg, Zimmerman 1999; Фукуяма 2004]. Многие видят подтверждение антилиберальной окраски российской демократии в том, что президент В. В. Путин по-прежнему остается популярным, несмотря на его очевидные нападки на индивидуальную свободу, в частности несмотря на его стремление ограничить влияние наиболее успешных российских олигархов, таких как М. Б. Ходорковский, Б. А. Березовский и В. А. Гусинский [Sil, Chen 2004; Крыштановская 2003: 3].

Но действительно ли российские демократы недостаточно либеральны? Возможно, их неприязнь к рынку и олигархам обусловлена альтернативным набором нелиберальных ценностей? Или существуют иные причины их недовольства? В этой главе я показываю, что недоверие части российских демократов к рынку в большей степени связано с тем, как рыночная экономика работает в России, нежели с их предпочтением большего равенства или контроля экономики со стороны государства. Сомневающиеся в эффективности рынка российские демократы так же верят в либеральные идеалы экономической свободы, как и большинство либералов. Просто они не уверены, что рыночная экономика в их стране обеспечивает эту свободу для большинства людей. Как мы видели в предыдущей главе о представительных институтах, проблема заключается не в идеале, но в крайне несовершенной реальности. Эта несовершенная реальность предопределяет и поддержку Путина. Многим россиянам нападки Путина на тех немногих, кто извлек выгоду из экономических реформ, представляются не как атаки на рынок, а как попытки направить рыночную экономику на благо простых людей.

В начале этой главы рассматриваются логические противоречия между демократией и капитализмом, а также пути преодоления

этих противоречий. Затем я анализирую то, что нам уже известно из массовых опросов о том, как простые россияне оценивают отношения между демократией и капитализмом, и предлагаю гипотезу, объясняющую, почему некоторые россияне не могут примирить противоречивые элементы демократии и капитализма. Эту гипотезу я проверяю, используя результаты глубинных интервью с россиянами.

Демократия и неравенство

Представление о том, что демократия и капитализм тесно взаимосвязаны, отчасти основывается на общих исторических корнях этих систем, а также на том эмпирическом факте, что в государствах с демократической формой правления, как правило, существует капиталистическая экономика. Демократия «вышла из чрева капиталистической экономики»: подъем буржуазии дал толчок к преодолению традиционных форм правления и отказу от ограничений, налагаемых на индивидуумов [Kim 1992: 24]. В современном мире демократия очевидно лучше всего функционирует в странах с высоким подушевым доходом, то есть в странах с процветающей рыночной экономикой, многочисленным средним классом и хорошо обеспеченным и защищенным рабочим классом [Lipset 1981; Przeworski A. et al. 2000].

Вместе с тем, существует мнение, что между демократией и капитализмом имеется не только эмпирическая, но и логическая связь. Эта логическая связь заключается в том, что в основе обеих систем лежит общая ценность индивидуальной свободы [Поппер 1992; Найек 1944]. Предполагается, что и демократия, и капитализм предоставляют нам максимальную свободу «стремиться к достижению того, что [мы] считаем для себя благом, и стремиться теми путями, какие признаем за лучшие» [Милль 2000: 72]. Демократия делает это посредством ограничения произвола властей в отношении граждан, защищая тем самым их права, которыми они наделены «Природой» или «Творцом». К числу этих прав относятся свобода слова, собраний и вероис-

поведания, а также, безусловно, права собственности и инициативы индивидуума в экономической сфере. Некоторые авторы утверждают, что для того, чтобы серьезно относиться к принципу демократии о контроле над правительством, граждане должны иметь собственность, которую нужно защищать [Мигранян 1989]. Точно так же капитализм основывается на свободе индивидуума стремиться к счастью в любой его форме, особенно в тех формах, которые можно подсчитать, сохранить и отложить на черный день. Кроме того, капитализм увеличивает индивидуальную свободу и ограничивает роль правительства в экономике, тем самым уменьшая влияние государства и защищая частную сферу от государственного регулирования.

В глазах многих американцев демократия и капитализм столь тесно взаимосвязаны, что они часто смешивают элементы того и другого. Например, один из моих американских респондентов по имени Тед трактовал демократию как «определенные неотчуждаемые права». Развивая эту мысль, он сказал: «Это свобода. Конечно, у нас должны быть какие-то законы. Свобода самому делать выбор — где работать, где жить, что делать с собственной жизнью. Мне нравится эта возможность выбора. Терпеть не могу, когда мне указывают, как жить. Выбирать из четырех тысяч разных дезодорантов — это действительно здорово. Мне нравится». В богатой либеральной демократии стремление к счастью вполне может выглядеть как свобода потребительского выбора.

Разумеется, между демократией и капитализмом существуют определенные противоречия. Основным таким противоречием является разная трактовка ценности равноправия. Демократия основывается на том, что граждане имеют равные права и равное достоинство, что они вправе ожидать равного отношения со стороны государства, что все они имеют равные возможности блюсти свои интересы и, следовательно, их голоса как избирателей имеют равную ценность. Основопологающим принципом капитализма, напротив, является неравенство. Если люди не равны по своим умениям, удаче, стартовым возможностям и решимости преуспеть, то одни добьются процветания, а другие нет.

Работники и потребители практически не могут влиять на решения корпораций, хотя зачастую в высшей степени заинтересованы в их результатах. Даже равенство возможностей трудно гарантировать в обществе, для которого характерны существенные классовые различия. В сущности, до того как демократия на практике продемонстрировала способность сосуществовать с капитализмом, социальные философы выражали обеспокоенность тем, что расширение политических прав и возможностей бедного большинства неизбежно будет угрожать процветанию богатого меньшинства². Относительно недавно было высказано предположение, что в условиях демократии общественный запрос на быстрое обеспечение материального благосостояния может свести на нет усилия, направленные на реформирование экономики [Przeworski 1991].

Существуют разные подходы, чтобы нивелировать это противоречие между демократией и капитализмом. Один из них состоит в том, чтобы выбрать в качестве мишени для критики некоторые уязвимые положения теории демократии. Например, Дж. Мюллер утверждает, что демократия в ее реальном виде далека от идеалов равенства, на которых она базируется в теории. «На практике, таким образом, демократия — это форма правления, при которой людям обеспечена свобода стать политически неравными» [Мюллер 2006: 123]. Интересы одних людей лучше защищены, чем интересы других; некоторые люди имеют больше возможностей для доступа к власти; некоторые голоса звучат громче, и их владельцы могут их еще больше усилить. В реальной демократии «правят меньшинства» [Dahl 1956: 132]. Неравенство, присущее реальной демократии, делает ее более соответствующей капитализму, в частности благодаря защите богатства от перераспределения, поскольку у богатых есть хороший стимул использовать доступные им политические преимущества для защиты своих экономических интересов. Мюллер приходит к выводу:

² М. Платтнер анализирует рассуждения Т. Маколея на эту тему в [Plattner 2001: 83–84].

[Д]емократия основана не на политическом равенстве, а на политическом неравенстве; не на правлении большинства, а на правлении меньшинства с согласия большинства; не на просвещенном консенсусе, а на апатии и безразличии; и не столько на выборах, сколько на хаотическом переплетении и яростном столкновении интересов изолированных, эгоистичных и порой очень маленьких групп, а также их политических и бюрократических союзников... [Демократия] функционирует достаточно хорошо даже при условии, что люди в целом остаются ничуть не лучше, чем они есть или всегда будут, — порочными, алчными, эгоистичными, пристрастными и легко ошибающимися [Мюллер 2006: 135].

Однако люди настолько легко отвлекаются, что оказываются не в состоянии усвоить мысль, которую Мюллер пытается донести. Безусловно, у американцев достаточно большой опыт реальной демократии и им прекрасно известно о власти меньшинств, интересах эгоистичных групп и апатии, но они считают все это *искажениями*, а не сущностью демократического процесса [Hibbing, Theiss-Morse 1995]. Иначе говоря, Мюллер, возможно, верно описал ценности, которые действительно лежат в основании демократии, но его утверждение как таковое мало что дает нам для понимания представлений простых граждан и того, насколько они способны примирить очевидные противоречия между демократией и капитализмом, поскольку простые граждане отнюдь не убеждены, что они описывают демократию такой, какой она должна быть.

Другой подход к снятию противоречия между демократией и капитализмом связан с утверждением Б. Мура о том, что демократия невозможна без сильного среднего класса [Мур 2016]. Утверждение Мура в большей степени относится к историческим корням демократических институтов, однако появление многочисленного среднего класса влечет за собой дополнительные выгоды. В частности, многочисленный средний класс смягчает противоречие между демократическим равноправием и капиталистическим неравенством. Если большинство людей имеют относительно высокий материальный достаток и в целом довольны

своей судьбой, то политическое значение неравенства отходит на второй план. Это особенно верно в том случае, когда люди считают других такими же, как они сами, что создает «иллюзию справедливости» в обществах, где люди относят всех к среднему классу [Kluegel et al. 1995]. Теоретически противоречие по-прежнему существует (и то, что считается «справедливым» в одном контексте, представляется несправедливым в другом), но у людей нет особых причин задумываться об этой проблеме, поскольку большинство живет вполне благополучно. Этот аргумент подтверждается исследованием Дж. Хохшильд об отношении американцев к перераспределению богатства [Hochschild 1981]. Ее респонденты высказывались за эгалитарные нормы справедливого распределения в политической сфере, но в сфере экономической выступали за дифференциацию. Когда им приводили аргумент о связи этих двух сфер, например, в случае политического распределения экономических благ, респонденты предпочитали оставить этот вопрос без ответа, не пытаясь примирить противоречия в собственных убеждениях.

Третий подход к противоречию между демократией и капитализмом заключается в утверждении, что в действительности люди без проблем применяют разные нормы справедливости в разных обстоятельствах. Д. Миллер утверждает, что требования справедливости различаются в зависимости от отношений между людьми. В солидарных сообществах, таких как семья, действующим принципом справедливости является распределение *по потребностям*. В инструментальных сообществах (к ним относятся большинство экономических организаций) справедливость означает распределение *по заслугам*, а применительно к правам и обязанностям граждан действует принцип *равенства* [Miller 1999: 25–30]³. Это не философская проблема примирения противоречащих друг другу норм справедливости. Скорее это политическая проблема определения того, какая норма справедливости

³ *Заслуги и потребности* можно трактовать как альтернативные формулировки равенства на основе равного отношения к равной ценности или равной полезности, соответственно. См. [Sen 1992: 12–16].

применяется в том или ином контексте. Вопрос в том, относятся ли люди друг к другу как к гражданам, и тогда равноправие является применимой нормой распределения, или как к экономическим конкурентам. И как требования одного вида распределения может быть уравновешено требованиями распределения иного вида? [Miller 1999: 30, 62].

Эмпирические исследования подтверждают наличие такого рода противоречий между различными требованиями справедливости. Например, Г. Макклоски и Дж. Заллер показали, что американцы, которые являются убежденными сторонниками демократии, демонстрируют наименьшую поддержку капитализма, хотя все равно отдают предпочтение капитализму по сравнению с любыми формами коллективизма. И наоборот, ярые поборники капитализма выражают сравнительно слабую поддержку демократии [McClosky, Zaller 1984: 161–188]⁴. Если перевести эти выводы в термины Миллера, то мы увидим, что приверженцы демократии включают большее число отношений в категорию гражданских прав и свобод и, соответственно, выступают за всеобщее равноправие. Они предлагают пути обновления капитализма в сторону более полного удовлетворения требований равноправия граждан. Американцы, наиболее приверженные капитализму, напротив, указывают на большее число отношений, регулируемых в соответствии с критериями заслуг. Нет никакой несправедливости в неравенстве тех, кто не заслуживает большего. Кроме того, эмпирические исследования показывают, что люди считают очевидно несправедливые результаты приемлемыми, если для их достижения используются справедливые средства. Согласно Миллеру, справедливые процедуры обеспечивают равное отношение и исключают фаворитизм и произвол; процедуры точно определены и учитывают всю необходимую информацию; они публичны и основаны на понятных правилах и критериях; они не унижают личное достоинство человека

⁴ Экспериментальные исследования показывают, что люди применяют разные принципы справедливого распределения, высказывая суждения о распределении доходов. См. [Michelbach et al. 2003].

[Miller 1999: 99–102]. Некоторые исследователи указывают на то, что американцы больше доверяют справедливости рыночных процедур, а не политических, что объясняет, почему американцы явно отдадут предпочтение рыночной, а не политической справедливости [Lane 1986: 386].

Россияне о демократии и капитализме

В этом отношении россияне по-видимому отличаются от американцев. Первые менее уверены в справедливости рынка и, очевидно, менее склонны полагать, что можно примирить противоречия между капитализмом и демократией. Имеется ряд исследований, посвященных соотношению поддержки демократии и поддержки капитализма российскими гражданами, однако их выводы далеко не всегда согласуются. Прямая зависимость между поддержкой рынка и поддержкой демократии прослеживается на некоторых массивах данных, а на других нет, по одним, но не по другим показателям, причем чаще в случае анализа с двумя переменными, чем в случае использования других соответствующих переменных [Finifter, Mickiewicz 1992; Miller et al. 1994; Miller et al. 1996: 163; Duch 1993; Gibson 2001: 115–116]. Кроме того, нет и единого мнения о различии взглядов элит и остального населения. Миллер, В. Хесли и У. Райзингер обнаружили, что элиты, поддерживающие демократию, отдадут предпочтение централизованно *управляемой* экономике [Miller et al. 1997: 182]. Однако Дж. Куллберг и У. Циммерман пришли к выводу, что представители элиты гораздо чаще, чем простые люди являются либеральными демократами, поддерживая и рыночную экономику, и демократию [Kullberg, Zimmerman 1999].

В основном расхождения в этих результатах связаны с тем, что в разных исследованиях используются разные показатели, основой которых являются по-разному сформулированные вопросы. Тем не менее становится очевидным, что для россиян поддержка демократии и поддержка рыночной экономики не всегда неразрывно связаны. Некоторые сторонники рынка скептически от-

носятся к демократии. Например, в годы правления Ельцина сторонники рынка порой отдавали предпочтение недемократическим процедурам по политическим причинам: назначаемые президентом губернаторы и слабый парламент создавали меньше препятствий для проведения непопулярных рыночных реформ [Hough 1994: 16–19]. Некоторые российские демократы, наоборот, скептически относятся к нерегулируемым рынкам и выступают за создание сильной системы социальной и экономической поддержки [Brym 1996; Mason, Kluegel 2000: 13]. Такие же тенденции наблюдаются в Центральной и Восточной Европе: многие (но не все) сторонники рынка поддерживают демократию и далеко не все демократы поддерживают рыночную экономику [McIntosh et al. 1994; Mason 1995].

Очевидно и то, что первое десятилетие перехода к рынку оказалось чрезвычайно трудным для россиян. Начиная с гиперинфляции 1992 года и задержек зарплаты в середине 1990-х до обвала рубля в 1998 году экономические реформы дали множество побочных результатов, которые как никогда прежде ухудшили экономическое положение людей. Опросы показали, что в 1990-е годы многие россияне ощутили снижение своего благосостояния и повышение уровня неравенства; кроме того, они были обеспокоены перспективой обнищания и безработицы [Levada et al. 2002: 19; Бызов 2001: 12]. Многие наблюдатели опасались, что трудности переходного периода могут подорвать поддержку не только рыночной экономики, но и демократии. Здесь мы, однако, вновь видим противоречивые результаты исследований. Некоторые ученые полагали, что экономические трудности, скорее всего, снижают уровень поддержки демократии, другие так не считали⁵. Некоторые исследования показали, что люди, материальное положение которых ухудшилось, были менее склонны поддерживать рыночную экономику и более

⁵ Вывод о том, что экономические трудности снижают уровень поддержки демократии, см. в [Whitefield, Evans 1994]. Противоположная точка зрения представлена в [Duch 1995; Gibson 1996; Gibson 2001: 118–20; Mishler, Rose 1996].

склонны голосовать за коммунистов [Miller et al. 1996; Hesli and Bashkirova 2001]. В ряде других исследований делался вывод о том, что люди, обладающие качествами (в частности, молодостью и образованием), благодаря которым они могут преуспеть в условиях рынка, были более склонны отдавать предпочтение рыночной экономике [Clark et al. 2003; Горшков 2003: 382].

Если оставить в стороне отношение к демократии и обратить внимание на преобладающее отношение к рынку, мы также увидим явные противоречия. Исследователи, участвовавшие в опросах общественного мнения в рамках Международного проекта по исследованию социальной справедливости в семи странах Восточной Европы и пяти капиталистических странах, указывали на явление, которое они назвали «раздвоением сознания»: люди в посткоммунистических странах, как и люди в капиталистических странах, нередко придерживаются двух наборов убеждений, которые, по всей видимости, противоречат друг другу. Например, россияне прежде всего указывают на личные качества, чтобы объяснить, почему одни становятся богатыми, а другие остаются бедными, но при этом с готовностью утверждают, что социальные условия ограничивают возможности для некоторых индивидуумов [Kluegel et al. 1995]. Точно так же россияне воспринимают представление о том, что социальное неравенство может быть оправдано, но при этом соглашаются с аргументами в пользу социального равенства [Kluegel, Mateju 1995; Stephenson, Khakhulina 2000: 87]. Даже когда россияне в целом одобряют рыночную экономику, они очень критически относятся к тому, как рынок функционирует в их собственной стране. Например, в Международном проекте по исследованию социальной справедливости россияне больше, чем граждане почти всех из 12 выбранных стран были склонны считать, что богатство является результатом обмана и использования нужных связей, а не результатом упорного труда и блестящих идей⁶. М. К. Горшков указывает, что по результатам опросов россиян 77,5% респон-

⁶ Только доля эстонцев, считающих богатство результатом обмана, была выше, чем россиян. См. [Kluegel et al. 1995: 190].

дентов имеют негативное мнение о процессе приватизации государственной собственности, а 53,5% негативно относятся к радикальным экономическим реформам [Горшков 2003: 391].

В чем отличие россиян?

Почему демократы в России далеко не всегда поддерживают рыночную экономику? Для исследователей, которые исходят из политической культуры, ответ заключается в том, что россияне отдают предпочтение распределительному принципу равенства, а не распределению на основе заслуг, и это предпочтение коренится как в религиозной традиции, так и в практике советского социализма [Keenan 1986; Vainshstein 1994; Басина 1998; Наумова 1994]. Например, как утверждают В. М. Сергеев и Н. И. Бирюков, православное представление о том, что все способности, умения и таланты — это дары Божьи, противоречит убеждению в том, что талантливые люди заслуживают большего материального вознаграждения за реализацию своего дара. Кроме того, если труд крестьянина рассматривается как *потребление* данных Богом ресурсов, то такой труд не имеет особой ценности, а стремление работать более эффективно и продуктивно — это просто-напросто «уловка вора, который хочет украсть еще больше» [Sergeyev, Biryukov 1993: 128–129].

Предпочтения, традиционно отдаваемые эгалитарному обществу, в котором дополнительный труд не влечет за собой дополнительной награды, изменились, но не были отвергнуты при советской власти, которая прославляла рабочий класс, преуменьшая роль интеллектуального труда и регулируя различия в оплате труда. В российской культуре в 1990-е годы материальное преуспевание свидетельствовало не о желаемых личных качествах человека или о благоволении Бога, но, скорее, было индикатором «аморальности, отказа от святых и разрыва связи с ближними» [Рис 2005: 231]. Д. Песмен добавляет, что, по мнению русских, богатство даже ведет к утрате «русской души». Один из информантов Песмен заявил: «Наши политики с американским уклоном

разобьют себе лоб на этом. Россия не такая. Невозможно заставить ее жить в соответствии с идеей рынка. *Ей нужна достойная идея! Рынок не может быть целью!* Вы говорите людям: “Обогащайтесь!” Люди ответят: “Пошли к черту!” Это никогда не было основой жизни» [Pesmen 2000: 128]⁷. Соответственно, некоторые исследователи общественного мнения интерпретируют результаты опросов в свете этих культурных ценностей. Они видят ностальгию по социалистическому прошлому, тенденцию рассматривать богатство как нечто, полученное незаконным путем, или обусловленную культурой склонность отвергать распределение благ на основе заслуг⁸.

Однако проблема развития капитализма в России, возможно, коренится не столько в прошлом, сколько в настоящем. Прежде всего, далеко не очевидно, что простые россияне ностальгируют по социалистическому прошлому в целом, даже если им нравятся какие-то аспекты этого прошлого. В конечном счете советский режим не реализовал пролетарскую утопию равенства и изобилия. В Восточной Европе был популярен такой анекдот:

Что такое социализм? Социализм — это диалектический синтез различных стадий истории человечества. Из доисторической эпохи он берет метод. Из античности — рабство. Из феодализма — крепостное право. Из капитализма — эксплуатацию. А из социализма — название [Keane 1988: 197–198].

И есть еще русский анекдот о том, что Адам и Ева были первыми коммунистами: «Они ходили босиком. Одежды у них не было. Спали они под кустами. Из еды у них было только жалкое яблоко. И еще им без конца твердили, что они живут в раю» [Kolasky 1985: 102]. На основе своего опыта жизни в «реальном» социализме простые россияне вполне могли прийти к выводу, что система всеобщего равенства не работает и что необходимо

⁷ О преследовании личной выгоды как достойной социальной цели см. также [McDaniel 1996: 26].

⁸ См. в частности [Boeva, Shironin 1992; Levada et al. 2002: 13].

материально вознаграждать тех, кто трудится более продуктивно. Трудности жизни в условиях плановой экономики, когда в магазинах постоянно не хватало потребительских товаров, а производственные ресурсы распределялись непредсказуемым образом, могли способствовать как стремлению полагаться на свои силы и предпринимательские способности, так и привычке ждать получения благ от патерналистского государства⁹.

Капитализм, который развивался в России в первое десятилетие после краха советского строя, вряд ли можно было назвать системой, предполагающей вознаграждение по заслугам. Конечно, некоторые невероятно разбогатели, причем очень быстро, но им это удалось в основном благодаря связям с властью, а не потому, что они придумали лучшую мышеловку. Они далеко не всегда действовали законными методами. Успешные предприниматели нередко были связаны с криминалом, либо потому, что становились объектом для вымогательства со стороны бандитов, предлагавших «защиту» за определенную плату, либо потому, что прибегали к помощи бандитов, чтобы обеспечить для себя выгодные контракты [Volkov 2002].

В этом смысле показателен случай олигарха М. Б. Ходорковского, ставшего объектом уголовного преследования по указанию В. В. Путина. Благодаря связям с комсомольскими начальниками Ходорковский в годы перестройки получил разрешение на создание одного из первых коммерческих банков. Позднее его банк «Менатеп» получил право на проведение залоговых аукционов, в результате которых крупнейшая в России нефтедобывающая компания «Юкос» перешла под контроль этого банка. На аукционе Ходорковский с пятью партнерами заплатили 309 миллионов долларов за 78% акций «Юкоса», а спустя два месяца рыночная капитализация «Юкоса» достигла шести миллиардов долларов. К 2002 году стоимость «Юкоса» составляла приблизительно 15 миллиардов долларов [Klebnikov 2003: 147].

⁹ Об этом см. [Dunn 1999]. Как указывает Данн, польские рабочие считали, что социализм научил их быть более гибкими и независимыми, так как исходные факторы производства были очень неопределенными.

Путь Ходорковского к богатству нельзя назвать необычным. Считается, что Б. Н. Ельцин использовал второй этап приватизации, чтобы вознаградить спонсоров своей избирательной кампании, предоставив им доступ к природным ресурсам России [Brady 1999; Glinkina et al. 2001: 240–242]. Е. Т. Гайдар, архитектор приватизации, полагал, что единственным способом избежать гражданской войны будет раздача государственной собственности и, соответственно, превращение коммунистической номенклатуры в класс собственников, поддерживающих новый режим. Он говорил: «Я сознательно предпочитал купить у них власть, а не начинать против них крестовый поход»¹⁰. Получив богатства России по бросовым ценам, новоиспеченные российские олигархи отнюдь не стремились инвестировать в российскую экономику и развивать ее, «предпочитая переправлять капитал на Запад», чтобы обеспечить его безопасность [Никовская 2000: 89]. Кроме того, они сохраняли и поддерживали связи с государственными органами, способствуя тем самым распространению коррупции в российском обществе и формированию негативного отношения к демократии. Как говорил один из комментаторов, не важно, какая партия выигрывает выборы в России, важно, кто из олигархов контролирует голоса депутатов [Oreshkin 2003]. В первое десятилетие после краха коммунистического режима в России отсутствовали справедливые процедуры для преодоления противоречий между демократией и капитализмом на основе справедливости.

Не было ни многочисленного среднего класса, ни хорошо обеспеченного и защищенного рабочего класса. У большинства простых россиян практически не было возможностей обеспечить свое материальное благосостояние в условиях экономических реформ [Гулиев 2003: 6; Mikhalev 2001; Богомолова, Тапилина 2001]. В то время как Ходорковский и иже с ним накапливали миллиарды, российские учителя, врачи и другие бюджетники в 1990-е годы месяцами не получали заработную плату, поскольку правительство пыталось за их счет сбалансировать бюджет.

¹⁰ В интервью, отрывки из которого приведены в [Мау, Starodubrovskaya 2001: 149].

Сбережения обесценились в результате гиперинфляции 1992 года, а затем еще раз после банковского и валютного кризиса 1998 года. Предприниматели страдали от удушающих налогов и вмешательства криминала. Возможности найти хорошо оплачиваемую работу были весьма ограничены.

Как указывал Г. А. Явлинский, глава партии «Яблоко» и один из критиков Путина, «огромная масса трудоспособного населения в стране не только не имеет нормальной, достойно оплачиваемой работы, но и шансов получить ее до конца своей трудовой жизни» [Явлинский 2003: 10]¹¹. Явлинский считал, что Россия как экспортер сырья стала страной с периферийной экономикой, в которой небольшое число людей получают выгоду от ориентированной на внешние рынки торговли, а у правительства не хватает ресурсов, чтобы оживить экономику или удовлетворить базовые жизненные потребности бедного большинства. По его словам, новый российский капитализм неэффективно использует человеческие ресурсы, не давая людям возможности продуктивно трудиться, получать необходимое образование и надлежащую медицинскую помощь. Под сокрушительным влиянием последствий экономических реформ простые россияне сосредоточились на борьбе за выживание и не смогли организовать политически для защиты своих интересов, которые обычно игнорируются государством [Gill, Markwick 2000; Mau, Starodubrovskaya 2001: 162].

Я утверждаю, что отношение россиян к рынку (и, соответственно, их понимание того, насколько демократия совместима с капитализмом) возникло именно в этом контексте, когда подавляющее большинство не получило практически никаких выгод от реформ, а конкуренция не была свободной и равной. *Моя первая гипотеза заключается в том, что чем больше россияне основывают свои оценки рыночной экономики на том, как рынок функционирует в России, тем меньше они поддерживают такую экономику и, следовательно, тем меньше они склонны считать,*

¹¹ Даже самые убежденные российские либералы подвергают критике экономику России. Б. Е. Немцов, один из основателей Союза правых сил, называл «уродцем» тот «административно-олигархический капитализм», при котором живет Россия. См. [Немцов 1998: 3].

что рынок и демократия совместимы. Другими словами, причина, по которой россияне демонстрируют относительно слабую поддержку рыночной экономики, кроется не в культурно обусловленном понимании социальной справедливости, которое исходит из неприятия неравенства. Эта причина заключается в том, как рынок функционирует в России. Если эта гипотеза верна, то, как я предполагаю, мы увидим, что россияне не отличаются от людей, живущих в более эффективно функционирующих капиталистических системах с точки зрения *стандартов*, по которым они судят о результатах работы системы. Скорее, при одинаковых стандартах они приходят к разным выводам относительно желательности данной экономической системы из-за различий в том, как на самом деле функционирует система.

Однако у нас нет оснований предполагать, что все россияне приходят к одним и тем же выводам, анализируя экономическую жизнь в стране. Если экономические ценности россиян более или менее логично отражают окружающую действительность, то люди, которые считают, что могут преуспеть в данных условиях, скорее всего, будут оценивать эти условия как более благоприятные. В целом люди, сумевшие воспользоваться возможностями, предлагаемыми российским рынком, принадлежат к относительно молодому поколению, они имеют высшее образование или обладают ценными техническими навыками и живут в регионах с большими возможностями, например, в Москве и Московской области или в крупных городах [Stephenson, Khakhulina 2000]. Это люди, которые действуют исключительно в своих личных интересах, и мы можем предположить, что они более высоко оценивают капитализм в России. Однако многие исследования показывают, что непосредственный личный интерес мало влияет на нормы справедливости или голосование. На самом деле идеология оказывается важнее, чем доходы в части влияния на отношение людей к распределению доходов [Lane 1986: 398]. При этом социотропные оценки общего состояния экономики играют более важную роль в принятии решений о голосовании, чем жизненно важные вопросы [Kinder, Kiewiet 1981; Colton 1996; Colton 2000: 96]. Таким образом, намного важнее *убежденность людей в том,*

что они могут преуспеть на российском рынке, чем их реальная успешность. Следовательно, моя вторая гипотеза заключается в следующем: чем больше люди убеждены, что рынок открывает для них новые возможности, тем больше они убеждены в том, что рыночная экономика вполне согласуется с демократией.

Чтобы проверить, насколько высказывания респондентов подтверждают эти две гипотезы, я сначала рассматриваю паттерны поддержки демократии и рынка в российской выборке. Для многих (но не для всех) респондентов большая поддержка рынка связаны с большей поддержкой демократии. Значительная часть российских демократов критически относится к рынку, а некоторые сторонники рынка отнюдь не являются последовательными демократами. Для анализа причин таких различных оценок я провожу сравнение групп респондентов. В частности, я обращаю внимание на те стандарты, которые они используют для оценки возникающего в России неравенства по уровню доходов, на их впечатления от доступных в новых условиях возможностей, а также на их мнения о роли государства в экономической жизни.

Поддержка демократии и рынка

Для анализа паттернов отношений необходимо сначала сгруппировать респондентов по сходству их общей политической ориентации. Паттерны могут не проявиться в группе из 60 респондентов, если мы не будем сравнивать их друг с другом, отмечая как сходства их установок, так и различия в их взглядах. Чтобы увидеть различия в степени поддержки демократии, я разделила российских респондентов на категории исходя из их ответов на ряд вопросов, которые задавались всем респондентам. Эти вопросы касались некоторых важных аспектов демократии, в частности упомянутых выше ключевых факторов: участия, конкуренции и индивидуальных прав¹².

¹² См. в частности обсуждение в главе четвертой, с. 78–79. См. дополнительную информацию и точные формулировки вопросов в приложении В. Эти три фактора рассматриваются в [Dahl 1971: 3–9; O'Donnell, Schmitter 1986: 7–14; Sorenson 1993: 13].

Чтобы измерить оценку респондентами значимости *участия* в политической системе, я использовала вопросы о том, *должны* ли власти учитывать мнение простых людей и насколько важным для граждан является голосование на выборах. Для большинства граждан в странах с развитой демократией участие в политике ограничено голосованием на выборах, поэтому целесообразно спрашивать именно об этом обычном действии. Цель *участия* — сделать так, чтобы голоса и предпочтения людей были услышаны и соответствующие действия предприняты; с этим аспектом *участия* связана реакция властей на мнение простых граждан. Для измерения оценки респондентами значимости *конкуренции* в политической системе также используются вопросы о голосовании, поскольку многопартийные выборы являются для граждан одним из главных механизмов выбора между альтернативными политическими программами, и вопросы о необходимости представительных институтов¹³. Как указывалось в главе четвертой, российские граждане считают законодательную власть ареной противоборства и конкуренции депутатов, и многие недовольны результатами такой борьбы. Для понимания отношения респондентов к *индивидуальным правам* я задавала им вопрос о том, считают ли они, что в России слишком много свободы (на момент проведения интервью). Поскольку российские респонденты в основном считали себя недостаточно свободными, беспокойство по поводу того, что в стране слишком много свободы, скорее всего, свидетельствовало о неприятии самой идеи индивидуальной свободы и ее последствий для общества. Кроме того, для общей оценки уровня поддержки демократии я оценивала понимание этого понятия по ответам респондентов на просьбу дать определение демократии. Я исходила из того, что для выражения реальной поддержки демократии необходимо знать, что это такое.

¹³ Конкуренция в демократических системах обычно понимается как конкуренция между политическими партиями. К сожалению, я не задавала респондентам вопрос о необходимости участия в выборах нескольких партий. Тем не менее, они не считали, что их возможность выражать свой *выбор* делает электоральный процесс значимым, даже не указывая прямо на этот выбор как выбор одной из партий.

В целом в своих ответах на эти вопросы российские респонденты выражали существенную поддержку демократических ценностей. Почти все они полагали, что чиновники должны внимательно относиться к мнению людей и что голосование имеет большое значение. Для моих респондентов это были бесспорные пункты. Бóльшая вариативность наблюдалась в ответах о необходимости представительных органов, приемлемого уровня свободы, предоставляемой демократией, и в выражении понимания сущности демократии. Характер этой вариативности будет описан далее в этой главе.

На основе полученных ответов на эти вопросы респонденты были разделены на четыре группы с разными уровнями поддержки демократии. В группу с низким уровнем поддержки вошли люди, которые не видели ничего хорошего в демократических институтах и имели ценности или взгляды, которые явно противоречили функциям демократических институтов и целям, которым они должны служить. Во вторую группу были включены люди, демонстрировавшие смешанное отношение к демократии и противоречивые представления: они положительно относились к одним аспектам демократии и неприязненно к другим. Некоторые, сами того не сознавая, выражали мнения, идущие в разрез с общепринятыми убеждениями демократов. По сравнению с этой «смешанной» группой люди в группе с умеренным уровнем поддержки демократии в основном положительно относились к демократии, но иногда просто не знали, что сказать по этому поводу. Они не проявляли особой искушенности в этих вопросах или какого-то глубокомыслия. Их понимание того, как работает демократия, чаще всего не складывалось в полную картину, но им нравилась демократия в том виде, как они ее понимали. В своих определениях демократии они обычно придерживались стандартных формулировок, например «власть народа», не разъясняя, что такие расхожие фразы означают на практике. Респонденты с высоким уровнем поддержки демократии демонстрировали глубокое понимание демократических процессов и поддерживали демократию без каких-либо оговорок, не высказывая противоречивых мнений. В этой главе группа с умеренной

поддержкой и группа с высоким уровнем поддержки демократии объединены в одну, поскольку люди в обеих группах выражали схожие мнения по важным вопросам.

В таблице 5.1 представлены демографические характеристики российских респондентов в разных группах поддержки демократии. Пожилые респонденты в большей степени были представлены в «смешанной» группе; более образованные респонденты демонстрировали большую степень поддержки демократии. Существенных различий по полу или по регионам не наблюдалось. В данном случае можно не обращать внимание на *число* респондентов в каждой группе, поскольку ответы людей в соседних группах не сильно различались. Тем не менее, интересно, что такое небольшое количество людей оказалось в группе с низким уровнем поддержки демократии. Однако при объединении «низкой» и «смешанной» групп более половины респондентов в той или иной степени не поддерживали демократию. Хотя эти результаты аналогичны результатам массовых опросов, я, представляя эти данные и данные в последующих таблицах, делаю это с целью дать больше информации о моей выборке, а не с тем, чтобы показать, что распределение по категориям в моей выборке отражает распределение мнений по населению в целом. Я надеюсь, что информация о представленной выборке поможет читателям понять, что я не уделяю особого внимания высказываниям отдельных нетипичных респондентов.

Я попыталась применить аналогичные критерии для оценки уровня поддержки демократии для группы американских респондентов. Однако по ряду причин это оказалось невозможным. Прежде всего потому, что только половине респондентов в американской выборке был задан вопрос о свободе, а это именно тот вопрос, ответы на который наиболее сильно разнятся в случае с россиянами. По другим вопросам вариативность ответов была недостаточной, чтобы разделить американцев на строго определенные группы. Кроме того, в случаях, когда некоторые американцы в меньшей степени поддерживали демократию, чем другие, это, по всей видимости, объяснялось тем, что самые пожилые

Таблица 5.1. Характеристики российских респондентов по уровню поддержки демократии

Низкий уровень поддержки демократии	Смешанное отношение к демократии	Умеренная поддержка демократии	Высокий уровень поддержки демократии
Всего: 6 респондентов 3 женщины, 3 мужчины 1 младше 30, 3 старше 60 4 из Москвы, 2 из Московской области	Всего: 26 респондентов 16 женщин, 10 мужчин 5 до 30, 8 старше 60 6 из Москвы, 5 из Московской области, 5 из Сибири	Всего: 16 респондентов 9 женщин, 7 мужчин 6 младше 30, 2 старше 60 6 из Москвы, 3 из Московской области, 1 из Сибири	Всего: 12 респондентов 4 женщины, 8 мужчин 2 младше 30, 3 старше 60 3 из Москвы, 1 из Московской области, 2 из Сибири
1 с высшим образованием	7 с высшим образованием	11 с высшим образованием	9 с высшим образованием
Уровень поддержки рынка: 3 низкий, 1 смешанный	Уровень поддержки рынка: 10 низкий, 11 смешанный, 5 высокий	Уровень поддержки рынка: 4 низкий, 4 смешанный, 8 высокий	Уровень поддержки рынка: 4 низкий, 4 смешанный, 4 высокий
Алексей, Евгений, Инна, Татьяна Михайловна, Валя, Владимир Ильич	Анна П., Борис Б., Елена, Григорий, Ирина Л., Иван И., Катя, Клара, коллектив, Лена, Люба, Надя, Николай, Ольга И., Павел, Пелагея, Полина, Руслан, Сергей, София, Валентина, Вася, Вилен Н., Егор Ю., Зинаида, Зоя И.	Александра Антоновна, Алла, Аня, Екатерина, Галина Григорьевна, Юрий, Коля, Лев, Михаил, Раиса, Рая, Слава, Соня, Светлана, Толя, Витя	Андрей Викторович, Аркадий, Дима, Геннадий, Иосиф, Константин, Людмила Владимировна, Марина Александровна, Миша, Надежда, Наталья, Олег

и наименее образованные респонденты вообще имеют склонность плохо отвечать на вопросы. Поэтому в последующем обсуждении я не разделяю американских респондентов на группы по уровню поддержки демократии.

В таблице 5.1 также приведена информация об уровнях поддержки рынка среди россиян в разных категориях по степени поддержки демократии. Для оценки уровня поддержки рынка я использовала ответы респондентов на вопрос об их отношении к переменам в экономике, которые произошли в России за последние несколько лет. Конкретные аспекты поддержки рыночной экономики рассматриваются далее в этой главе; данный вопрос касается общей поддержки неприятия экономических реформ¹⁴. Существует определенная тенденция: люди, которые отдают предпочтение рыночным реформам, произошедшим в России в 1990-е годы, демонстрируют и высокий уровень поддержки демократии, однако эту связь нельзя назвать явной. Взаимосвязь между поддержкой демократии и рынка более отчетливо видна в таблице 5.2. В таблице 5.2 показана линия регрессии с положительным отношением к рыночным реформам как зависимой переменной и поддержкой демократии как независимой переменной. Хотя эти переменные положительно связаны между собой, линия регрессии не особо крутая, а тесная связь значима только на уровне 0,05. Кроме того, как видно из таблицы 5.2, существенная часть выборки располагается довольно далеко от этой линии. Люди, негативно относящиеся к рынку, представлены во всех категориях по степени поддержки демократии, а среди тех, кто в меньшей степени поддерживает демократию, есть и сторонники рынка. И вновь моя цель здесь — показать, как разные отношения распределяются по выборке, чтобы понять

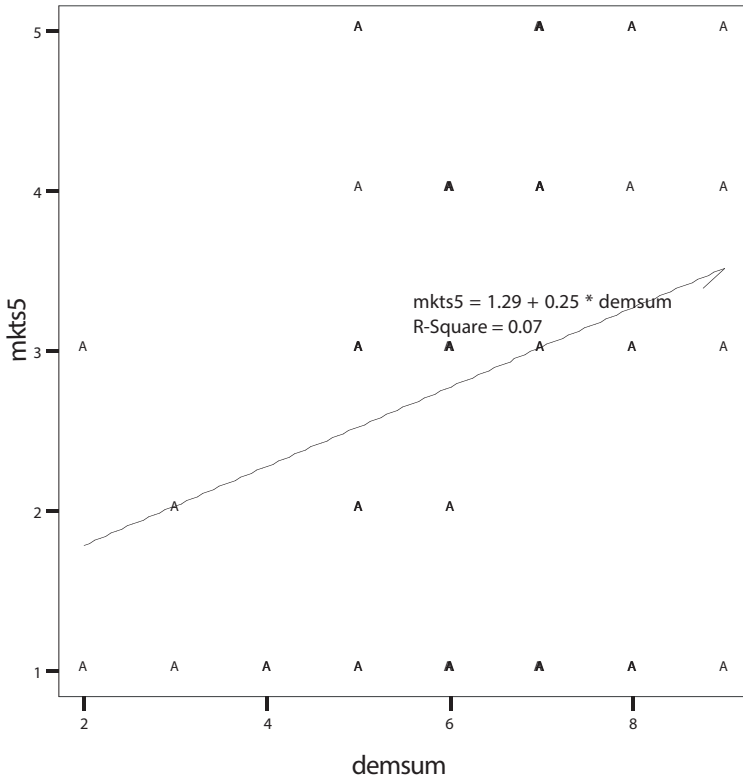
¹⁴ Аналогичным образом комплексные показатели используются в стандартизированных интервью. См., напр., [White et al. 1997: 287]. Дополнительную информацию о показателях для оценки уровня поддержки рынка, используемых в данной главе, см. в приложении В. Аналогичный вопрос не задавался американским респондентам, и, соответственно, они не разделялись на категории в зависимости от поддержки рынка.

общие паттерны, прежде чем перейти к анализу отдельных высказываний респондентов¹⁵.

Наличие респондентов, для которых поддержка демократии никак не связана с поддержкой рынка, очевидно из таблицы 5.3, в которой показано, как распределяются респонденты в зависимости от их отношения к рынку и демократии. Значительная часть выборки располагается на диагонали, идущей из левого нижнего угла в правый верхний угол. Респондентов в левой нижней части таблицы 5.3 я называю «скептиками», потому что они довольно скептически относятся как к рынку, так и к демократии. Вторая группа (в правой верхней части) состоит из «либеральных демократов», которые демонстрируют высокий уровень поддержки и рынка, и демократии. Респонденты на этой диагонали выражают свои убеждения так, как ожидают западные наблюдатели, то есть либо поддерживая рынок и демократию, либо не поддерживая ни то, ни другое. Однако примерно треть респондентов располагается вне этой диагонали, и то, как они выражают свои убеждения, представляет особый интерес в рамках этой главы. Одна группа включает респондентов из левой верхней части таблицы. Они демонстрируют высокий уровень поддержки рыночных реформ, но в значительно меньшей степени поддерживают демократию. Другая интересная группа состоит из респондентов, представленных в правом нижнем углу: это сторонники демократии, которые скептически относятся к рынку. Последние две группы невозможно определить однозначно. В первой из них представлены респонденты, которые, не будучи явными сторонниками демократии, необязательно относятся к ней неприязненно и определенно не относятся к числу «приверженцев авторитаризма», как иногда называют тех, кто демонстрирует низкий уровень поддержки демократии. А скептически относящиеся к рынку демократы необязательно являются социалистами, по крайней мере, мы этого о них не знаем. Поэтому придется использовать для них не очень изящные двухсловные названия.

¹⁵ О результатах массовых опросов относительно этого отношения см., напр., [Kullberg, Zimmerman 1999; Brym 1996].

Таблица 5.2 Зависимость между поддержкой рынка и поддержкой демократии (линейная регрессия, $N = 60$)

Нестандартизированный
коэффициент
регрессии
0,248

Стандартная ошибка
коэффициента
регрессии
0,117

Sig. t:
.038

В ходе последующего анализа высказываний отдельных респондентов читатели могут вернуться к информации, представленной в таблице 5.3, чтобы вспомнить, к каким группам относятся те или иные респонденты. Полезно будет обратиться и к приложению А, в котором содержатся сведения о каждом из респондентов.

Таблица 5.3. Распределение респондентов по уровню поддержки демократии и рынка

<p>Высокий уровень поддержки рынка, смешанное отношение к демократии Люба, Вася, Полина, София, Борис Борисович (5 респондентов)</p>		<p>Либеральные демократы (высокий уровень поддержки демократии и рынка) Коля, Миша, Слава Витя, Светлана, Екатерина, Юрий, Олег, Раиса, Александра Антоновна, Людмила Владимировна, Марина Александровна (12 респондентов)</p>
	<p>Средний уровень (смешанное отношение и к демократии, и к рынку) Катя, Лена, Григорий, Клара, Николай, Валентина, Павел, Руслан, Сергей, Вилен Николаевич, Зоя Игоревна (11 респондентов)</p>	
<p>Скептики (низкий уровень поддержки рынка, низкий уровень поддержки или смешанное отношение к демократии) Валя, Надя, Евгений, Зинаида, Алексей, Инна, коллектив, Елена, Пелагея, Анна Павловна, Ирина Львовна, Иван Иванович, Ольга Игоревна, Владимир Ильич, Егор Егорович, Татьяна Михайловна (смешанное отношение к рынку, низкий уровень поддержки демократии) (16 респондентов)</p>		<p>Высокий уровень поддержки демократии, низкий уровень поддержки или смешанное отношение к рынку Дима, Рая, Соня, Толя, Аня, Геннадий, Иосиф, Михаил, Надежда, Алла, Аркадий, Константин, Лев, Наталья, Андрей Викторович, Галина Григорьевна (16 респондентов)</p>

Уровень поддержки рынка оценивался на основании ответов респондентов на вопрос о том, как они относятся к изменениям в экономике, которые произошли в России за последние несколько лет. Из их ответов на этот вопрос понятно, что некоторые говорили об экономических реформах абстрактно, другие высказывались о конкретных результатах реформ в России. В сущности, респонденты, которые в большей степени поддерживали рыночные реформы, больше рассуждали о том, как *должен* функционировать рынок, а не о том, как он на самом деле работает в России. Они говорили об объективной необходимости отказа от плановой экономики и выражали уверенность в том, что в будущем наступит процветание, хотя в настоящем до него было еще далеко. Если они и признавали наличие проблем, которые возникли в России в ходе экономических реформ, то утверждали, что причиной этих проблем были скорее недостаточные реформы, чем рынок как таковой. Например, Коля называл рынок «переходом на более высокий уровень» и считал, что любые ошибки, которые, возможно, совершил Ельцин, были неизбежными и проходящими.

При этом респонденты, которые *в меньшей степени* поддерживали рыночную экономику, чаще выражали неудовлетворенность *реальным* процессом реформирования в России. Анна Павловна жаловалась, что жизнь стала труднее. «Здесь практически все заводы простаивают, — говорила она. — Люди очень мало работают... Теперь в магазинах все есть. Вот только денег нет. Мы многого не можем купить, куда там. Покупаем только самое необходимое... Директора предприятий, похоже, думают только о своей выгоде, а не о людях». Такие же жалобы высказывали и другие респонденты в выборке, которые неприязненно относились к рыночной экономике. Среди ярых сторонников демократии респонденты, которые с сомнением относились к рынку, в основном высказывались об особенностях реализации рыночных реформ в России. Например, Аркадий сказал: «Необходимо было попытаться довести нашу продукцию до мирового уровня, а не уничтожать все, что было. Но этого сделано не было». Геннадий четко проводил различие между российским и запад-

ным рынком: «Современный рынок не принес экономическую свободу, такую, как существует, например, на Западе. В сущности, у нас сейчас еще бóльшая экономическая несвобода, чем в советский период».

Таким образом, моя первая гипотеза пока подтверждается, по крайней мере в отношении рыночных скептиков: люди, которые негативно смотрят на рынок, чаще оценивают его по тому, как рыночная экономика фактически работает в России. При этом люди, которые выступают за рыночные реформы, поддерживают саму *идею* рынка, необязательно именно в том виде, в каком рынок существует в России. Чтобы лучше понять различия в представлениях тех, кто поддерживает и кто не поддерживает рынок, рассмотрим, в чем именно различаются сторонники рынка и рыночные скептики в плане оценки имущественного неравенства.

Неравенство доходов

Одним из методов изучения отношения людей к экономической системе является анализ оценок распределения доходов в обществе [Miller 1999: 61]. Считается, что одобрение существующего распределения доходов указывает на то, что, по мнению людей, экономическая система функционирует четко и в соответствии с применимыми нормами справедливости. Исследователи пришли к выводу, что жители капиталистических стран принимают неравенство на том основании, что люди, которые больше работают или обладают определенными способностями, должны получать больше, хотя некоторые предпочли бы чуть меньше неравенства, чем существует на самом деле [McClosky, Zaller 1984: 84; Ladd, Bowman 1998; Kluegel, Smith 1986; Kelley, Evans 1993]. Иначе говоря, люди в капиталистических странах исходят из принципа справедливости, основанной на заслугах. Они полагают, что некоторые заслуженно получают более высокие доходы, даже если сомневаются, что более высокие доходы всегда достаются тем, кто этого заслуживает [Miller 1999: 71–72, 83]. Если моя первая гипотеза

верна, то россияне должны использовать такие же нормы, даже если они приходят к другим выводам относительно справедливости рыночной экономики в своей стране.

Я просила российских респондентов выбрать одну из двух абстрактных альтернатив: общество, для которого характерно имущественное равенство, или общество, в котором есть богатые и бедные. Их ответы на этот вопрос и последующие разъяснения могут помочь нам выявить представления о социальной справедливости, которые лежат в основе отношения к рынку. На первый взгляд, может показаться, что россияне, сомневающиеся в преимуществах рынка, используют иные нормы справедливости, отличные от тех, которые применяют сторонники рынка. В частности, мы можем видеть, что скептики отдают предпочтение другим принципам распределения, нежели либеральные демократы. Например, Валя, рыночный скептик, явно предпочитает равное распределение доходов. «Когда есть деньги, легко задрав нос не замечать людей вокруг, — сказала она, — думать, что они низшая каста, ниже меня. Мне кажется, лучше, когда люди одинаковые, когда есть имущественное равенство». Елена добавила, что предпочтительнее, чтобы было больше равенства, потому что тогда она бы не чувствовала себя неловко из-за своей неотремонтированной квартиры, в которой мы на тот момент уютно расположились. Большинство скептически настроенных респондентов не отдавали предпочтения равенству, однако в этой группе люди чаще выражали одобрение равенству, чем в любой другой группе. Даже когда они осознавали справедливость неравенства, они, как правило, выступали за относительно небольшой разрыв между богатыми и бедными. Например, Надя, отстаивая равенство, которое допускало бы некоторую возможность для накопления богатства, сказала: «Я считаю, что не должно быть бедных людей. Должны быть состоятельные люди. А также равенство. Ведь многие состоятельные люди помогают другим, занимаются благотворительностью. Они помогают детским домам. Нужно, чтобы были такие состоятельные люди, которые не вывозят свои капиталы за границу, но оставляют здесь, которые инвестируют в Россию».

На другом конце спектра находятся либеральные демократы, которые для оценки справедливости явно применяли принцип распределения доходов по заслугам. Они склонны считать, что равенство в обществе недостижимо, потому что оно противостоит естественности, так как в этом случае не признаются различия между людьми. Олег полагал, что равенство оскорбительно для тех, кто много работает. Витя указывал на несправедливость одинаковой оплаты труда бездельника и человека, который трудится не покладая рук. Раиса добавила: «Те, кто больше работает и больше знает, кто умнее, должен жить лучше». Миша прокомментировал неизбежность неравенства: «Так исторически сложилось, что в обществе есть бедные и богатые. Очевидно, что так будет всегда. У всех разные потребности, разные желания. Каждый стремится к чему-то. Равенства не существовало даже при социализме. Оно просто не так четко проявлялось. Было государство. И были начальники, которые жили лучше. Равенства быть не должно. Каждый должен получать то, что ему нужно или хочется, к чему он стремится, чего заслуживает».

В целом либеральные демократы были не слишком обеспокоены трудным положением бедных. Вот, например, комментарий Коли: «По моему мнению, бедные — это те, кто не хочет работать. Они привыкли получать свой паек. И довольствуются этим. А тех, кто хочет получать больше, чтобы вырасти в своих глазах, общество не может сделать равными. Так или иначе будет какое-то неравенство».

В середине спектра располагаются респонденты, которых нельзя отнести ни к сторонникам, ни к критикам рынка и демократии, — они, скорее, ближе к либеральным демократам, чем к откровенным скептикам. Они не отдают предпочтение социальному равенству, хотя некоторых беспокоит социальное обеспечение бедных. Вот, например, характерный для этой средней группы комментарий Павла: «Имущественного равенства никогда не было и не будет. Я так думаю. Это мое личное мнение. Каждый получает то, что заработал». Лена была менее категорична и более озабочена положением людей, которые получают очень мало: «В общем имущественное равенство невозможно. И бедные

должны быть относительно бедными. Бедными, но не умирающими от голода. У них должна быть возможность покупать одежду и учиться. Вот такого рода бедность. Но не ниже этого уровня, нет. У человека должна быть возможность обеспечивать себя». Ее забота о бедных согласовывалась с принципом распределения по заслугам: бедные люди заслуживают возможности работать, чтобы улучшить свою жизнь. Вероятно, она имела в виду, что они могли бы извлечь какие-то выгоды из негативных сторон своей бедности. В том же духе Вилен Николаевич полагал, что государство обязано помогать людям с «умственными недостатками», то есть тем, кто, по его мнению, заслуживал помощи от общества в целом¹⁶.

Таким образом, можно сказать, что люди, отдающие предпочтение рынку и демократии — даже в умеренной степени, — считают, что социальная справедливость определяется в соответствии с принципом вознаграждения по *заслугам*, тогда как те, кто скептически относится к рынку и демократии, скорее руководствуются принципом *равенства*. Но что тогда с российскими демократами, которые скептически относятся к рынку? Какого принципа придерживаются они? Как и российские либеральные демократы, демократы, которые более скептически относятся к рынку, в основном полагали, что равенство в обществе практически невозможно, и соглашались с тем, что большего богатства достойны те, кто этого заслуживает. Их отличие от либеральных демократов заключалось не в их представлении о том, что социальная справедливость основывается на заслугах, но скорее в их оценке того, насколько возникающее в России неравенство является результатом вознаграждения по заслугам. Они считали, что в России слишком небольшое число людей получают огромные преимущества, и что незаслуженное богатство приобретает незаконными способами. Рая так выразила эту мысль:

¹⁶ Интересно, что эти оценки справедливости неравенства в распределении доходов согласуются с идеей Ролза о том, что социальное неравенство должно вести к наибольшей выгоде наименее преуспевших членов общества [Rawls 2001: 42–43].

«Выходит, что те, кто хочет работать, не хочет воровать, но хочет работать, у них нет возможности выжить. Работающие люди получают очень маленькую зарплату. И в то же время мы видим, что люди, которые могут воровать, живут очень хорошо. Это плохо». Раю беспокоил не сам *факт*, что в российском обществе становилось все меньше равенства, а то, *каким образом* возникло неравенство. Далее она говорит: «Да, конечно, в обществе должны быть и богатые, и бедные, чтобы бедные стремились жить лучше. Но нельзя, чтобы люди получали это богатство нечестным путем. То есть человек должен его заработать, проявить ум, предложить какие-то идеи, чтобы получить много денег».

Наталья соглашалась с Раей относительно оценки растущего неравенства в России: «Но, когда небольшая группа людей получает все национальное богатство, с этим трудно смириться. Это никому не может понравиться. И при этом работа не вознаграждается в зависимости от усилий. Ни в соответствии с физическими, моральными или психологическими усилиями, ни в соответствии с опытом или знаниями. Ничего подобного. К сожалению, получается так, что люди, которые много лет учились, приобретали профессиональный опыт, если у них есть работа, она плохо оплачивается».

Некоторые скептически относящиеся к рынку демократы соглашались принять неравенство в высших слоях общества, но при этом были в большей степени обеспокоены неравенством в низших слоях общества. Тем не менее, в этом случае они необязательно отказывались от принципов распределения по заслугам — они просто сомневались, что бедные заслуживают страдания. Галина Григорьевна сказала: «Пусть будут богатые люди. Пусть будут те, кто может что-то сделать и как-то улучшить нашу жизнь. Но так, чтобы не было бедных. Очень богатые и очень бедные — у них совершенно разные взгляды и разная жизнь, и они не понимают друг друга. Я хочу сказать, пусть умный человек, который что-то изобрел, вроде ракет, будет состоятельным. Он умный. Пусть живет хорошо. Он работает на благо нашей страны. Он что-то создает. А не просто берет, как многие». В целом скептически относящиеся к рынку демократы выступали

за то, чтобы усилия общества были направлены на улучшение благосостояния тех, кто не преуспел в рыночной системе. Они понимали, почему некоторые люди заслуживают благосостояния выше среднего, но никто не привел убедительных аргументов в подтверждение того, почему другие заслуживают меньшего уровня благосостояния.

Таким образом, представляется, что ориентированность на эгалитарное общество в целом не очень характерна для россиян. Лишь некоторые скептики отдавали предпочтение эгалитаризму, большинство из них этого не делали. Очень немногие респонденты высказывались за эгалитарное общество. Если судить по данной выборке, большинство россиян не против общества, в котором некоторые люди получают больше, чем другие; их вполне устраивает распределение богатства и доходов по заслугам. И чем больше они поддерживают рыночную экономику, тем с большей вероятностью они придерживаются этих взглядов. Особенность российских демократов, скептически относящихся к рынку, заключается не в том, что они готовы применять какие-то другие стандарты для оценки распределения доходов в России. Скорее они хорошо видят, что собой представляет рынок в России, и считают, что принцип распределения по заслугам здесь не действует. Они сомневаются в том, что те, кто пожинает плоды новой российской экономики, действительно заслуживают богатства. Отличие скептически относящихся к рынку демократов особенно отчетливо видно, если сравнить их с другими респондентами, выбивающимися из общего ряда в таблице 5.3, с теми, чье восхищение рыночной экономикой кажется чрезмерным, учитывая относительно низкий уровень поддержки ими демократии. Эти люди страстно отстаивали принцип вознаграждения по заслугам. Например, Полина заявила: «Потому что это всегда самореализация человека. Потому что там, где существует равенство, самореализация невозможна... А здесь каждый сам выбирает свою судьбу. Можно опуститься на дно или жить достойно». Респонденты с непропорционально высоким уровнем поддержки рынка были вполне удовлетворены тем, что в рыночной экономике вознаграждение получает тот, кто его заслуживает. Скеп-

тически относящиеся к рынку демократы считали, что рынок в России не обеспечивает справедливое вознаграждение по заслугам.

Здесь будет уместно сравнение с американскими респондентами, чтобы понять, действительно ли российские демократы крайне скептически относятся к тому, что в рыночной экономике вознаграждение получают те, кто его заслуживает. Если они намного более скептичны чем американцы, то это может указывать на укорененное культурой предпочтение иных форм экономической организации общества. Сравнение с американскими респондентами показывает, что и россияне, и американцы одинаково используют принцип вознаграждения по заслугам для оценки рынка¹⁷. Как и российские либеральные демократы, многие американские респонденты опасаются, что государственные податки бедным могут уничтожить стимулы к работе. Некоторые добавляли, что люди, у которых в Америке нет того, что им нужно, не проявляют инициативу. Многие американцы согласились с Биллом, который сказал: «Если ты усердно работаешь, ты получаешь то, что заслуживаешь, и именно поэтому мне нравится Америка». Например, похожее мнение высказала Грэйс: «Я, пожалуй, предпочла бы общество, где у каждого есть возможности для хорошей жизни, в определенной степени. Только, как мне кажется, вы должны иметь такие возможности, если заслуживаете. Я считаю, что люди не должны получать что-то просто

¹⁷ Американским респондентам задавался немного другой вопрос. Им предлагалось сделать выбор между обществом, в котором люди имели бы все материальные блага, но при условии снижения более высоких доходов, и обществом, где вознаграждалась личная инициатива, но при условии, что некоторые люди не могли бы себе позволить предметы первой необходимости. Американская выборка не разделялась на группы по уровням поддержки рынка или демократических ценностей, прежде всего потому, что по параметрам, аналогичным тем, которые использовались для категоризации российских респондентов, американцы не сильно отличались друг от друга. Кроме того, те несколько человек, которые выражали несколько менее демократические взгляды, чем другие, были самыми пожилыми и наименее образованными респондентами в выборке, и поэтому возникали подозрения, что они просто недостаточно хорошо отвечали на вопросы.

так. Чтобы что-то получить, надо это заработать... Не думаю, что человек заслуживает это просто потому, что дышит».

Вместе с тем некоторые респонденты предполагали, что есть определенные вещи, которых люди заслуживают не потому, что работают ради них, но потому, что они люди просто потому, что они дышат. Рик сказал: «Все люди заслуживают того, чтобы иметь предметы первой необходимости». Эрнест добавил: «Не думаю, что мы можем мириться с тем, что в обществе у людей нет самого необходимого. Да, конечно, личная инициатива должна вознаграждаться, но это безобразие, что у нас в стране есть бездомные, страдающие от недоедания дети и тому подобные вещи». Все это представляется Эрнесту неприемлемым, поскольку он считает, что все американцы заслуживают большего, но не потому, что он думает, будто все американцы равны. Иначе говоря, скептически относящиеся к рынку российские демократы в чем-то похожи на некоторых американцев. Как и американцы, россияне говорят о заслугах и далеко не всегда убеждены в том, что рыночная экономика дает людям то, что они заслуживают. И они отнюдь не убеждены, что работа — это единственный критерий, определяющий заслуги человека.

Рыночная справедливость

Итак, можно сказать, что россияне, которые отдают предпочтение демократии, но сомневаются в преимуществах рынка, применяют те же стандарты для оценки результатов рыночной экономики, что и либеральные демократы; они просто приходят к разным выводам. Происходит ли это потому, что скептически относящиеся к рынку демократы в большей степени не приемлют то, как капитализм работает в России? Очевидно, нет. Хотя они чаще осуждают несправедливый характер рыночной экономики в России, оценивая предпочтительные способы распределения богатства, они далеко не одиноки в своей критике российского капитализма. Я спрашивала российских респондентов, считают ли они справедливым распределение богатства и доходов в России.

В отличие от вопроса в предыдущем разделе, этот вопрос конкретно указывал на *российские* условия. Как оказалось, в данном случае респонденты давали схожие оценки независимо от того, поддерживали они рыночные реформы или нет. Лишь несколько респондентов считали результаты этих реформ справедливыми¹⁸. Даже сторонники рынка многое критиковали. Схожие жалобы, например, на несправедливую оплату труда возникали во всех группах. Многие жаловались на то, что руководители предприятий могут сами устанавливать себе вознаграждение, которое оказывается непропорционально высоким, что разрыв между богатыми и бедными слишком велик, что работники в бюджетной сфере получают очень мало независимо от того, сколько они работают, что пенсии слишком низкие и что у людей не хватает денег даже на самое необходимое.

Российских респондентов, независимо от уровня поддержки ими рынка и демократии, особенно возмущало то, как была проведена приватизация государственной собственности. Они радовались тому, что люди получили возможность стать собственниками своих квартир и покупать участки земли, но при этом возмущались тем, как распродавались природные ресурсы и промышленные предприятия. Здесь общее недовольство вызывал тот факт, что обладавшие большей властью в начале процесса приватизации сумели заполучить самые привлекательные активы. Респонденты во всех группах даже использовали одни и те же слова: *воровство, разграбление, захват, присвоение, жульничество*. Бизнесменов (да и любых состоятельных) людей нередко называли «бандитами». Николай из «смешанной» группы отметил: «Ваучерная приватизация была сплошным обманом, это совершенно очевидно. Просто цинично все раздали своим. Те, которые были поближе к власти, все прибрали к рукам». Даже либеральные демократы критически относились к такой приватизации. Миша сказал: «С самого начала приватизация проводилась

¹⁸ Только 12% респондентов в российской выборке считали существующее распределение доходов справедливым, для сравнения в американской выборке таких было 39%.

несправедливо. Нас просто ограбили, используя какие-то связи и власть. На данный момент уже практически больше нечего распределять. Самое лучшее всегда достается непонятно кому». Такого рода высказывания были особенно явными среди скептически относящихся к рынку демократов. Соня заметила: «Сейчас мы, похоже, проходим этап первоначального накопления капитала. Раньше у нас была общественная собственность, которая никому не принадлежала. Так вот те, у кого была власть, кто, наверное, был поумнее, они постарались присвоить все, что могли в этой большой стране, все ее ресурсы. Это было незаконное присвоение собственности».

подавляющее большинство респондентов не имели ничего против самой *идеи* частной собственности, даже в значительной концентрации, и лишь немногие одобряли приватизацию, в результате которой ресурсы России оказались в частных руках. Раиса из группы либеральных демократов сказала: «Богатство страны — леса, нефть, газ — все оказалось в руках отдельных людей, хотя это было общественное богатство, которое принадлежало всему народу. Теперь эти ресурсы в руках отдельных людей, которые практически стали самыми богатыми в мире. Они наживаются на национальном богатстве. Можно сказать, они не растут вместе с народом, а живут сами по себе. Я считаю это несправедливым. И сейчас много таких случаев. Во время перестройки произошло несправедливое перераспределение, и оно сохраняется до сих пор. Правительству чего-то не хватает — даже не знаю, чего им не хватает, — чтобы изменить это положение вещей, хотя все видят, что это несправедливо».

Раиса несколько преувеличивала, говоря, будто «все считают», что собственность в России распределена несправедливо. В выборке было несколько человек, которые утверждали, что современная ситуация вполне справедлива, и намного больше тех, кто вообще не понимал, какое отношение «справедливость» имеет к экономическим условиям. Мы можем лучше понять ценности, которые воодушевляют скептически относящихся к рынку демократов, если посмотрим, что они говорят о справедливости результатов рыночных реформ.

Либеральные демократы и респонденты в средней группе (уровень их поддержки рынка и демократии не был ни высоким, ни низким) были в большей степени, чем респонденты в других группах, склонны видеть некую справедливость в распределении богатства в России. Но даже в этих группах большинство респондентов считали несправедливыми результаты рыночных реформ. Их комментарии обычно касались мысли о том, что справедливость возникает тогда, когда люди, которые работают, достаточно получают за свой труд, а те, кто не работает, страдают. Так, например, Сергей, безработный рабочий из средней группы, сказал: «Тот, кто знает, как заработать деньги, заработает. Тот, кто не знает как, ничего не заработает. Если хочешь иметь доход... нужно искать способы». При этом Сергей полагал, что приватизация собственности в России была «скорее всего справедливой», поскольку он считал нереальным для себя делиться результатами своего труда.

Такого рода комментарии перекликаются с высказываниями респондентов в американской выборке. Например, Тед выразил схожую мысль: «Люди, которые рискуют, получают награду. Я не верю, что богатые “выиграли в лотерею”. Кто-то рискует, и иногда это приводит к успеху, иногда нет. Да, богатые становятся богаче, а бедные становятся беднее. Да, это трудно, но, если у тебя хватает энергии, ты добьешься успеха». Среди россиян те, кто одобрял существующее распределение собственности и доходов, либо сами преуспели в первые годы реформ, либо меньше говорили о приватизации заводов и природных ресурсов, а больше о том, что простые граждане могли теперь покупать квартиры и автомобили — эту возможность положительно отмечали даже те респонденты, которые не видели в рынке почти ничего хорошего. Другие российские респонденты считали, что итоги экономических реформ нельзя назвать справедливыми, но это их не особо волновало. Они не рассматривали справедливость как результат экономической деятельности. Борис Борисович заметил: «Справедливость в этой сфере — это фантазия Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Ее никогда не было, нет и не будет». София высказала похожую мысль: «Ну, если посмотреть, что

сейчас собственность продается и каждый, у кого есть деньги, может ее купить, то, как мне кажется, невозможно говорить о справедливости или несправедливости. Это просто факт». Марина Александровна из группы либеральных демократов отметила, что распределение доходов нигде и никогда не было справедливым; владельцы заводов получают огромные деньги, потому что у них есть такая возможность. Может, это и неправильно, но так формируется распределение доходов в рыночных условиях.

Интересно, что Марина Александровна не была полностью убеждена, что результаты *демократизации* всегда бывают справедливыми. В интервью она, в частности, много рассуждала о сомнительной справедливости, когда виновных отпускают, потому что невозможно доказать их вину. Завершая свои рассуждения, она сказала: «У нас сейчас плохая экономика? Да. Наверное, капитализм не лучшая экономическая система. Да, наверное, есть определенные издержки. Демократия тоже, наверное, не лучшая форма правления. Но, как сказал Черчилль, никто еще не придумал ничего лучше. Понимаете, демократия не идеал... Да, демократия — дело нелегкое, потому что приходится отпускать преступников. Это хорошо. Если вы знаете, что они кого-то убили, но не можете этого доказать, то это плохо. Но вы не можете доказать, вот и все. И вы знаете, что убийца ходит по улицам. Это тоже цена демократии, верно?» Для Марины Александровны демократия и капитализм сходны в том, что не обещают справедливых результатов.

Кроме того, несколько респондентов высказались относительно множества разных стандартов справедливости и допустили, что не всегда понятно, какой из них следует применять в условиях рынка. Татьяна Михайловна, которая скептически относилась как к рынку, так и к демократии, отметила, что с социалистической точки зрения результаты рыночной экономики несправедливы, хотя с точки зрения преуспевших людей эти результаты вполне справедливы. Екатерина, как раз из числа тех, кто преуспел, высказалась в том же духе: «Для меня распределение доходов справедливо, но для других нет».

Некоторые исследователи утверждают, что для жизненных установок россиян в переходный период была характерна некоторая «бесформенность»: они оказались в ловушке двух противоборствующих систем ценностей и не всегда могли понять, какая из них применяется в данный момент [Alexander 2000]. На первый взгляд, может показаться, что комментарии Татьяны Михайловны и Екатерины подтверждают такую трактовку. Однако сравнение с респондентами в американской выборке указывает на те же трудности в применении различных стандартов справедливости. Например, Лео сначала воскликнул: «Что, черт побери, значит справедливо?» И потом заключил: «Никто не должен вам мешать зарабатывать, но, черт возьми, никто и не должен вам ничего давать». Вера Билла в рынок и личную ответственность вступала в конфликт с его религиозными убеждениями, согласно которым он должен заботиться о бедных. Он явно колебался: «Мне кажется, *справедливость* — это неправильное слово, потому что быть бедным — это несправедливо, но, на мой взгляд, закономерно. Я считаю, что большинство людей достаточно умны, чтобы добиться успеха». Таким образом, не только россияне, которые впервые столкнулись с рынком, испытывают затруднения в определении справедливости, когда речь идет о результатах работы рынка.

Скептически относящиеся к рынку демократы отличались от остальных россиян (и от некоторых американских респондентов) тем, что могли сформулировать критерии справедливости, значимые для рынка, применить их и прийти к выводу, что рынок в том виде, в каком он сложился в России, не дает справедливых результатов. Чаще всего они применяли критерий вознаграждения по заслугам, хотя их мнения о том, на чем основаны заслуги, различались. Например, Андрей Викторович считал, что доход должен быть пропорционален выполненной работе. Он сказал: «Мне кажется, что распределение доходов было бы справедливым, если бы оно было увязано с работой, либо с текущей, либо с прошлой работой, но в любом случае именно с работой. А получается так, что люди, которые работали всю жизнь, получают пенсии, на которые невозможно прожить. У людей, которые работают

сегодня, реальные доходы не зависят от их работы. Доход людей в бизнесе зависит не от того, что они хорошие бизнесмены... Он зависит от того, могут ли они дать взятку бюрократам или использовать другие незаконные методы». Надежда, напротив, хотела оценивать заслуги в зависимости от ценности выполняемой работы. Ее особенно возмущала низкая оплата интеллектуального труда в России.

По мнению Толи, люди заслуживают того, что получили законными способами. Он сказал: «Если у людей есть собственность, которой они законно владеют и которую они приобрели законными способами, то это справедливо. Если у людей есть собственность, которой они владеют незаконно, которую они приобрели с помощью взяток, то это, соответственно, несправедливо. Эта собственность должна быть конфискована».

Значительно реже некоторые скептически относящиеся к рынку демократы применяли критерий распределения по потребностям. Галина Григорьевна говорила о том, что каждый человек должен иметь все необходимое для достойной жизни: «Мы не хотим жить в роскоши. Мы не хотим прозябать, мы хотим жить по-настоящему. Чтобы не было особняков, чтобы у каждого было жилье, чтобы у каждого была еда, чтобы все это было у каждого человека, чтобы каждый мог учиться, мог повышать свою квалификацию и мог жить по-человечески. Я хочу немного. И, конечно, чтобы каждый мог получать медицинскую помощь».

Таким образом, либеральные демократы в своих оценках российского рынка не сильно отличаются от скептически относящихся к рынку демократов: представители обеих групп критикуют то, как капитализм работает в России. Либеральные демократы отличаются не представлением о том, что рыночная экономика более справедлива, но стремлением исключить критерии справедливости при оценке рынка. Понимание того, что результаты работы рынка могут быть несправедливы, не оказывает существенного влияния на их поддержку рыночной экономики. Однако рыночные скептики чаще вспоминают о критериях справедливости при оценке рынка, и их в большей степени беспокоит то, что рынок не работает в соответствии с этими крите-

риями. За небольшим исключением, большинство демократов в том или ином виде применяют критерий распределения по заслугам. Другими словами, скептически настроенные демократы согласны с принципом неравенства, но не одобряют то, как это неравенство проявляется на практике в России.

Таким образом, моя первая гипотеза, по всей видимости, подтверждается. Рыночные скептики, независимо от степени поддержки демократии, формируют свою оценку рынка непосредственно в контексте рыночной экономики в России. По большей части они применяют критерии справедливости, которые в основном сходны с критериями, используемыми сторонниками рынка, с явным уклоном в сторону убеждения, что работа должна вознаграждаться. Применяя эти критерии, они делают вывод, что российский капитализм имеет множество недостатков. При этом сторонники рынка в своих оценках рыночной экономики или справедливости стараются не придавать значения российским условиям. Это, вероятно, свидетельствует о том, что рыночная экономика, несмотря на все ее недостатки, является наилучшей альтернативой для улучшения условий жизни в России. Она также может служить своего рода идеологической основой веры в возможности рынка: либеральные демократы настолько уверены в способности капитализма создать лучшее общество, что они готовы игнорировать фактические свидетельства и оставить в стороне рассуждения о справедливости. Идеологическое мышление проявляется также у небольшой части рыночных скептиков: эти люди по-прежнему руководствуются критериями социалистического прошлого и декларируемого социализмом равенства.

Рынок и возможности

Разумеется, основанием для разделения рыночных скептиков и сторонников рынка является личный интерес. В конце концов, проще не замечать несправедливость в жизни других людей, чем в своей собственной. В этом разделе я рассматриваю свидетель-

ства того, что сторонники рынка и, в частности, либеральные демократы считают, что рынок предоставляет возможности для таких людей, как они. В российской выборке респонденты, отдававшие предпочтение рыночным реформам, в основном были успешнее, чем противники реформ¹⁹. Многие из респондентов, с неприятием относящихся к рынку, были пенсионерами, которым не хватало скудной пенсии, и они были вынуждены подрабатывать вахтерами, продавать полиэтиленовые пакеты на рынке или сдавать комнаты в коммунальных квартирах. Среди респондентов были также врачи, учителя, университетские преподаватели и другие бюджетники, которые в советские времена относили себя к среднему классу, но теперь были явно бедными. Сторонники рынка в основном были москвичами или жителями городов и поселков в относительной близости к Москве, где было намного больше возможностей для работы, чем в сибирской глубинке.

Сторонники рынка по большей части жили относительно благополучно в изменившихся условиях, но только одного из них можно было отнести к категории «состоятельных» даже по российским меркам. Среди сторонников рынка было несколько человек, которые не были особо успешными. На момент проведения интервью Слава был безработным. Коля, интеллигентный молодой человек, был вынужден бросить учебу в вузе и пойти работать,

¹⁹ Корреляция между поддержкой рынка и личным материальным положением составляет 0,54, достигая максимума на уровне 0,001. Показатель личного материального положения основывался на оценке самими респондентами того, как они жили в годы экономических реформ (этот вопрос задавался всем респондентам) и также на основании других их высказываний в ходе интервью. Среди респондентов наблюдалась тенденция оценивать свое материальное положение как «нормальное» даже, например, после двадцатиминутной тирады по поводу того, что пенсии слишком маленькие и на них невозможно прожить, или признания в том, что все члены семьи стали вегетарианцами, поскольку больше не могли себе позволить покупать мясо. Поэтому для корректировки стоической самооценки было необходимо учитывать и другие высказывания респондентов. Опросы в разных странах также подтверждают корреляцию между поддержкой рынка и материальным благосостоянием. См. [Kluegel, Mason 2000].

потому что денег не хватало и нужно было помогать семье. В целом сторонники рынка в выборке были трудолюбивыми людьми, среди них были квалифицированные рабочие и специалисты, а также те, кто сумел творчески применить свои способности и возможности, чтобы работать в новой России.

Высказывались предположения, что пожилым людям было особенно трудно приспособиться к новым условиям в России, однако эта тенденция не подтвердилась в данной выборке²⁰. Среди сторонников рынка было четверо пенсионеров. Например, Марина Александровна вместе со своими коллегами-учителями открыла частную музыкальную школу, где благодаря своим талантам могла зарабатывать больше, чем в государственной школе. Среди критиков рынка было также немало молодых людей. Например, Валя, которая была одной из самых молодых в выборке, практически не помнила последние годы советской эпохи и лишь с ностальгией вспоминала карточную систему времен перестройки, когда люди могли приобрести необходимые вещи, только отстояв в очереди несколько часов.

Я спрашивала российских респондентов, может ли в данных условиях человек, который умеет хорошо работать, получать много денег или даже разбогатеть. Люди, отдающие предпочтение рынку, отвечали на этот вопрос утвердительно. Екатерина сказала: «Конечно, и я всех к этому призываю». Другие сторонники рынка выражались так же уверенно и кратко. Витя сказал: «Да, точно». Ему вторил Слава: «Несомненно. Если человек по-настоящему к чему-то стремится, он обязательно этого добьется». Полина подтвердила: «Если ты работаешь, то можешь жить хорошо». С ней согласился и Борис Борисович: «Сегодня все зависит от человека, от его возможностей. Можно зарабатывать деньги как угодно».

Лишь несколько сторонников рынка выразили сомнение в том, что у всех людей есть возможность улучшить свое материальное положение. Марина Александровна предположила, что некоторые

²⁰ Корреляция между возрастом и поддержкой рынка не была статистически значимой. Вероятно, это эффект малой выборки, в которой имеется непропорционально маленькое число пожилых сторонников рынка.

люди лишены возможностей из-за своего возраста, места жительства или отсутствия энергии. Людмила Владимировна считала, что природная честность не позволяет некоторым стать богатыми. София ответила так: «Здесь, конечно, трудно сказать “да” или “нет”, потому что на это влияет множество факторов. Просто есть примеры, когда достаточно образованные и имеющие специальность люди не могут найти применения своим способностям. И таких примеров немало».

Сомневающиеся в преимуществах рынка респонденты чаще говорили о том, что недостаточно просто усердно трудиться, но даже среди тех, кто отчасти поддерживал рынок, лишь несколько человек считали, что существуют значительные возможности. Респонденты из числа скептиков скорее склонялись к тому, что рынок создает новые возможности. Например, пенсионерка Пелагея полагала, что у нее мало возможностей, но она смогла ими воспользоваться и убеждала других сделать то же самое. В дополнение к пенсии она подрабатывала, продавая полиэтиленовые пакеты на рынке. Она с жаром говорила, что молодым людям нужно искать работу получше: «Рядом с нами стоят девушки, которым, наверное, нет еще и двадцати, и тоже продают пакеты. Мы говорим им: “Девчонки, вы же можете пойти работать. Ладно мы, пенсионерки, стоим тут. Нас уже никуда не возьмут... Но вы-то молодые. Идите и работайте. Чего вы здесь стоите? Вам нужна стабильная работа. Вам нужно работать на себя. А вы стоите здесь со старухами и продаете эти полиэтиленовые пакеты... И как вам не стыдно?»». Даже Зинаида, нервная и взвинченная работница близкого к закрытию оборонного завода, утверждала, что люди могут улучшить свое материальное положение, если им разрешат частным образом продавать продукцию заводов, на которых они работают.

Среди скептически относящихся к рынку респондентов именно те, кто в большей степени склонялся к демократии, видели жесткие ограничения, налагаемые рынком. Лишь некоторые сомневающиеся в рынке демократы считали, что упорный труд может привести к успеху, большинство же отмечали важность других факторов, таких как работа вне государственного сектора,

способность увидеть новые возможности и достаточно молодой возраст, чтобы ими воспользоваться, а также умение делать то, что нужно людям, и наличие в регионе хороших рабочих мест. Надежда сказала: «Врачи остаются бедными, как бы много они ни работали. Это бюджетная сфера. Все зависит от того, где ты работаешь». На вопрос, может ли человек улучшить свое материальное положение, если будет хорошо работать, Дима ответил: «Ну, теоретически да, конечно. Теоретически. Но в то же время люди, которые не умеют работать, вполне могут получать больше, чем этот человек. А общество не всегда ему помогает. Иногда, наоборот, только мешает». Аня отметила, что «недостаточно уметь хорошо работать, необходимо иметь еще и другие качества: настойчивость, может быть, нахальство».

Сомнения, которые высказывали скептически относящиеся к рынку демократы, были, как правило, более общими и системными, чем сомнения менее демократичных скептиков. Например, последние часто жаловались на ограничения, обусловленные их работой, или на несправедливость по отношению к ним самим. Надя отметила, что, хотя она хорошо работает, ей платят меньше установленного государством прожиточного минимума. Инна жаловалась: «Я проработала двадцать семь лет. И хочу работать дальше, но все равно, продолжая работать, я не могу улучшить свое финансовое положение». Скептически относящиеся к рынку *демократы*, напротив, негативно высказывались о состоянии экономики в целом. Они сомневались, что люди могут улучшить свое положение благодаря работе, если работу невозможно найти или если работа есть, но зарплату они не получают. Рая так прокомментировала такую ситуацию: «Даже интеллигенция, люди вроде меня, хорошо работая, не могут улучшить свое материальное положение. И то же самое, я знаю, относится и к рабочим. У меня есть знакомые, простые рабочие. Им уже несколько месяцев не платят зарплату». Толя утверждал, что у людей в провинции очень мало возможностей, остается только переехать с семьей в Москву. Как оказалось, через год он уехал в Москву, временно оставив жену с ребенком в своем поселке.

Некоторые различия между респондентами, которые видели возможности в рыночной экономике, и теми, кто таких возможностей не видел, объясняются их разным опытом. Если Лев, рыночный скептик, жаловался на то, что в разных отраслях одинаковые ставки заработной платы, то Раиса, сторонница рынка, превозносила достоинства более гибкой системы тарифных ставок в том месте, где она работала. Она сказала: «В нашем случае, моем и моего мужа, раньше мы работали. Это была та же работа, но тогда там была уравниловка. Ты работал хорошо, а кто-то рядом целый день пил, но вы получали одинаково. Сейчас это не так. Теперь система такая, что, если ты работаешь — и выходишь на работу, скажем, в субботу, иногда в воскресенье, — если ты работаешь, то и получаешь соответственно. Теперь тот, кто плохо работает, получает мало, поэтому есть возможность заработать». Раиса рассказала о трудных временах в первые годы ельцинских реформ, когда ее муж искал в полях картофель, оставшийся после сбора урожая, чтобы у семьи была хоть какая-то еда на зиму. Но за последние годы условия жизни ее семьи улучшились, и потому неудивительно, что она в результате с одобрением относилась к рыночным реформам.

Однако в целом скептически относящихся к рынку демократов беспокоили не только ограничения, связанные с их жизненными ситуациями. Они были явно убеждены в том, что российская экономика не предоставляет большинству людей никаких значимых возможностей. Здесь уместно сказать об их отличии от американских респондентов. Не все американцы считали, что упорный труд является единственным условием для достижения успеха; другим необходимым фактором, по их мнению, была удача. Например, Джин заявил: «Это как карта ляжет. Я думаю, это иногда бывает несправедливо, потому что один человек может также упорно работать, как другой, но у этого другого человека с образованием будет больше денег — просто ему повезло родиться с хорошими мозгами и поступить в колледж».

Иначе говоря, по мнению американцев, рынок вознаграждает тех, кто упорно трудится, но при этом успех порой зависит от игры случая. Скептически относящиеся к рынку россияне видят

в нем сплошной обман. Таким образом, можно сказать, что подтверждается и моя вторая гипотеза: россияне, которые считают, что они и такие же как они могут использовать рыночные возможности для достижения успеха, в большей степени верят в рынок и, соответственно, полагают, что рынок и демократия могут работать вместе. Демократически настроенные россияне, которые полагают, что рынок дает преимущества лишь немногим, больше внимания обращают на потенциальный конфликт между демократией и рынком.

Роль государства в экономике

Как полученные нами результаты соотносятся с политической ситуацией? Указывает ли тот факт, что многие российские демократы сомневаются в успехе рыночной экономики, на возможный возврат к той или иной форме авторитарного социализма? Как рассмотрение описанных выше установок россиян может помочь нам понять причины поддержки Путина большинством россиян?

Считается, что россияне отдают предпочтение патерналистскому государству, которое берет на себя ответственность за благосостояние населения [Vainshstein 1994; Gozman, Etkind 1992: 100–106; Голенкова и др. 1995]. И действительно, в российской выборке многие респонденты на всех уровнях поддержки рынка и демократии отмечали значительную роль государства в экономике. Рыночные скептики чаще других указывали на то, что государство должно гарантировать людям рабочие места. Иван Иванович выразился так: «Это прямая обязанность государства — гарантировать работу с достойной оплатой». Алексей согласился с тем, что «государство должно взять на себя всю ответственность за условия жизни в стране и материальное положение людей». Вместе с тем сторонники руководящей роли государства в экономике были и среди респондентов, которые в большей степени поддерживали рынок. Григорий, например, сказал: «Сейчас каждый ищет способ заработать денег, чтобы жить лучше, не понимая, что весь корабль, на котором мы находимся,

медленно идет ко дну. Поэтому сейчас необходимо создать новые условия, необходимо ограничить возможности для экономического паразитизма... Государство ничего не дает семье».

Многие россияне чувствовали, что проблемы, стоящие перед российской экономикой, слишком велики, чтобы отдельные люди могли их решить. Личная инициатива вряд ли могла дать необходимый эффект, чтобы спасти тонущий корабль. Даже многие явные сторонники рынка утверждали, что государство должно ограничить коррупцию, обеспечить выживание российской промышленности, оказывать помощь тем, кто не может помочь себе сам, и вовремя выплачивать зарплаты и пенсии. Александра Антоновна сказала: «Мне кажется, что государство должно играть основную роль в улучшении материального положения людей. Многое зависит от правительства. Много зависит от решения проблем, которые власти должны решать, таких как выплата пенсий, зарплат и так далее». Вася добавил: «Правительство должно заботиться о людях. Оно должно создавать новые рабочие места, постоянно повышать уровень оплаты и прожиточный минимум». Вася утверждал, что государство должно создавать условия, которые позволят людям воспользоваться преимуществами рыночной экономики.

В выборке, конечно, были и сторонники рынка, которые настаивали на минимальной роли государства в экономике. Полина считала, что государство должно отойти в сторону и не мешать простым людям. Екатерина сказала: «Конечно, прежде всего, необходимо улучшить материальное положение пенсионеров, это главное. Все остальное зависит от нас самих». Коля полагал, что правительство должно снизить налоги, чтобы способствовать промышленному росту, а также помогать пенсионерам и студентам, но в остальном люди должны взять на себя ответственность за развитие экономики. Впрочем, даже среди сторонников рынка такие взгляды были у меньшинства респондентов.

В большинстве случаев сторонники рынка и скептики высказывали практически одинаковые идеи. Как и либеральные демократы, скептически относящиеся к рынку демократы полагали, что государство обязано заботиться о детях, пожилых людях,

больных и инвалидах. Они также указывали на одинаковые (и необязательно основанные на вмешательстве государства) пути улучшения экономики. Иосиф, например, предлагал: «Государство должно стимулировать активность людей с помощью умных законов, умной налоговой политики. И, естественно, защищать наиболее экономически активную часть населения». Примерно такую же мысль высказал Аркадий: «Правительство должно создавать условия, при которых страна может двигаться вперед, развиваться. Как следствие, государство должно поддерживать именно тех людей, которые обеспечивают это развитие и движение вперед. Прежде всего нужно стимулировать их деятельность». Андрей Викторович считал, что роль государства в экономике заключается в том, чтобы «принимать разумные законы и обеспечить их соблюдение». Аня предполагала, что государство, наверное, просто должно «дать больше свободы».

Таким образом, скептически относящиеся к рынку демократы совершенно непохожи на бывших социалистов, мечтающих вернуться к плановой экономике. Некоторые предлагали пересмотреть наиболее вопиющие итоги приватизации. Некоторые говорили о необходимости сглаживания различий в доходах, в частности для того, чтобы учителя и врачи не были среди самых низкооплачиваемых категорий населения. Однако и сторонники рынка высказывали аналогичные предложения. В целом скептически относящиеся к рынку демократы призывали исправить перекосы рыночной экономики в России, а не отказываться от рынка. И они не ждали подачек от государства, хотя и считали, что оно должно заботиться о людях, которые сами не могут позаботиться о себе.

В этом отношении российские респонденты практически ничем не отличаются от американских. Как и в российской выборке, среди американских респондентов было несколько человек, которые считали, что правительство должно просто не вмешиваться в экономику. Например, Лео сказал: «Это не его обязанность; правительство само *ни черта не производит*. Оно не создает бюджеты или какие-то другие товары. Власти занимаются только сбором налогов и устанавливают правила. Американские работяги

сделали эту страну тем, что она есть. И лучшее, что может сделать правительство, это, как я уже сказал, устанавливать правила и следовать им или вообще убраться к черту и не мешать». По поводу президента Лео высказался так: «По-моему, он нам не отец, и не дядя, и не какой-нибудь Санта Клаус». Вместе с тем многие респонденты в американской выборке (как и в российской) видели конструктивную роль государства в стабилизации экономики, создании качественных рабочих мест, регулировании монополий ради общественного блага, обеспечении неимущих пособиями, создании программ занятости и социальной безопасности. Говоря о важных направлениях работы президента, Адам сказал: «На мой взгляд, важно, чтобы у всех в Соединенных Штатах была работа. Самое главное — это образование и здравоохранение». Спектр мнений в России в целом совпадал со спектром мнений в Соединенных Штатах, хотя американская экономика намного лучше служит интересам широких слоев населения.

То, что скептически относящиеся к рынку респонденты в российской выборке не ратовали за возврат к социализму, с очевидностью следует также из того, какие политические партии они поддерживали. В таблице 5.4 показано, сколько респондентов симпатизировали тем или иным российским партиям; респонденты могли положительно оценивать любое число партий. Как следует из таблицы 5.4, либеральные партии пользовались поддержкой не только со стороны либеральных демократов, но и со стороны скептически относящихся к рынку респондентов. Согласно этой таблице, скептически относящиеся к рынку демократы в большей степени симпатизируют либеральным партиям, чем явные сторонники рынка: симпатию в отношении либеральных партий выражали 63% скептически относящихся к рынку демократов и только 40% явных сторонников рынка²¹.

²¹ В данной выборке явные сторонники рынка образуют лишь небольшую группу, и на основании такого небольшого числа респондентов неразумно делать какие-то однозначные выводы. Тем не менее, похоже, что эта группа не имеет определенной политической ориентации: ее представители выражали симпатию меньшему числу партий, причем в основном не тем партиям, которые близки их прорыночным взглядам. Один из респондентов отдавал предпочте-

Понятно, что не все респонденты голосовали за либеральные партии: эти партии неудачно выступили на парламентских выборах и не получили достаточного количества голосов, чтобы пройти в Думу на выборах 2003 года [Myers 2003]. Однако причина плохих результатов либеральных партий, вероятно, заключается в том, что большинство людей, симпатизировавших этим партиям, также поддерживали партию Путина — «Единство» или «Единую Россию» (в зависимости от года выборов) — и, очевидно, голосовали за партию, которая, по их мнению, могла победить²². Витя признался: «Одно время мне действительно нравилось “Яблоко”, но теперь мне больше нравится “Единая Россия”». Его, в частности, беспокоило то, что партия «Яблоко» была слишком маленькой и имела слишком мало сторонников, чтобы чего-то добиться. Многим просто не нравилась личность Явлинского или им казалось, что он больше заинтересован в самопродвижении, чем в работе на благо страны. Респонденты, которые скептически относились и к рынку, и к демократии, были в большей степени склонны поддерживать Либерально-демократическую партию В. В. Жириновского, чем коммунистов, но в любом случае отдавали предпочтение «Единству». Фактически самое большое число сторонников «Единства» наблюдается в этой группе скептиков.

Путину иногда обвиняют в стремлении вернуть Россию к авторитарному режиму, а также в стремлении (как в случаях репрессий против российских олигархов) вернуть экономику под контроль государства. Не в этом ли кроется причина поддержки Путина и партии «Единая Россия» со стороны россиян? По мнению моих респондентов, это не так. Как отмечалось выше, лишь несколько респондентов говорили о симпатиях по отношению

ние националистской ЛДПР; симпатии в отношении либеральных партий в основном отдавались «Яблоку», наиболее известной, но наименее прорыночной из партий, включенных в данную категорию. Это согласуется с результатами исследований, согласно которым поддерживающие реформы группы населения проявляют низкую политическую активность. См. [Bahry, Way 1994].

²² «Единство» стало «Единой Россией» в декабре 2001 года, объединившись с блоком Лужкова-Примакова «Отечество — вся Россия».

Таблица 5.4 Партийные предпочтения, 1998–2003 гг.

	КПРФ ^{а)}	ЛДПР ^{б)}	Любая либеральная партия ^{в)}	«Един- ство» ^{г)}	Всего / (за «Един- ство»)
Скептическое отношение к рынку и к демо- кратии	4 25% 31%	6 38% 50%	4 25% 13%	5 46% 33%	16/(11)
Средний уровень поддержки	5 46% 38%	2 18% 17%	6 55% 19%	3 60% 20%	11/(5)
Либеральные демократы	0	1 8% 8%	9 75% 30%	3 60% 20%	12/(5)
Сторонники рынка, низкий уровень поддержки демократии	0	1 20% 8%	2 40% 6%	1 33% 7%	5/(3)
Сторонники демократии, низкий уровень поддержки рынка	4 25% 31%	2 13% 17%	10 63% 32%	3 50% 20%	16/(6)
	13 22% 100%	12 20% 100%	31 52% 100%	15 50% 100%	60/(3)

ПРИМЕЧАНИЕ. Число в верхней строке указывает количество респондентов в данной категории, которые выразили симпатию соответствующей партии. Проценты сверху означают долю респондентов, которые выразили симпатию соответствующей партии. Сумма может быть больше общего количества респондентов в категории (или больше 100%), так как респонденты могли выразить симпатию любым партиям,

в большинстве случаев более одной. Проценты (выделенные курсивом) в нижнем ряду означают общую долю респондентов, выразивших поддержку соответствующей партии в данной категории.

а) Коммунистическая партия Российской Федерации.

б) Либерально-демократическая партия России.

в) Включая поддержку партии «Демократический выбор России», которая существовала в 1998 году, но не в последующие годы; «Яблоко», существовавшее в период 1998–2003 гг., или «Союз правых сил», которого не было в 1998 году.

г) Включая поддержку партий «Единство» (в 2000 году) и «Единой России» (в 2003 году). Респонденты, отвечавшие на вопросы в 1998 году, не включены, так как этих партий в то время не существовало.

к олигархам, которые, как считают многие, присвоили национальное богатство при пособничестве ельцинских архитекторов приватизации. Соответственно, большинство респондентов вряд ли беспокоились по поводу того, что якобы незаконно полученные активы вернутся в собственность государства. Толя так объяснял эту ситуацию: «Там, где люди нарушают закон, это губительно для экономики. Как в случае с олигархами, например, с Березовским. Люди, нарушившие закон, создали, лучше сказать, сколотили огромное состояние. Это незаконно. Это нужно останавливать. Но сам курс реформ, движение к рыночной экономике я, конечно, поддерживаю».

Ограничивая свободу самых богатых (или, как могли бы выразиться мои респонденты, обуздывая вольницу олигархов) Путин, по мнению российских респондентов, исправлял худшие перегибы времен Ельцина и закладывал основы экономической системы, которая могла предоставить новые возможности для простых людей.

Егор Егорович говорил о перспективах тех, кто сильно пострадал в период реформ в России. Он был из крестьян и чуть не умер от голода во время Второй мировой войны, после которой прошло немало лет, а жизнь в деревне практически не улучшилась. К моменту начала реформ он был уже слишком стар, чтобы воспользоваться какими-то преимуществами, а его жена и дочь были

инвалидами. Он жаловался, что его пенсия позорно мала: денег семье хватало только на еду, одежду покупать они уже не могли и не всегда могли себе позволить необходимые лекарства. Но при этом Егор Егорович заявлял, что полностью доволен Путиным: «Путин начал давать нам что-то для жизни. Он начал давать нам что-то для жизни, понимаете? Первый президент, Горбачев, да и второй тоже — они нам вообще ничего не давали. Они только, как бы это сказать, забрали все к чертовой матери. Неподдалеку отсюда был авиационный завод, большой, хороший завод, всесоюзное предприятие. При Горбачеве там все просто разворовали. А теперь Путин дает нам немного для жизни, немного, да. Пенсия небольшая, но малость помогает. Малость помогает. Да, Путин правильный мужик, отличный мужик».

Раиса, как представительница научной интеллигенции, выражала мнение другой социальной страты. Она говорила, что до Путина все государственные институты «пришли в упадок. Мы получали мизерную зарплату. У нас ничего не было. Целый год нам вообще не платили. Мы работали на голом энтузиазме... С приходом Путина эти вопросы начали привлекать внимание. Стали выделяться ресурсы на науку, на армию. Моя сестра — учительница. Сейчас она неплохо живет. Моя мама — она уже пожилая — до выхода на пенсию была врачом. Уйдя с работы, она тоже стала жить лучше... В общем мне нравится, что Путин скромнен в жизни. Я думаю, что он не ворует, что он честен. Мне нравится, как он говорит. Я понимаю его взгляды, его позицию. Мне это импонирует. Начались серьезные изменения для блага нашей страны».

Дима более критически относился к Путину, но все равно считал, что при нем произошло существенно улучшение по сравнению с прошлым. Он так высказался о Путине: «Президент имеет значительные рычаги влияния на ситуацию в стране, как на политическую, так и на экономическую. Но, по-моему, используются не все эти рычаги, во-первых, настолько, насколько это возможно, во-вторых, так, чтобы это помогало населению, хотя по сравнению с его предшественником, то, конечно, это небо и земля. Тогда ситуация была просто катастрофическая. Сейчас

она не кажется катастрофической, но не могу сказать, что я полностью удовлетворен».

Таким образом, российские респонденты видели в Путине человека, который, как выразился Билл Клинтон, чувствовал их боль. И они полагали, что он, возможно, прокладывает путь к менее болезненной экономической реальности, не отказываясь от рынка, но и не оставляя граждан один на один с неработающей рыночной экономикой. Массовые опросы подтверждают этот вывод. Если в 2000 году в начале правления Путина 13% россиян считали, что российская экономика улучшается, то к 2002 году уже 44% респондентов полагали, что жизнь налаживается [Горшков 2003: 461].

Выводы

Целью этой главы было проверить две гипотезы. Первая заключалась в том, что те россияне, которые в большей степени склонны оценивать рыночную экономику по тому, как рынок работает в России, менее склонны поддерживать рынок и полагать, что рынок и демократия хорошо сочетаются. И вторая гипотеза заключалась в том, что люди, которые больше склонны считать, что рыночная экономика открывает новые возможности для таких, как они, в большей степени склонны полагать, что рынок вполне сочетается с демократией. Обе гипотезы подкреплены анализом проведенных глубинных интервью, в частности группы респондентов, которые положительно относились к демократии и отрицательно к рыночной экономике.

Согласно представленным в этой главе результатам анализа, нет существенных различий между скептически относящимися к рынку демократами и либеральными демократами. Первые, как и вторые, не поддерживают равное распределение богатства. Как и либеральные демократы, они полагают, что экономическая деятельность должна основываться на принципах вознаграждения по заслугам и что не все люди заслуживают одного и того же. Как и либеральные демократы, они сомневаются в том, что рыночная

экономика работает в России в соответствии с этими принципами. Как и большинство либеральных демократов, они считают, что государство обязано заботиться о наименее благополучных слоях населения. Отличие скептически относящихся к рынку демократов от либеральных демократов заключается в том, какое значение они придадут противоречивому характеру российского капитализма. Учитывая итоги рыночных реформ в России, скептически настроенные демократы в меньшей степени, чем либеральные демократы убеждены в том, что рыночная экономика дает ответы на вопросы, волнующие россиян. Они видят меньше возможностей для процветания большинства людей и больше угроз для общего благосостояния. Несмотря на это отличие, они отдают предпочтение тем же партиям, что и либеральные демократы, и так же, как либеральные демократы, поддерживают Путина, поскольку он, по их мнению, многое делает для того, чтобы как можно больше людей могли жить лучше в новой России.

Даже закоренелые скептики, которые не поддерживают ни демократию, ни рынок, имеют много общего с либеральными демократами. И хотя представители этой группы в основном выступают за равное распределение богатства, многие из них готовы принять принцип вознаграждения по заслугам и подразумеваемое им неравенство. Почти треть респондентов-скептиков поддерживает Коммунистическую партию, однако треть представителей этой группы являются сторонниками центристской партии «Единство», которой отдают предпочтение и либеральные демократы.

Кроме того, российские респонденты имели довольно много общего с американцами в иерархии своих политических и экономических ценностей. Как и скептически относящиеся к рынку демократы в России, многие респонденты в американской выборке считали, что общество должно помогать бедным. Как и часть россиян, некоторые американцы путались в принципах оценки рыночной экономики. Как и большинство россиян, многие американцы видели конструктивную роль государства в стабилизации экономики и содействии ее росту. В целом, нельзя сказать, что для россиян характерен какой-то особый, культурно обуслов-

ленный способ выстраивания иерархии экономических и политических ценностей. Они используют те же нормы и приходят в основном к тем же выводам, что и американцы.

Существенное отличие россиян от американцев заключается в том, как они оценивают экономическую систему своей страны. Если американские респонденты имеют в виду процветающую экономику, заявляя (как, например, Лео), что Соединенные Штаты — это «величайшая на свете страна», где «ты можешь делать все, что твой душе угодно», то большинство россиян уверены, что их экономическая система пронизана фаворитизмом, коррупцией и беззаконием, в ней многих подстерегают опасности и лишь немногие имеют возможность преуспеть. Учитывая сходство в выстраивании аргументации россиянами и американцами, их различие в подходах к оценке своих экономических систем коренится отнюдь не в разных оценках капитализма как такового. На самом деле оно коренится в разных проявлениях капитализма в этих двух странах. Россияне, особенно те, кто скептически относятся к рынку, формулируя свое мнение о рыночной экономике, скорее, имеют в виду свою экономическую систему и возможности, которые она предоставляет.

В каком-то смысле это хорошая новость. Несмотря на значительное число критиков рыночных реформ в России, лишь небольшая их часть была противниками рыночной экономики и совсем немногие выступали за уравнильное распределение богатства или исключение риска в экономической жизни. Впрочем, перед российскими властями стоит нелегкая задача трансформировать сложившуюся экономическую систему таким образом, чтобы она служила интересам большего числа людей.

Мои респонденты довольно ясно говорили о том, что они хотели бы видеть в будущем. Они хотели, чтобы люди жили лучше, ближе к уровню Западной Европы. Они хотели, чтобы решались их насущные проблемы — быстро растущие цены на коммунальные услуги, нехватка жилья, возможная потеря работы. Они хотели, чтобы власти больше внимания уделяли, как выразился Вася, «незащищенным слоям населения — пенсионерам, детям, безработным». Некоторые лелеяли смелые надежды, как например

Люба, которая сказала так: «Надеюсь, что деньги не будут главным для счастья, есть они у тебя или нет. Что квартиры будут предоставлять бесплатно, что можно будет без труда найти работу, что будет проще платить за образование детей и учебники будут давать в школе бесплатно и родителям не придется все время их покупать». Однако многие хотели только, чтобы условия жизни не стали хуже, суровая реальность не давала особых надежд. Дима сказал: «Мне бы хотелось, чтобы, во-первых, не было бедных, чтобы у всех граждан в нашей стране было минимальное материальное благосостояние и социальная защита. И, во-вторых, чтобы в среднем уровень жизни был выше, хотя, конечно, это будет не сразу».

Скептически относящиеся к рынку демократы в российской выборке отнюдь не убеждены в том, что капитализм в России не сможет обеспечить всеобщее процветание для населения; их беспокоит только то, что этого пока не происходит и не всегда понятно, движется ли страна в этом направлении. Как показывает мировая практика, капитализм лучше всего работает на удовлетворение потребностей большинства, когда он сочетается с политической системой, в которой уважаются личные права и не допускается вытеснение конкурентов в интересах узкого круга лиц, — другими словами, когда капитализм сочетается с демократией [Olson 2000]. Разумеется, российскому правительству предстоит еще многое сделать в этом направлении. Однако, по мнению многих российских респондентов, обуздание олигархов было правильным шагом к уменьшению роли хищнического капитализма в России.

При продвижении к капитализму, который способствует росту благосостояния населения в целом, а также к политической системе, которая обеспечивает личные права и защиту граждан от преступников, игнорирующего законы бизнеса и произвола властей, ключевую роль в приближении либерально-демократического будущего России могут сыграть скептически относящиеся к рынку российские демократы. В отличие от российских либеральных демократов, они не готовы поддерживать систему, которая все еще с трудом пытается найти свой путь.

Глава шестая

Взгляды на порядок, беспорядок и демократию

Идея порядка, по-видимому, находит весьма живой отклик в сердцах россиян. Порядок — наряду с безопасностью, совестью и законностью — входит в число ценностей, которые россияне склонны считать более важными, чем демократия [Лапкин, Пантин 1998: 29]. Действительно, согласно опросам, проведенным Всероссийским центром изучения общественного мнения, около 80 % респондентов считают, что порядок важнее демократии, причем эта величина не обнаруживает тенденции к изменению [ВЦИОМ 1997: 52]. Некоторые россияне считают, что укрепление общественного порядка является достаточной причиной для ограничения индивидуальной свободы [Gibson 1997a; Gibson 1998b]. Согласно результатам исследований, примерно половина населения России предпочла бы иметь лидера, способного решить проблемы своей страны и, предположительно, навести порядок «сильной рукой» [Клямкин и др. 1993: 10; Vainshtein 1994: 254; Дубин 2000]. Все это дает основания полагать, что такая заинтересованность россиян в наведении порядка может подорвать демократию и что россияне, возможно, в силу особенностей своей культуры отдают предпочтение лидерам-автократам, чем-то напоминающим правителей из их прошлого. В этой главе на материале интервью с российскими респондентами предпринимается попытка установить, какой смысл россияне вкладывают в понятия порядка и его противо-

положности — беспорядка. Пояснения участников интервью также используются в целях выработки более четкого понимания взглядов людей на демократию.

Проведенное исследование показывает, что, хотя некоторые респонденты, восхваляя порядок, действительно представляют себе нечто подобное эпохе Сталина, этого, по-видимому, нельзя сказать о большинстве россиян: обычно в таких случаях речь идет о желании покончить с наболевшей проблемой непредсказуемости повседневной жизни, обремененной экономическими потрясениями, прихотями властей и социальной дезинтеграцией. В сознании многих россиян демократия и порядок не противоречат друг другу и демократические механизмы могут быть средством построения прочного социального порядка.

Чтобы понять, что россияне подразумевают под порядком, полезно попытаться представить себе повседневный мир, в котором они живут. На закате советской системы это был жестокий и непредсказуемый мир, в котором поведение людей мало соответствовало беззаветным идеалам коммунистической догмы и официальной пропаганды. Вследствие этого, как указывается в некоторых работах, наиболее адекватно объясняющих быстрый крах коммунистических режимов, так называемый «порядок» советской системы непреднамеренно привел в действие ряд дезинтегрирующих процессов, которые в конечном итоге обеспечили наличие как побудительных мотивов, так и возможностей чиновникам низшего уровня — «украсть государство», националистическим лидерам — подорвать основы советской империи, а руководителям предприятий — присвоить себе достояние, созданное рабочим классом в борьбе за свои права [Hough 1997; Solnick 1998; Bunce 1999; Olson 2000]. За фасадом тотального коммунистического контроля скрывалась альтернативная реальность зарождающегося хаоса, и с концом режима этот хаос вышел наружу: чиновники используют свою власть в личных целях, вплоть до того, что тратят на строительство шикарных особняков средства, выделенные на оплату услуг предприятий коммунального хозяйства [Wines 2001: 6]; бизнесмены заказывают убийства конкурентов; рабочие продают продукцию своих заводов на

перекрестках, чтобы компенсировать низкую или вовсе невыплачиваемую зарплату.

Системная дисфункция коммунистической власти советского образца и последовавшего за ним «бандитского капитализма» адекватно описана в имеющейся литературе, однако тому, как жизнь в дисфункциональном мире повлияла на настроения обычных граждан, в исследованиях российского общественного мнения уделяется недостаточно внимания. Многие исследователи, по-видимому, полагают, что, по крайней мере, пока существовал Советский Союз, россияне жили в системе, которая оправдывала возложенные на нее ожидания: в системе, которая обеспечивала порядок, безопасность и предсказуемое, если не свободное существование. Эти авторы, по всей вероятности, исходят из того, что пока государственные чиновники брали взятки за свои услуги, а руководители предприятий «крали» свои заводы, обычные граждане вели упорядоченный образ жизни и впитывали ценности адекватно функционирующего авторитарного режима, и, следовательно, их любовь к порядку должна отражать эти ценности. Однако если обычные граждане, так же как и люди, близкие к институциональным источникам власти, сталкивались с хаосом, скрывающимся за фасадом, то отождествление ими порядка и авторитарного правления не представляется столь очевидным фактом.

В этой главе метод интервью применяется для исследования связи между беспорядком повседневной жизни, стремлением к порядку и значением демократии для простых россиян. Проведенные интервью показывают, что респонденты менее склонны поддерживать демократию и с большей вероятностью понимают *порядок* как авторитарное правление в том случае, если их беспокоят хаотические условия повседневной жизни. Более демократически настроенные участники интервью, напротив, понимают порядок как условия, при которых могут быть реализованы индивидуальные свободы, а сильную власть воспринимают как механизм для достижения целей народа. Для таких граждан порядок тесно связан с верховенством закона и потенциально совместим с демократией.

Беспорядочный Советский Союз

Руководители Советского Союза намеревались создать новый мировой порядок: рациональное экономическое планирование было призвано освободить людей от непредсказуемости капитализма, а могущественный режим, руководствующийся пониманием Коммунистической партией истинного пути истории, должен был организовать граждан в их продвижении к социальной справедливости и мировой власти. Однако этим планам не суждено было сбыться. Вихри истории несли страну от революции к гражданской войне, от насильственной индустриализации — к мировой войне, и в жизни простых людей становилось все больше сумбура и смятения¹. В годы после смерти Сталина, когда ГУЛАГ ушел в небытие, а на смену резким социальным изменениям пришла стагнация, в жизни стало меньше явного хаоса, и режиму удалось обеспечить стабильность цен и гарантированную занятость. Однако, несмотря на эти достижения, жизнь простых граждан была по-прежнему лишена элементарной предсказуемости.

Например, хорошо известны практические результаты централизованного планирования: в магазинах были длинные очереди, товаров было недостаточно, а их поставки были нестабильны; и потребители, и производители копили запасы товаров на случай перебоев в поставках; в экономике, созданной для чего угодно, кроме удобства потребителей, люди считали обеспечение семьи сложной, трудоемкой и непредсказуемой задачей. В этой связи показателен анекдот советских времен: «Русские получили неопровержимое доказательство того, что в Библии допущена ошибка. Согласно священной книге, сначала был хаос, а затем стал порядок. Русские по опыту знают, что это не так: *сначала* было планирование, а *затем* стал хаос» [Kolasky 1985: 135].

¹ Как показывают результаты опросов, проведенных в Российской Федерации, хотя российские граждане считали 1990-е годы трудным временем, этот период был, по их мнению, менее тяжелым, чем годы Второй мировой войны и период сталинских репрессий. См. [Митев и др. 1998: 114].

С точки зрения простых граждан, постигнуть режим и приспособиться к нему в политической сфере было не легче, чем в области экономики. Советский режим объявлял себя социалистической демократией, но не давал гражданам ни права выбора на выборах, ни свободы слова и собраний. Граждане страдали от изменений настроения государственных чиновников, почти не надеясь на спасение от произвола. Красные знамена провозглашали приверженность советской власти интересам трудящихся, но советские чиновники делали покупки в специальных магазинах, заполненных товарами, которые трудящиеся хотели купить, но не имели возможности. Ситуацию в стране Т. Макдэниел прокомментировал следующим образом: «Слово не соответствовало делу, исповедуемая вера — реальной практике. Общество приобрело сюрреалистические качества; каждое слово и действие нужно было интерпретировать не буквально, а с точки зрения скрытого смысла событий» [McDaniel 1996: 14].

Пытаясь приспособиться к политической и экономической несогласованности, россияне создавали личные и социальные связи, которые способствовали приобретению необходимых товаров и получению защиты в непредсказуемой среде. Некоторые из этих связей были законными и институционально поощряемыми — в частности, рабочие *коллективы* и обеспечение товарами через социальные программы на уровне предприятия [Ashwin 1998]. Другие были более неформальными — например, группы знакомых, которые обменивались дефицитными товарами и услугами, или связи между директорами предприятий, которые обеспечивали поставку необходимых, но труднодостижимых ресурсов. Существовали и явно криминальные связи. Общим для всех этих связей было то, что они снижали вероятность эффективного функционирования иерархических структур, выполнения команд руководства и реализации его решений. Для многих людей ключевая роль личных связей как механизмов выживания означала, что их потребности были важнее, чем любые команды с более высоких ступеней официальной иерархии, которая воспринималась как опасная и неэффективная [McDaniel 1996: 124; Gozman, Etkind 1992: 49]. Рабочие «делали

вид, что работают», и воровали со своих заводов то, что не могли найти на полках магазинов. Занижая в отчетности объем производства, предприятия могли оставлять часть своей продукции себе и продавать ее на стороне. Взятки и другие незаконные выплаты для получения услуг и товаров скрывались посредством подложной бухгалтерии. Даже партийные и государственные чиновники, взимая дань с предприятий и тем самым заставляя других людей заниматься незаконной деятельностью, вносили свой вклад в круговорот рвачества и меркантилизма, где лишь немногие могли понять, что в точности происходит, и практически никто не мог взять процесс под контроль [Simis 1982; Vaksberg 1991; Kuns 1999]².

Перестройка усугубила дисфункцию системы, с которой сталкивались обычные люди, и предоставила новые возможности для шкурничества во всем советском обществе. Прилавки магазинов опустели, обнажились противоречия между местным и федеральным законодательством, а основные факторы стабильности, которую обеспечивала советская система, — постоянные цены и гарантированная занятость — испарились. Столкнувшись с тотальным дефицитом и ухудшением своего материального положения, граждане с некоторым разочарованием отметили, что перестройка означает «правду, только правду и ничего, кроме правды» [Борев 1995: 221]. Один из информантов Нэнси Рис весьма емко охарактеризовал Россию периода перестройки, назвав ее «Анти-Диснейлендом», «гигантским “парком культуры”, в котором в качестве главного развлечения предлагаются разнообразные неудобства, поломки и всеобщая неразбериха» [Рис 2005: 95]. Государственным чиновникам, занятым защитой своих собственных интересов, перестройка предоставила расширенные возможности использования государственных ресурсов в личных целях, в связи с чем к концу советского периода проблема «прин-

² Все это не означает, что крах советской системы был неизбежен. Возможно, она могла бы продолжать свое дисфункциональное существование в течение еще многих лет, если бы М. С. Горбачев не решил провести реформы, изменившие систему, в которой люди могли жить и дальше. См. [Shlapentokh 2001].

ципал — агент» встала перед советским обществом во весь рост. В распоряжении принципалов — высокопоставленных партийных чиновников — было мало механизмов, обеспечивающих выполнение агентами — всеми остальными — поставленных перед ними задач. Возможность надлежащего контроля исполнения зависит от наличия у принципала точной информации, однако единственным ее источником были сами агенты, а поскольку режим людям лгал, у людей были все основания лгать ему в ответ.

В конечном итоге этот меркантилизм подорвал советские политические институты и заложил основы олигархического капитализма. Но, как было показано в предыдущей главе, обычные люди практически ничего не выиграли от краха командной экономики, и их жизнь становилась все более непредсказуемой, особенно на фоне участвовавших невыплат работодателями причитающейся работникам заработной платы. При этом за трехлетний период после 1991 года средние потребительские цены выросли в несколько тысяч раз, а реальные доходы населения снизились примерно на 150 % [Заславская 1995]. К весне 1993 года более половины населения имело доходы ниже прожиточного минимума [Казинцев 1994]. Спустя несколько лет российские социологи подсчитали, что около трети населения жило «в крайней нищете и бедности» и только шестая часть — «в благополучных условиях» [Хенкин 1998: 130]³. Согласно подсчетам Е. И. Степанова из Института социологии РАН, почти через десять лет после начала экономических реформ «прозябали на грани нищеты» от 65 до 80 % жителей России, в то время как богатые составляли лишь от 1,5 до 5 % населения [Степанов 2000].

В то время как простые россияне страдали, процветали преступные сообщества. По данным Комитета Государственной думы по безопасности, к концу 1990-х годов организованная преступность контролировала около 40 % частных и 60 % государственных предприятий, а также от 50 до 85 % банков [Александров 1998]⁴.

³ С. М. Хенкин ссылается на [Гордон и др. 1998: 18].

⁴ См. также [Саттер 2003].

Даже если бы россияне могли накапливать деньги сверх своих жизненных потребностей, им было бы трудно найти безопасный способ сохранения своих средств. Кроме того, деньги могли обесцениться при следующем финансовом кризисе. Российское население считало, что такая чрезвычайная ситуация в финансовой сфере имеет все признаки преднамеренной государственной политики. В связи с этим Р. В. Рывкина отметила: «Логика в этих случаях такова: экономическая политика государства снижает уровень жизни населения, рождает недоверие к власти, ведет к росту преступности, создает дезорганизацию в обществе» [Рывкина 2000: 94–95].

В 1990-е годы граждане и средства массовой информации часто сравнивали политические события в стране с театром абсурда или, позднее, с цирком и зоопарком [Мелешкина 1999: 85; Shevchenko 2001: 87], и эти сравнения имели под собой веские основания: так называемые «демократы» то и дело призывали к установлению авторитарного правления, тогда как старые коммунисты отстаивали права свободной оппозиции [Никитинский 1995: 120]. Пока президентский пост занимал Б. Н. Ельцин, он сохранял контроль над своенравной системой, обстреливая парламент, угрожая отменить выборы и регулярно отправляя в отставку правительство за то, что у министров хватало дерзости вести себя столь же своенравно. Государственные институты и отдельные представители власти находились в прямом конфликте друг с другом и зачастую игнорировали решения друг друга [Качановский 1995: 55–56; Лапкин 1999: 75–76]. Оказавшись в идеологическом вакууме, многие политики преследовали свои корыстные цели, усиливая коррупцию и подрывая доверие общества [Brown 2001: 37–38]. Результатом стала череда скандалов, в ходе которых публично демонстрировались видеозаписи вывоза из Кремля чемоданов с деньгами и сексуальных походов представителей власти. В такой атмосфере вполне правдоподобными могут показаться даже самые шокирующие версии событий — например, предположение о том, что минирование жилых домов в Москве было произведено по указанию центральной

власти с целью заручиться поддержкой населения при активизации боевых действий в Чечне [Пелевин 1999]⁵.

Может ли такая атмосфера служить основой для стремления к авторитарическому порядку? По мнению некоторых наблюдателей, к подавлению опасной нестабильности посредством полного контроля были склонны именно *правители* России, в то время как простые россияне выработали высокую устойчивость к хаосу [Ахиезер 1995]. Действительно, закрепленный в культуре образ русского мужчины / русского народа «как сильного, опасного “ухаря”, способного натворить бед, дай только ему волю, испортить и осквернить все на своем пути», демонстрирует некоторую извращенную гордость беспорядком [Рис 2005: 144]. По мнению С. Н. Файбисовича, «в ситуации перманентного катаклизма и в атмосфере полного абсурда» было затруднительно вести себя прагматично: в более организованных обществах люди могли планировать предсказуемое будущее, а советским гражданам приходилось позволять тому, что они не могли контролировать, развиваться по пути, который они не могли предсказать. «Размечать наперед жизнь в русском бардаке (или, наоборот, на прокрустовом ложе тоталитарного бытования) — “глупо и неприлично”, а отсутствие индивидуального волевого планирования только усугубляет бардак» [Файбисович 1999: 43].

Как бы то ни было, россияне выражали негативное отношение к непредсказуемости жизни. Опрос, проведенный В. В. Лапкиным и В. И. Пантинным в 1996 году, показал, что только 1 % респондентов считал, что в России порядок. В имеющемся беспорядке опрошенные в основном обвиняли власть: 21 % полагал, что

⁵ В романе В. О. Пелевина «Generation “П”» этот политический фарс доведен до логического завершения. Один из героев сообщает, что российские политики существуют только в виде изображений трехмерной компьютерной графики, а специальные работники по связям с общественностью убеждают ничего не подозревающую публику в том, что их лидеры — реальные люди: «Есть специальная служба, “Народная воля”. Больше ста человек, бывшие гэбисты, всех Азадовский кормит. У них работа такая — ходить и рассказывать, что они наших вождей только что видели. Кого-то удачи трехэтажной, кого с блядью-малолеткой, а кого в желтой “ламборджини” на Рублевском шоссе».

«власть не в состоянии пресекать нарушение законов гражданами», 37 % отметили, что сама «власть нарушает законы», 25 % обвиняли несовершенные законы и лишь 8 % считали, что проблема заключается в том, что «сами граждане не проявляют склонности соблюдать законы» [Лапкин, Пантин 1997: 76–77]. Россияне не верили в правильность и эффективность функционирования социальных институтов. Согласно опросам, проведенным Р. Роузом, в конце 1990-х годов менее половины респондентов полагали, что милиция может защитить их дом от кражи со взломом; лишь каждый шестой был готов занять в банке сумму, равную недельному заработку; 80 % занимались огородничеством для обеспечения потребностей семьи в продуктах питания [Rose 1999: 72]. Среди факторов, вызывающих у россиян беспокойство, первое место прочно закрепилось за ростом преступности, в то время как доверие к милиции резко упало [Лалин 2000: 124–126]. На протяжении второй половины 1990-х годов большинство считало экономическую ситуацию плохой или очень плохой, а после финансового краха 1998 года — невыносимой [ВЦИОМ 2001б: 66]. Люди жаждали большей уверенности в завтрашнем дне [Левада 2001].

Беспорядочная позднесоветская и постсоветская реальность была убедительно описана на институциональном уровне, четко осознавалась рядовыми россиянами, но не учитывалась при изучении российского общественного мнения. При этом исследователи российского общественного мнения, основывая свои оценки на имеющихся данных, обычно предполагали, что советский режим успешно привил своим гражданам авторитарные взгляды и приверженность государственному экономическому патернализму. Возможные несоответствия полученных данных таким ориентациям объяснялись произошедшими с течением времени переменами во взглядах — возможно, в результате масштабных социальных изменений или ускоренного роста городского образованного населения⁶. Даже в исследованиях, авторы которых признают отсутствие порядка в реальности, в которой живут российские

⁶ См., напр., [Reisinger et al 1994; Hahn 1991].

граждане, эта вновь возникшая беспорядочность противопоставляется порядку, существовавшему ранее и утраченному в переходный период, и делается вывод о том, что именно новизна беспорядка мешает гражданам с ним справиться [Alexander 2000]. В результате постоянно выражаемое народом стремление к порядку обычно интерпретируется как пережиток прошлого и, следовательно, как препятствие на пути к поддержке демократии.

В этой главе я предлагаю иной подход к анализу проблем. Непредсказуемость — беспорядочность — повседневной жизни как в позднесоветский период, так и в посткоммунистической России рассматривается мной как явление, способное пролить свет на причины недостаточной поддержки россиянами демократии, особенно в связи с очевидной тягой людей к порядку. Таким образом, в этой главе получает дальнейшее развитие аргументация, представленная в предыдущих главах. В то время как в главе четвертой была выявлена связь между недостаточной степенью поддержки демократии и фактическим функционированием демократических институтов в России, а в главе пятой было показано, что подозрительное отношение людей к рынкам и их совместимости с демократией проистекает из опыта работы с несовершенными рынками раннего российского капитализма, в этой главе рассматривается вопрос о том, как общее ощущение социальной дисфункции, проявляющейся в непредсказуемости повседневной жизни, влияет на поддержку людьми демократии и их понимание значения политического порядка. В частности, в этой главе будет показано, что чем больше россияне воспринимают беспорядок как характеристику своего социального мира, тем менее последовательно они поддерживают демократию и тем более вероятно, что «порядок» в их понимании получит недемократическую интерпретацию.

Бандиты и некомпетентность

В целях изучения возможного влияния восприятия людьми социальной дезорганизации на поддержку демократии российские участники интервью были разделены на три группы

по ощущению социального беспорядка: в соответствии с этим критерием были выделены группы респондентов с высоким уровнем, умеренным ощущением и низким уровнем ощущения социального беспорядка⁷. Для упрощения терминологии в дальнейшем эти группы россиян именуется, соответственно, обеспокоенными, настороженными и спокойными. Люди с сильным ощущением социального беспорядка — «обеспокоенные» — считали преступность неконтролируемой и сомневались в компетентности или готовности милиции защищать граждан. Они полагали, что российская экономика разваливается и у простых людей практически не остается возможностей для улучшения своего материального положения, а также считали, что в государственных учреждениях господствует преступность или вопиющая некомпетентность. Люди с низким уровнем ощущения социального беспорядка — «спокойные» — в большей степени доверяли милиции, видели больше возможностей выжить в период экономических трудностей и, несмотря на столь же критическое отношение к государственным чиновникам, не столь часто обвиняли их в противоправном поведении, стремлении к конфликту ради самого конфликта или беззащитном самообога-

⁷ Деление на группы производилось на основании ответов на вопросы об удовлетворенности работой участкового инспектора, президента, Госдумы. Люди, обеспокоенные отсутствием социального порядка, в качестве объяснения причины своего недовольства, как правило, сразу же выражали свою озабоченность в форме оценки этих государственных органов. Также учитывалась оценка респондентами экономической ситуации в России. Во время проведения интервью экономическая ситуация была объективно сложной для большинства респондентов, но некоторые участники интервью, в отличие от остальных, воспринимали переходную экономику как настоящую катастрофу. Это ощущение экономического хаоса и сопутствующих трудностей в обеспечении удовлетворения потребностей повседневной жизни было для многих респондентов важной частью ощущения беспорядочной реальности. См. [ВЦИОМ 2002а: 70].

Вопросы, на которых основано измерение ощущения «беспорядка», охватывают три наиболее распространенных источника страха среди российских граждан: согласно опросу Homo Sovieticus 1999 года, россияне опасаются безработицы (85%), произвола властей (76%) и нападений преступников (74%). См. [Levada et al. 2002: 20]. Более подробная информация об измерении приведена в приложении В.

Таблица 6.1. Факторы, определяющие ощущение беспорядка

	Уровень ощущения беспорядка
Пол	- 0,12
(верх = мужской)	0,36
Возраст	0,28*
(верх = старше)	0,03
Образование	-0,29*
(верх = выше)	0,02
Экономическое положение	-0,46**
(верх = лучше)	0,00
Житель Сибири	0,27*
(верх = да)	0,04
За КПРФ	0,26*
(верх = да)	0,05

ПРИМЕЧАНИЕ. Российские респонденты, N = 60; двумерные коэффициенты корреляции, двусторонняя значимость.

щении. Группа «настороженных» находилась между этими двумя крайностями: признавая существование источников беспорядка, респонденты этой группы считали, что существуют известные способы успешного решения имеющихся проблем.

Согласно данным, приведенным в таблице 6.1, чаще беспокоились о социальных беспорядках респонденты старшего возраста, с более низким уровнем образования и находящиеся в худших экономических условиях. Кроме того, доля «обеспокоенных» россиян в выборке была несколько выше среди респондентов, поддерживающих Коммунистическую партию⁸. Как оказалось, к группе «обеспокоенных» также несколько чаще принадлежали жители Сибири, что, возможно, частично является отражением явно дружественных отношений между государственными чиновниками и деятелями организованной преступности

⁸ И, как показано в исследовании Д. Бари и Л. Уэя, проигравшие в процессе экономического перехода с большей вероятностью, чем выигравшие, приходят на избирательные участки. См. [Bahry, Way 1994].

в Красноярске — одном из двух сибирских городов, где проводились интервью⁹. Как и в предыдущих главах, статистика представлена здесь с целью дать читателю общее представление о выборке и не подразумевает возможности переноса зависимостей на более широкую популяцию.

В таблице 6.2 приведены сведения о том, каких респондентов социальные беспорядки беспокоят в большей степени, а каких — в меньшей степени, а также о поддержке демократии соответствующими респондентами. Из таблицы 6.1 видно, что ожидаемая связь между чувством беспорядка и поддержкой демократии сохраняется в российской выборке в целом¹⁰. Россияне из группы «обеспокоенных» в целом в меньшей степени поддерживали демократию, в то время как «спокойные» проявляли более высокую степень поддержки. Указанная зависимость не является однозначной, однако связь между ощущением беспорядка и уровнем поддержки демократии достаточно прочна и заслуживает дальнейшего изучения. Для получения ответа на вопрос о том, каким образом озабоченность социальным беспорядком может подорвать поддержку демократии, должен быть проведен анализ комментариев респондентов. В этой части главы внимание будет сосредоточено на двух крайностях — на людях, полагающих, что мир, в котором они живут, разваливается на части, и на людях, достаточно уверенных в прочности

⁹ См. [Tarasov 2003: 5].

¹⁰ Коэффициент корреляции между чувством социального беспорядка и поддержкой демократии равен $-0,341$ на уровне $0,01$. Применяется методика измерения поддержки демократии, представленная выше в главе пятой и описанная в приложении В. В основе измерений поддержки демократии и ощущения беспорядка лежат ответы респондентов на разные вопросы. В обоих измерениях используются вопросы о Государственной думе, однако для измерения ощущения беспорядка используется вопрос об отношении людей к фактической деятельности Думы (которая является источником сильного недовольства), тогда как измерение поддержки демократии основано на вопросе о принципиальной необходимости органа типа Думы. Ответы на эти два вопроса, как правило, были совершенно разными. Даже респонденты, резко критиковавшие реальную Думу, часто в принципе поддерживали идею представительного органа.

Таблица 6.2. Распределение по уровням поддержки демократии и ощущению социального беспорядка (респонденты из России)

	Низкий уровень ощущения беспорядка	Умеренное ощущение беспорядка	Высокий уровень ощущения беспорядка
Высокий (или умеренный) уровень поддержки демократии	Аня, Дима, Коля, Миша, Слава, Витя, Аркадий, Екатерина, Юрий, Михаил, Надежда, Наталия, Олег, Райса, Марина Александровна (15 респондентов)	Рая, Соня, Толя, Алла, Геннадий, Константин, Лев, Светлана, Александра Антоновна, Андрей Викторович, Людмила Владимировна (11 респондентов)	Иосиф, Галина Григорьевна (2 респондента)
Смешанное отношение к демократии	Катя, Люба, Надя, Сергей, Руслан, Клара, Павел, Ольга Юрьевна (8 респондентов)	Вася, Григорий, Николай, Полина, София, Анна Павловна, Ирина Львовна, Борис Борисович, Билен Николаевич (9 респондентов)	Лена, Елена, коллектив, Валентина, Пелагея, Зинаида, Иван Иванович, Егор Егорович, Зоя Игоревна (9 респондентов)
Низкий уровень поддержки демократии		Валя, Евгений, Татьяна Михайловна (3 респондента)	Алексей, Инна, Владимир Ильич (3 респондента)

своего мироздания. Внимание членам группы «настороженных» будет уделено в этой главе несколько позже. В ходе дальнейшего исследования таблица 6.2 может быть также полезной для упрощения соотнесения респондентов с группами. Начнем рассмотрение с группы «обеспокоенных».

В ходе глубинных интервью люди с сильным ощущением беспорядка говорили о том, что общество трещит по швам. Обобщая взгляды многих людей, Валентина сказала: «Все развалилось на куски». Ощущение всеобщей дисфункции отчетливо проявлялось в рассказах людей о недавно пережитых ими экономических изменениях. Так, Иосиф сказал: «Экономические преобразования происходили в условиях хаоса и беспорядка. В результате мы получили бедную, разрушенную экономику. Вот последствия этого разрушения». Более резкие выражения употребил Иван Иванович: «Они растащили и разграбили всю экономику. В народе приватизацию называют *прихватизацией*. Кто был ничем, тот стал всем. Они разворовали все государство, всю экономику». Люди из этой группы выражали несогласие с утверждением, что в стране проводились экономические «реформы», поскольку никаких изменений к лучшему не произошло. Например, Инна сказала:

Хотела бы я знать, в чем заключаются эти изменения в экономике? В том, что они вытащили все из наших кошельков и оставили нас без денег? Что банки закрылись и оставили нас без денег? Это, что ли, изменения в экономике? ... И вообще, что это за экономика? Я не понимаю. Заводы не работают. Предприятия закрываются. Я не знаю, что мы производим. Не знаю.

В такой экономической ситуации у обычных людей возникают трудности, с которыми трудно справиться. Особенно сомневались в своих способностях респонденты с сильным ощущением социального беспорядка. Они беспокоились о ценах, которые росли быстрее зарплаты, о том, как найти деньги для оплаты образования ребенка или лекарств, необходимых жене-инвалиду, о том, будут ли затраты на выращивание скота выше цены на

мясо, о том, как содержать детей на зарплату, которая составляет половину прожиточного минимума, установленного правительством. Члены трудового коллектива, с которыми проводилось групповое интервью, отмечали, что в школе их учили жить по одним правилам, а теперь приходится жить по другим. Один из них сказал: «Мы знали, что, если мы будем воспитывать наших детей правильно, как патриотов своей Родины, они смогут ... добиться успеха благодаря своей работе и своим заслугам. А теперь нет денег, а без денег ничего не добьешься». Большинство людей в этой группе придерживалось мнения, что экономический беспорядок, под влиянием которого они оказались, возник относительно недавно. Люди полагали, что в целом при коммунистах жизнь была лучше: матерям-одиночкам государство оказывало помощь, зарплата и пенсии выплачивались вовремя, образование было бесплатным и родители могли копить на старость. Например, по мнению Зинаиды, при советской власти серьезных проблем в повседневной жизни не было: люди были счастливее и больше пели.

Ощущение экономической непредсказуемости у людей с сильным ощущением социального беспорядка усугублялось убеждением, что политика правительства только ухудшает ситуацию. Респонденты полагали, что либо власти несут прямую ответственность за невзгоды их повседневной жизни, либо они просто неспособны что-либо сделать для улучшения положения. «Власть слабая и коррумпированная, — высказал свое мнение Иосиф. — Она не защищает интересы граждан, и граждане не хотят защищать ее». Валентина отметила, что она настолько расстроена экономической политикой Ельцина, что даже не будет смотреть на него по телевизору. Галина Григорьевна, как и другие респонденты, относящиеся к этой группе, предполагала, что представители власти напрямую связаны с криминалитетом. О Ельцине она сказала:

У меня было ощущение, что он не хозяин страны. Он был — скажу грубо — чьей-то марионеткой. Чьей? Думаю, преступников. И делал все, что они хотели. Ну, в каком-то смысле

он был решающим и все такое ... Но в стране для нас мало что изменилось в лучшую сторону. Все изменилось к худшему, а к лучшему — почти ничего.

Опрошенные в 2000 году люди надеялись, что В. В. Путин справится с экономическими трудностями лучше, чем Ельцин, и, возможно, как заметила Инна, «наконец-то положит конец разграблению нашей страны “семьей” Ельцина». В интервью 2003 года к группе «обеспокоенных» принадлежали лишь четверо участников и в своих комментариях они были намного снисходительнее к Путину, чем респонденты предыдущих лет — к Ельцину, однако они также фактически не выражали уверенности в том, что Путин существенно помог людям. Ни в один из периодов времени, когда проводились интервью, респонденты не верили в то, что законодательная власть может сдерживать свое нравную и цепкую исполнительную власть и вносить конструктивный вклад в повышение благосостояния людей. Владимир Ильич сказал о Государственной Думе просто: «Она не работает». Алексей и Зинаида сравнили ее с базаром, а Инна назвала депутатов паразитами. Валентина предположила, что депутаты страдают психическими расстройствами, из-за которых они не могут заниматься конструктивной работой. Снова звучали предположения о связях власти с преступностью. В частности, Зинаида сказала: «Вот, а кто к власти приходит? Те, у кого есть деньги. ... В России сейчас с деньгами не все чисто. Честная работа таких денег не приносит». Далее она отметила, что граждане очень мало знают о кандидатах: неизвестно, откуда они пришли и почему у них есть деньги. Очевидно, на этот счет у нее были самые худшие подозрения.

Возможно, если бы беспорядок во власти ограничивался лишь правящей верхушкой, люди могли бы совладать с ощущением тревоги, вообразив, что проблемы где-то далеко и напрямую их не касаются. Однако, по крайней мере в сознании этих встревоженных россиян, проблемы государства проникли глубоко в правоохранительные органы на местном уровне, оставив простых граждан один на один с криминалитетом, который ка-

зался им реальным источником всей власти. Люди с сильным ощущением социального беспорядка жаловались на безудержную коррупцию и утверждали, что суды в России продажны. Они опасались выходить на улицу ночью, боялись, что милиция патрулирует только хорошо освещенные и безопасные улицы, и были уверены в том, что милиция мало заинтересована в предотвращении или раскрытии преступлений.

Егор Егорович со слезами на глазах рассказывал о расследовании милицией убийства своего внука:

Мой внук был убит, ему было восемнадцать. Убит ни за что. А теперь никто ничего не знает. Они не ищут. Мы писали. Мы даже написали письмо Путину, чтобы они провели расследование. Но Москва наше письмо сюда переслала, а здесь тоже молчат. Они только прислали нам типовую отписку.

Жалоба Зои Игоревны на милицию была более рутинной и обыденной. Она позвонила в милицию, чтобы сообщить о «хулиганах», которые шумят в подъезде ее многоквартирного дома. «Вот позвонила, и думаете, они приехали? Нет. Нет. А что может пожилой человек сделать? Выйти и сказать все, что о них думаешь? Так они сказали: “Дверь закрой!”, и мы закрыли». Вместо повышения уровня безопасности людей, милиция, по-видимому, способствовала лишь повышению уровня ощущаемого людьми беспорядка.

Когда такие обеспокоенные отсутствием порядка граждане начинают говорить собственно о демократии, становится ясно, каким образом их опасения по поводу непредсказуемости жизни подрывают поддержку демократических ценностей. По их мнению, демократические институты не стали достаточно эффективным средством решения их реальных жизненных проблем. Следовательно, с их точки зрения, не было и оснований поддерживать принципы, лежащие в основе демократии. Поскольку в результате выборов к власти пришли преступники, неубедительной кажется сама логика открытой борьбы за власть. В этой связи показателен комментарий Инны:

Конечно, участие в выборах важно, потому что нам небезразлично, кто будет президентом. Но в принципе мы этих деятелей не знаем. Мы видим их по телевизору, но люди о них говорят совсем другое: что они коррумпированы, что они берут взятки. Что берут деньги непонятно откуда. Оказывается, они тащат деньги прямо у нас из карманов. ... И нам некуда обратиться, потому что нас обирает собственное государство.

Аналогичным образом, если законодательные органы не могут принимать законы, способствующие созданию общественного порядка, то, возможно, эту ответственность должен взять на себя человек, ясно понимающий ситуацию. Владимир Ильич так прокомментировал свою позицию: «Дума не нужна. Она сидит на шее у пенсионеров, у народа. Если присмотреться, какие там люди, так было бы лучше ее разогнать». Члены трудового коллектива поддержали эту точку зрения. Думу они охарактеризовали как «всероссийскую комедию», ненужную, поскольку все решает президент:

Мне кажется, что Дума не нужна, — уточнила Инна. — Не нужна, потому что, может быть, у нее мало власти. Она не принимает конкретных решений. Все решается в другом месте. Разве не президент у нас все решает? Вот пусть бы сам и принимал решения. Наверное, так ему было бы удобнее.

Даже такие люди, как Лена, которые поддерживали существование Думы, считали, что численность этого органа может быть несколько сокращена. Лена сказала: «Дума слишком раздута. И на ее содержание тратится много денег, которые, естественно, было бы лучше потратить на нужды народа».

Как правило, людей с сильным ощущением социального беспорядка больше волновали результаты работы представителей власти, чем процедуры, при помощи которых эти результаты достигаются. Если лучшие результаты могут быть достигнуты с помощью недемократических процедур, то демократией можно пожертвовать. Разочарование в демократии, которое

испытали многие респонденты из этой группы, резюмировал Иван Иванович:

Для меня как для простого человека та демократия, которая у нас сейчас, бесполезна. Я рад, что тогда был сыт и чувствовал себя в безопасности, что за свою работу я получал достаточную и своевременную зарплату, что я не жил в нужде и не боялся выходить на улицу. Суть дела в том, что власти у нас нет. На местах все пущено на самотек: бандитизм, рэкет.

Встревоженные россияне в среднем с бóльшим скептицизмом, чем представители других групп, относились к ценности свободы. Эти люди, по-видимому, чаще, чем настороженные или спокойные граждане, придерживались мнения, что российское общество страдает от некоторого избытка свободы. По мнению Валентины и Лены, излишняя свобода проявлялась в повседневной жизни — в неподобающе одетой молодежи, употреблении ненормативной лексики в общественных местах, порнографии на телевидении и мусоре на улицах. Большинство других встревоженных россиян беспокоила свобода, которую получили не они, а кто-то другой. Они думали не о том, что они лично получили больше свободы, а о том, что некоторые люди получили ее слишком много и теперь использовали эту свободу во вред другим. Многие считали, что очень свободно стали вести себя преступники и в результате обычные граждане были вынуждены прятаться за решетками на окнах и дверьми, запертыми на три замка. Кроме того, считалось, что государственные чиновники и богачи также получают от смягчения ограничений преимущества, недоступные обычным людям.

«Не столько свободы, сколько хамства, — пояснила Галина Григорьевна. — Нет пределов и границ, вот люди и воруют. Вот и власть ворует». С этой точкой зрения согласился Иван Иванович: «У народа не так уж много свободы. Это у чиновников ее много. Они могут делать все, что хотят. ... Пока нет административной ответственности для бюрократов — ни на местном, ни на федеральном уровне, — чтобы они отвечали за свои преступления». Инна заключила:

Свобод много, но у определенного контингента людей больше денег. А за деньги можно купить даже свободу. Так, например, новым русским сходит с рук все, что они хотят. Все возможно. Например, что касается милиции: можно кого-то избить и уйти, и нигде его не найдут. ... Считаю, что в нашей стране продается все, начиная с президента и кончая свободой.

Поскольку многие респонденты из этой группы ассоциировали демократию с большей свободой, их подозрения в отношении ценности свободы также нашли отражение в их комментариях о демократии. Зинаида, например, определила демократию как все, что хорошо для людей, находящихся у власти, в том смысле, что государственные чиновники могут свободно избегать ответственности за свои действия, а руководители предприятий могут щедро платить себе высокие зарплаты, в то время как зарплата рабочего едва хватает на то, чтобы прокормить семью. Елена отождествила демократию с капитализмом, а капитализм — с закрытыми заводами; по ее мнению, экономическая свобода принесла мало пользы. Инна сказала:

Ой, я не знаю, что такое демократия, но понимаю, что мы получили то, что хотели. Мы хотели читать книги, смотреть фильмы, ездить за границу. Мы все это получили. Теперь можно больше говорить по телевидению, в газетах и по радио. Можно говорить все. Только работы нет, денег нет, и скоро не будет ничего. Поэтому «демократия» — это когда все возможно, но в итоге оказывается, что ничего сделать нельзя.

Таким образом, для встревоженных россиян свобода не стала первостепенной общественной ценностью.

При этом два респондента — Иосиф и Галина Григорьевна — продемонстрировали несоответствие указанной закономерности. Несмотря на наличие острого чувства социального беспорядка, они проявили достаточно высокую степень поддержки демократии. По-видимому, основанием для такой позиции стала бóльшая,

по сравнению с другими участниками интервью, осведомленность о том, что демократия не тождественна вседозволенности. Так, Иосиф отметил, что демократические процедуры и законы ограничивают произвол властей и, следовательно, способствуют наведению порядка. По мнению Галины Григорьевны, разумная степень свободы, предоставляемая демократией, открывает пути к общему улучшению состояния общества. По ее словам, демократия означает

свободу слова, свободу мысли, свободу действий, но действий в рамках закона: не свободу воровать, бить и убивать, а в таких пределах, чтобы человек был цивилизованным, культурным, чтобы наш народ был образованным, чтобы институты были достоянием каждого человека и каждый человек мог получить образование и принести пользу стране.

Таким образом, имеется несколько причин, по которым ощущение социального беспорядка подорвало поддержку демократии среди большинства — хотя и не всех — встревоженных, «обеспокоенных» россиян. Из-за сильного ощущения социального беспорядка демократия представлялась им бессмысленной, поскольку демократические институты, как им казалось, не могли обеспечить людей тем, что им было необходимо. Кроме того, из-за этого ощущения демократия казалась людям опасной. Ввиду отсутствия концентрации власти «обеспокоенные» граждане не находили ответа на вопрос о том, кто именно должен нести ответственность за положение в стране. Свобода создала благоприятные условия для тех, чьи действия, по их мнению, будут способствовать усугублению беспорядка, но не помогут обычным людям взять под контроль мир, в котором они живут. Люди с сильным ощущением социального беспорядка почувствовали себя беспомощными не только перед фактом непредсказуемости своей жизни, но и перед лицом власти, которая, как они опасались, никогда не будет служить их интересам, независимо от степени ее предполагаемой демократичности.

Порядок найден

Среди участников интервью с низким уровнем ощущения социального беспорядка оказалось больше людей, положительно оценивающих экономическое положение России, чем среди респондентов, полагающих, что в жизни царит полный беспорядок. По мнению «спокойных» граждан, в стране, по крайней мере при Путине, была достигнута некоторая стабильность и у людей появились реальные возможности улучшить свое положение. В интервью 2003 года Дима сказал: «Сейчас, наверное, в последние несколько лет, буквально в последние три года, снова можно заметить реальное улучшение благосостояния людей». Витя добавил: «И жить стало просто интереснее. Бояться нечего».

Даже те, кто был не столь позитивен в своих оценках, как эти молодые люди, понимали необходимость экономических реформ, несмотря на временный беспорядок, возникший вследствие их проведения. В интервью 1998 года Наталия отметила:

Изменения надо было проводить, может быть, более грамотно, а может, и не в том виде, в каком они проводились. Не все прошло на ура. У нас было распределение собственности — всего, что раньше было государственной собственностью. Мы получали небольшие зарплаты, и большая часть наших доходов шла на создание социальных фондов. И вдруг все это у нас забрали, и мы остались ни с чем. Но все-таки хорошо, что люди получили возможность создавать свой бизнес, реализовывать себя. Это хорошо. Сложно сказать одним словом, как я все это воспринимаю. Как будто мы в болоте. Хотя это и сложно, но необходимо продвигаться вперед. Это естественный процесс, неизбежный.

Даже Ольга Юрьевна, которая жаловалась, что некие подозрительные группы лиц «захапали» важнейшие объекты ценного государственного имущества, добавила: «Я не говорю, что мне лично плохо, что я на что-то жалуюсь. У меня нет проблем с зарплатой. Я думаю, что, если у человека есть голова, есть профессия, он всегда может работать».

«Спокойные» граждане находили порядок не только в материальной жизни: они усматривали источники предсказуемости и в политике. Как и «обеспокоенные» россияне, многие сравнительно «спокойные» граждане критиковали Ельцина, однако они реже обвиняли его в повальной криминализации исполнительной власти и с большей вероятностью связывали его недостатки с ошибками, возрастом, состоянием здоровья, с конституцией, наделившей его слишком большой властью, или со сложным характером изменений, которые он пытался осуществить. Как и многие другие респонденты из этой группы, Надежда безропотно приняла капризы российской политической жизни. О Ельцине она высказалась так:

Все эти отказы от собственных идей, отречения от людей, разные выходки, неуместные для человека, обличенного такой властью. Это не назовешь культурой межличностных отношений в политике. Меня это ужасно огорчает, хотя, с другой стороны, я понимаю, что лучшего ожидать, наверное, трудно.

Выражая оптимизм, свойственный молодежи в данной выборке, Слава отметил, что у Ельцина, наряду с неудачами, есть много полезных достижений. Он резюмировал: «Жизнь, как говорится, плоха, но в то же время становится немного лучше».

Даже респонденты старшего возраста из этой группы проявили изрядную терпимость к хаосу политической жизни в России. Так, Марина Александровна сказала:

Ну, Борис Ельцин. Мы голосовали за Ельцина. Я его поддерживала. И в тот период он был очень прогрессивным. Он много сделал для страны. Если взять длительный период — столетие — можно считать, что, конечно, за этот короткий период было сделано очень много. Хотя кричат: «Плохо! Все плохо!» Да, конечно, и, наверное, еще долго будет плохо. Но благоденствия за такое короткое время добиться невозможно. Да и везде не все хорошо. Проблемы есть везде. Дело в том, что у нас такие проблемы, на решение которых уйдет много времени.

Большинство «спокойных» граждан — участников интервью, проведенных уже в период президентства Путина, высказало уверенность в том, что он добился определенного прогресса в решении этих проблем. Например, Витя сказал: «Прежде всего, это деятельность Путина, его активность и интерес к разным сферам жизни. В конце концов, ясно, что он что-то делает, в отличие от всех предшественников».

Как и другие участники интервью, многие респонденты с низким уровнем ощущения социального беспорядка резко критиковали Государственную думу. Однако они чаще участников из других групп находили в действиях Думы признаки закономерной и целенаправленной деятельности. В частности, они, по-видимому, лучше понимали, каким образом фракции в Думе способствуют продвижению определенных интересов или ограничению всеобъемлющей власти президента. Так, Коля пояснил: «Например, Союз правых сил. У них нет большинства, но они пытаются продвигать идеи, за которые они выступают. ... На мой взгляд, так поступают многие партии. В конце концов, часть партий действует так, как они и обязаны действовать». С этим согласился и Михаил. Говоря о в конечном итоге успешных попытках Ельцина заставить Думу утвердить назначение С. В. Кириенко на пост премьер-министра, он отметил: «Недавние события в Думе заставили президента понять, что он не всемогущ. Я думаю, депутаты могут иногда, если возникает какая-то конфликтная ситуация, ограничивать действия президента».

Представляется, что одна из причин, по которым россияне из «спокойной» группы демонстрировали терпимое отношение к Думе, заключалась в лучшем понимании ими роли этого органа. Почти две трети респондентов, относящихся к «спокойной» группе, проявили поддержку демократии в высокой или умеренной степени. Глубокое понимание демократии, особенно в отношении порой неоднозначной роли представительных институтов, помогло этим людям увидеть смысл и цель в действиях Думы. Например, Слава дал следующий обобщенный комментарий о необходимости представительных органов: «Я считаю, что Дума должна быть, потому что всегда должна быть оппозиция

тем, кто во власти, и, наверное, чтобы не допускать неверных моментов в управлении государством. Думаю, все-таки президент должен обращать внимание на мнение Думы». Таким образом, он не был слишком обеспокоен действиями Думы, хотя и был не согласен с большинством из них и считал, что Дума препятствовала осуществлению необходимых реформ. «Ну, а что с Думой? — сказал он. — Это оппозиция. У любой власти есть оппозиция».

Помимо сказанного выше, «спокойные» россияне в меньшей степени, чем «обеспокоенные», склонялись к мнению, что демократия подразумевает избыток свободы, который может навредить социальным связям. Они обращали внимание на взаимные обязательства, возникающие в связи со свободами. В частности, Аркадий отметил, что демократия, среди прочего, включает в себя «право быть личностью, но не оскорблять и не унижать другого человека». Надежда добавила: «Если вы свободный человек, творческий человек, то вы уважаете себя и уважаете других». Дима определил демократию как «отношения человека и общества, в которых четко прописаны обязанности человека и обязанности общества, и эти обязанности исполняются». По словам Коли, демократия является золотой серединой между анархией с одной стороны и тоталитаризмом с другой. Следовательно, для респондентов этой группы демократия означала некий порядок, при котором они были готовы жить¹¹.

Таким образом, представляется, что зависимость между ощущением социального беспорядка и отношением к демократии является двусторонней. С одной стороны, для людей, которые считают свой мир относительно предсказуемым, неопределенность демократии не представляет особой проблемы: политические противники могут спорить между собой, у избранных руководителей неизбежно будут недостатки, но общество выживет, и демократические процессы могут в конечном итоге способствовать

¹¹ В своей книге Т. Макдэниел ссылается на идею русского философа В. М. Межуева о том, что русские понимают только абсолютную свободу и не готовы идти на прагматические компромиссы, которых требует жизнь в обществе. См. [McDaniel 1996: 36]. Установки моих респондентов абсолютно не соответствуют этому утверждению.

улучшению условий повседневной жизни. Однако причинно-следственная связь действует, по-видимому, и в обратном направлении: людей, лучше понимающих природу демократии, меньше беспокоит беспорядок в политической жизни. Для таких людей плюрализм мнений и разногласия не являются, как выразился Олег, просто показателями «недисциплинированности», а свидетельствуют о демократии в действии.

Порядок против свободы

Из сказанного выше следует, что россияне различаются по своим взглядам в зависимости от того, насколько они встревожены фундаментальной непредсказуемостью своей жизни: чем больше беспокоит людей эта непредсказуемость, тем меньше они склонны поддерживать демократию. При этом, однако, следует учитывать, что даже те респонденты, которые демонстрируют невысокую степень поддержки демократии, не обязательно выступают *против* жизни в условиях демократических институтов. Большинство участников интервью непоследовательны в своих ориентациях и не проявляют враждебности по отношению ко всем аспектам демократии. Более того, многие респонденты с относительно высоким уровнем поддержки демократии все же обеспокоены беспорядком, присущим повседневной жизни, или возможностью усиления беспорядка вследствие обретения людьми политических свобод¹². Возможно, наличие демократических институтов не является надлежащим средством избавления людей от такой обеспокоенности. В условиях неопределенности даже люди демократических убеждений могут отказаться от свободы ради порядка. В этой связи Р. Саква отметил:

¹² Как видно из таблицы 6.2, почти половина респондентов с относительно высоким уровнем поддержки демократии входит в группы «настороженных» и «обеспокоенных» граждан. Как отмечают Д. Бари и ее соавторы, в России даже защитники демократии готовы ограничивать деятельность групп граждан, которых они считают представляющими угрозу демократии. См. [Bahry et al. 1997].

В то время как на Западе политика формализована, ритуализирована и конвенциональна, в России она, напротив, сыра, не оформлена, фактически не опосредована партиями, движениями и конвенциями. <...> Таким образом, субъективность стала бременем, которое породило «страх свободы», а в Веймарской Германии — поддержку харизматического лидерства [Sakwa 1995: 963–964].

Таким образом, зависимости, прослеженные в этой главе, пока не дают достаточных оснований для формулирования вариантов поведения, которые могли бы способствовать избавлению людей от опасений по поводу отсутствия порядка. Перейдем к рассмотрению этого вопроса. В этом разделе в центре внимания будут находиться вопросы, связанные со свободой — ценностью, которую иногда считают противоположностью порядка. В следующем разделе будет рассмотрен вопрос о том, как обеспокоенность отсутствием порядка влияет на формы политических институтов, которые могут выбрать россияне.

Свобода — одна из демократических ценностей, которые, по мнению некоторых исследователей, вызывают у россиян отторжение. Вариантом обоснования этого утверждения является довод о том, что русские понимают свободу как полное отсутствие какого-либо самоконтроля. Следовательно, свобода слишком опасна и люди, которым нельзя доверять самоконтроль, должны подчиняться внешней власти. Логику такого подхода Л. Я. Гозман и А. М. Эткинд объясняют следующим образом: «Если люди склонны к превышению скорости, необходим контроль со стороны ГАИ. Одним словом, нужен сильный режим» [Gozman, Etkind 1992: 78]. Альтернативное обоснование состоит в том, что под влиянием православной философии россияне воспринимают демократические свободы как просто «формальные свободы», никак не связанные с реальной духовной свободой и, следовательно, малозначащие для их жизни [Романович 2002]. При любой из этих трактовок свобода — это то, чем обычные россияне могут согласиться пожертвовать. И действительно, результаты опроса, по-видимому, подтверждают такую готовность. Многие россияне,

даже сторонники демократии, сталкиваясь с вынужденным выбором между свободой и порядком, выбирают порядок [ВЦИОМ 1997: 52]. Означает ли это, что они не решаются принять личную свободу, лежащую в основе демократии?

В отношении некоторых участников интервью, возможно, дело обстоит именно так. Респондентам предлагалось выбрать между свободой и порядком, и, отвечая на открытые вопросы, они имели возможность обосновать свой выбор или, в некоторых случаях, объяснить, почему такой вынужденный выбор не применим к их жизни¹³. Елена, одна из наиболее «обеспокоенных» беспорядком участниц интервью, сказала: «У нас, у русских, может быть, привычка к порядку, потому что всю жизнь мы были рабами; вот и привыкли жить в строгости. Поэтому порядок важнее. Русский Иван уже привык к кнуту».

Однако у большинства респондентов было более тонкое понимание порядка, нежели версия Елены о «привычке к кнуту». Многие участники интервью говорили о преимуществах жизни в обществе, гарантирующем минимальный уровень благосостояния для всех. Например, Вася, респондент из группы «настороженных», сказал:

Нам дали свободу, и каков результат? Просто оказалось, что если дать человеку свободу — а все-таки первоочередные потребности человека — есть, одеваться, иметь жилье, но он не может этого добиться — то он начнет воровать. Существует ли свобода? Существует. Но от этой свободы нет никакой пользы.

Сходное мнение высказала Лена, одна из самых «обеспокоенных» беспорядком респондентов:

¹³ Некоторым респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Что лучше: жить в обществе со строгим порядком или дать людям столько свободы, чтобы они могли бы разрушить общество?» В своих ответах 64 % опрошенных предпочли «порядок», 6 % выбрали свободу, а 10 % выразили несогласие с условиями выбора, выбрав позицию в промежутке между крайностями. В западных опросах использование метода вынужденного выбора не является редкостью. См., напр., [Colton 2000: 248; Miller et al. 1994: 406].

Строгий порядок — это что? Если бы он включал в себя свободу слова, свободу прессы, финансирование медицины, финансирование науки, если бы были мероприятия для детей — если бы при строгом порядке все это существовало, и не было бы насилия против людей, то да, с такой строгостью можно согласиться. А эта свобода с разгулом преступности и всем этим хаосом вокруг — это тоже не нужно. Все должно быть в разумных пределах¹⁴.

Тот вид порядка, наведения которого желали многие респонденты, явно не противоречил свободам, защищаемым в условиях демократии. В частности, людьми с повышенным ощущением социального беспорядка и низким уровнем поддержки демократии порядок часто понимался как единообразное применение законов ко всем, включая простых людей, преступников и государственных чиновников. Одна из женщин, участвовавшая в интервью в составе трудового коллектива, сказала: «Мы все за строгий порядок. Но в целом строгий порядок — это исполнение закона, соблюдение закона». Она полагала, что, обеспечив соблюдение закона и выполнение людьми своих обязанностей, такой порядок гарантирует людям права, которых они бы в противном случае не имели. Согласие с этой позицией выразил Борис Борисович: «Здесь понимают так, что свобода равна анархии. В демократических социалистических странах свобода — это неукоснительное соблюдение закона. Я считаю, что к этому и нужно стремиться».

Ясно, что закон ограничивает свободу нарушителей закона, однако он явно не сужает, а может даже расширять свободы, лежащие в основе демократии: в атмосфере Дикого Запада свобода слова и собраний не действует. Таким образом, стремление

¹⁴ Неудивительно, что Лена не упомянула о стремлении защитить экономические свободы. Ради наведения желаемого порядка большинство россиян, по-видимому, относительно готовы отказаться от экономических, но не от политических свобод. См. [Лапкин, Пантин 1997: 8]. Представляется, что общим требованием, лежащим в основе российских взглядов на свободу, является не наличие экономической возможности, а обеспечение материального благосостояния. См. [Шабанова 2000].

большинства россиян к правовому государству вряд ли следует отождествлять с желанием вернуться в прошлое. В сознании Лены, Бориса Борисовича и им подобных свободы находятся в состоянии конфликта: экономическая свобода приводит некоторых людей к такому обнищанию, что они не могут позволить себе покупать необходимые лекарства, а расширение свобод для законопослушных граждан может означать и расширение свободы для тех, кто нарушает законы. Вместо выбора между свободой и автократией эти респонденты видят выбор между различными свободами, которыми граждане не могут обладать в полном объеме одновременно¹⁵. Проявленное ими стремление к порядку отражает их готовность отказаться от одних свобод в пользу возможности обладать другими.

Респонденты, продемонстрировавшие более высокий уровень поддержки демократии, также выражали мнение, что закон закладывает основу порядка и что некоторое ограничение свободы является непременным условием жизни в обществе¹⁶. Как заметил Дима, тот, кто живет один в тайге, может делать все, что хочет, но для тех, кто живет в городе, свобода не может быть неограниченной. Он сказал, что свободу необходимо ограничивать, хотя и утверждал, что свобода является общечеловеческой ценностью. Свою мысль он проиллюстрировал рассказом о «необузданном коммунисте», который, «если бы его арестовали на улице, представьте, и посадили бы в камеру предварительного заключения, то он выступил бы за свободу своей борьбы, точно так же, как это сделал бы демократ». Мы все хотим быть свободными, но если нам будет позволено делать все, что мы захотим, последствия, возможно, будут соответствовать описанию, данному Любой: «на улицах будет беспорядок, везде мошенничество, терроризм, жулики повсюду».

Тот факт, что в условиях жизни в обществе человек не может обладать неограниченными свободами, не означает, что ограни-

¹⁵ В этом отношении они близки к канадцам. См. [Sniderman et al. 1996].

¹⁶ Этот тезис, безусловно, является одним из основных элементов демократической теории. См. [Локк 1988; Руссо 1998; Милль 2000].

чения полностью неподконтрольны гражданину. Это признала Ольга Юрьевна, хотя она не придерживалась ярко выраженных демократических взглядов: «Я уже сказала, что считаю, что демократия предполагает соблюдение законов, которые принимаются депутатами Думы, а они, в свою очередь, избираются народом. Сначала мы выбираем этих людей. Они устанавливают эти законы. Значит, мы должны их строго соблюдать. Я считаю, что нужно жить в обществе, и лучше жить в обществе ясного порядка».

Для многих российских респондентов противоположностью порядка является не свобода, а анархия. Те из них, кто был наиболее встревожен отсутствием порядка, сталкивались с анархией в своей повседневной жизни достаточно часто, чтобы предпочесть любую более упорядоченную альтернативу. Однако перспектива анархии не казалась привлекательной даже россиянам из группы «спокойных». Например, Коля дал следующее пояснение:

Если посмотреть на обе крайности, то, на мой взгляд, меньшее зло — это строгий порядок, потому что все равно большинство сфер поддерживается порядком. Из анархии ничего не выйдет, а анархия — это то, что получается без порядка, особенно в такой большой стране¹⁷.

С этим согласилась одна из самых решительных сторонниц демократии — Наталия. Она сказала: «Мы все хотим жить в порядке, потому что обычным людям легче жить в порядке, — когда известны правила игры, когда знаешь, что от тебя требуется, что ты за это получишь. ... Никто не может жить в разрушенном обществе». Для нее, как и для многих других участников интервью, порядок означал власть, основанную на законе и ограниченную законом.

¹⁷ Сам того не зная, Коля, следует здесь за С. Хантингтоном, который писал: «Главной проблемой является не обеспечение свободы, а утверждение законного политического строя. Порядок может, разумеется, существовать и без свободы, но свобода невозможна без порядка». См. [Хантингтон 2004: 27].

Тот факт, что многие респонденты были готовы ограничить свободу ради социального порядка, не означал, что они были готовы ограничить свободу также и по причинам, менее важным для основ коллективного существования. Например, многие поборники общественного порядка были готовы поддержать свободную прессу, даже при том, что они жаловались на чрезмерное количество сцен насилия на телевидении и на склонность частных СМИ пропагандировать точку зрения своих владельцев. Меньшее количество респондентов было готово ограничить свободу в целях борьбы с коррупцией, даже если бы это принесло большее благосостояние, чем ограничение свободы во имя общественного порядка¹⁸. Раиса, несмотря на свою приверженность идее общественного порядка, по данному вопросу высказалась следующим образом:

Мы до сих пор помним то время, когда не было свободы, когда за любое неверное слово вас могли забрать, объявить ненормальным и поместить в психбольницу. Больше мы этого не хотим. Мы хотим, чтобы была свобода, а проблемы с коррупцией можно решить другим методом, без ограничений свободы.

Такая защита свободы проявлялась даже в высказываниях респондентов из группы «настороженных». Так, Андрей Викторович сказал:

Не думаю, что коррупция и свобода находятся в антагонистических отношениях, что чем больше свободы, тем больше коррупции, и что для снижения коррупции необходимо

¹⁸ Респондентам был задан вопрос, вынуждающий их сделать выбор между индивидуальными свободами, с одной стороны, и борьбой с коррупцией в целях повышения экономического благосостояния — с другой. Логика этого вопроса заключалась в том, чтобы создать ситуацию конкуренции свободы и однозначных ценностей, которые не являются столь же важными для коллективного существования, как «общественный порядок». Экономическое благосостояние и борьба с коррупцией были выбраны потому, что эти ценности вызывают в россиянах живой отклик: все жаждут достижения экономического благосостояния, и многие видят в коррупции препятствие на пути к благосостоянию и существенный фактор, препятствующий наведению порядка в жизни людей. См. [Лапкин, Пантин 1997: 76–77].

урезать свободу. Я считаю, что коррупция ограничивает те свободы, которые были нам провозглашены. Она сводит их на нет. Значит, борьба с коррупцией, вероятно, и есть борьба за нашу свободу.

Проще сформулировала свою мысль Александра Антоновна: «Мы слишком долго жили в условиях несвободы. Я бы не хотела к этому возвращаться».

Респонденты, в большей степени склонные отказаться от свободы, часто полагали, что уровень имеющейся у них свободы и без того крайне низок. Так, Лев допустил, что россияне могут отказаться от свободы ради борьбы с коррупцией, поскольку свободы у них в любом случае нет, а жизнь без коррупции стала бы лучше. Зинаида полагала, что бедность в принципе лишает ее возможности претендовать на свободу.

Мы в принципе несвободны, — жаловалась она. — Работаем от звонка до звонка. Целый день проводим на работе. Видим своих детей, когда усталые возвращаемся домой, а иногда и совсем не видим. Надо приготовить что-нибудь поесть. Все равно нужно думать, как выходить из этой ситуации, когда надо что-то покупать, а денег на жизнь не хватает. А еще мы должны подумать о том, как постирать белье, когда приходится экономить на мыле и стиральном порошке. Вот и оказывается, что свободы у нас практически нет. Как еще по-другому нас могут лишить свободы?

В этой связи показательны результаты опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения: когда людей попросили оценить степень важности различных прав человека, более 90 % опрошенных включили в список важнейших прав «минимальный уровень жизни», в то время как свободу собраний сочли столь же важной лишь 30 % респондентов [ВЦИОМ 2002б: 28]. В ходе опроса жителей города Воронеж выяснилось, что 61 % и 57 % респондентов «поступятся свободой, если получат возможность работать, вовремя получать зарплату (пенсию)» [Романович 2002: 35]. Участники настоящего исследования, которые

были более склонны к ограничению свободы ради экономического процветания, входили в группы граждан, наименее склонных к поддержке демократии или наиболее обеспокоенных социальным беспорядком. Однако, высказывая свою точку зрения, они делали оговорки. Например, Евгений заявил о своем нежелании возвращаться во времена ГУЛАГа.

Таким образом, самые решительные сторонники свободы в России, как правило, находятся в рядах защитников демократии. В моей выборке даже респонденты демократических убеждений из группы «настороженных» проявили готовность к защите свободы от различных видов угроз. При этом россияне, оказавшиеся менее бдительными защитниками свободы, зачастую предпочитают порядок, закон, предсказуемость и социальные гарантии, утраченные с крахом советского режима. Эти предпочтения не обязательно ограничивают — а могут даже расширять — политические свободы, лежащие в основе демократии. Многие из тех, кто мог бы пожертвовать свободой ради других целей, думают, что у них настолько мало свободы, что жертва была бы невелика. Ощущение зарождающегося социального хаоса, присущее таким людям, как Зинаида, подрывает возможность поддержки ими как демократии в целом, так и свободы в частности.

Политические институты порядка

Если некоторые умеренные сторонники демократии в России ставят решение насущных проблем сложной повседневной жизни выше защиты свободы, означает ли это, что они выступают за то, чтобы на смену существующим институтам, вселяющим в них чувство угрозы, пришли институты авторитарной власти? В ходе опросов общественного мнения россияне заявили о своей поддержке «сильной руки» у штурвала власти, однако не в полной мере ясно, что именно они понимали под «сильной рукой». В работе И. М. Клямкина, Е. Петренко и Л. Блехера утверждается: «Россия хочет порядка. Но пока не хочет диктатуры. Даже про-

священной» [Клямкин и др. 1993: 13]. Авторы считают, что лидером, который больше всего соответствует желаниям их респондентов, была бы Маргарет Тэтчер. Участникам этого исследования был задан вопрос, одобряют ли они «сильное» централизованное правление. Кроме того, респонденты должны были объяснить, как они понимают в данном контексте слово «сильное», и оценить, поможет ли такая сильная власть людям или навредит им. В этом разделе использованы ответы участников интервью на эти вопросы.

Содержание ответов варьируется в зависимости от степени поддержки респондентами демократии, а также от степени обеспокоенности социальным беспорядком. Однако в репликах респондентов из всех групп прослеживается один общий лейтмотив: понятие «сильной» власти для многих имеет тот же смысл, что и описанный выше «порядок», а именно функционирование и соблюдение законов. Одна из самых верных сторонниц демократии, Марина Александровна, дала в связи с этим подробный комментарий, охарактеризовав сильную власть как «порядок, не в смысле жесткого порядка или чего-то подобного, но правопорядок, определенный порядок установлений, в соответствии с которыми живут люди». Поясняя свою мысль, она сказала:

Я знаю, что могу выйти из дома и там будет порядок. Поэтому я уважаю закон. Поэтому я подаю декларацию и честно плачу налоги. Но в каких-то случаях государство должно меня защищать. ... Власть должна быть сильной, потому что это власть, но, конечно, в разумных пределах, не под ружьем или автоматом. Иначе будут процветать анархия и воровство, вот и все. ... Сейчас говорят, что раньше у нас был порядок, потому что мы боялись: потому что рядовой коммунист боялся *райкома*, секретарь *райкома* боялся *обкома*, а *обком* боялся ЦК. Это не порядок... Должна быть разумная, сильная власть, чтобы органы правопорядка могли быть органами правопорядка. Чтобы я знала, что я могу подойти к милиционеру и он меня защитит. Что я могу пожаловаться на какую-то проблему и получить помощь, а не кулаком в нос.

Юрий согласился с этим и добавил, что «если люди уворачиваются от законов, вертятся, кто как может, и никто не может защитить свои права, то это значит, что власть слаба».

Хотя люди, которые не были такими решительными сторонниками демократии, как Марина Александровна и Юрий, также говорили о важности закона, они придавали понятию *сильной* власти другие, более авторитарные оттенки значения. Так, Анна Павловна описала сильную государственную власть как состояние, когда «руководитель сказал так, и значит, так и будет». В глазах Татьяны Михайловны сильная власть выглядела как «такой командир, который как прикажет, все честь отдают». В качестве примера сильного государства Зинаида назвала СССР сталинского периода, когда люди боялись и чувствовали, что должны отвечать перед страной. По сравнению с демократически настроенными участниками интервью, респонденты менее демократических взглядов чаще говорили о российских традициях концентрации власти, о страхе и уважении к власти, а также о необходимости централизованной власти для сохранения российской «империи». Полина сказала: «Вы знаете, в настоящий момент я бы даже хотела, чтобы у власти была какая-нибудь криминальная структура, чтобы люди ее боялись. Я бы даже Сталина сейчас предпочла, только без ГУЛАГа, конечно. То есть “сильную руку”, потому что все слишком распущено, начиная с криминального элемента и заканчивая даже руководителями, которые не руководят». По ее мнению, ставки были высоки, и сильная централизованная власть казалась ей способом обеспечить людям более благополучную жизнь. «Безвластие — это хаос, — добавила она. — А хаос в стране — это преступность. Преступность — это не жизнь, ни для себя, ни для семьи, ни для будущего». Другие респонденты из группы людей с умеренными демократическими взглядами, как и Полина, называли образцами сильной власти Сталина и царей; Григорий превозносил Пиночета.

Участники интервью, наиболее склонные к заявлениям о желательности авторитарной власти, проявляли как более ограниченную поддержку демократии, так и более сильное ощущение социального беспорядка. Влияние обеих этих ориентаций можно

увидеть, сравнив респондентов этой группы с теми, кто придерживается более демократических взглядов, и с теми, кто более спокойно относится к состоянию общества. Люди, также продемонстрировавшие низкий уровень поддержки демократии, но отличавшиеся тем, что их в меньшей степени беспокоило ощущение надвигающегося социального хаоса, намекали на свои авторитарские предпочтения, однако реже и менее очевидно. Например, Сергей понимал сильную власть как «мощь», а Надя отождествляла силу власти с военной силой. При этом Руслан указывал на необходимость ограничить власть президента, а Кларе просто нужны были лидеры, которым она могла бы доверять.

Практически никто из респондентов с более высоким уровнем поддержки демократии не определял сильную власть как авторитарию, хотя иногда и такие респонденты указывали на российские традиции централизованного и экспансионистского правления. Те немногие демократы, которые все же представляли сильную власть как авторитарный режим, ясно давали понять, что они не поддерживают такой тип власти. Так, Андрей Викторович дал следующий комментарий: «Не совсем ясно, что означает слово “сильная”. Конечно, мы хотели бы, чтобы государственная власть была сильной, чтобы она отстаивала наши права, защищала их. Но если она такая “сильная”, что будет, наоборот, подавлять нас, этого бы мы не хотели». С тем, что сильная власть, возможно, россиянам не нужна, согласилась Наталья. Она сказала:

Ой, мы все время жили под сильной центральной властью, но это нам не очень помогло. Нам нужна не просто центральная власть, а власть, основанная на совокупности действующих законов, и система, в которой законы исполняются, а не трактуются в интересах узкого круга людей. Наверное, если бы у нас была такая система, тогда в сильной власти не было бы необходимости.

Тем не менее Наталья считала, что федеральная власть необходима для того, чтобы противостоять амбициям чиновников местного уровня, которые ведут себя как диктаторы.

При этом большинство респондентов наиболее демократических взглядов действительно поддерживали сильную государственную власть, однако они эксплицитно указывали на то, что сильная власть в их понимании не тождественна автократии. Так, Надежда сказала:

При наших анархических традициях и такой огромной территории невозможно управлять государством без сильной власти. Другое дело, как понимать, что такое «сильная». Эта сила — не сила армии. Не сила, которая действует насильем. Как говорили Маркс и Энгельс, власть авторитета и авторитет власти. Это должна быть сила авторитета, сила духа, сила морали, сила закона, а не сила танков или сила бюрократов. Это как раз слабость. Это тоталитаризм, который я не поддерживаю. Для меня сильная власть — это власть, которая может работать и которая эффективна.

Аналогичные мнения выражали даже демократически настроенные респонденты, в большей степени обеспокоенные социальными беспорядками. Так, Алла высказалась следующим образом:

Сильная — значит эффективная, способная регулировать социальные процессы без насилия, без кровопролития, без угнетения, но удерживая бразды правления в своих руках. ... Не авторитарная, не тоталитарная. Она должна полагаться на информацию, реальную информацию ... на информацию и гибкость, а не на угрозы и взяточничество. ... Ой, извините, я должна добавить ... Центральная власть должна прекратить творить беззаконие.

Как более демократически настроенные, так и менее демократически настроенные респонденты были в целом согласны друг с другом в том, что сильная власть будет защищать людей, гарантировать соблюдение их прав и безопасность жизни, обеспечивать процветание страны и завоевывать доверие населения. При этом россияне, казалось, практически не осознавали опасности того вреда, который способна нанести людям сильная централизованная власть, чему, зная российскую историю, можно лишь

удивляться. Об исключениях, таких как Андрей Викторович и Наталья, было сказано выше. Впрочем, Геннадий признавал, что сильная власть, которую он понимал как способность руководства принимать по своему желанию любые решения, может одновременно приносить пользу одним людям и наносить вред другим. Он дал следующий комментарий:

Сильная власть, действующая в общих интересах, может причинить вред какой-то части населения. Что ж, возьмем классический пример. В эпоху Сталина одна часть населения сидела в тюрьмах, в ГУЛАГе, а другая часть гуляла на свободе, радовалась жизни и ела красную икру, а продуктов в магазинах было в изобилии.

Тем не менее большинство респондентов были уверены, что сильная власть защитит их и обеспечит им счастье. Несомненно, такая убежденность отчасти является результатом несколько нестрогого употребления эпитета «сильная» для описания власти того типа, который соответствовал их предпочтениям. Подобные настроения могут также проистекать из конкретных условий жизни в России в начале XXI века. Показательно пояснение, которое дал Толя:

Что такое слабая власть? Это безвластие. Это отсутствие власти. А власть — это способность государства управлять делами, то есть контролировать те общественные отношения, которые регулируются нормами права или привязаны к институтам государственной власти. Слабая власть не может их контролировать. А кто же тогда возьмет их под контроль? Преступники, олигархи, бизнесмены — те, кому это выгодно.

Иными словами, как отметил Дима, там, где механизмы народного контроля над источниками власти пока развиты недостаточно, лучше сосредоточить власть в руках центрального правительства, чем позволить сильным мира сего взять верх над всеми остальными.

Для респондентов, не являющихся решительными сторонниками демократии и обеспокоенных, как им казалось, хаосом

окружающего мира, сильное государство было тем средством, которое могло предотвратить наступление апокалипсиса. Как заметил Евгений, от «нашей русской безалаберности, сами понимаете, нужна крепкая рука». Однако это был далеко не единственный смысл, который респонденты вкладывали в понятие желаемого ими сильного государства. Многие из их толкований этого понятия полностью соответствовали демократическому правлению, основанному на законе и отвечающему потребностям граждан. Такие интерпретации были особенно характерны для граждан демократических взглядов, даже для тех из них, кто был обеспокоен беспорядком в своей жизни. Склонность россиян к «порядку» и «силе» государства, по-видимому, не является обусловленным культурой предпочтением автократии, но, возможно, частично отражает культурно обусловленную тенденцию толковать эти слова более широко, чем того опасаются некоторые исследователи.

Американцы о порядке

Говоря лишь о взглядах россиян, возникает соблазн сделать вывод, что в их стремлении к порядку есть что-то особенное. Для получения более объемной картины полезно выяснить, что говорят о порядке, свободе и сильном государстве американцы. Также полезно прислушаться к их мнениям по той причине, что они живут в ином, во многих отношениях более упорядоченном мире, чем тот, в котором живут русские. Американцы рубежа XXI века не переживали краха режима и экономических потрясений. Большинство этих людей имеет работу и уверены в своем будущем, и, несмотря на свое недовольство деятельностью государственных чиновников, не представляют положение дел так, будто их страна находится во власти бандитов и организованной преступности. Таким образом, поскольку в своей жизни американцы взаимодействуют с менее беспорядочной социальной средой, чем та, с которой имеют дело россияне, можно предположить, что и отношение к ценностям общественного порядка у американцев будет не таким, как у россиян.

По сравнению с россиянами американские респонденты в своих комментариях выражали значительно меньшую озабоченность социальными беспорядками. В частности, американцев гораздо меньше беспокоили экономические потрясения. Например, у Харриет, пенсионерки с восьмилетним школьным образованием и опытом неквалифицированного труда (россияне с таким социальным профилем имеют весьма мрачные перспективы в плане материального положения), не было особых экономических проблем: она заявила, что абсолютно ни о чем не беспокоится. По поводу своего материального положения она сказала: «Сейчас оно вроде как плохое. Мне оно точно выгод не приносит, но и страданий тоже; всё спокойно. Меня это не сильно волнует. Я не работаю, мой муж тоже на пенсии». Другие респонденты указывали на некоторые экономические трудности, однако считали их, несомненно, временными и вряд ли вызывающими серьезное беспокойство. Отметив, что фондовый рынок и доверие потребителей в целом упали, а безработица достигла самого высокого уровня за шесть лет, Билл сказал:

Я думаю, мы выйдем из этого. Полагаю, мы потихоньку из этой ситуации выйдем. И я очень верю в это. Знаете, у меня есть вложения на фондовом рынке и я знаю, что все будет хорошо. В конце концов, будет хорошо. Да, у нас самая большая экономика в мире. И если вы не верите в нашу экономику, значит, вы ни в какую экономику не верите.

Американские респонденты, опрошенные в составе группы, также были удовлетворены своей местной полицией и борьбой с преступностью в большей степени, чем россияне, хотя такое сравнение, вероятно, непоказательно ввиду большего разнообразия американского населения в целом.

Как-то не слышно, чтобы там, где мы живем, было много преступлений, — заметил Фред. — Я имею в виду всякое такое. Так что думаю, что раз мы не читаем об этом в газетах, у нас не так много грабежей, убийств, перестрелок или чего-то подобного. Полагаю, полиция работает хорошо.

Американские респонденты также не обвиняли своих политических лидеров в коррупции и вопиющей некомпетентности. Даже после терактов 11 сентября 2001 года только Лео выражал озабоченность по поводу терроризма, но и он видел в этом скорее проблему, с которой столкнутся его внуки. В любом случае он считал терроризм вопросом, решение которого американцам по плечу. «Черт возьми, все понимают, что мы умеем делать, когда мы отправляем людей на Луну, — сказал он. — И вы знаете, что эта страна — величайшая страна на земле, и мы можем сделать все, что захотим».

На основе измерений, проведенных по методике, аналогичной той, которая использовалась в отношении российских участников интервью, американские респонденты были разделены на группы в соответствии с уровнем их обеспокоенности беспорядком в окружающем обществе¹⁹. Сопоставление результатов еще раз наглядно демонстрирует, насколько менее обеспокоенными беспорядком оказались американцы. В российской выборке 62 % респондентов считали окружающий их мир неупорядоченным в умеренной или высокой степени. В американской выборке обеспокоенность отсутствием порядка в окружающей жизни выразили только 29 % опрошенных, и то лишь в умеренной степени. При этом даже такие «настороженные» американцы выражали свои тревоги и опасения не так явно, как это делали россияне.

Говоря о ситуации в экономике, Виктория дала следующий комментарий: «Я думаю, что люди пребывают в заблуждении. Серьезно. Большинство просто едва сводит концы с концами. Богатые становятся еще богаче; бедные становятся еще беднее». Однако приведенная реплика была единственным замечанием такого рода: типичных для россиян жалоб на то, что экономику «разграбили и разворовали» или оставили в состоянии «хаоса и беспорядка», в высказываниях американских респондентов не зафиксировано. «Настороженные» американцы чаще, чем их «спокойные» сограждане, говорили о преступности и неэффе-

¹⁹ Информация об измерении, применявшемся в отношении американских респондентов, приведена в приложении В.

тивности полиции, но их жалобы по большей части носили личный характер, а иногда были относительно несущественными. Так, Адам жаловался на уровень преступности в городах, машину Дэниела повредил пьяный водитель, которого полиция не смогла задержать, а Кейт волновалась только о том, что полиция делает недостаточно для правильной регулировки светофоров. Рика беспокоили методы работы полиции, хотя он не желал осуждать полицию в целом. Он сказал: «Я провожу различие между людьми, которые работают в полиции и которые в основном хорошие люди, и тем, что методы работы полиции стали намного более агрессивными и намного более пугающими». Сэм поведал свою страшную историю о жестоком обращении со стороны сотрудника дорожной полиции, но в тот раз все закончилось лишь штрафом, и Сэм не делал глобальных обобщений на основе этого случая.

Американские респонденты не обнаружили различий в поддержке демократии, достаточных для установления связи между степенью поддержки ими демократии и уровнем ощущения социального беспорядка. Кроме того, «настороженные» американцы не продемонстрировали существенных отличий от «спокойных» американцев ни в своем понимании демократии, ни в своих предпочтениях в отношении упорядоченного общества и сильного государства: как и большинство российских участников интервью, столкнувшись с вынужденным выбором между свободой и порядком, американские респонденты в большинстве случаев выбирали порядок²⁰. Опрошенные часто делали оговорки в том смысле, что они не хотят тирании и личные свободы необходимы. При этом американские респонденты, так же как и россияне, не были склонны полагать, что личные свободы могут быть неограниченными. Например, Фред сказал:

²⁰ В американской выборке 75% опрошенных выбрали порядок, 8% — свободу и 1% — нечто среднее. Таким образом, в ситуации вынужденного выбора за порядок выступил более высокий процент американцев, нежели россиян. Вопрос для американских респондентов был сформулирован следующим образом: «Что лучше: жить в упорядоченном обществе или дать людям столько свободы, чтобы они могли подорвать общественный порядок?»

Хотя я думаю, что людям нужна свобода, но все-таки должно быть организованное общество. Иначе люди просто пойдут напролом. Должен быть какой-то порядок, даже если он не такой, как вы хотите. Например, некоторые думают, что им нужно ездить быстрее. Но если бы они так и делали, то у нас может быть, были бы люди, которые все время ездили бы со скоростью сто миль в час. Тогда будут гибнуть люди. Так что должен быть какой-то порядок, даже если иногда он нам может не нравиться.

С этой позицией солидаризировался Лео:

Мы — общественные создания и живем в таком обществе, где должны быть законы, которым люди должны подчиняться. Анархия — это невозможное дело. Если у людей так много свободы, что они могут все время полностью дезорганизовывать общество, рано или поздно случится срыв и тогда маятник может качнуться в другую сторону. У вас будет не то что вся свобода, которую вы хотите или которая вам нужна, а в конце концов вообще никакой свободы не будет.

По мнению Сэма, без порядка «мы все просто стадо животных». Очевидно, что, как и русские, американцы готовы ограничить одни свободы во имя возможности пользоваться другими. Когда американцы говорят, что поддерживают «порядок», они, как и русские, представляют себе полицейского на углу, а не диктатуру страха.

Результаты опросов общественного мнения показывают, что многие американцы готовы изъять из школьных библиотек книги, содержащие опасные идеи, ограничить права непопулярных меньшинств и пожертвовать правами обвиняемых ради борьбы с преступностью [Prothro, Grigg 1960; Reisinger et al. 1997]. В Канаде граждане склонны ставить вопросы обеспечения безопасности и порядка выше, чем проблемы свободы слова, а представители элит, по крайней мере не менее чем обычные люди, склонны поддерживать ограничение свобод [Sniderman et al. 1996: 39–41]. Американские респонденты, участвовавшие в этом ис-

следовании, проявили аналогичные качества. Выступая в защиту свободы, они в большинстве случаев неохотно предоставили непопулярным меньшинствам право высказать свое мнение, причем многие были также весьма нетерпимы к демонстрациям, подрывающим общественный порядок. Так, Билл сказал: «Демонстрации должны быть разрешены, но не за счет свобод других людей». Фред объяснил свой ответ следующим образом: «Я говорю “нет”, потому что это не имеет отношения к большинству людей и к тому, что предписывают наши законы. ... Это противоречит законам той власти, за которую мы голосовали».

В своем исследовании на материале проведенных интервью политолог Р. Лейн отметил: «Демократия как популярная концепция основана на свободе недевиантного индивида делать то, что большинство считает правильным» [Lane 1962: 83]. По-видимому, в понимании большинства обычных американцев, как и в понимании россиян, борьба за демократию ведется не на маргинальных позициях, путем распространения прав на те самые группы, которые могут угрожать демократии, или предоставления такой свободы, которая подвергает испытанию устои общества: в гораздо большей степени обе группы респондентов были озабочены тем, чтобы не были ограничены свободы обычных, законопослушных граждан, чтобы граждане могли жить в мире и заниматься своими делами, не препятствуя другим. В случае конфликта свобод между собой некоторыми из них люди могут пожертвовать. Как и российские участники интервью, американские респонденты обычно не ассоциировали «сильное» государство с тиранией. Американцы полагали, что сила государства заключается в представительстве, в эффективной заботе о благе страны, в этическом лидерстве, честности и демократии. Так, Эрнест определил сильное государство как такое, которое «может эффективно выполнять свои задачи: имеет ресурсы, необходимые для достижения поставленных целей, пользуется доверием людей — эффективно выполняет свою работу». Следовательно, американские респонденты не были склонны думать, что сильная государственная власть нанесет им вред: скорее, они полагали, что сильная власть в том виде, в каком они ее описывали, даст людям больше прав.

Даже Лео, который считал себя склонным к поддержке традиционных ценностей в духе позиции республиканской партии, был обеспокоен действиями властей в Уэйко и Руби-Ридж²¹ и сказал, что «иметь слишком большую свободу — это все равно что иметь слишком быструю машину или слишком красивую девушку: такого не бывает», также полагал, что сильная государственная власть в основном полезна людям. Он сказал:

Даже несмотря на то, что мы очень часто не согласны с тем, что делает Конгресс, и все такое, нам все равно нужна сильная центральная власть. Вспомним, что цель федеральной власти — делать для людей то, что они не могут сделать сами. Поэтому если у нас есть хорошая, сильная власть, которая делает то, что должна делать: обеспечивает национальную оборону, способствует общему благосостоянию и так далее, и тому подобное, — то она будет делать что-то нам на пользу.

Таким образом, американские участники интервью в целом не обнаруживают значительных отличий от российских респондентов. Несмотря на то что американцы не испытали на себе хаоти-

²¹ События в Уэйко — длившаяся с 28 февраля по 19 апреля 1993 года осада принадлежавшего членам религиозной секты «Ветвь Давидова» ранчо Маунт Кармел близ г. Уэйко (штат Техас). Жители Маунт Кармел были заподозрены в нарушении оружейного законодательства. Облава правительственных сил на ранчо не увенчалась успехом, после чего ФБР инициировало осаду, которая закончилась штурмом с применением бронетехники и вертолетов. Во время событий погибло 82 члена секты, в том числе более 20 детей, а также 4 федеральных служащих.

Руби-Ридж — местность в северной части штата Айдахо, где в 1992 году произошел инцидент с применением огнестрельного оружия, в котором участвовали Рэнди Уивер и члены его семьи, друг семьи Кевин Харрис, а также сотрудники ФБР и Службы маршалов США. В результате инцидента погибли федеральный маршал США Билл Деган, жена Уивера и его 14-летний сын.

События в Уэйко и Руби-Ридж, в ходе которых были задействованы одни и те же правоохранительные структуры, вызвали ряд общественных протестов и привели к активизации в США милитаризованных радикальных группировок — так называемого «Движения ополчения США». — *Примеч. пер.*

ческих изменений, которым подверглась Россия, они предпочитают порядок неограниченной свободе и выступают за сильное государство, которое, по их мнению, не нанесет им вреда. Сопоставление взглядов россиян с мировоззрением американцев свидетельствует о том, что озабоченность идеей социального порядка, характерная для российских респондентов, является, по-видимому, не уникальным культурным продуктом, а отражением опыта жизни в сообществе с другими людьми.

Заключение

В некоторых описаниях постсоветского «порядка» представлена картина жизни на грани анархии, где «черные дыры» беззакония угрожают подрывом развивающихся рынков и разрушением неустойчивой демократии [Sergeyev 2001]. Однако в этой главе показано, что обычные россияне различаются по уровню ощущения беспорядка, которым охвачена их страна, и этому различию в значительной степени соответствуют различия в поддержке ими демократии. Российские респонденты, считавшие, что они живут в крайне неупорядоченном мире, были в большей степени, чем другие, готовы пожертвовать демократическими процедурами и свободами, с тем чтобы обеспечить людей всем необходимым, упорядочить разработку политики и гарантировать неотвратимость наказания виновных. Одна из женщин, участвовавших в интервью в составе коллектива, дала особенно точное описание ощущения надвигающегося конца света. Она сказала: «Мы, простые люди, иногда думаем, что к нам специально посылают шпионов. Своими заклинаниями они добиваются, чтобы мы встали на колени, и буквально поработают нас, превращают в зомби».

Совершенно очевидно, что людям, которые видят мир в таком апокалиптическом свете, демократические методы не кажутся лучшей защитой от нарастающего беспорядка: обсуждение решений занимает слишком много времени, а разделение власти затрудняет отслеживание ответственности и поиск виновных.

Соответственно, Зинаида раскритиковала демократию следующим образом:

Ну, если учесть, что чиновники поливают друг друга грязью и роются в том, что их не касается, не отчитываются перед нами о своей работе, придираются к каким-то недостаткам в работе своих оппонентов — тогда, конечно, у нас демократия. И то, что они все равно не могут прийти к единому мнению, а это отрицательно сказывается на нас — это тоже демократия.

Зинаиде больше нравилась система, в которой президент напрямую поручает государственным чиновникам решение конкретных задач и в случае невыполнения поручений привлекает чиновников к ответственности, даже если для создания такой системы следовало бы урезать свободы всех граждан. Для таких людей, как Зинаида, понятие свободы ограничивается свободой потерять работу, утратить возможность обеспечивать семью и жить в постоянном страхе стать жертвой преступления, и с этой свободой они расстались бы без сожаления.

При этом россияне, менее обеспокоенные социальными беспорядками, более последовательны в своей поддержке демократии, менее склонны жертвовать свободой ради достижения других социальных целей и чаще дают «сильному» государству истолкование, предполагающее наличие демократических институтов. Имеющееся у таких людей ощущение социальной предсказуемости, очевидно, снижает уровень связанных с демократией опасений, а более развитое понимание демократии позволяет им находить порядок в условиях видимого беспорядка. Например, Андрей Викторович, человек твердых демократических убеждений, хотя и проявивший умеренное чувство социального беспорядка, сказал о центральной власти:

Эта власть — не власть народа, а власть узкой группы людей, которые не знаю кем были выбраны и которые пытаются таким образом решать свои личные проблемы. Некоторые из этих проблем они решают при помощи автоматов Калашникова и заказных убийств, а некоторые — через государственные структуры. Так, конечно, лучше.

Иными словами, по мнению самых решительных сторонников демократии, она обеспечивает механизм, позволяющий справиться с беспорядком в обществе, при условии, что люди пожелают использовать этот механизм. Стремление этих россиян к порядку и демократии основано на таком истолковании порядка, которое мало похоже на его интерпретацию в духе режимов прошлого, но имеет много общего с пониманием порядка в духе западных демократий.

Хотя российские участники интервью испытывали большее, чем американские респонденты, беспокойство по поводу окружающих условий повседневной жизни, и те, и другие предпочли социальный порядок такой свободе, которая могла бы подорвать устои общества, и обе группы опрошенных выступили за сильное государство. При этом многие понимали «порядок» как соблюдение законов, а «сильную» власть — как власть, которая помогает людям добиваться тех целей, которых они не могут добиться как индивиды. Представляется, что в сравнении с американцами россияне не проявляют особо ярко выраженной культурно обусловленной приверженности порядку, хотя их жизнь протекает в значительно более беспорядочных условиях. В частности, у россиян демократических взглядов практически не наблюдается проявлений «страха перед свободой», который побудил бы этих людей последовать за харизматическим лидером, отказавшись от идеалов демократии. У респондентов, ориентированных на подчинение приказам вождя, страх свободы выражен в меньшей степени, чем ощущение наличия настолько малой степени свободы, что ее утратой можно было бы пренебречь.

Тем не менее цели россиян демократических убеждений практически не отличаются от целей тех, кто придерживается более авторитарной интерпретации «порядка», и их устремления были бы, вероятно, поддержаны также американцами. Российские граждане выражали пожелания, чтобы правительство более чутко реагировало на нужды людей и чтобы были созданы социальные условия, при которых самой жизни людей не угрожала бы опасность, однако демократы полагали, что этого можно добиться с помощью демократических институтов, а по мнению

остальных, достижению этих целей способствовали бы страх и усиление ответственности за последствия предпринимаемых действий. Представители обеих групп желали снижения уровня преступности и коррупции в России: одна группа — посредством открытости и верховенства закона, а другая — за счет ограничения индивидуальных свобод.

Распространенное среди российских респондентов ощущение социального беспорядка крайне специфично. Беспорядок — результат закрытия предприятий и банкротства банков, владельцы которых скрываются вместе со сбережениями вкладчиков. Результат настолько низкого уровня оплаты труда, что на заработанную сумму невозможно содержать семью. Результат предоставления «гарантированных» пособий, получение которых связано с непреодолимыми трудностями, и появления значительного числа людей, не ограниченных законом или социальной ответственностью. В некотором смысле этот факт является обнадеживающим для тех, кто хотел бы, чтобы в России процветала демократия: при улучшении условий повседневной жизни один из источников враждебности к демократии должен исчезнуть. В России появился магазин строительных товаров под названием «Перестройка». Тот факт, что «перестройка» теперь, по-видимому, связана больше с ремонтом квартир советских времен, чем с изменением советских институтов, может показаться умалением высоких целей М. С. Горбачева. С другой стороны, вероятно, вся политика в России является локальной, по-настоящему привязанной к местному уровню. Как только в повседневной жизни — на кухнях и в санузлах — будет наведен порядок, возможно, демократия станет более привлекательной для всех граждан России.

Глава седьмая

Взгляды на изменения: чем больше все меняется, тем более неизменным все остается

После краха коммунизма и распада Советского Союза многое изменилось. Коммунистическая партия утратила монополию на власть. Вместо одной страны появилось 15 независимых государств. В России авторы радикальных экономических реформ получили в свои руки рычаги, с помощью которых могли демонтировать административно-командную экономику и начать переход к рынку. Условия изменились не только на уровне системы, но и для самих людей. Если прежде россияне были подданными режима, который утверждал, что заинтересован в их благополучии, но полагал неразумным предоставлять им возможность выбора из нескольких кандидатов, то теперь буквально в одночасье они стали гражданами, наделенными правом выбирать тех, кто будет ими править [Colton 2000]. Однако подданные, чтобы стать настоящими гражданами, должны на определенном этапе осознать, что политические институты и отношения людей с этими институтами изменились.

В этой главе я рассматриваю отношение россиян к изменениям, которые произошли в их жизни после крушения коммунистического режима. Прежде всего меня интересует, в какой степени россияне осознают, что политические институты, основанные на волеизъявлении народа, даже если они несовершенно,

отличаются от институтов, которые существовали в Советском Союзе. Кроме того, я хочу понять, в какой степени российские респонденты чувствуют себя более свободными по сравнению с временами правления коммунистов и наделенными возможностями выбирать тех, кто будет ими руководить. Как свидетельствуют проведенные интервью, многие простые россияне не считают, что в политической жизни страны произошли значительные изменения. Те из них, кто не видит особых изменений в институтах, остаются пассивными и апатичными, не способными действовать как граждане, поскольку по-прежнему ощущают себя подданными.

Предоставив респондентам возможность описать политическую ситуацию в стране своими словами, мы можем понять, как революционные изменения отражаются в массовом сознании и постепенно нивелируются. Поскольку американцы в последнее время не сталкивались с такого рода политическими изменениями, как те, что происходили в России, в этой главе лишь изредка приводятся высказывания американских респондентов.

Изменения в России

Существуют различные, взаимоисключающие оценки глубины изменений, произошедших в России после краха коммунизма. Согласно одной из них, это были, по сути, революционные изменения — быстрая, коренная трансформация политического строя, от которой население не успело опомниться. Изменились не только институты, но и базовые принципы, определявшие всю политику государства [Фукуяма 2010]. При советской власти многие простые россияне воспринимали государство как опасную и агрессивную силу, с которой лучше не сталкиваться и которую невозможно контролировать. Однако конец коммунистической эпохи предполагал трансформацию хищнического государства в систему, которая должна реагировать на требования людей и уважительно относиться к индивидуальной свободе. Это было нечто большее, чем просто «реформа» коммунистической

системы. В. М. Сергеев и Н. И. Бирюков назвали перестройку «революцией в иерархии ценностей» и описывали гласность как великий просветительский проект, направленный на изменение политической культуры страны [Sergeyev, Biryukov 1993: 13]. При этом изменения в те первые годы не идут ни в какое сравнение с тем, что происходило позднее. В конце своего существования, как и в ходе других революций, советское государство утратило свою эффективность, среди элит и населения в целом произошли разделение и отчуждение, а всеобщее недовольство стало основой для мобилизации масс [Goldstone 1998; Mau, Starodubrovskaya 2001; Goodwin 2001].

Когда происходят революционные изменения, простые люди, по идее, должны их заметить. Поэтому появилось значительное число исследований, в которых анализируется то, как россияне справляются с трудностями, вызванными радикальными изменениями в стране. Дж. Александер писал: «Тектонические сдвиги, вызванные российскими реформами, происходят в России на всех уровнях, и общество переворачивается с ног на голову в безоглядном стремлении к перестройке политических и экономических институтов» [Alexander 2000: 105].

По его мнению, обычные россияне были настолько дезориентированы происходящими переменами и не готовы понять эти перемены, что их убеждения и ценности приобрели чрезвычайно непоследовательный, разрозненный и противоречивый характер и стали, как он выразился, «бесформенными». Ему вторит Ф. Марковиц, который утверждает: «[взрослые россияне] ощущали влияние этих изменений как личный болезненный разрыв между прошлым и настоящим, стабильностью и беспорядком, уверенностью в завтрашнем дне и неопределенностью, как крушение привычного порядка вещей» [Markowitz 2000: 217].

Однако далеко не все наблюдатели согласны с тем, что в конце XX века в России произошла революция. Можно по-разному называть события непосредственно до и сразу после краха коммунистического режима, но они не привели к полному и окончательному разрушению старой системы, что было характерно для русской революции в начале прошлого века. Кроме того, *процесс*

крушения коммунистического строя значительно отличался от того, что происходило в ходе прежних революций. Этот процесс был по большей части ненасильственным. Хотя он и сопровождался большими народными демонстрациями, забастовками и националистическими выступлениями, эти акты массового неповиновения представляли для коммунистического режима меньшую угрозу, чем переговоры с новыми лидерами. Советские политические институты не подверглись немедленному уничтожению, так как они могли работать по-другому, освободившись от контроля Коммунистической партии [McAuley 1997: 3].

Итоги крушения коммунизма отнюдь не представляются революционными, особенно в политической сфере. Элементы авторитаризма постепенно вернулись в политику как на уровне гиперпрезидентского государства, так и на уровне местных чиновников, которые действовали практически так же, как в те времена, когда они были партийными боссами [Reddaway, Glin-ski 2001; Fish 2001; Гулиев 1993: 7]. Например, в Москве во времена Ю. М. Лужкова оппозиционные группы сталкивались с прямым преследованием, средства массовой информации находились под контролем мэрии, а в период с 1993 по 1998 годы покорная городская дума принимала все ключевые законы, предложенные мэром, в том числе новый устав города, наделявший мэра огромными полномочиями [Alexander et al. 2001]. Всепроникающая коррупция, свидетельствующая о слабости закона, очевидно имеет больше общего с коммунистическим прошлым, нежели с обещанным демократическим будущим. Как говорилось в одном анекдоте, новый режим отличался от старого тем, что «демократы отобрали у коммунистов все привилегии и взяли себе» [Борев 1995: 231].

При таком менее революционном взгляде на изменения, произошедшие после краха коммунистической идеологии в России, представляется менее очевидным, что граждане страны воспринимали смену политического строя как «личный болезненный разрыв между прошлым и настоящим». В сущности, не изменилось главное — взаимоотношения людей с государством. В годы после крушения коммунизма посреднические институты, такие

как гражданское общество и политические партии, не смогли эффективно выразить требования граждан на уровнях, где принимались решения [Weigle 2000; Howard 2003]. Действительно, жители бывших советских республик сетовали, что при коммунистах, по крайней мере, вовремя платили зарплату, коммунальные службы работали и простые люди знали, кому жаловаться. В новом посткоммунистическом мире их никто не слушал [Ashwin 1995]. Как говорилось в другом анекдоте: «Раньше бюрократия затыкала нам рот, теперь затыкает себе уши» [Борев 1995: 222]. В таких условиях неудивительно, что граждане чувствовали «апатию, порожденную безнадежностью» [McDaniel 1996: 5]. Неудивительно и то, что, согласно опросам, российские граждане ощущали определенную ностальгию по прошлому, по-прежнему опасались произвола властей и не испытывали энтузиазма в отношении новых политических институтов [Vainshstein 1994; Levada et al. 2002: 20; White et al. 1997].

Революционные изменения?

Столь разные оценки глубины изменений в посткоммунистической России — и, соответственно, степени их революционности — отчасти определяются масштабом изменений, производимых революциями. Некоторые теории, описывающие революционные преобразования, в качестве основного итога революции называют коренную трансформацию режима. Вспомним, как Карл Маркс описывал коммунизм, общественный строй, к которому в конечном счете должна привести пролетарская революция:

...он [коммунизм] есть *действительное* разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он — решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение [Маркс 2010].

Впрочем, апокалиптическое видение Маркса давно вышло из моды.

Другие теории революций предполагают менее радикальные изменения. Например, К. Бринтон заметил, что революции, как правило, приводят к устранению наиболее явных злоупотреблений прежнего режима и установлению более централизованной власти, но в остальном они больше оставляют, чем уничтожают. Самые радикальные этапы любой революции обычно сменяются возвращением к нормальному состоянию, происходит так называемая «термидорианская реакция», когда даже то, что претерпело кардинальные изменения, возвращается в прежнее состояние. При изменении реальных вещей в жизни общества, замечает Бринтон,

эти осязаемые и важные результаты представляются мало-значимыми, если мерой их оценки служит достижение братства людей и установление справедливости на земле. Кровь мучеников и жертв вряд ли необходима для внедрения десятичной монетной системы [Brinton 1965: 259].

Ш. Эйзенштадт также указывал на то, что даже в странах, где происходят радикальные революционные изменения в одних сферах, в других сохраняется определенная преемственность. Например, в России после 1917 года сменились символы легитимации и институциональные системы, однако в значительной степени сохранились культурные коды, отношения центра и периферии, модели социальной стратификации и тенденции к политической централизации [Eisenstadt 1978: 234].

Т. Скочпол, одна из наиболее влиятельных фигур в современных исследованиях революций, отмечала, что постреволюционные режимы не начинают строительство новой жизни с чистого листа. Достижения революции ограничиваются необходимостью консолидировать государственную власть и унаследованными от прошлого условиями, включая внутренние и международные проблемы, которые решал прежний режим, а также административными и институциональными изъянами, которые затрудняли решение этих проблем прежними властями [Скочпол 2017].

Другие ученые, продолжая эту мысль, пытались показать, насколько результаты революций в странах третьего мира зависели от структурных ограничений и других факторов, значение которых Скочпол недооценивала, таких как идеология или способности революционных лидеров [Eckstein 1982; Farhi 1990; Foran, Goodwin 1993]. Хотя среди исследователей нет единого мнения о *причинах* несоответствия результатов революций первоначальным намерениям, все согласны с тем, что реальные перемены редко совпадают с ожидаемыми изменениями.

Практики так же, как и теоретики, отмечают, что революции приносят меньше перемен, чем их творцы намеревались осуществить. Ж. Желев, первый демократически избранный президент Болгарии, заметил:

Революции, даже бархатные, редко оправдывают возлагаемые на них надежды. Постепенно наступают разочарование и пессимизм. Именно тогда мы понимаем, что старый режим, чей конец мы поторопились провозгласить, все еще вполне живой. Вслед за эйфорией от того, что все изменилось, приходит тревожное подозрение, что ничего не изменилось [Mason, Kluegel 2000: 13].

Действительно, демократические революции обычно влекут за собой менее очевидные изменения, чем революции другого типа. Если демократические революции менее жестоки по своему характеру, чем прежние революции, то меньше вероятность уничтожения старых форм и институтов. Институты могут сохраниться, хотя они и начинают работать иначе. Старые элиты выживают и могут оказаться в положении, позволяющем им получить доступ к власти. Инклюзивность демократического проекта предполагает, что люди, связанные с прежним режимом, скорее всего, не будут изгнаны, расстреляны или лишены возможности работать в новых структурах.

Неверно и представление о том, что в результате революции ничего не меняется. Практически все исследователи подтверждают, что важные изменения в результате революции происходят в менее осязаемых аспектах процессов и идеологий, лежащих в основе

политических систем. Революции меняют ценности и убеждения, которые обеспечивают легитимацию политической системы [Eisenstadt 1978: 216–217; Хантингтон 2004]. Они меняют принципы и основания политической власти, а также отношение граждан к государству [Johnson 1982: 1; Голдстоун 2006: 58–103]. В результате революции государство, как правило, становится «более централизованным, более бюрократическим, более самостоятельным и сильным», чем прежний режим [Скочпол 2017]. Революции, приводящие к установлению более демократичных форм правления, создают политические системы, которые легитимизируются двумя взаимосвязанными идеями — они являются выражением воли народа и обеспечивают защиту прав всех граждан. Предполагается, что граждане в демократических странах осознают свои права и свободы и относятся к политическим институтам как к механизмам для выражения воли (потенциально) всех граждан, а не просто для достижения личных целей теми, кто оказывается на вершинах власти [Przeworski et al. 1995: 34–39].

Некоторые изменения хорошо заметны: смена старых элит на новые, смена символики, включение новых групп в политическую жизнь. Однако следует допустить, что другие изменения могут остаться незамеченными обычными гражданами. Для того чтобы изменения были реализованы, граждане должны *осознать*, что они перестали быть подданными и стали гражданами. Но обычно большинство простых людей не размышляет о характере власти в той степени, в какой это необходимо, чтобы осознать такого рода изменения [Galston 2001: 218; Цаллер 2004; Elkins 1993: 13–16; Converse 1964]. Граждане живут в реальном мире, а не в идеализированном мире политической теории. Различия, которые кажутся огромными в теории — например, между диктатурой и демократией, — могут быть менее очевидными в повседневной жизни простых граждан.

Некоторые различия между ушедшим коммунистическим режимом и новой системой довольно трудно увидеть простым людям, которые жили при прежней власти. Для них коммунизм не был ни идеальной утопией, которую обещал Маркс и к которой их якобы вели советские лидеры, ни империей зла, которую

ненавидели и презирали враги. Коммунизм был крайне несовершенной системой, повседневная жизнь в которой была сопряжена с множеством трудностей. В своем антропологическом исследовании о русской душе Д. Песмен отмечает, что Россия часто «мифологизируется как средоточие идеального беспорядка и чудовищной мерзости» [Pesmen 2000: 290]. Для простых граждан беспорядок был характерной чертой прежнего режима: власти творили произвол, правительство не вызывало доверия, многие товары и услуги были практически недоступны. Революции, даже бескровные демократические, сразу не делают жизнь людей более упорядоченной. Для простых россиян произошедшая «демократическая революция» повлекла за собой потерю сбережений, гиперинфляцию, разгул коррупции и распад страны. Продолжающийся беспорядок в повседневной жизни вряд ли мог способствовать пониманию гражданами изменений в идейной основе функционирования политических институтов¹.

Кто в большей степени способен воспринять изменения в политической жизни, произошедшие в результате отхода от коммунистической идеологии? Если имеет значение понимание ценностей, определяющих политические отношения, то можно предположить, что *более политически грамотные* граждане скорее осознают изменения, вызванные отходом от коммунизма. Граждане, которые понимают, как работает государство на более глубоком, более фундаментальном уровне, скорее увидят различия между коммунистической диктатурой и несовершенными демократическими институтами. Другое объяснение заключается в том, что *предпочтения, отдаваемые новой системе*, оказывают влияние на способность видеть политические изменения: граждане, одобряющие саму идею демократии, скорее ощутят, насколько ценности, лежащие в основе протодемократических

¹ Тот факт, что граждане не понимают суть политических институтов с точки зрения идеалов, на которых они основаны, можно, пожалуй, проиллюстрировать еще одним анекдотом советских времен. Во время спора русский коммунист спрашивает своего друга-католика: «Почему люди верят в ваш рай, а в наш нет?» Задумавшись на секунду, католик отвечает: «Мы не показываем им наш рай» [Kolasky 1985: 59].

систем, отличаются от ценностей, на которых основывались институты в прошлом.

Эти две гипотезы являются взаимодополняющими и не противоречат друг другу, так как группы политически грамотных и демократически ориентированных граждан, скорее всего, пересекаются. Демократически ориентированные граждане, как правило, моложе, более образованы, более профессиональны и обычно живут в крупных городах и поэтому имеют ряд качеств, которые делают их более внимательными к политическому процессу [Reisinger et al. 1998]. Глубинные интервью могут быть особенно полезными для определения того, насколько респонденты понимают происходящие перемены, потому что в этом случае можно отойти от ярлыков, навешиваемых на новые институты, и понять, какие именно изменения подразумевают эти ярлыки для людей, которые их используют.

Восприятие изменений

В главах пятой и шестой для разделения респондентов на группы я использовала такой показатель, как уровень поддержки демократии, чтобы определить, как демократическая ориентация влияет на оценки тех или иных политических институтов. В этой главе я опять использую этот показатель, а также применяю показатель уровня политической грамотности. Этот показатель говорит о качестве рассуждений, на которых основывались ответы респондентов². Люди с низким уровнем политической

² Этот показатель основывается на сочетании непосредственно определяемых параметров, таких как уровень образования, и общей оценке качества ответов (от односложных до продуманных), а также на том, приводят ли респонденты свои аргументы вместо альтернатив, предлагаемых в некоторых вопросах в ходе интервью, и на оценке глубины их понимания политических процессов. Дополнительные сведения см. в приложении В.

Стандартный показатель на основе правильных ответов на фактические вопросы не подходил для данного исследования, поскольку глубинные интервью были изначально призваны минимизировать впечатление, что ре-

грамотности с трудом отвечали на вопросы и в основном отделивались фразами вроде «не знаю». Их высказывания о политике свидетельствовали об ограниченном понимании важных тем и о фактическом отсутствии интереса к чему-либо за пределами их личной ситуации. Респонденты со средним уровнем политической грамотности давали более развернутые ответы, но часто отвлекались от темы. Они были более склонны говорить штампами. И хотя их понимание политики выходило за рамки собственной ситуации, они больше внимания уделяли личностям, нежели институциональным структурам. Респонденты с высоким уровнем политической грамотности могли пространно и подробно высказываться по самым разным политическим вопросам. Они понимали, как на самом деле должны работать институты. Они в большей степени были склонны мыслить творчески, давая собственные развернутые ответы на вопросы с вынужденным выбором. Оказываясь в ситуации сложного выбора между двумя неприемлемыми (на их взгляд) альтернативами, они могли предложить и обосновать свой вариант.

Как видно из таблицы 7.1, в выборке есть некоторое пересечение по уровням политической грамотности и поддержки демократии, причем респонденты с высоким уровнем политической грамотности в целом демонстрируют более высокий уровень поддержки демократии, чем респонденты с низким уровнем политической грамотности³. Однако эти два показателя отнюдь

спондентам предлагаются вопросы с множественным выбором. Об этом замеры см. [Colton 2000: 2]. Используемый показатель отражает влияние обычных элементов оценки политической грамотности, таких как знакомство со СМИ, интерес к политике и знание политики, но в соответствии с методикой проведения интервью. См. [Цаллер 2004].

³ Эти два показателя коррелируют на уровне 0,48 и значимы на уровне 0,001. Они существенно различаются и основываются на разных вопросах. Показатель политической грамотности учитывает степень понимания политики, которая определяется исходя из того, насколько респонденты понимают, как должны функционировать политические институты. Одним из таких институтов является Государственная дума, и понимание ее функций также учитывалось при определении уровня поддержки демократии. Эти два показателя коррелируют на уровне 0,29 (значимы на уровне 0,05). Более важной

Таблица 7.1. Уровни политической грамотности и поддержки демократии среди российских респондентов

Низкий уровень политической грамотности	Средний уровень политической грамотности	Высокий уровень политической грамотности
<p>Высокий или средний уровень поддержки демократии (по горизонтали)</p> <p>Аня, Екатерина, Лев, Соня (4 респондента)</p>	<p>Коля, Миша, Слава, Витя, Юрий, Константин, Михаил, Олег, Раиса, Галина Григорьевна, Людмила Владимировна (11 респондентов)</p>	<p>Дима, Рая, Толя, Алла, Аркадий, Геннадий, Иосиф, Надежда, Наталья, Светлана, Александра Антоновна, Марина Александровна, Андрей Викторович (13 респондентов)</p>
<p>Низкий или смешанный уровень поддержки демократии (по горизонтали)</p>		
<p>Катя, Люба, Валя, Алексей, Клара, Павел, Пелатей, Полина, Сергей, Анна Павловна, Владимир Ильич, Егор Егорович (12 респондентов)</p>	<p>Лена, Надя, Инна, Елена, Евгений, Григорий, Софья, коллектив, Николай, Зинаида, Борис Борисович, Ирина Львовна, Зоя Игоревна, Вилен Николаевич (14 респондентов)</p>	<p>Вася, Руслан, Валентина, Иван Иванович, Ольга Юрьевна, Татьяна Михайловна (6 респондентов)</p>

не идентичны, и в выборке есть несколько человек с более высоким и с более низким уровнем поддержки демократии, чем можно было бы предположить по их уровню политической грамотности. В ходе последующего анализа, основываясь на убеждениях этих респондентов, мы сможем лучше понять, насколько уровень политической грамотности и уровень поддержки демократии влияют на способность простых россиян воспринимать изменения, происходящие в политических институтах.

Многие россияне, как мы увидим дальше, не очень хорошо представляют, какие изменения происходят с политическими институтами, однако было бы неправильно считать, что они вообще не видят изменений в обществе. Они понимают, что крах коммунизма в корне изменил их жизнь. Просто они в основном видят изменения в экономике. Относительно своих жизненных обстоятельств практически все респонденты осознавали, что многое изменилось по сравнению с прошлым, причем для многих в худшую сторону. Конечно, были и позитивные оценки изменений в экономической жизни, однако такие оценки по большей части исходили не от политически грамотных или поддерживающих демократию респондентов. Как правило, положительные оценки были характерны для респондентов с низким уровнем политической грамотности, которые не могли воспринять большой объем информации о состоянии экономики. За несколько месяцев до обвала рубля в 1998 году Сергей полагал, что экономика находится в прекрасном состоянии, хотя сам был безработным. Екатерина, одна из самых состоятельных в выборке, радовалась: «Жить стало интереснее, гораздо интереснее. По крайней мере, в сфере образования, в сфере торговли, за последние пять лет многое изменилось в магазинах, в парикмахерских, в спорте, повсюду. Для меня, как домохозяйки, это очень приятно». Поскольку условия жизни Екатерины были действительно

причиной корреляции между уровнями политической грамотности и поддержки демократии, по всей видимости, является тот факт, что образование, которое учитывается для определения уровня политической грамотности, также сильно влияет на уровень поддержки демократии.

приятными, ей не нужно было далеко отходить от своего роскошного дома, чтобы видеть, как страдают многие люди.

В зависимости от уровня политической грамотности респонденты по-разному выражали свою неудовлетворенность выпавшими на их долю изменениями в экономике. Среди респондентов с низким или средним уровнем политической грамотности наблюдалась тенденция жаловаться на общее ухудшение ситуации. Они жаловались, что не могли ничего купить, хотя в продаже было больше товаров, чем при коммунистах. Если советская власть обеспечивала людей самым необходимым (например, инвалидам предоставлялись лекарства), то теперь ничего этого не было. Анна Павловна так описывала разницу между жизнью в Советском Союзе и в условиях зарождающегося рынка:

Мне кажется, мы не были зажиточными, но все равно у нас было завтра. А теперь я не знаю, будет ли у меня завтра... Раньше я считала себя средним классом, но сейчас я уже... Как бы сказать? В общем, бедная и нищая. Я, конечно, стараюсь работать, чтобы что-то купить, но это все равно трудно. А ведь есть и совсем бедные. Ну, я-то еще молодая. Мне шестьдесят пять, но я работаю. Такая уж у меня судьба — работать и работать.

Евгений, оставшийся без работы в новых экономических условиях, также считал, что при социализме жизнь была лучше. Он сказал:

При социализме, при коммунистах, я много чего мог. Мог получить любую работу. Рабочие везде были нужны. Была стабильная зарплата. Если говорить о детстве, то я был в пионерском лагере. Профсоюз все оплачивал. Моим родителям это стоило копейки. Они сами могли ездить в санатории, пансионаты, тоже за счет профсоюза. Все это было очень дешево. Тогда было лучше.

Инну беспокоило то, что ее реальная зарплата сильно уменьшилась в результате инфляции и теперь ее едва хватало, чтобы платить за квартиру, а деньги еще были нужны на еду и транспорт для нее самой и ее детей. Она заметила:

Надо сказать, что при социализме, при коммунистах, при другой власти мы не думали обо всем этом. Всем платили зарплату. Всем хватало на еду. Может, не такую хорошую, как сейчас, когда в магазинах всего полно. Но, уверяю вас, 60 или 70 % населения не могут купить то, что продается в магазинах, не могут позволить себе ту же копченую колбасу, которую могли позволить себе прежде, разве что тогда это был дефицит.

Эти респонденты думали, будто могли купить почти все, что было доступно при социализме, и эта мысль затмевала для них тот факт, что тогда в стране многие вещи просто не продавались.

Если менее политически грамотные респонденты жаловались на общее ухудшение экономических условий после краха коммунизма или (значительно реже) считали экономическую ситуацию умеренно благоприятной, то более политически грамотные респонденты в основном высказывали смешанные суждения относительно перемен в экономике. Большинство из них признавало необходимость изменений в целом, однако многие жаловались на конкретные проблемы, правила и порядок проведения реформ. Они понимали, что цены неизбежно должны расти, но утверждали, что работникам все равно надо платить, а пожилым людям вовремя выплачивать пенсии. Они жаловались на темпы проведения реформ, одни утверждали, что реформы идут слишком медленно, другие — что они проводятся слишком быстро, без необходимости уничтожая целые сектора экономики, которые можно было бы сохранить. Они также осуждали то, как проводилась приватизация, даже если поддерживали идею о передаче государственной собственности в частные руки.

Ольга Игоревна сказала:

Мне не нравится, что совершенно независимо от воли народа огромные куски собственности — нефтянка, алюминиевая промышленность — достались совершенно неизвестным в стране людям и что наше общество разделилось на маленькую группу, владеющую огромной собственностью (я не верю, что эти люди выиграли рыночные торги),

и граждан, у которых почти ничего не осталось... Мы выбрали совершенно другой путь развития, когда собственность принадлежит кучке магнатов.

Андрей Викторович выразил двойственность отношений к реформам в этой группе респондентов:

Изменения в экономике достаточно сложные, и поэтому трудно сказать, хороши они или плохи. Все рады (и я в том числе), что не нужно стоять в очередях, что стало больше магазинов и больше рынков. В то же время возможность что-то купить на рынке уменьшилась, особенно у тех, кто вынужден жить на пенсию. Кроме того, ситуация на рынке труда стала сложнее. Боюсь, она не улучшится, а будет только ухудшаться.

Респонденты, интервью с которыми проводились в 2003 году, чаще давали двойственные ответы, хотя в большинстве своем выражали некоторый оптимизм по поводу улучшения экономических условий, но при этом указывали на потрясения, происшедшие после 1991 года. Они, как и респонденты в предыдущие годы, считали, что слишком высокие цены омрачали наличие большого количества и разнообразия товаров.

Если от восприятия экономических изменений перейти к восприятию изменений политических, то мы увидим, что значительно большее число людей считает, что изменения были незначительными и что многие обещания остались невыполненными. В этом отношении паттерны в моей выборке были такими же, как и в массовых опросах. Н. В. Лайдинен отмечает, что только 6,7 % респондентов в опросе «Ромир» в 2000 году были полностью согласны с утверждением, что российские власти стали ближе к народу [Лайдинен 2001: 29]. В других опросах россиян лишь небольшое число респондентов считало, что они могут влиять на принятие политических решений тем или иным способом — через выборы, забастовки, демонстрации или личные связи [Горшков 2003: 410].

В моей выборке тенденция видеть лишь несущественные изменения была особенно заметна среди респондентов, интервью

с которыми проводились, когда Б. Н. Ельцин еще был у власти. Борис Борисович так высказался о Ельцине: «На мой взгляд, он многого не сделал из того, что обещал. Мне не нравится, что Коммунистическая партия остается у власти и что сейчас она побеждает на местах. Суть в том, что в стране ничего не изменилось». Не только Борис Борисович заметил сохранение власти коммунистами. Сергей сказал: «Раньше они были коммунистами, а теперь стали демократами. Те же самые люди стали демократами... Выходит все то же самое. Все как и было, они только поменяли название». Григорий добавил:

К сожалению, я считаю, что, вероятно, все реформы, которые проводились по сегодняшний день, делались с помощью посткоммунистических структур, посткоммунистическими методами и людьми из числа коммунистов. То есть фактически жизнь в целом действительно начала меняться, но наверху весь аппарат правительства остается таким, каким был.

Один из членов рабочего коллектива в групповом интервью добавил: «Те, кто был во власти, остаются во власти. Предполагалось, что всех коммунистов выгнали, но все коммунисты остались. Все до одного. Кто был во власти, там и остается».

Другие респонденты также признавали, что если люди во власти сменились, то их новые подчиненные работали так же неэффективно, как и прежние. Еще до прихода В. В. Путина новые «демократы», как и бывшие коммунисты, стремились к абсолютной власти, а граждане не могли реально влиять на ситуацию. Елена заметила: «Как были мы рабами, так рабами и остались». Валентина сказала: «Я считаю, что мы топчемся на месте и никуда не движемся — ни туда, ни сюда. Стагнация». Даже некоторые из сторонников Ельцина говорили об отсутствии существенных политических изменений. Полина заметила: «Идеи хорошие, и налоги, в общем, нормальные. Ельцин пытался создать другие структуры, но не получилось. Говорит он хорошо, но ничего не происходит».

В то же время многие жаловались на отсутствие изменений в политических институтах или людях, которые там работают.

Некоторые респонденты все же указывали на произошедшие перемены. Действительно, отчасти это были те же самые люди, которые утверждали, что почти ничего не изменилось. Борис Борисович, чьи слова о том, что «в стране ничего не изменилось», приводились выше, с одобрением отметил, что пресса стала свободнее. Марина Александровна пришла к выводу, что «многое удалось сделать»: люди могут свободно путешествовать, голосовать, говорить все, что хотят, могут беседовать на кухне с американскими исследователями. Огромная разница по сравнению с жизнью бабушки в сибирской ссылке. Далеко не все, кто видел изменения в политической жизни, считали эти изменения позитивными. Многие говорили об отсутствии общественного порядка или росте преступности, в том числе на высоком правительственном уровне.

К 2003 году, когда Путин уже несколько лет был президентом, респонденты стали чаще признавать, что разрыв с коммунистическим прошлым действительно произошел, хотя и не до конца, как считали многие. Например, Люба заметила: «Сейчас в России нет того навязанного порядка, который был во времена коммунистов. По-моему, это демократично». Однако она уточнила свою мысль, противопоставив прогресс на общенациональном уровне и отсутствие прогресса в ее родном городе: «Здесь я работаю в государственном учреждении. Все осталось таким же, как было. Нет свободы слова, свободы выбора. Все идет по-старому». Лена считала, что Россия стала более демократичной, но при этом стыдилась всеобщего упадка в стране, из-за чего не могла испытывать патриотического чувства гордости, как во времена Советского Союза. Наталья полагала, что к 2003 году Россия стала демократической страной, где проводились выборы и была свобода прессы, проблема заключалась в том, что демократия никак не улучшила жизнь простых людей. Многие респонденты по-прежнему не видели особых изменений. Пелагея считала, что жизнь все еще была такой же тяжелой, как и при коммунистах. По ее мнению, единственным отличием от советских времен была бóльшая вседозволенность как среди населения, так и среди чиновников.

Кто больше других ощущает политические изменения?

Даже из приведенных выше высказываний очевидно, что не все россияне одинаково воспринимают политические преобразования в стране. Одни уверены, что практически ничего не меняется по сравнению с прошлым, другие видят определенные перемены. Какие группы людей считают, что в стране произошли значительные политические изменения? Чтобы ответить на этот вопрос, я выделяю несколько конкретных аспектов политических изменений. В этом разделе главы я пытаюсь понять, как люди воспринимают изменения в институтах исполнительной власти. В следующем разделе рассматривается вопрос о том, как россияне оценивают ту свободу, которую они обрели по сравнению с коммунистической эпохой. Далее я анализирую то, в какой степени граждане считают, что могут влиять на новые власти. Это важные вопросы, поскольку они касаются изменений в том, как легитимизируются основные институты и как граждане относятся к власти, а также к тем политическим преобразованиям, к которым приводят революции [Eisenstadt 1978: 216–219; Хантингтон 2004].

Хотя новый для России институт президентства подвергается критике за авторитарные тенденции, он явно отличается от коммунистических высших органов власти тем, что президент избирается народом и срок его полномочий зависит от народного одобрения и конституционных ограничений. Другими словами, источник легитимности президента России отличается от легитимности коммунистических лидеров, которые правили, опираясь на утверждение о том, что они обладают высшим знанием о построении коммунизма. Среди российских респондентов наблюдалась удивительная неспособность видеть различия между демократическими институтами исполнительной власти и институтами власти в коммунистическом и докоммунистическом прошлом. Многие респонденты говорили о поразительном сходстве между президентами и царями, между мэрами и председателями горисполкомов КПСС. Причем такого рода высказывания были характерны для респондентов независимо от их уровня политической грамотности.

В группе с низким уровнем политической грамотности респонденты, как правило, оправдывали необходимость президента или мэра тем, что нужен сильный лидер, способный контролировать ситуацию в изменяющихся обстоятельствах; такая же аргументация применялась и в отношении назначаемых руководителей. Алексей утверждал: «В общем, нужен такой институт, как президент, чтобы власть была сосредоточена в одних руках». Екатерина добавила, что, если власть находится в одних руках, то «не будет разлада», и это, по ее мнению, было позитивным результатом централизации власти. Аня отметила необходимость централизованной власти на местном уровне: «Конечно, в городе должен быть глава, как бы он ни назывался. Не знаю, чем институт мэра отличается от старого исполкома».

В группе со средним уровнем политической грамотности респонденты чаще ссылались на историческую традицию в России, рассматривая президента как новоявленного царя. Елена утверждала: «Нам нужен президент. Привыкли же мы, чтоб был царь у нас, кто-то. Мы как-то привыкли уже под властью быть. Воспитались в духе патриотизма. Что у нас как в России говорят? “Вот приедет барин — барин нас рассудит”. Мы не можем без барина». Людмила Владимировна добавила: «И какая разница, как он называется: президент, царь или монарх? Россия без этого никогда не жила».

Даже среди наиболее политически грамотных респондентов было несколько человек, которые отмечали сходство между президентами и авторитарными политическими лидерами. Татьяна Михайловна заметила: «Коль скоро Россия, как говорится, всегда тяготела к царю-батюшке, наверное, пост президента так или иначе органичен для России». Ольга Юрьевна высказала схожую мысль: «Россия привыкла к автократии. В традициях России — царизм. У нас был царь, и русские всегда верили в доброго царя. Точно так же и в президенте они видят того, на кого могут направить свою веру. Таковы традиции в России».

Чтобы поместить эти высказывания в определенный контекст, полезно сравнить их с комментариями по поводу президента в американской выборке. Американские респонденты не склонны видеть в президентстве путь к централизации власти; они скорее

говорят о роли президента как представителя народа, номинального лидера нации, источника единства в разнородной стране, как политика, задающего тон и направление политической жизни или уравнивающего власть Конгресса. Только один из американских респондентов сравнил президента с монархом, да и то с современным монархом, лишенным реальной политической власти. Рик заметил, что президент нужен «только для того, чтобы удовлетворить наши роялистские наклонности иметь такого рода фигуру. Ведь даже в странах с самым развитым парламентаризмом номинально существует королевская семья».

Таким образом, взгляд россиян на институт президентства отличается явным включением в это понятие элементов авторитарной власти. Это отчасти объясняется широтой властных полномочий и тем, как эти полномочия использовались первыми президентами России. Однако частые сравнения президентов с царями или коммунистическими вождями также указывают на то, что простые россияне видят продолжение властных традиций прошлого в настоящем. И эту непрерывность традиций видят не только менее политически грамотные люди.

Одной только политической грамотности недостаточно для того, чтобы понять, чем избранный президент отличается от царя или комиссара, однако политически грамотные респонденты, поддерживающие демократию, были в большей степени способны увидеть разницу. Даже в группе со средним уровнем политической грамотности более демократически ориентированные респонденты реже сравнивали президентов с невыборными руководителями. Юрий заметил: «Для России, с точки зрения исторических корней, пост президента является чужеродным». Слава увязывал президентство не с авторитарными традициями России, но с практикой западных демократий: «Я думаю, в России должен быть президент, как во всем цивилизованном мире». Такого рода комментарии существенно отличались от высказываний менее демократически настроенных респондентов с таким же уровнем политической грамотности, например, Зои Игоревны, которая поддерживала институт президентства на том основании, что, по ее словам, «кто-то должен, как говорится, держать

нас в узде и в ежовых рукавицах». Впрочем, даже среди сторонников демократии в этой группе наблюдалась тенденция воспринимать президента как вождя, который способен принимать решения, когда этого не может сделать неуправляемый парламент.

По сравнению с респондентами в группе со средним уровнем политической грамотности респонденты с высоким уровнем грамотности чаще указывали на *границы* президентской власти, то есть понимали, чем президенты по своим функциям отличаются от царей. Тем не менее они были вынуждены признать, что эти границы не всегда соблюдаются в России: выборы и законодательные органы ограничивают власть президента, только если выборы проводятся свободно и честно, а конституция наделяет законодателей определенными полномочиями. Таким образом, хотя респонденты с высокими уровнями политической грамотности и поддержки демократии в основном понимали важность роли избранного президента, их оценка реальных изменений в России была довольно сдержанной.

Например, Светлана заметила, что, поскольку президент избирается всем народом, этот институт способствует общей демократизации общества, несмотря на сделанные ошибки, как она выразилась. Марина Александровна затруднилась оценить институт президентства: «Президентство — это необычный институт для нашей страны, и пока еще прошло немного времени, чтобы его анализировать, сказать, что хорошо и что плохо, а что могло бы быть лучше». Она повторила мысль Славы о том, что в России вполне может быть институт президентства, как во многих цивилизованных странах, и добавила: «Как бы то ни было, статус президента позволяет ему уравновешивать нормальный парламент (не такой, как у нас)». Андрей Викторович отметил: «Сегодня ситуация такова: партии не имеют авторитета, и в настоящее время у них нет массовой поддержки... Из-за этого парламент, состоящий из этих партий, практически не зависит от народа. Но президент, который так или иначе избран всем народом, действует как противовес, при условии, что все работает как надо».

Таким образом, как мы видим, политически грамотные и демократически ориентированные респонденты в основном при-

знают, что президент и царь — это не один и тот же «зверь», хотя и тот, и другой воплощают высшую власть и (по крайней мере, в России) являются мощной основой для социальной поддержки политической системы. Эти респонденты лучше понимали, насколько российские политические институты далеки от идеала, и поэтому, признавая происходящие изменения, они были не слишком впечатлены их глубиной и масштабом.

Ощущают ли россияне себя более свободными?

Несмотря на то что многие респонденты ощущали лишь минимальные (если вообще говорили об этом) перемены в институтах исполнительной власти, можно предположить, что они видят больше изменений в тех аспектах политической системы, которые их непосредственно касаются⁴. Люди могут несильно

⁴ Можно было ожидать, что простые люди скорее заметят изменения в институтах представительной власти, исходя из того, что они могут с большей вероятностью встретиться с депутатами, чем с президентом, но эти ожидания не подтвердились в интервью. Многие респонденты полагали, что президент и царь относятся к примерно равнозначным политическим институтам, точно так же некоторые сравнивали Государственную думу и местные законодательные собрания с советами народных депутатов, существовавшими в СССР, и (пожалуй, с большими основаниями) с Думой, которая существовала в России в период между революциями 1905 и 1917 годов. Таких высказываний, однако, было относительно немного, чтобы увидеть в них какую-то тенденцию. Более того, респонденты с низким уровнем политической грамотности редко высказывались о представительных органах власти, утверждая, что знают о них слишком мало. В целом люди были настолько разочарованы работой Государственной думы и чувствовали себя настолько бессильными повлиять на своих избранников, что их несколько не радовал тот факт, что депутаты были избраны на конкурентных выборах. Можно было также ожидать, что люди видят больше изменений в местных, а не федеральных органах власти, опять же исходя из того, что первые им ближе. Здесь мы не можем получить ясную картину в силу того, что во многих регионах, где проводились интервью, методы местной политики изменились *намного меньше*, чем в случае федеральных институтов. Кроме того, некоторые респонденты, вероятно, считали, что местные институты всегда более активно реагировали на проблемы граждан и демократические изменения необязательно сделали их более внимательными.

беспокоиться по поводу источников легитимности президента, но им будет сложно не ощутить нарастание социальных страхов или увеличение степени свободы в случае произвола чиновников. Действительно, респонденты в моей выборке полагали, что стали более свободными, чем были при коммунистическом режиме, по крайней мере в некоторых отношениях. Они с одобрением говорили о большей доступности книг и фильмов; признавали, что меньше боятся необоснованного ареста, хотя этот страх до конца не исчез. По мнению некоторых наблюдателей, усилия Путина по ограничению свободы прессы и исключению негативных высказываний в его адрес (иногда вплоть до ареста его критиков) охладили пыл поборников свободы личности в России [Shevtsova 2003: 163–166]. Впрочем, мои респонденты были слишком далеки от центров власти, чтобы тревожиться по этому поводу. Не было существенных различий в оценке индивидуальной свободы в ответах респондентов, интервьюированных в годы правления Путина, и респондентов, интервью с которыми проводились во времена правления Ельцина. Однако в их высказываниях относительно свободы имелись определенные особенности.

В моей выборке *менее* политически грамотные респонденты были в большей степени склонны считать себя *более* свободными⁵. По мнению некоторых, в этом не было ничего хорошего. Например, для Любы обретенная свобода заключалась, в частности, в том, что «повсюду жулики, люди делают что хотят, кругом убийства, насилие». Однако Полина была убеждена в преимуществах появившейся свободы:

Я считаю себя совершенно свободным человеком. Я не собираюсь за границу, но я свободна. У меня есть братья, которые уехали, и я могу без проблем с ними встречаться. Они приезжают каждый год. Они уехали в Америку в 1980-м,

⁵ Помимо этого, менее демократически настроенные респонденты чаще считали себя более свободными, но это, возможно, объясняется тем, что оценка уровня поддержки демократии отчасти основывается на тех же вопросах, что и оценка уровня свободы.

и вплоть до 1991 года мы не могли получать от них письма. Ни писем, ни звонков, ничего. Понимаете? А теперь все прекрасно.

Говоря о нашем интервью, она сказала: «Раньше мы бы так не говорили. Агент КГБ сидел бы рядом и слушал, что мы говорим и что думаем, и не дай бог он пошевелил бы пальцем».

Некоторые респонденты в группе со средним уровнем политической грамотности разделяли этот оптимизм. Людмила Владимировна отметила, что у людей в современной России меньше причин бояться произвола со стороны властей, чем было во времена ее молодости, когда, например, она подверглась суровому наказанию за то, что завернула мусор в газету с портретом Сталина. Она добавила, что только к концу жизни осознала, как все было плохо во времена ее детства. Каждый раз, когда ее отец задерживался или опаздывал на электричку, ее мать стояла у окна в страхе, что он не вернется домой. По словам Людмилы Владимировны, теперь даже в далеко не идеальной демократической России все совершенно иначе: люди могут выйти на перекресток и критиковать власти за плохую работу. В том же духе высказался и Олег:

Но сейчас старые коммунисты выходят на площадь с красными флагами. Прежде им этого не разрешили бы, все было бы наоборот. А сейчас они стоят на площади, напротив Ленина. Что-то там кричат. Ну, и разве это не свобода? Они могут самовыражаться. Можно понимать это как свободу. И демократию. Вот она. Раньше они не могли так самовыражаться.

В то время как часть респондентов в группе со средним уровнем политической грамотности превозносила новообретенную свободу, другая часть была более сдержанной. Наверное, они могли бы согласиться с Олегом, что теперь у них была свобода протестовать, но они вряд ли думали, что свобода кричать, когда тебя никто не слушает, была таким уж большим шагом вперед по сравнению с прошлым. Одна женщина в трудовом коллективе

заметила: «Раньше если бы кто-то вышел с флагом или, не знаю, с какой-нибудь символикой. А теперь стоят там каждый день. Вот наша свобода. Стойте сколько хотите». Как и многие другие, она видела, что реальная свобода ограничена экономическими обстоятельствами. Она сказала: «Мы не получили никакой свободы. По правде говоря, если раньше можно было поехать за границу только с разрешения партийной организации, то теперь просто нет денег». Деньги также играли важную роль в том, как Надя понимала ограничения своей свободы. Она сказала: «У нас у всех есть какая-то свобода, но свобода — это, наверное, то же самое, что власть, деньги. Но большая часть населения, включая меня, получает меньше прожиточного минимума. И живет на такую зарплату. Ну и какая это свобода?» Но даже минимальная зарплата лучше, чем никакой в случае потери работы. Константин сказал: «Можно говорить свободно, но это не вся свобода. Свобода от чего? Свобода не работать, потому что нет работы? Это тоже не свобода. Мало что изменилось». Зинаида, которая вот-вот могла лишиться работы на закрывающемся заводе, подытожила: «Только те, у кого есть власть, имеют здесь свободу».

Несколько респондентов говорили о свободе, которая была при коммунистах. Галина Григорьевна со средним уровнем политической грамотности заявила: «Надо сказать, раньше у нас была свобода слова. Не знаю, что такого нельзя было говорить? ... Никто нас не ограничивал даже при коммунистах. Руки у нас не были связаны». Она жила при Сталине и видела, как был разрушен ее родной город наступавшей нацистской армией, так что ее оценки не были отражением чужого мнения. Несомненно, ее ощущение личной свободы в те времена основывалось на условной допустимости того, что она хотела сказать. Но сходное ощущение было свойственно и более молодым респондентам с высоким уровнем политической грамотности. Например, Рая заметила: «Я не чувствую, что сейчас у меня намного больше свободы, чем при коммунистах. Мне кажется, я была тогда свободна и говорила свободно».

В том же духе Геннадий утверждал, что и в условиях демократии действует «некая скрытая идеологическая рука», которая

указывает, что людям можно говорить. Он добавил, что, по его мнению, советская теневая экономика обеспечивала больше возможностей для частной инициативы и предпринимательства, чем коррумпированный постсоветский «свободный» рынок. Как и многие другие, Геннадий жаловался на экономические обстоятельства, которые ограничивают реальную свободу:

В Советском Союзе при всех его идеологических ограничениях ученых в среднем ежегодно ездил в 10–15 командировок в разные регионы страны. Это было очень важно. Теперь можно съездить раз или два, потому что приходится за все платить самому. Поэтому происходит существенное ограничение научной свободы. Есть возможность доступа к литературе и другим вещам. Политически нам дали свободу научных исследований, но эта свобода не подкреплена экономически. Поэтому возникает парадокс: чтобы провести исследования, я должен заниматься ненаучной деятельностью, работать где-то еще.

Очевидно, что многие россияне разделяют обеспокоенность Геннадия. Э. Ширяев указывает, что согласно опросу общественного мнения, проведенному в июле 1995 года, 80 % респондентов считали, что их права были лучше защищены при Л. И. Брежнев, чем при Ельцине [Shiraev 1999: 157].

Революции меняют политические институты и отношение людей к ним. Однако, если судить по высказываниям моих респондентов, далеко не все в России видят эти изменения. По мнению многих россиян, новые институты выглядят так же, как старые, а свобода в стране ограничена, особенно материальными условиями. Политическая грамотность не всегда помогает людям уловить и понять едва заметные изменения. В моей выборке политически грамотные респонденты были в меньшей степени склонны считать себя намного свободнее в посткоммунистическом мире. Многие из них не видели различий между новыми и старыми органами исполнительной власти. Только респонденты, у которых политическая грамотность сочеталась с поддержкой демократии, чаще отмечали различия между избранными

руководителями и начальниками при коммунистическом режиме. В то же время эти респонденты остро осознавали, насколько незначительным был реальный прогресс в ограничении власти избранных лиц и в предоставлении большей свободы простым, небогатым людям.

Как заставить власти реагировать на нужды людей

Если многие люди не видят особых изменений в политических институтах, могут ли они изменить свое *отношение* к этим институтам? Будут ли они рассматривать себя как граждан демократической страны, которые могут оказывать давление на чиновников и добиваться от них выполнения своих требований? В этом разделе я рассматриваю влияние уровня политической грамотности и отношения к демократии на то, как граждане воспринимают свое участие в политической жизни. В частности, я анализирую ответы респондентов на два вопроса: чувствуют ли они, что власть учитывает мнение граждан, и считают ли они, что простые граждане могут как-то повлиять на принятие политических решений. Это ощущение реального и действенного участия в политической жизни является важнейшим фактором, определяющим отличие граждан от подданных [Putnam 1993: 83–120; Алмонд, Верба 2014]. По мнению наблюдателей, для российской политической культуры характерно отсутствие участия населения в политике. Например, Л. Я. Гозман и А. М. Эткинд утверждают, что в советский период в гражданах сформировалась «выученная беспомощность» в отношении политической жизни. В силу опыта жизни в советской системе, как пишут авторы, россияне убеждены, что любые политические действия обречены на провал [Gozman, Etkind 1992: 79–83].

Практически все респонденты были согласны с тем, что должностные лица на государственных постах никак не учитывают мнение граждан, а действуют главным образом в своих интересах. Например, Алексей заметил: «Они далеки от народа, и наше мнение для них — пустое место». Многие полагали, что в этом

отношении мало что изменилось со времен коммунизма. Создание формально демократических институтов не отменило тот факт, что политики действовали так, как им выгодно, а не как хотели граждане. Сравнивая настоящее с советской эпохой, Вилен Николаевич сказал: «Конечно, тогда никого не интересовало наше мнение, совсем как сейчас». Ирина Львовна высказалась в том же духе: «В прошлом их мало интересовало наше мнение, но мы этого не знали. И теперь оно мало их интересуется, но мы это знаем».

Среди менее политически грамотных респондентов, а также среди более грамотных, но не очень демократически настроенных респондентов многие считали, что положение несколько не улучшилось, а внимание чиновников к проблемам людей, наоборот, уменьшилось после краха коммунизма. Некоторые утверждали, что коммунистическая идеология вынуждала партийных чиновников уделять внимание проблемам и мнениям трудящихся. Ольга Юрьевна сказала:

Коммунисты очень боялись. У них была идеология. Они старались насадить эту идеологию и поэтому были заинтересованы в том, чтобы у меня было такое же мнение, чтобы я разделяла эту идеологию, и чтобы все люди разделяли эту идеологию. А сейчас нет никакой идеологии, и всем все равно.

Ольгу Юрьевну не особо беспокоило, что коммунисты были скорее заинтересованы в том, чтобы изменить ее мнение, а не выслушать его; ей нравился сам факт их интереса к тому, что она думает⁶. Соня тоже полагала, что идеологически обусловленные интересы вынуждали коммунистов заботиться о нуждах простых людей. Она сказала: «В то время был какой-то диалог, какая-то общая психология. В лозунгах, в идеологии. Это было необходимо, государство должно было действовать в интересах трудящихся...

⁶ София предложила несколько иную точку зрения на стремление к идеологическому единообразию: «Раньше точно никто не интересовался вашим мнением, но только потому, что все должны были думать одинаково».

Мне кажется, многое действительно делалось в их интересах». Очевидно, что такое впечатление сложилось не только у Ольги Юрьевны и Сони. В. Шляпентох подтверждает, что в советские времена подавляющее большинство граждан считали обращение к властям или в средства массовой информации эффективным способом решения проблем [Shlapentokh 2001: 67].

Более молодые респонденты, которые большую часть жизни не жили при советской власти, в качестве свидетельства заботы коммунистов о нуждах народа указывали на предоставляемые государством социальные блага (обеспечение общественной безопасности, гарантированные рабочие места и дворцы пионеров). Как выразился Аркадий: «Больше делалось для народа». Респонденты постарше обращали внимание на тот факт, что при коммунистах существовали механизмы, посредством которых люди могли выражать свое мнение. Зоя Игоревна сказала: «Раньше я была членом партии, как говорят коммунисты. Я могла говорить все, что думаю. И порой, как бы там ни было, это имело решающее значение. А сейчас никто не спрашивает нашего мнения». Иван Иванович подчеркивал тот факт, что люди могли обратиться со своими проблемами к партийным начальникам. Он сказал:

Можно было куда-то пойти и пожаловаться. А сейчас некому жаловаться. Раньше, например, можно было пойти в партком или в профсоюз и пожаловаться на начальника. А сейчас сплошные бизнесмены, частные коммерсанты. Куда тут пойдешь? ...Унизительно, когда некуда пойти и пожаловаться. На что ты жалуешься? Попробуй скажи ему что-нибудь, и он тебя уволит. И что тут можно сделать? Вот люди и сидят молча.

Такого рода высказывания были в большей степени характерны для респондентов с низким уровнем поддержки демократии. Респонденты с более высоким уровнем поддержки демократии в группах со средним и высоким уровнем политической грамотности утверждали, что избранные на конкурентных выборах должностные лица должны учитывать мнения избирателей. Даже

если избранные руководители и депутаты были бы рады игнорировать мнение людей и ничего не делать в течение всего срока пребывания на должности, сам факт конкурентных выборов означал, что они вынуждены обращать какое-то внимание на избирателей. Юрий заметил:

При коммунистах люди во власти в общем-то не были в нас заинтересованы... Если раньше в СССР мы ходили на выборы, чтобы лишь формально выполнить обязанность, то теперь наши голоса имеют значение. И это значит, что начальники должны быть в нас заинтересованы.

Раиса предупредила: «Они не смогут удержать власть, если будут игнорировать мнение народа». Толя в качестве свидетельства заинтересованности представителей власти привел результаты различных опросов общественного мнения, проводимых в том числе между выборами.

Если респонденты с высокими уровнями политической грамотности и поддержки демократии были более склонны считать, что чиновники в какой-то степени учитывают их мнения, то далеко не все политически грамотные сторонники демократии были так же оптимистичны, как Толя. Андрей Викторович отнюдь не был уверен, что результаты опросов подтверждают внимание чиновников к его мнению. Он считал, что «время от времени власти предпринимают какие-то действия, якобы для того, чтобы проверить, как мы относимся к тем или иным вещам». Выборы его тоже не убеждали. Многих кандидатов он называл «демагогами». Развивая свою мысль, он сказал: «Они просто ищут способ манипулировать нашими чувствами, нашими предпочтениями, не более того». Надежда тоже полагала, что чиновникам, возможно, нет дела до ее мнения, тем не менее она считала крайне важным для себя иметь *свое* мнение и стараться повлиять на их.

Мысль о том, что люди во власти могут учитывать чье-то мнение, не обязательно приводит к действиям, направленным на то, чтобы повлиять на политиков. Кто из респондентов был

в большей степени готов к политическим действиям? Неудивительно, что менее политически грамотные респонденты, которые в целом полагали, что чиновников не интересует их мнение, также считали, что простые люди практически не могут ничего сделать, чтобы повлиять на политические решения. Они были готовы голосовать и в большинстве своем считали голосование важным делом. В какой-то степени они сохраняли надежду повлиять на местные власти, но центральная власть оставалась для них неприступной крепостью, на стены которой они и не мечтали забраться. Говоря о федеральной власти, Сергей сказал: «Как мы можем на них повлиять? Никак не можем. Они все сами решают. Решают за нас. Да и не только за нас, за всю Россию. И мы ничего с этим не можем поделать».

Полина тоже отметила почти полное отсутствие возможности влиять на принятие решений, особенно вне обычного выборного цикла. Она сказала:

Стоять около здания Думы с плакатом — и кто его прочитает? Этот депутат окружен охраной; он вас не увидит. Он обещал, что все будет делать для народа. Но для кого он работает, не знаю, для себя, наверное. Хорошие люди могут участвовать в выборах, но через полгода они становятся глухи. Слушают только себя. Поэтому это совершенно невозможно.

Такое ощущение бессилия перед лицом власти было очевидно и среди более демократически ориентированных респондентов с низким уровнем политической грамотности. Лев заметил: «Обычный человек просто не может прийти в Думу. Никто не будет его слушать».

Аналогичные высказывания были и в группе респондентов со средним уровнем политической грамотности и низким уровнем поддержки демократии. Респондентов в этой группе беспокоило отсутствие достаточного объема информации, чтобы реально влиять на власть. Они иногда даже не знали, что были приняты законы, идущие вразрез с их интересами. Они не были уверены, что могут как-то связаться с представляющими их депутатами.

На вопрос, что она могла бы сделать в случае, если Дума примет какой-нибудь вредный закон, Зинаида ответила:

Абсолютно ничего... Здесь все не так просто. Во-первых, у депутатов есть определенные приемные часы и дни. Они должны быть доступны в определенные дни. Предположим, я что-то напишу. Даже приду на прием. Но депутат сегодня будет в Москве. Завтра он будет в своем округе. Послезавтра где-то еще. У меня нет свободного времени. Если я работаю, то работаю от звонка до звонка. Я не могу везде успеть.

Даже когда респонденты в этой категории думали, что могут рассказать о своих проблемах каким-нибудь чиновникам, они опасались, что эти чиновники будут бессильны им помочь. Елена сказала: «Все средства, которые они выделили нам на социальное обеспечение, уже поделили. Ничего не осталось. И кто теперь что-нибудь даст? На одном энтузиазме далеко не уедешь». Надя опасалась, что, даже если она попробует что-то сделать, ее никто не поддержит: «Сейчас можно повышать цены на коммунальные услуги, но все молчат. Платят последние деньги, но молчат. Такое возможно только в России, больше нигде. И что теперь — идти одной и кричать, что я не согласна?» Понимая, что большинство народных избранников заботятся прежде всего о своем благосостоянии, а не о благополучии народа, что у граждан немного эффективных способов донести до них свои чаяния и что в любом случае ресурсов недостаточно, многие менее демократически настроенные и менее политически грамотные респонденты отчаялись найти возможность оказывать влияние на политическую жизнь. Одна женщина в трудовом коллективе сказала: «Многое зависит от нас. Но нас никто не спрашивает, и никто нас не замечает». И поэтому, как сказал Иван Иванович, «люди и сидят молча».

Даже при более высоком уровне политической грамотности менее демократически настроенные респонденты выражали такое же отчаяние. Например, Руслан сказал: «Господи! Шахтеры бастуют и бастуют. И все без толку. Все заняты только своими делами». Ольга Юрьевна заметила:

Я думаю, на федеральные власти можно повлиять только через выборы. Это единственный способ. Нет других способов... К сожалению, наши средства массовой информации интересуются только мнением узкой группы людей... Я думаю, Россия очень богата людьми, талантливыми, умными людьми, но нет каналов, чтобы задействовать весь этот потенциал. Это непосредственно ухудшает ситуацию в России. Мы получили свободу выражать собственное мнение, но она не реализуется. Я могу выйти и говорить, но меня никто не будет слушать.

Проблема в том, как выразился Вася, что «мы слишком маленькие люди».

Респонденты с более высоким уровнем поддержки демократии, особенно в сочетании со средним или высоким уровнем политической грамотности, чаще выражали ощущение — или надежду, — что они могут что-то сделать. Возможно, их голоса на выборах послужат сигналом для власти. Возможно, правильные люди прочитают их сообщения или письма и предпримут какие-то действия. Рая сказала:

Мы обязательно должны участвовать в выборах, выбирать те партии, которые, как мы считаем, будут лучше представлять наши интересы наверху. Мы не должны пассивно отдавать эту власть. То есть мы должны участвовать в различных митингах, писать письма, подписывать петиции.

Она была уверена в возможности реагирования со стороны системы, по крайней мере на уровне местного законодательного собрания. Она сказала:

В городской думе всегда есть депутаты, которые выражают интересы простых людей и могут протестовать против вредных законов... Обычные люди, вроде меня, тоже могут что-то сделать. Проблемы можно так или иначе решить мирным путем. Опять-таки подписать что-то, прийти на встречу с мэром, и в конце концов они будут нас слушать.

Галина Григорьевна соглашалась, что, объединившись, люди могут обращать внимание властей на местные проблемы и, может быть, даже на важные для всей страны вопросы. По поводу влияния простых людей на федеральные власти она сказала: «Мы можем. Можем на них влиять, потому что, если мы объединимся и выдвинем требования, нас будет много». Она считала, что, объединившись, люди смогут даже выступить против вредных законов, принимаемых Государственной думой: они должны собраться и потребовать провести новые выборы в Думу. Такого же мнения придерживался и Коля:

Но если я вижу, что какой-то закон направлен не только против меня, но против большинства людей, то, по-моему, мы должны так или иначе бороться против него различными методами, даже через представителей, которых мы выбираем в Думу. Мы должны выступать против тех законов, которые направлены против большинства населения.

Многие поддерживающие демократию респонденты с высоким уровнем политической грамотности пытались примирить это ощущение необходимости что-то делать с признанием того, что население недостаточно организовано, чтобы эффективно реализовывать свой политический потенциал⁷. Эти респонденты утверждали, что многое в политической жизни скрыто от глаз простых людей и у них нет информации, которая необходима для влияния на власть. Они также отмечали слабые связи между гражданами и политическими институтами, в результате чего избранным должностным лицам проще игнорировать простых людей, чем прислушиваться к их мнению и вникать в их проблемы. Некоторые респонденты указывали на то, что,

⁷ Выражаемые этой группой сомнения похожи на сомнения, выявленные в массовых опросах. В России группы, которые в других странах были бы в большей степени вовлечены в политику, в меньшей степени участвуют в политической жизни. Например, согласно опросам, группы людей с высокими доходами и высоким статусом в меньшей степени участвуют в выборах [Bahry, Way 1994; Clem, Craumer 1998: 67].

хотя выборы для большинства людей остаются главным средством, чтобы донести до власти свое мнение, сама выборная система не дает избирателям возможности сделать осознанный выбор.

Наталья так прокомментировала эту ситуацию:

Я считаю, что важно голосовать, потому что если люди не ходят на выборы, не выражают свое явное отношение к тому, что предлагают депутаты, то они создают возможности для тех, кто будет преследовать свои собственные эгоистические интересы. Однако очень мало информации о каждом участнике избирательной кампании. Мы все голосуем по интуиции — нравится нам кандидат или не нравится. Есть только косвенная информация, которая поступает по неофициальным каналам — слухи, разговоры. Этого явно недостаточно, чтобы сделать осознанный выбор.

В определенном смысле ее слова были близки высказываниям менее политически грамотных и менее демократически настроенных респондентов. Например, Зинаида высказала похожую мысль: «Конечно, важно голосовать. Вот только как мы голосуем? Мы голосуем с закрытыми глазами... Мы с ним за одним столом не пили, как говорится».

Однако, даже считая, что власти, скорее всего, не расположены прислушиваться к мнению людей, политически грамотные и демократически настроенные респонденты находили другие способы влияния на ситуацию в обществе. Геннадий участвовал в издании политического журнала, призванного влиять на общественное мнение. Надежда, несмотря на отсутствие уверенности в возможности напрямую влиять на власть, считала, что ее работа учителем позволяет ей оказывать влияние на людей и формирующиеся у них мнения. Аркадий полагал, что, возможно, необходимо организовывать социальные протесты, хотя, на его взгляд, время для этого еще не пришло. Он сказал: «Мы не проводим протесты. Я считаю, это плохо...

Но общество должно созреть. И это созревание может произойти только при естественном переходе к чему-то другому. Сейчас время для равновесия». Андрей Викторович был активным участником политического движения и полагал, что с помощью самоорганизации люди могут получить некоторую власть. Он сказал:

В каком смысле люди вроде меня могут на что-то влиять? Если посредством выборов — каждый год, каждые четыре или пять лет, — то при нынешних условиях такое влияние, на мой взгляд, будет минимально. Однако если бы мы были лучше организованы, то у нас появилась бы возможность усилить свое влияние. Если мы говорим о каждодневной политике, о ежедневных событиях, то здесь тоже все зависит от нашей организованности, нашего ума.

Таким образом, в данной выборке в основном респонденты с относительно высоким уровнем политической грамотности и поддержки демократии считали, что их мнение имеет значение, и были уверены, что могут повлиять на политическую ситуацию. Но при всей своей уверенности они осознавали, что власти остаются безучастными, а совместные действия людей чрезвычайно затруднены. Эти респонденты образуют *наиболее оптимистически настроенную группу*, хотя в целом они не очень оптимистично смотрят на текущую ситуацию. Основным ощущением людей в моей выборке было то, что они практически не могут повлиять на власть, и в этом смысле мало что изменилось по сравнению с прошлым. О. Шевченко утверждает, что россияне не выступают против некоторых негативных изменений в их жизни, так как боятся, что политическая активность только ухудшит их положение [Shevchenko 2001]. Для многих из моих респондентов главным сдерживающим фактором на пути к политической активности было ощущение, что почти ничего не изменилось к лучшему, по крайней мере с точки зрения способности властей к реагированию на проблемы простых людей.

Выводы

Крах коммунизма привел к колоссальным изменениям в России. Удивляет, однако, то, в какой степени многие российские граждане не видят эти изменения. В некоторых вопросах простые россияне остро осознают, что их жизнь кардинально изменилась. В частности, в том, что касается повседневной жизни, работы и отдыха, обеспечения семьи и воспитания детей, простые россияне прекрасно видят — и нередко проклинают — результаты этих изменений. Для большинства респондентов в данной выборке их экономическое положение ухудшилось и стало менее определенным. Заработной платы едва хватало на самое необходимое. Люди пенсионного возраста были вынуждены работать. И далеко не все могли воспользоваться новыми возможностями, которые должны были появиться в результате изменений.

Тем не менее, политические изменения в России были значительными. Были реализованы элементы демократии — конкурентные выборы, представительные институты, конституция, защищающая права личности, и в принципе начался процесс превращения простых россиян из подданных в граждан. Проблема заключается лишь в том, что многие из этих изменений остались незамеченными. Мнение многих россиян выразила Елена, которая сказала: «Как были мы рабами, так рабами и остались». Многие не понимают, что новые политические институты фундаментально отличаются от старых. Президент очень напоминает царя или генерального секретаря. Должностные лица, даже народные избранники, остаются недоступными, и их не интересует жизнь простых людей. Гражданские права и обязанности не имеют особого значения для людей, которые по-прежнему считают себя подданными, которые не могут достучаться до тех, кто находится во власти, и привлечь их внимание. Безусловно, работа новых российских институтов дает массу оснований для недовольства, но многие из моих респондентов, похоже, просто не замечают даже тех изменений, которые произошли в стране.

Однако в этом отношении не все российские граждане одинаковы. В моей выборке респонденты с более высокими уровнями политической грамотности и поддержки демократии в целом считали, что изменения произошли, и видели связанные с ними возможности для простых граждан влиять на политику властей. Что касается оценки степени свободы, то *менее* политически грамотные респонденты считали себя более свободными. С другой стороны, более политически грамотные и демократически ориентированные респонденты лучше понимали отличие президента от избранного руководителя и считали, что могут влиять на принимаемые властями политические решения. Это не означает, что они были оптимистами. Они полагали, что новые институты не всегда хорошо работают, что даже демократически избранный президент может сосредоточить в своих руках абсолютную власть, если законодательные органы слишком слабы, чтобы противостоять ему, что практически отсутствуют структуры, связывающие население с центрами власти, и что обретенная свобода далека от идеала. Вместе с тем благодаря более глубокому пониманию сущности политических институтов они видели происходящие изменения и признавали наличие возможностей для дальнейших улучшений под давлением со стороны активных граждан.

Чтобы лучше понять ощущение россиянами того, насколько власти учитывают их мнение, полезно посмотреть на них в определенном контексте и кратко сравнить ответы российских респондентов с высказываниями в американской выборке. Американские респонденты в большей степени, чем россияне, уверены, что чиновники учитывают их мнение. Это особенно характерно для более политически грамотных респондентов⁸. Например, Эрнест сказал:

⁸ Американские респонденты распределялись по группам в зависимости от уровня политической грамотности аналогично респондентам в российской выборке. Для определения этого показателя учитывались уровень образования, развернутость и качество ответов, а также общее понимание политической жизни. См. приложение В.

Знаете, многие люди насмеяются над тем, как серьезно политики относятся к выборам, но в каком-то смысле такое отношение соответствует лучшим традициям демократии — политики должны держать руку на пульсе избирателей. Поэтому да, я думаю, они учитывают наше мнение. Конечно, Джорджу Бушу нет дела до меня лично, но его, как и социологические службы, интересует, что думают люди вроде меня.

Кроме того, американские респонденты были более склонны считать, что простые люди могут влиять на решения федеральных органов. Они видели определенные препятствия. Как и Зинаида, Виктория жаловалась на то, что простым американцам очень трудно встретиться с членами Конгресса: их офисы были очень далеко, и у обычного человека не было времени, чтобы до них добраться. Тед полагал, что хорошо финансируемые группы влияния имеют больше шансов быть услышанными в отличие от «простого парня, которого никто не стал бы слушать». Вместе с тем некоторые американские респонденты, особенно политически грамотные, считали, что многие препятствия можно преодолеть, если граждане будут проявлять настойчивость. Адам сказал: «Думаю, что, если бы я сам пришел к моему конгрессмену и поговорил с ним, это ничему бы не помогло. Но я могу собрать группу людей. И если эта группа будет достаточно большой, то конгрессмен нас выслушает». Лео добавил: «Надо признаться, иногда мне кажется, что ничего не получится. Но порой мы видим, что люди настроены изменить эту непростую ситуацию. И им нужно изрядно постараться, чтобы что-то сделать. И это возможно, хотя и очень трудно».

По сравнению с российскими респондентами американцы более уверены в возможности повлиять на принимаемые властями решения, но они не очень заинтересованы в требуемых усилиях. Тед сказал: «Я не хочу в этом участвовать. Каждый день принимаются тысячи решений, которые прямо или косвенно влияют на нашу жизнь. Пусть этим занимаются политики. Я доверяю им и верю, что они могут принять правильные решения». Большинство респондентов также не стремились участвовать

в политике. Некоторые утверждали, что, если ситуация станет критической, они могут предпринять какие-то действия, но пока не ощущают каких-либо угроз своим интересам. Итак, хотя американцы чуть более уверены в способности власти реагировать на нужды людей и верят в возможность граждан влиять на правительство, их поведение не сильно отличается от поведения разочарованных россиян, с которыми я беседовала. Впрочем, американцы живут в более стабильной политической системе.

Революции меняют мир, но они меняют его необязательно быстро, последовательно и понятным для простых людей образом. Для полного осуществления демократической революции в России требуется изменение политической культуры, изменение устоявшихся «культурных идиом»⁹, которыми люди пользуются для понимания политики и способов взаимоотношений с государственной властью. Чтобы стать гражданами демократической страны, простые россияне должны увидеть в государственных органах институты, которые призваны реагировать на их запросы и служить удовлетворению их потребностей. Преобладающее отношение к государству — чем меньше с ним контактов, тем лучше — должно смениться пониманием того, что граждане могут влиять на принятие политических решений. Без этого граждане останутся пассивными, власти не будут реагировать на их требования, и основополагающие принципы демократии не будут полностью реализованы. Однако высказывания россиян, приведенные в этой главе, дают основания полагать, что смена этого отношения еще не произошла. В восприятии многих простых россиян образ государства не претерпел существенных изменений после краха коммунистического режима. Государство-хищник, может, и спрятало когти, но пугающая неопределенность сохранилась. Граждане не чувствовали себя в безопасности из-за угроз экономических потерь и усиления криминала. И насколько они могли видеть, власти оставались безучастными к их пробле-

⁹ Эта фраза принадлежит Т. Скочпол. См. [Скочпол 2017]. О важности политической культуры в революции см. также [Foran 1997; Selbin 1997; Goodwin 1994: 759–760].

мам. Как сказала Инна: «Они сидят там наверху. К нам они не спускаются. Не спрашивают, что нас беспокоит, какие у нас проблемы. Это никого не интересует».

Возможно, вместо граждан, у которых перехватило дыхание от стремительных преобразований, мы должны увидеть граждан, которые ждут наступления реальных перемен в России, как и во многих других странах в постреволюционный период. Людям, пожалуй, труднее всего удастся разглядеть политические изменения. Меняются институты, но эти изменения ускользают от внимания людей, которые воспринимают политику прежде всего как столкновение личностей. Могут открываться новые возможности для политических действий, но граждане, которые не видят этих возможностей, вряд ли воспользуются ими. Демократические революции способствуют превращению подданных в граждан, но не могут изменить понимание людьми роли государства, своей роли и возможностей, присущих преобразившемуся миру.

Глава восьмая

Чего хотят россияне

В предыдущих главах были подробно изучены мнения россиян о демократии, рынках и степени изменения политических институтов, а также был дан ответ на вопрос о том, почему порядок является для многих россиян столь важной социальной ценностью. Однако наиболее важными, вероятно, являются проблемы, которые могут быть сформулированы в виде простых вопросов о том, чего россияне хотят от власти, поддерживают ли они ту власть, которая у них есть, и что бы они в ней изменили, если бы имели такую возможность. Рассмотрению этих вопросов и посвящена эта глава, в которой, таким образом, фокус внимания переносится с конкретных вопросов поддержки демократии и капитализма на более фундаментальные вопросы, касающиеся отношений между российскими гражданами и властью. При изучении этих отношений внимание также будет уделено проблеме политической легитимности, то есть «представления о том, что является правильным и надлежащим в политической сфере» [Истон 1997].

Результаты проведенных интервью показывают, что поддержка людьми существующей политической системы не связана с их предпочтениями в отношении демократии и рынков, а также — по крайней мере, в имеющейся выборке — не предсказывается на основе демографических характеристик респондентов. Однако поддержка людьми существующей власти соотносится с их восприятием того, насколько режим преуспел в создании упорядоченной и предсказуемой среды. Респонденты, обеспокоенные той ситуацией в обществе, которую они воспринимают как

«беспорядок», с большей вероятностью будут считать, что власть имущие принимают решения в своих личных интересах, а не ради общественного блага. Несмотря на значительное недовольство существующей системой, высказанное некоторыми группами участников интервью стремление к изменениям выражено у них в крайне низкой степени. Среди российских респондентов преобладает мнение, что имеющиеся политические институты более или менее соответствуют предъявляемым требованиям, однако недостаточно эффективно функционируют.

Для американских респондентов, напротив, характерны как более твердая уверенность в том, что существующие институты являются правильными, так и более очевидная готовность рассмотреть возможность их изменения. На первый взгляд это может показаться укоренившимся в культуре различием, которое объясняется пассивностью россиян в ситуации неудовлетворенности устройством общества, что является следствием многовековой жизни народа при деспотических режимах. При этом трудно отрицать, что существенное влияние на установки сегодняшних россиян оказывают, по крайней мере, условия их жизни в недавнем прошлом. Опыт советского времени, несомненно, сформировал у них устойчивые взгляды на то, как должна вести себя власть и как граждане могут поступать с властью, которая не оправдала их ожиданий.

Однако существуют и факторы, не лежащие на поверхности. Относительное нежелание россиян рассматривать возможность политических перемен, по-видимому, в значительной степени коренится в тех жизненных обстоятельствах, в которых они оказались. В контексте недавних политических и экономических потрясений, а также сохраняющегося материального неблагополучия, в настоящий момент перемены кажутся многим россиянам слишком рискованными. Кроме того, связи между гражданами и государственными чиновниками в России остаются плохо развитыми, вследствие чего обычным людям трудно представить себе, что у них есть возможность изменить власть в стране. В результате россияне одновременно и лояльны к существующим институтам — с той точки зрения, что они не хотят их менять, —

и отчуждены от этих институтов, поскольку институты не служат удовлетворению потребностей людей.

Следствием этого является политическая пассивность, которая дает руководителям возможность совершать ошибки, не опасаясь немедленной реакции общественности, а также возможность формировать структуры, которые соответствуют собственным предпочтениям этих руководителей, но могут увести институты еще дальше от тех целей, которых хотели бы добиться обычные россияне.

Легитимность и российское государство

Как заметил Ж.-Ж. Руссо, «самый сильный никогда не бывает настолько силен, чтобы оставаться постоянно повелителем, если он не превращает своей силы в право, а повиновения ему — в обязанность» [Руссо 1998: 200]. Любая власть стремится осуществить это превращение — внушить гражданам чувство, что они обязаны подчиняться законам, платить налоги и, в конечном итоге, отдавать свои жизни, защищая свою страну. При этом власть, основанная лишь на принуждении, слишком дорого стоит и не отличается устойчивостью, в то время как власть, основанная на правосознании, менее обременительна для правителей и в меньшей степени подвержена угрозе свержения. В случае если граждане в целом считают, что политические институты основаны на понятиях *права* и *обязанности*, эти институты можно назвать легитимными.

Согласно определению С. Липсета, легитимность представляет собой свойство, которое обеспечивается верой народа в то, что «существующие политические институты являются самыми подходящими и приемлемыми для данного общества» [Липсет 2016]. Несколько другим языком, но вкладывая в толкование тот же основной смысл, Д. Истон говорил о «диффузии поддержки режима», «внутреннем убеждении в моральной обоснованности властей или режима» и о наличии у человека ощущения, что режим «соответствует [его] собственным моральным принципам,

его собственному представлению о том, что является правильным и надлежащим в политической сфере» [Истон 1997]¹. В толковании Р. Лейна говорится о «верности», о вере в то, что власть действует от имени граждан, что правила игры справедливы, что правление имеет законную силу и «дано» по природе вещей; противоположностью верности является отторжение [Lane 1962: 176]. В сходном смысле А. Грамши писал о «гегемонии» — социальном конструкте идей, которые удерживают правителей у власти и делают их правление неизбежным. Общая для всех упомянутых концептуальных представлений идея сводится к тому, что представления народа о том, как должна функционировать власть и что она должна делать, в некоторых случаях соответствуют реальной политической практике, а в других — не соответствуют ей, и в тех случаях, когда народ считает, что практика власти действительно соответствует его ожиданиям, политическая система может быть названа легитимной.

Таким образом, легитимность неуловима. При изменении ожиданий народа власть может потерять легитимность, если она не изменит своего поведения. И наоборот — при некоторых обстоятельствах власть может оставаться в глазах граждан в высшей степени легитимной, даже если она не в состоянии удовлетворить ни их основные потребности, ни ожидания внешних наблюдателей. Легитимность неуловима также и по причине трудности ее измерения. Она зависит от оценки власти обычными гражданами, которым может быть затруднительно заявить о своем «внутреннем убеждении в моральной обоснованности» режима и сформулировать, «что является правильным и надлежащим в политической сфере».

Представляется, что, несмотря на свою неуловимость, легитимность дает ряд преимуществ. Прежде всего, она может повысить эффективность правления, поскольку граждане с большей вероятностью будут выполнять указания государственных структур, которые они считают правильными и надлежащими. Следовательно, легитимные режимы должны иметь больше

¹ См. также [Easton 1975].

возможностей для осуществления крупных и сложных процессов, таких как социальная модернизация, рыночная реформа или даже демократизация [Манн 2018; Migdal 2001; McDaniel 1991]. Силой можно заставить граждан *воздержаться* от каких-либо действий, но легитимные режимы могут от имени политического сообщества вдохновлять граждан на реальные действия, тем самым устраняя необходимость прибегать к силе или другим дорогостоящим видам управления обществом [Jackman 1993; Gamson 1968: 128–135]. Кроме того, легитимные режимы, по-видимому, способны с меньшими потерями переносить такие временные трудности, как война или экономический спад. Как утверждал А. Грамши, гегемония функционирует как броня, защищающая государство, тогда как государства, которые не обладают преимуществом соответствия ожиданиям своих граждан, легко могут пасть перед лицом относительно небольших угроз. Сравнивая западноевропейские правительства с царским режимом, который рухнул в 1917 году, Грамши заметил:

На Западе существовали соответствующие отношения между государством и гражданским обществом, и когда государство шаталось, сразу же обнаруживалась крепкая структура гражданского общества. Государство было только внешним рвом, за которым существовала мощная система крепостей и земляных укреплений [Грамши 1991].

Легитимность обеспечивает существование такой мощной системы крепостей и, следовательно, является свойством, которого правители жаждут добиться и о наличии которого могут оказаться вынуждены заявлять даже в тех случаях, когда имеются свидетельства обратного.

Получить признание своей легитимности — цель любого правителя, но для власти посткоммунистической России легитимность имеет особое значение. Начать с того, что российская власть является новой властью, а любая новая власть не имеет того безоговорочного признания, которое возникает вследствие того, что эта власть существует столько, сколько граждане ее

помнят. Кроме того, новые институты, как правило, работают хуже, чем просуществовавшие достаточно длительное время и укомплектованные квалифицированными чиновниками, действующими в соответствии с предсказуемыми процедурами. В России новые институты функционировали неэффективно, о чем свидетельствуют проблемы, связанные с низкой собираемостью налогов, криминалом, коррупцией, нарушениями в процессе приватизации и, в более общем плане, с отказом чиновников выполнять указания руководителей [Никовская 2000; Рыбкина 2000; Степанов 2000]. Институциональная несостоятельность представляла собой особенно серьезную проблему ввиду того, что постсоветская власть России взяла на себя огромные обязательства — в частности, реформирование социалистической экономики, — выполнение которых повлекло за собой огромные издержки для многих граждан. Вследствие этого на ранних этапах экономической реформы был серьезно подорван один из возможных источников легитимности власти — благосостояние населения. Как утверждает Липсет, когда положение крупного консервативного класса оказывается под угрозой, возникает вопрос о легитимности системы [Липсет 2016]. Именно такой была ситуация в России в первые десятилетия после падения коммунистического режима: трудящиеся, составляющие большинство населения, лишились социальных гарантий, не получив при этом ни повышения благосостояния, ни каких-либо значимых возможностей улучшения своего положения.

Кроме того, формирование общественного согласия особенно важно для российских институтов ввиду того, что они строятся на неплодородной почве. Еще в царские времена Россия страдала от «хищнического государства», которое высасывало из общества все доступное богатство, обслуживая лишь самые насущные социальные нужды [LeDonne 1993]. Советское государство, возможно, получило определенное одобрение народа благодаря принятию в целом популярных актов о социальном обеспечении, однако советская власть также способствовала углублению и без того огромной пропасти между простыми людьми и государством. Практически все эксперты согласны в том, что в постсо-

ветскую эпоху преодолеть эту пропасть также не удалось. Как заметил В. Шлапентох, «россияне никому и ничему не доверяют, и практически к любой общественной проблеме относятся с безразличием» [Shlapentokh 1996: 396]. При низком уровне доверия людей к политическим институтам² весьма высок уровень апатии населения [Shirayev 1999; Mau, Starodubrovskaya 2001]³ и практически никакие действия властей — с их патернализмом, коррупцией и непрекращающимися битвами за привилегии, — вероятно, не способны вызвать поддержку населения.

Что вызывает поддержку?

Здесь возникает вопрос о том, что *способно* вызвать поддержку народа. Возможных ответов на него относительно немного, однако все они вызывают споры. Одно из распространенных объяснений заключается в том, что источником поддержки является *эффективность* деятельности власти. Предполагается, что граждане поддерживают власть, которая, по их мнению, преуспевает, например, в деле защиты свободы, обеспечения безопасности и содействия процветанию. По этой логике, «кризис легитимности» прогнозируется тогда, когда эффективность деятельности власти подорвана, будь то по причинам, скрытым в развитии зрелого капитализма, как утверждал Ю. Хабермас, или вследствие расширения требований народа, как в 1970-е годы предсказывали С. Хантингтон и другие исследователи [Habermas 1975; Crozier et al. 1975].

Тезис о том, что эффективная власть вызывает у граждан одобрение, а неэффективная власть вызывает у них сомнения, представляется весьма обоснованным, и имеются свидетельства, подтверждающие его правильность. В частности, используя данные Всемирного обзора ценностей за 1995–1997 годы, У. Мишлер

² См. [Rose 1994: 26; Rose 1995; Горшков 2003: 469]. Люди на Западе также с недоверием относятся к политическим институтам. См. [Hall 1999].

³ См. также [Oreshkin 2003].

и Р. Роуз установили, что эффективность деятельности власти является главным прогнозом политической поддержки в 38 странах, в которых проводилось исследование [Mishler, Rose 2001б; Mishler, Rose 1996; Mishler, Rose 2002; Rose, Mishler 1994]. В отношении 12 стран, где проводились исследования в рамках Международного проекта по исследованию социальной справедливости, Д. Мейсон пришел к следующему заключению:

Экономические факторы, будь то макроуровневые (обеспокоенность ростом бедности) или микроуровневые (озабоченность собственным уровнем жизни), имеют большое значение в объяснении причин удовлетворенности или неудовлетворенности в политической сфере [Mason 1995: 71].

Результаты российских опросов также указывают на гораздо более позитивные оценки населением деятельности власти в годы правления Путина, чем при Ельцине, и, вероятно, здесь не последнюю роль играет тот факт, что с момента прихода Путина к власти наблюдается рост экономики, вследствие чего большая часть населения считает, что страна движется в правильном направлении [Дубин 2002; Шестопал 2003; ВЦИОМ 2002б]. В целом существует больше свидетельств того, что эффективность деятельности власти повышает уровень поддержки, нежели доказательств того, что неэффективность власти заставляет граждан отказываться от ее поддержки. По крайней мере, представляется, что власть, пользующаяся поддержкой народа, способна успешно переживать краткосрочные периоды снижения эффективности [Muller, Jukam 1977; Seligson, Muller 1987; Weil 1989]⁴.

Согласно второму объяснению, главным фактором легитимности являются *процедуры*, а не эффективность деятельности.

⁴ Некоторые ученые в качестве меры легитимности используют показатели эффективности деятельности власти. См. [Weatherford 1992]. Я вслед за С. Липсетом [Липсет 2016] различаю эффективность деятельности власти и выводы о ее эффективности, которые граждане делают на основании результатов этой деятельности.

Иными словами, поддержка гражданами власти зависит от того, как эта власть принимает решения, то есть от политического *процесса*, а не от конкретных результатов работы. Граждане поддерживают власть, если считают, что политические процедуры в основном справедливы. Справедливыми процедуры считаются в том случае, если они являются непредвзятыми, беспристрастными, честными и предполагают уважение к правам граждан [Tyler 1990]. Однако выбор конкретных процедур, признаваемых справедливыми, зависит от структуры общества. Например, в сильно сегментированных обществах мажоритарные процедуры, по-видимому, дискриминируют меньшинства, и в качестве более справедливых могут рассматриваться процедуры, основанные на пропорциональном представительстве [Rogowski 1974: 165]. Однако справедливость в данном случае понимается в том смысле, что справедливые процедуры позволяют каждому игроку повлиять на результаты игры. Чтобы продолжать игру, игроки не обязательно должны побеждать, но должны быть убеждены в возможности своей победы в будущем. В этой связи Ф. Вайл писал: «Если представлять демократию как соревнование между игроками, то игроки вряд ли откажутся от соревнования исключительно из-за его результата, а скорее потому, что правила игры работают не так, как было задумано» [Weil 1989: 697].

В подтверждение данной концепции также можно привести ряд убедительных аргументов. В своем исследовании Ф. Вайл показал, что доверие к политическим институтам возрастает при наличии гибкой структуры оппозиции, особенно такой, в которой отсутствует чрезмерная раздробленность и поляризация партий. Как показали Дж. Хиббинг и Э. Тайсс-Морс, причиной недовольства американцев институтами государственной власти являются проблемы, которые граждане связывают с процедурами. Американцы недовольны Конгрессом тогда, когда он кажется им неэффективным и небеспристрастным [Hibbing, Theiss-Morse 1995]. В США от оценки гражданами политических процессов зависит одобрение ими деятельности федеральных властей и мнение людей о том, должны ли они подчиняться закону [Hibbing, Theiss-Morse 2001].

Согласно третьему объяснению, источником политической поддержки являются *ценности*, которых придерживаются граждане, и утверждается, что граждане поддерживают ту власть, которая соответствует их ценностям. В частности, Р. Инглхарт утверждал, что ожидания общества, связанные с деятельностью власти, меняются в связи с тем, что процессы модернизации влияют на преобладающие ценности граждан [Инглхарт 1999]. По мнению Р. Патнэма, конкретно в основе поддержки власти лежат ценности социального доверия и гражданского участия [Патнэм 1996]. Другие исследователи наиболее важными считают особые ценности, присущие каждой конкретной культуре. Например, в отношении России Т. Макдэниел утверждает, что «по-настоящему легитимной в глазах русского народа» будет только власть, ориентированная на русскую идею в той или иной ее форме [McDaniel 1996]⁵. Согласно концепции Макдэниела, русская идея включает в себя приверженность утопическим целям, глубинную общинность, равенство в распределении материальных результатов и патерналистское правление.

Помимо споров об источниках поддержки гражданами власти, имеют место также некоторые разногласия относительно того, как наиболее целесообразно понимать и измерять легитимность. Объяснения, основанные на легитимности, имеют тенденцию к образованию порочного круга и зачастую содержат в себе указания на факторы или следствия, трудно отличимые от самой легитимности⁶. Например, если считается, что легитимность способствует стабильности режима или соблюдению гражданами закона, то эти характеристики не могут служить частью определений самой легитимности или средств измерения легитимности. В этой главе легитимность понимается как субъективное принятие существующих политических структур как подходящих для общества, что прямо выражается в установках людей, но не в их поведении. Легитимность не считается синонимом выживания режима, хотя в последнем разделе этой главы рассматриваются

⁵ Сходную точку зрения см. [Alwin et al. 1995].

⁶ См. [O'Kane 1993].

некоторые ее следствия для выживания режима. Основное внимание в этой главе уделяется тому, какие факторы могут способствовать легитимности власти или, другими словами, что может вдохновить граждан поверить в то, что власть, которая у них есть, является именно той властью, которую они хотят иметь.

Измерение легитимности осложняется необходимостью учитывать чувства, которые люди испытывают по отношению к власти независимо от конкретных личностей, оказавшихся у власти, — чувства, которые являются относительно постоянными и касаются поддержки институциональных структур и идей, лежащих в основе этих структур⁷. Решение данной проблемы в этой главе начинается с измерения степени поддержки действующих представителей власти и рассмотрения факторов, которые, по всей видимости, способствуют такой поддержке в России. Для перехода от оценок действующих должностных лиц к попытке определить степень, в которой респонденты считают, что действующие институты являются подходящими для России, используется серия вопросов о том, как респонденты хотели бы изменить существующие институты, что они ценят в этих институтах и могут ли они представить себе институты, которые лучше соответствовали бы их потребностям. В целях более точного установления закономерностей в ответах россиян, эти ответы сопоставляются с ответами американских респондентов.

Поддержка действующих представителей власти: общая картина

В отличие от замеров поддержки политической системы в целом — «диффузии поддержки режима», или легитимности в понимании Истона, — проведение которых затруднительно, измерение поддержки действующих представителей власти особой

⁷ К поддержке политических субъектов, институтов и принципов режима П. Норрис добавляет еще два замера: поддержку политического сообщества и поддержку режима. См. [Norris 1999].

трудности не представляет. Оценка непосредственно конкретных людей и политики не вызывает у респондентов серьезных затруднений, и такие оценки фактически лежат в основе исследований общественного мнения. В зависимости от ответов российских участников интервью на три вопроса о том, действуют ли президент, Государственная дума и мэры их городов в интересах большинства граждан, респонденты были разделены на три группы по возрастанию поддержки действующей власти⁸. Такое деление не является показателем легитимности, но является первым шагом на пути к пониманию того, как россияне оценивают существующую власть.

Общие сведения о демографических характеристиках респондентов каждой группы приведены в таблице 8.1. Не следует придавать большого значения *количеству* респондентов в каждой группе, поскольку размеры групп могли бы оказаться иными при иных правилах принятия решений о проведении границ⁹. Целью деления на группы является проведение сравнения между группами и составление картины распределения поддержки власти в выборке, а не подсчет количества респондентов в каждой группе или проецирование конфигурации поддержки на все население России.

Данные, приведенные в таблице 8.1, позволяют говорить о некоторых закономерностях в конфигурации поддержки действующих представителей власти. Ее уровень был выше среди респондентов, опрошенных в 2003 году, что, вероятно, частично отражает сравнительно высокую популярность Путина и стабильный экономический рост во время его нахождения у власти. В то время как рейтинг одобрения Ельцина в последние годы его правления почти никогда не превышал 30%, у Путина

⁸ Об измерении поддержки действующих представителей власти см. приложение В.

⁹ Например, при пороговых значениях 1,5 и 2,5 в группе с «низким уровнем поддержки» оказалось бы 11 респондентов, в группе с «высоким уровнем поддержки» — 7 респондентов, а в группе с «умеренным отношением» — 42 респондента.

Таблица 8.1. Демографические характеристики, связанные с поддержкой действующих представителей власти (российские респонденты, $N = 60$)

Низкий уровень поддержки (24 респондента)	Умеренное отношение (15 респондентов)	Высокий уровень поддержки (21 респондентов)
14 респондентов 1998 г., 5 респондентов 2000 г., 5 респондентов 2003 г.	6 респондентов 1998 г., 6 респондентов 2000 г., 3 респондента 2003 г.	10 респондентов 1998 г., 3 респондента 2000 г., 8 респондентов 2003 г.
16 женщин, 8 мужчин	7 женщин, 8 мужчин	9 женщин, 12 мужчин
3 респондента до 30 лет, 7 респондентов более 60 лет	1 респондент до 30 лет, 6 респондентов более 60 лет	10 респондентов до 30 лет, 2 респондента более 60 лет
7 из Сибири, 7 из Москвы, 10 из европейской части России	1 из Сибири, 7 из Москвы, 7 из европейской части России	0 из Сибири, 5 из Москвы, 16 из европейской части России
3 — неполное среднее обр., 12 — высшее обр.	1 — неполное среднее обр., 5 — высшее обр.	1 — неполное среднее обр., 11 — высшее обр.

соответствующий показатель лишь в редких случаях опускался ниже 70 %¹⁰. При этом, как показано в работе Б. В. Дубина, оценки деятельности президента существенно влияют на общую оценку действующей власти [Дубин 2002: 16]. Кроме того, уровень поддержки действующих руководителей был выше среди молодых респондентов, вероятно, вследствие того факта, что молодые россияне, как правило, более склонны к реформам

¹⁰ Полезные резюме результатов опросов ВЦИОМ см. [White et al. 1997: 169; Rose, Munro 2002: 86, 190], а также www.russiavotes.org.

и реже испытывают ностальгию по прошлому¹¹. Жители Сибири, включенные в выборку, в большинстве случаев демонстрировали более низкий уровень поддержки действующей власти, чем респонденты из других частей страны, что, вероятно, объясняется более тяжелым положением сибирских регионов — удаленностью от центра, ограниченными экономическими возможностями, повсеместным снижением материального благосостояния и относительно высокой долей неконкурентоспособных предприятий. Уровень образования, профессия и пол респондентов в имеющейся выборке не оказывали серьезного влияния на поддержку ими действующих политических руководителей¹².

Как показано в таблице 8.2, изложенные выше результаты подтверждаются статистическим анализом. Значимыми демографическими предикторами поддержки оказались лишь возраст, оценка респондентами своего экономического положения и проживание в Сибири, хотя для первых двух переменных выявленная корреляция не является очень сильной. Более молодые и обеспеченные респонденты из европейской части России были более склонны полагать, что руководители, находящиеся у власти, действуют в интересах большинства. Помимо общих корреляций были рассчитаны корреляции с разбивкой выборки между участниками интервью 1998 года, когда президентом был Ельцин, и участниками более поздних интервью, проводившихся после того, как Ельцина сменил Путин. В 1998 году значимым предиктором было лишь проживание в Сибири, что, возможно, отражает сформировавшееся к тому времени общее резко отрицательное отношение к Ельцину. В ходе интервью, проводившихся в два последующих года, действующих представителей власти

¹¹ Тот факт, что в 2003 г. было опрошено больше молодых респондентов, затрудняет различение влияния молодости и времени. Как показал Ю. А. Левада, молодые россияне более эффективно приспосабливаются к новой России и преуспевают в ней. См. [Левада 2002].

¹² Это согласуется с предыдущими исследованиями. См. [Mishler, Rose 2001b; Mishler, Rose 1996].

в большей степени поддерживали более молодые, более образованные и более обеспеченные люди. Следует вновь оговориться, что целью приводимого здесь ограниченного статистического анализа является ознакомление читателя с закономерностями, обнаружившимися в имеющейся выборке. Хотя представленная в этой работе группа респондентов значительно меньше средней выборки общенациональных репрезентативных опросов, эта группа, тем не менее, достаточно велика для того, чтобы модели поддержки не выводились непосредственно из текстов самих интервью.

В таблице 8.2 также показаны зависимости между поддержкой руководителей государства и политическими ориентациями, обсуждавшимися в предыдущих главах. Здесь вновь бросается в глаза отсутствие значимых корреляций. Сторонники демократии поддерживали действующее политическое руководство не в большей и не в меньшей степени, чем ее противники. В период президентства Путина сторонники рынка чаще высказывали мнение о том, что государственные чиновники работают в интересах большинства, однако в годы президентства Ельцина ситуация была обратной, и даже там, где обнаруживается корреляция, она не может считаться сильной. Политическая грамотность также не оказывает влияния на поддержку действующих руководителей. Единственной политической установкой, довольно последовательно коррелирующей с поддержкой действующих представителей власти, является рассмотренное в главе шестой ощущение социального беспорядка. Респонденты с высоким уровнем ощущения социального беспорядка были в меньшей степени склонны думать, что государственные чиновники работают в интересах большинства населения. В таблице 8.3 показано распределение респондентов из России в зависимости от поддержки ими действующих политических руководителей и уровня ощущения социального беспорядка. Таблица может быть полезна читателю и в дальнейшем, при ознакомлении с комментариями отдельных участников интервью, для установления соответствий различных мнений и респондентов, которые их высказывали.

Таблица 8.2. Анализ факторов поддержки действующих политических руководителей (российские респонденты, $N = 60$)

	Поддержка действующих руководителей, все годы ($N = 60$)	Поддержка действующих руководителей, 1998 г. ($N = 30$)	Поддержка действующих руководителей, 2000, 2003 гг. ($N = 30$)
Возраст (верх = старше)	-0,323*	-0,092	-0,473**
Образование (верх = выше)	0,071	-0,199	0,384*
Собственная оценка экономического положения (верх = лучше)	0,274*	0,199	0,463*
Пол (верх = мужской)	0,187	0,194	0,184
Житель Сибири (верх = да)	0,153	0,305	0,330
Поддержка демократии	-0,361**	-0,450*	-0,241
Поддержка рынка	0,005	0,013	0,200
Поддержка политической грамотности	-0,146	-0,149	-0,090
Ощущение социального беспорядка	0,265	0,432	0,635
	0,225	0,152	0,376*
	0,084	0,422	0,041
	-0,144	-0,358	0,117
	0,273	0,052	0,538
	-0,381**	-0,290	-0,505**
	0,003	0,120	0,004

Примечание: Верхнее число в каждой ячейке — коэффициент корреляции Пирсона между действующей поддержкой и переменной, наименование которой указано слева. Нижнее число — двусторонняя значимость. Значения с одиночными звездочками — корреляции, значимые на уровне 0,05 (двусторонняя значимость). Значения с двойными звездочками — корреляции, значимые на уровне 0,01 (двусторонняя значимость). Если не указано иное, значения упорядочены таким образом, что цифры, расположенные выше, соответствуют более высокой степени качества (более высокому уровню образования, более высокому уровню поддержки и т. д.).

Таблица 8.3. Ощущение социального беспорядка и поддержка действующих политических руководителей (российские респонденты)

	Низкий уровень ощущения беспорядка	Умеренное ощущение беспорядка	Высокий уровень ощущения беспорядка
Высокий уровень поддержки	Катя, Екатерина, Юрий, Коля, Люба, Михаил, Надя, Павел, Раиса, Руслан, Сергей, Слава, Витя (13 респон- дентов)	Анна Павловна, Геннадий, Ирина Львовна, Рая, Толя, Валя, Вася (7 респон- дентов)	Иосиф (1 респон- дент)
Умеренная поддержка	Аркадий, Дима, Клара, Надежда, Олег, Оль- га Юрьевна (6 респон- дентов)	Александра Анто- новна, Евгений, Николай, Полина, Вилен Николае- вич (5 респон- дентов)	Инна, Влади- мир Ильич, Егор Егорович, Зоя Игоревна (4 респондента)
Низкий уровень поддержки	Аня, Мари- на Алексан- дровна, Миша, Наталия (4 респондента)	Алла, Ан- дрей Викторович, Борис Борисович, Григорий, Константин, Лев, Людмила Влади- мировна, София, Соня, Светлана, Татьяна Михай- ловна (11 респон- дентов)	Алексей, Елена, Галина Григорьев- на, Иван Ивано- вич, коллектив, Лена, Пелагея, Валентина, Зинаида (9 респондентов)

Важность эффективной деятельности власти

При детальном ознакомлении с суждениями, которые участники интервью высказывали, оценивая государственных служащих, становится очевидно, что если, по мнению респондентов, в результате действий чиновников сложность и непредсказуемость жизни людей повышается, то респонденты также полагают, что чиновники работают не в интересах большинства, которое эти респонденты считают состоящим из людей, подобных им самим. Другими словами, основным источником поддержки действующих представителей власти, по-видимому, является *эффективность деятельности власти*. Аналогичные причинно-следственные связи обнаруживаются и при анализе результатов массовых опросов общественного мнения. В частности, В. С. Мокрый указывает на резкое снижение поддержки президента и правительства после финансового кризиса 1998 года [Мокрый 1999: 23].

Мои респонденты, безусловно, были обеспокоены крупными макроэкономическими изменениями, однако их жалобы на деятельность власти касались прежде всего непосредственных и повседневных обстоятельств их жизни. В частности, Валентина пожаловалась, что мэр ее города ничего не делает для уборки грязи на улицах и не понимает повседневных проблем простых людей, потому что он никогда не ходил пешком, а только ездил на машине. Она сказала: «Судя по тому, какой в городе ужасный беспорядок, я не удовлетворена. Я бы хотела, чтобы наш мэр стал на неделю обычным человеком и ему пришлось бы, как всем нам, ходить пешком по городу, тогда бы он увидел, какой у него город». Проблемы, беспокоившие Галину Григорьевну, также были сосредоточены в непосредственной близости от дома. «Мэр должен заботиться обо всем в городе: об улицах, мусоре, воде и тепле и, то же самое, о газе — обо всем, — сказала она. — А это у него получается плохо. Наши улицы не убираются. Мусор валяется у контейнеров. Воду отключают без предупреждения».

По мнению многих респондентов, на то, что чиновники не заботятся об интересах большинства, указывали плохие эконо-

мические показатели, закрытие предприятий и невыплата зарплаты. У Андрея Викторовича было более сложное представление о том, что следовало бы предпринять в интересах людей и в целях достижения предсказуемости жизни, однако, как и другие участники интервью, он отказывался поддерживать чиновников, деятельность которых не способствовала продвижению этих интересов. О деятельности Ельцина он сказал следующее: «Мне кажется, что у него были возможности для дальнейшего реформирования, но он не осознавал этих возможностей. Кроме того, по конституции он играет роль гаранта наших прав, и опять же, этой роли он не выполнял или выполнял не всегда, по крайней мере, в важных вопросах». В главе шестой было показано, как сильное ощущение разбалансировки общества подрывает поддержку демократии. Из изложенного в этой главе следует, что такое острое восприятие социального беспорядка также ослабляет поддержку действующих представителей власти, независимо от того, считаются ли они демократами.

И наоборот, люди, выразившие государственным чиновникам поддержку, были склонны думать, что жизнь достаточно предсказуема, а ситуация в обществе находится под контролем. Например, Люба отзывалась о работе мэра своего города так: «Я довольна тем, что наконец-то город чистый. Нет никаких чрезвычайных происшествий, драк; на улице нет пьяных; хорошо работает милиция». Далее она выразила свое отношение к городскому законодательному органу: «Я довольна, потому что городской совет нам особо не мешает. Депутаты издают нормальные законы и стараются, чтобы людям платили вовремя». Раиса также была довольна своим мэром: «Нам нравится, что в нашем городе порядок, чистые улицы, цветы, зеленые насаждения. Он пытается понять все вопросы. Он сам из нашего города. Он один из нас, местный. Он знает все наши предприятия, все проблемы». Мэром, который нравился Раисе, был человек, который занимал этот пост, как она выразилась, «при советской власти». Этот мэр был «скажем так, хороший человек, коммунист». Напротив, «мэр-демократ», занимавший этот пост во время перестройки, «в основном ездил за границу: ездил сам, брал с собой семью, брал

с собой помощников», тогда как муж Раисы в то время собирал картофель, оставленный на полях после сбора урожая в соседнем колхозе, вынужденный заниматься этим, поскольку ни он, ни Раиса не получали зарплаты.

Учитывая тот факт, что Раиса была убежденной сторонницей рыночной экономики, а не коммунизма, следует особо отметить, что ее желание жить в эффективно управляемом городе преобладало над идеологическими соображениями. Ее комментарии, наряду с комментариями других респондентов, указывают на то, что поддержку действующих представителей власти в России вызывает не любая их деятельность, а эффективные действия по обеспечению стабильного, предсказуемого существования. Как правило, людей, критиковавших государственных чиновников, беспокоили условия повседневной жизни — дороги, тротуары, транспорт, преступность, уборка мусора. Кроме того, люди были заинтересованы в результатах в экономической сфере. Их жалобы касались не их собственного материального положения, которое в большинстве случаев они считали удовлетворительным или, по крайней мере, приемлемым. Скорее их беспокоила общая экономическая ситуация: работают ли заводы, могут ли люди найти работу и есть ли у них надежда на будущее.

Почему некоторые респонденты были удовлетворены положением дел в большей степени, нежели другие и эта удовлетворенность служила источником большей поддержки ими представителей власти? Безусловно, одной из причин являются различия в непосредственном опыте людей, особенно с точки зрения качества управления на местном уровне. Витя, житель того же подмосковного города, что и Раиса, так же как и она, был в восторге от мэра, в то время как Алла в целом согласилась с данной Валентиной негативной оценкой мэра их города, добавив лишь оговорку о том, что у него недостаточно финансовых средств. Она полагала, что при наличии у мэра достаточных финансовых средств его будет труднее подкупить и он будет чаще защищать интересы большинства. Кроме того, некоторые респонденты чувствовали повышение собственного материального благосостояния. Почти половина участников интервью, полностью

поддерживавших действующую власть, оценила свое личное материальное положение как прекрасное, и ни один из таких респондентов не считал свою экономическую ситуацию крайне неудовлетворительной. Среди участников интервью с низким уровнем поддержки чиновников менее трети назвали свое материальное положение хорошим, а четверть респондентов этой группы сочла, что находится в крайне неудовлетворительных экономических обстоятельствах. Однако эта разница в оценках в большей степени относится к восприятию людьми своего материального положения, нежели отражает реальные различия в уровне благосостояния.

Прежде всего следует отметить, что респонденты, в большей степени поддерживавшие действующих руководителей, обычно ожидали от власти несколько иного, нежели респонденты из других групп. В некоторых случаях осуществление этих ожиданий было менее затруднительно, чем обеспечение экономического процветания, которого требовали участники интервью, враждебно настроенные по отношению к представителям власти. В частности, Юрий рассчитывал, что власть создаст условия, при которых люди могли бы сами работать на себя. Он не ожидал, что «придет настоящий царь и поднесет нам все на блюде», как, по его мнению, ожидали этого некоторые его сограждане. Другие респонденты, выразившие максимальную поддержку власти, были благодарны ей за ту свободу, которую они получили после распада Советского Союза, за то, что они могут выезжать в другие страны, или за то, что реформы продолжаются, хотя до достижения ощутимых успехов предстоит пройти еще неблизкий путь. Обеспечение свободы является для власти значительно более легко выполнимой задачей, чем обеспечение всех желающих рабочими местами и наведение чистоты на улицах, поскольку для обеспечения свободы достаточно лишь снять препоны и не мешать людям.

Благосклонные к власти участники интервью не только предъявляли к ней требования, отличные от требований других групп респондентов, но и в большей степени были готовы ждать исполнения желаемого. В целом в отношении перспектив

на будущее они были настроены более оптимистично, чем критики власти. Например, Павел объяснил свое доверие Путину следующим образом: «Живу нормально. Работаю. Ну, и думаю, что в будущем здесь все будет хорошо. Я оптимист». Толя сказал: «В целом, конечно, хотелось бы думать, что мы идем в прогрессивном, правильном направлении. Я бы не хотел быть пессимистом в этом отношении. Думаю, со временем все наладится». Кроме того, Толя считал, что, если в конституции сказано, что президент действует в интересах народа, то президент именно так и поступает в реальности. При этом лишь трое из решительных сторонников действующих представителей власти выразили сомнения в том, что Россия движется в правильном направлении¹³. Принципиально иной была ситуация в группе с низким уровнем поддержки действующей власти, где сомнения в правильности направления развития России высказали почти все участники интервью. Даже когда такие респонденты считали, что Россия движется в целом в правильном направлении (так полагали лишь четверо), они сомневались в том, что на этом пути был достигнут значительный прогресс. По этому поводу Миша сказал: «Идут в правильном направлении, но неправильным путем». Другие респонденты высказывались смелее. Так, Константин заметил: «Есть надежда, что, может быть, будет лучше, но пока я этого не вижу. Мне кажется, что пока происходит распад. Как же это может быть правильным направлением?»

Выявление глубинных причин оптимизма и пессимизма, которые лежат в основе различия между сторонниками действующей власти и теми, кто в меньшей степени доверяет государственным чиновникам, представляет серьезную трудность. Нельзя утверждать, что причины оптимизма коренятся только в материальном положении людей: на момент проведения интервью Сергей и Слава были безработными; Рая, Толя, Люба и Михаил

¹³ Большинству респондентов был задан вопрос о том, считают ли они, что Россия движется в правильном направлении, — вопрос, который часто используется в стандартизированных опросах.

были *бюджетниками*¹⁴, и их заработная плата напрямую зависела от финансирования из местного бюджета, а Коля прервал учебу, чтобы прокормить семью. Однако все эти люди выразили уверенность в том, что Россия движется в правильном направлении и представители власти четко понимают интересы большинства. В то же время Григорий и его жена занимались частным бизнесом и имели в собственности дом и автомобиль, однако Григорий опасался, что Россия движется в неправильном направлении, а чиновников мало заботит ущерб, который наносит людям их политика. Он сказал:

Наш премьер-министр — марионетка. Все они здесь марионетки. У нас есть как бы единый царь, вроде как единый бог. Это президент... Даже если будет сделано что-то неприемлемое для Ельцина, он будет использовать это в своих личных корыстных интересах. Он хочет избавиться от кого-то ради достижения каких-то целей, не государственных целей, а целей, связанных с внутривнутриполитическими играми. Это ясно практически всему народу.

К концу срока пребывания Ельцина у власти характер внутренней политики его режима действительно стал весьма очевидным. Однако это не повлияло на оптимизм некоторых респондентов. Некоторые оптимисты были просто недостаточно информированы: например, Валя, Катя и Екатерина затруднились что-либо сказать о действующей власти, но были уверены, что чиновники заботятся об их интересах. Люди, уверенные в том, что Россия движется в правильном направлении и власть служит интересам большинства, чаще всего являются сторонниками свободного рынка. Однако в России поддержка рыночной экономики скорее представляет собой признак веры в будущее, нежели свидетельствует о каком-либо конкретном достижении.

¹⁴ Данная категория включает в себя не только людей, работающих непосредственно в органах местной власти, но также учителей и врачей. Респонденты регулярно указывали на то, что уровень оплаты труда работников, входящих в эту группу, является крайне низким. В конце 1990-х годов от задержек выплаты заработной платы чаще всего страдала именно эта категория занятых.

В этой связи можно сделать вывод о том, что различия в отношении респондентов к действующей власти объясняются тем, что некоторые люди по своей природе более оптимистичны, чем другие, и что этот оптимизм распространяется и на все их мнения¹⁵. Эти люди смотрят на мир с надеждой и склонны видеть в действиях власти хорошее, будучи уверены в доброй воле чиновников даже тогда, когда эффективность деятельности власти явно недостаточна.

В любом случае представляется, что положительные оценки эффективности деятельности власти являются важным источником поддержки людьми ее действующих представителей. В частности, респонденты, считавшие непосредственно окружающий их мир упорядоченным и предсказуемым, с большей вероятностью были склонны полагать, что облеченные властными полномочиями чиновники действуют в интересах большинства. Однако, по-видимому, взгляды людей частично зависели и от того, к каким взглядам эти люди были предрасположены. В отличие от врожденного оптимизма, ценности, по-видимому, играли в оценке респондентами действующих представителей власти явно второстепенную роль. В обследованной российской выборке демократические ценности не оказывали влияния на поддержку власти. Респонденты также не выражали такого стремления к утопическому идеалу социального равенства и глубокой общинности, которое, возможно, было бы выражено, если бы люди хотели, чтобы действия власти в большей степени соответствовали традиционным российским ценностям. Когда респонденты, критиковавшие действующих руководителей, говорили о рабочих местах и зарплатах, они, по-видимому, хотели скорее достижения макроэкономической стабильности в стране, чем ее возврата к социализму советского образца.

В некотором смысле, однако, трудно отделить комментарии людей об эффективности деятельности власти от ценностей, которых придерживаются люди, делающие такие комментарии.

¹⁵ По мнению Дж. Альфорда и Дж. Хиббинга, некоторые политические ориентации могут быть обусловлены генетически. См. [Alford, Hibbing 2004].

На оценку респондентами деятельности власти влияли их ожидания по отношению к власти: если люди ожидали от власти обеспечения высоких показателей экономического развития страны, то они были разочарованы в большей степени, чем в том случае, если они ожидали получения права свободного выезда за границу. Также возможно, что обычные граждане в своих рассуждениях готовы исходить скорее из эффективности деятельности власти, нежели из абстрактных ценностей: большинству людей легче говорить о том, убирают ли снег с улиц, чем о том, соответствует ли действующая власть их самым сокровенным желаниям.

Кроме того, вероятно, большинство людей также испытывает меньшие затруднения при обсуждении эффективности деятельности власти, чем при обсуждении образа действия руководителей. Действительно, образ действия власти имел значение при оценке действующих руководителей, но комментарии об образе действия и эффективности деятельности были взаимосвязаны, что затрудняло разграничение этих факторов в отношении их влияния на оценку¹⁶. Основные жалобы, связанные с образом действия руководства, были аналогичны отмеченным в предыдущих главах: люди, облеченные властью, уделяли слишком много внимания собственным интересам и требованиям своих влиятельных друзей. В частности, Андрей Викторович жаловался, что существующие политические институты могут действовать только «настолько, насколько они могут ориентироваться на крупные фирмы и компании и соглашаться обслуживать их интересы». По словам Вали, мэра ее города «набил деньгами мешок и все свои карманы, забрал все это и уехал». Проблемы отсутствия в городе рабочих мест и вынужденного отъезда в Москву молодых людей, таких как Валя, могли бы быть решены, если бы мэр больше заботился о благе своего города, а не о собственных

¹⁶ Показатели обеспокоенности проблемами, связанными с образом действия власти (имеет ли место чрезмерное влияние определенных групп и отдельных лиц), и показатели поддержки действующих руководителей (работают ли руководители на благо большинства) были настолько схожими, что находились почти в тавтологическом отношении, в связи с чем, по-видимому, не следует придавать этому отношению чрезмерную важность.

карманах. По-видимому, в России логика связи между образом действий власти и эффективностью ее работы заключается в том, что облеченные властью чиновники находятся в чрезмерной зависимости от нескольких влиятельных и богатых покровителей или заинтересованы только в собственном благополучии, и это приводит к результатам, противоречащим общему благу: там, где правила игры выгодны меньшинству, большинство проигрывает.

Таким образом, из сказанного выше можно сделать вывод, что эффективность деятельности власти, очевидно, прямо и непосредственно способствует поддержке действующих руководителей со стороны российских респондентов. При этом ценности и образ действия власти, по-видимому, также являются факторами поддержки власти, оказывая на нее по крайней мере косвенное влияние.

Сторонники перемен

Многие респонденты выражали нескрываемое презрение к людям, облеченным властью. Вслед за Валей череду сменявших друг друга мэров своего города описала Пелагея: «Один уехал, второй уехал, третий уехал. Один набил карманы и уехал. Второй набил карманы и уехал. Все об этом говорят». Дима пожаловался на «коррупцию в Госдуме, лоббирование со стороны крупных собственников, различных экономических групп и преступных группировок». Он полагал, что чиновники занимаются интригами и защищают интересы «не большинства населения, а некой конкретной группы». В этом разделе рассматривается вопрос о том, в какой степени критика действующих представителей власти отражает фундаментальное недовольство политическими институтами или политической системой в целом. Хотят ли россияне, отчужденные от существующей власти, заменить эту власть какой-либо совершенно иной?

Подход, предполагающий использование комментариев респондентов о возможных изменениях во власти, не является общепринятым в исследованиях, посвященных изучению поли-

тической поддержки и легитимности¹⁷, однако его применение позволяет побудить интервьюируемых говорить о том, что в действующей власти вызывает у них недовольство и что в ней им нравится. Такой подход предполагает, что минимальное условие легитимности формулируется в виде вопроса о том, должны ли государственные институты продолжать существовать в своем нынешнем виде, и позволяет респондентам детализировать это условие. Как оказалось, просьба к респондентам

¹⁷ Респондентам был задан вопрос, думают ли они, что можно было бы создать новые политические структуры, которые были бы лучше существующих. Также задавались более частные вопросы о предложениях, которые они бы внесли для повышения эффективности деятельности Думы и президента. Кроме того, задавались более общие вопросы о том, что в деятельности руководителей страны респонденты считают важным и необходимым, и о том, какие эмоции они испытывают, когда думают о власти в стране. Ответы на эти вопросы приведены в этом и следующем разделе.

Некоторые из стандартных практик, разработанных исследователями общественного мнения с целью побудить участников опроса высказываться об институтах, а не о конкретных лицах, в реальности могут не достигать этой цели. Одним из распространённых подходов является формулировка вопросов с упором на «доверие» респондента к власти и на его «уверенность» в том, что власть работает правильно. Однако, как показывают исследования, в опросах, проведенных в западных странах, отвечая на вопросы о «доверии» к учреждениям, респонденты все же имеют в виду конкретных должностных лиц и текущую политику. См. [Citrin 1974; Citrin, Green 1996; Mishler, Rose 1997: 422]. Респонденты, участвовавшие в этом исследовании, испытывали затруднения, когда им приходилось говорить о «доверии» по отношению к людям, которых они лично никогда не встречали или, как они выражались, которых они за руку не держали и с которыми чай не пили. Многие респонденты не могли представить себе, как можно доверять какому-либо институту. Например, Руслан сказал о своем доверии к Думе: «Поскольку там очень много народу, могу сказать, что люди, за которых я голосовал, по имеющейся у меня информации, вызывают доверие. А об остальных информации недостаточно». Аналогично см. [Hardin 1999].

Еще одна попытка обойти обсуждение респондентами действующих руководителей основана на использовании вопросов о том, насколько хорошо функционирует демократия. В этом случае проблема заключается в том, что люди вкладывают в понятие демократии разный смысл: для одних — это абстрактные принципы, а для других — эффективность работы действующих руководителей. Интерпретация таких ответов практически невозможна. См. [Canache et al. 2001: 525].

рассказать о том, что они изменили бы в управлении своей страной, является действенным способом заставить их задуматься о том, какие требования они предъявляют к власти, и о том, в какой степени существующая система руководства удовлетворяет этим требованиям.

Применение указанного подхода в данном исследовании явилось примером того, как глубинные интервью позволяют раскрыть мнения обычных граждан в тех аспектах, в которых этого обычно не позволяют сделать стандартизированные опросы. В частности, в ходе глубинных интервью можно, не предоставляя выбора из заранее подготовленных вариантов, выяснить у респондентов, как бы они изменили существующие институты или что они предпочли бы видеть вместо них. Применение такой методики позволяет респондентам выдвигать неожиданные предположения, а также гарантирует, что они не будут считаться согласными с альтернативой, которая не пришла им в голову в результате самостоятельного размышления, как это может случиться, когда люди делают выбор из списка готовых вариантов ответа. У этого подхода, безусловно, имеется недостаток, связанный с тем, что большинство граждан не посвящает свое свободное время раздумьям о политических институтах и способах их усовершенствования. Следовательно, ставя перед респондентами задачу самостоятельно представить себе возможные альтернативы, исследователь побуждает людей расширить обычные границы области их размышлений о политике. Однако даже этот недостаток до некоторой степени компенсируется контекстом глубинных интервью, поскольку в процессе их проведения респондентам приходится формулировать свои мнения на протяжении всего времени проведения беседы, и к моменту начала обсуждения сложных вопросов они уже имеют большой опыт упорядочения и разъяснения своих представлений о политической жизни.

В связи с этим примечательно, что, несмотря на зачастую резкую критику, с которой участники интервью выступали в адрес государственных чиновников, предложений о радикальных изменениях в институциональных структурах России было

высказано относительно мало. Например, Григорий заявил, что необходимо «полностью поменять всю структуру управления и всех руководителей». Конкретизируя свою мысль, он добавил, что «может быть, сейчас, в данный период нашего исторического и экономического развития, нам нужна серьезная президентская власть и какие-то просто структуры, скажем, органы, имеющие функцию обеспечения более оптимального претворения решений президента в жизнь и контроля за их исполнением». Несколько других респондентов предположили, что лучшим вариантом для России может быть монархия: как заметила Лена, «было бы лучше». Однако большинство из тех, кто испытывал симпатию к царю, не думали, что монархия была бы целесообразным выбором для России в постсоветском мире. Респонденты по большей части полагали, что дело не в том, что следует создать новые институты, а в том, что необходимо исправить уже существующие.

Например, Рая сказала:

Мне кажется, что нашего аппарата, наших институтов достаточно. Просто нужно попытаться придать им новый смысл, то есть заставить работать Думу лучше, заставить правительство работать лучше, создавать объединения, чтобы эти партии лучше отражали интересы народа, требовать от Думы и правительства лучшего решения проблем. Но создавать новые институты необязательно.

Рая принадлежала к относительно решительным сторонникам действующего руководства, однако даже среди тех, кто поддерживал его в значительно меньшей степени, не наблюдалось особой склонности к полной смене институтов. В частности, Валентина сказала: «Ой, нет, по-моему, ничего сочинять не надо. Достаточно экспериментов! Нужно улучшать то, что уже есть. Хватит! Не думаю, что что-либо другое будет лучше». Большинство респондентов считали кардинальные изменения абсолютно неприемлемыми, но допускали необходимость частичных усовершенствований, направленных на решение конкретных проблем.

Несмотря на то что наблюдалась некоторая тенденция к более высокому уровню поддержки широкомасштабных изменений политической системы среди респондентов с более низким уровнем поддержки действующих руководителей, число респондентов, предлагавших фундаментальные изменения, было настолько невелико, что было бы неверно придавать этой тенденции серьезное значение. Гораздо больше участников интервью высказались за небольшие изменения в структурах власти, но респонденты, по всей видимости, с равной вероятностью высказывались за небольшие изменения независимо от уровня поддержки действующих руководителей, причем многие из предлагаемых изменений полностью совпадали.

Однако участники интервью предлагали различные изменения в зависимости от уровня поддержки ими демократии¹⁸. Респонденты менее демократических взглядов чаще предлагали такие изменения существующих институтов, в результате которых институты стали бы менее демократичными — например, перераспределение власти в пользу президента за счет лишения Думы части ее полномочий или ужесточение власти отдельных лидеров. Например, Зоя Игоревна сказала:

В настоящий момент я бы сказала, что Владимиру Путину нужна твердость Сталина, сталинская твердость. И, наверное, его власть должна быть жесткой. Совершаются преступления. Надо наказывать их, чтобы другим неповадно было. А президент слишком мягок. Нужна более твердая рука, более решительная, как говорится.

Однако она не думала о том, что «более твердая рука» потребует изменений в институциональных структурах, и сказала: «На мой взгляд, создавать новые институты бесполезно. Просто надо старые исправить. Дать им, как говорится, силу, чтобы они могли нормально функционировать». Владимир Ильич также рекомен-

¹⁸ Здесь, как и в других разделах этой работы, для измерения уровня поддержки демократии применяется методика, использованная впервые в главе пятой и описанная в приложении В.

довал навести порядок крепким кулаком и положительно воспринимал идею ликвидации Думы¹⁹.

Демократически ориентированные респонденты, напротив, чаще рекомендовали изменения, направленные на углубление демократического характера российской политической системы. Некоторые из этих респондентов высказывались за уменьшение власти президента таким образом, чтобы власть президента и власть Думы в большей степени уравнивали друг друга. В 1998 году Константин сказал: «Конституция, которая у нас есть, была написана под Ельцина, и в этом вся беда. Когда создавали эту конституцию, говорили, что наш президент настолько хороший, честный, уважаемый, что можно, так сказать, дать ему власть». «Но теперь, — продолжил он, — у нас фактически президентская республика. Государственная дума как консультативный орган. Вся власть сосредоточена у президента. По этой причине я считаю, что власти у президента достаточно, даже более чем достаточно. Над властью нужен какой-то контроль».

Кроме того, решительные сторонники демократии чаще рекомендовали изменения, которые улучшили бы связь государственных институтов с людьми. В частности, Толя дал следующий комментарий:

Дума — это не только орган, который принимает законы. Еще это один из демократических институтов, то есть орган представительной власти, куда могут прийти люди, то есть избиратели, со своими проблемами. Думаю, что сейчас имеет смысл вести работу с Государственной думой именно в этом направлении, чтобы у нее была связь с народом, с избирателями, в обоих направлениях. Сейчас этого нет. То есть законотворчеством нельзя ограничиваться. Нужно больше встречаться с людьми и жить их проблемами —

¹⁹ Менее демократичные респонденты по определению более склонны одобрять ликвидацию Думы, поскольку готовность ликвидировать Думу была одним из критериев, по которым определялся уровень поддержки демократии. Однако это не единственный фактор, который указывает на антидемократическую направленность предложений таких респондентов о пересмотре существующих институтов.

теми проблемами, которыми живут люди. А то 450 человек там встречаются и обсуждают какие-то проблемы в отрыве от народа. Так делать нельзя.

Некоторые предложения по изменению существующих институтов высказывались участниками интервью независимо от уровня поддержки демократии и действующих руководителей. Многие респонденты считали, что у них недостаточно информации для осознанного голосования, особенно на выборах в Думу. Они жаловались на то, что партий слишком много, чтобы люди могли понять, за что эти партии выступают; на то, что голосование по партийным спискам приводит к появлению кандидатов, не несущих практически никакой ответственности перед населением, а также на то, что на выборах недостаточно доступной информации, которая позволила бы избирателям сделать разумный выбор. Например, Вилен Николаевич выразил недовольство таким образом: «Все эти программы достаточно скользкие, достаточно упрощенные, так что нельзя сказать, кто чего хочет, кто что знает и кто что собирается делать». Некоторые менее демократично настроенные респонденты предложили ликвидировать часть имеющихся партий, чтобы упростить политический ландшафт для избирателей. Респонденты более демократических взглядов предлагали обязать депутатов отчитываться перед избирателями о том, чего добился законодательный орган, а избирателям дать право отзыва тех депутатов, работой которых они не удовлетворены.

Еще одно пожелание, которое высказывалось участниками интервью вне зависимости от поддержки демократии или действующих руководителей, заключалось в том, что государственные чиновники должны меньше думать о себе, а больше о людях. Юрий дал по этому поводу следующий комментарий: «Сейчас я не вижу там людей, которые повернулись бы ко мне лицом. Я вижу людей, выражающих свои политические амбиции, желающих как-то себя застраховать от той или иной ситуации». С этим мнением согласилась Раиса. Она сказала: «Существует слишком большой разрыв между их образом жизни — тем, как

живут они, и тем, как живет народ. Иногда они просто, как мне кажется, далеки от народа и не понимают его интересов». Некоторые респонденты полагали, что для того, чтобы депутаты повернулись лицом к населению, во власти должно быть больше простых людей. Вася сказал о Думе: «Там должны быть люди, которые плечом к плечу с народом стоят... люди, которые всегда в окружении народа, которые знают проблемы народа и что необходимо для улучшения жизни. Потому что, по-моему, основная задача Думы — повысить благосостояние населения». Как бы то ни было, большинство респондентов сошлись во мнении, что все будет хорошо, если россиянам каким-то образом удастся избрать в Думу более честных, энергичных и знающих людей.

В целом создается впечатление, что многие российские респонденты хотели одного и того же — власти, ориентированной на удовлетворение потребностей страны. Они лишь разошлись во мнениях о том, как можно достичь этой цели. Респонденты более демократических взглядов предлагали улучшить избирательную систему и наладить связи между выборными должностными лицами и гражданами, тогда как менее демократично настроенные участники интервью считали, что управлением межпартийной конкуренцией должна заниматься исполнительная власть. Реже некоторые из менее демократичных респондентов выражали пожелание, чтобы страной правила «сильная рука», а неудовлетворительно работающая Дума была распущена. Участники интервью с высоким уровнем поддержки представителей действующей власти были не менее склонны предлагать изменения в существующих институтах, хотя те весьма немногие респонденты, которые выразили полное неприятие существующей системы, действительно, как правило, характеризовались относительно низким уровнем поддержки действующих руководителей.

Все сказанное выше указывает на то, что поддержка действующих руководителей не является приемлемым критерием измерения поддержки существующих институтов. Даже респонденты, решительно поддерживавшие действующих руководителей, — например, Толя, Вася и Раиса — предлагали изменить формы

и методы работы государственной власти. С другой стороны, даже респонденты с низким уровнем поддержки действующих представителей власти (в частности, Валентина и Константин) предпочли бы оставить действующие институты в относительно неизменном виде. Парадокс заключается в следующем: россияне часто жалуются на то, что государственные чиновники служат собственным интересам, а не общественному благу; регулярно подвергают резкой критике депутатов Госдумы за то, что те слишком много говорят и слишком мало делают; полагают, что мэры их городов набивают свои карманы общественными деньгами, — и несмотря на все это, те же россияне хотят оставить существующие институты более или менее в прежнем виде. Почему?

Зачем терпеть провалы власти?

Одна из причин, по которой россияне могут предпочесть оставить несовершенные государственные институты без изменений, заключается в том, что людям трудно представить себе альтернативы существующей системе. Так, Раиса не испытывала затруднений с выдвижением конкретных предложений по совершенствованию институтов, однако на вопрос, нужны ли России полностью новые институты, ответила: «Нет, на это мне трудно ответить. Мне кажется, что то, что сейчас существует, — это нормально». Большинство респондентов полагали необходимым иметь некий исполнительный орган, возглавляемый одним человеком, чтобы такой руководитель мог держать всех в курсе намеченных целей и служить олицетворением власти для населения. При этом почти никто из участников интервью не считал, что издать все нужные России законы может один человек, которому следовало бы доверить выполнение такой задачи, в связи с чем преобладала уверенность в невозможности обойтись без какого-либо — вероятно, выборного — законодательного органа. Татьяна Михайловна сказала о Думе: «Пусть будет. А если бы ее не было, что было бы на ее месте? Неважно, как это называется, все равно должен быть какой-то совет чиновников».

Как было показано в предыдущей главе, многие респонденты не вполне ясно чувствуют различия между демократическими и недемократическими вариантами общепринятых политических практик: в их глазах президенты мало отличаются от царей, а Государственная дума — не что иное, как недавно переименованный Верховный Совет. Проблема, по-видимому, заключается не столько в неспособности *сформулировать* альтернативы существующим институтам, сколько в общей нечувствительности к существенным различиям. Например, Галина Григорьевна, которая в остальном вполне поддерживала демократические практики, предположила, что россияне могли бы получить лучшего президента, если бы он не избирался, а назначался, как это было при советской власти. Она сказала:

Я всю жизнь прожила при старом режиме, и мы никогда не избирали президента. Первым был Ельцин, почти два срока, а потом будет Путин. Но люди — мы, люди, не знаем кандидатов по их характеристикам — по их работе, по качествам характера, по их способностям, по их знаниям, по их уму. Мы их не знаем. Мне кажется, лучше бы они назначались. Или избирались бы их окружением, парламентом или кем еще там.

Вследствие такой относительной нечувствительности к особенностям институциональных структур, респонденты, как правило, выступали за то, чтобы оставить институты в неизменном виде, сменив лишь людей в них. Как заметила Ирина Львовна, «Дума работала бы лучше, если бы там было больше людей, знающих то дело, которым они призваны заниматься». Или, как сказала Зинаида, новые институты не нужны, «просто дело в том, что люди все равно должны быть на цивилизованном уровне».

Еще одна причина, по которой россияне могут выражать желание оставить несовершенные государственные институты в неизменном виде, состоит в том, что граждане отчаялись в возможности изменить эти структуры даже в том случае, если бы смогли сформулировать предпочтительную альтернативу. В отношении новых государственных деятелей, которые, будучи

честными и компетентными, заставили бы существующие структуры работать, следует отметить, что многие респонденты усомнились в возможности действительно найти таких людей. Светлана, например, сравнила поиск новых политических лидеров с недавно показанным по телевидению конкурсом поиска талантов. Хотя у победивших конкурсантов были хорошие голоса, из-за низкого качества постановки они казались слабыми. Точно так же характеристики политических структур могут лишить новых кандидатов возможности проявить желаемые качества. Дима предположил, что проблемы российских политических институтов решит только время. Он сказал: «Вероятно, чтобы изменить ситуацию, нам нужно, чтобы это поколение людей сменилось следующим. Но со временем все изменится. А сейчас у нас есть то, что есть, и изменить ситуацию чисто организационными методами сложно».

Другие респонденты полагали, что причиной препятствий на пути к изменениям является структура власти, находящаяся под влиянием больших денег. Говоря о Ельцине, Полина заметила:

В настоящий момент улучшить работу президента нет возможности. Это как на Сицилии: мафия выше государства. Боюсь, теперь уже слишком поздно. Либо оставить так, либо надо все разрушить какой-нибудь революцией снизу, в принципе, как в 1917 году, чтобы поставить у власти кухарку или кого-то еще... Сейчас невозможно этого добиться. Деньги создают власть. Уже правительство — это не власть, а деньги — это власть.

Некоторые респонденты видели препятствие на пути к изменениям в своих согражданах. София сказала: «Есть выражение, что народ имеет ту власть, которую он заслуживает... Мы сами выбрали депутатов в эту Думу». У более образованных респондентов нежелание отстаивать радикальные изменения выразилось в виде отказа от «большевистских методов», признания опасности попыток переделать будущее в соответствии с теоретическими построениями вместо того, чтобы ограничиться практическими возможностями, заложенными в настоящем.

Поняв, что изменения крайне маловероятны, многие респонденты предпочли принять существующую реальность. По поводу Думы Галина Григорьевна сказала: «А что еще я могу сделать? Только довериться ей. Я ничего не могу сделать, чтобы ее изменить». Говоря о президентской власти, Алла констатировала, что ничего лучшего ожидать не приходится. Она сказала:

Конечно, учитывая все печальные события, которые произошли в России, президентская власть — меньшее зло... Наверное, лучшим выбором для России была монархия, но сейчас мы не можем вернуть ее к жизни. Остается только партийная власть, власть одной партии — но и это тоже никуда не годится. Власть одного только парламента — тоже плохо. Так что президент — меньшее из зол.

Татьяна Михайловна выразила фатализм многих респондентов, сказав: «Улучшить работу президента нет никакой возможности. Да и зачем заморачиваться? Просто пусть занимаются своими делами, тогда нас будут меньше беспокоить».

Тот факт, что обычные граждане считают лучшей для себя линией поведения невмешательство в дела власти, означает превращение широко распространенного недовольства существующими политическими институтами в неохотное их принятие. Но имеет ли готовность позволить институтам существовать — «пусть они будут» — хотя бы малейшее сходство с поддержкой? Многие респонденты, особенно разуверившиеся в возможности перемен, в том числе Алла, София, Светлана, Галина Григорьевна, Борис Борисович и Татьяна Михайловна, комментарии которых были приведены в настоящем разделе, проявляли также низкий уровень поддержки действующих руководителей. Иными словами, многие участники интервью, недовольные нынешним положением вещей, также фактически не верили в возможность перемен. Хотя отсутствие надежды на перемены наблюдается при низком уровне реальной поддержки властей, такое положение дел и в этом случае приводит к сохранению существующих институтов в неизменном виде.

Существует и третья причина, по которой россияне могут предпочесть оставить несовершенные институты без изменений: то, что многие граждане хотели бы получить от власти, не может быть достигнуто посредством ее устранения. Анализ комментариев респондентов, наиболее обеспокоенных социальным беспорядком, приводит к выводу о том, что эти граждане хотят от власти стабильности, рабочих мест, четкого функционирования правовой системы и внимания к насущным проблемам людей. Они хотят, чтобы у власти находились честные, не коррумпированные, добросовестные и заслуживающие уважения государственные чиновники.

Например, Алла высказала такое пожелание:

Я бы хотела, чтобы государственные чиновники признали, поняли, что общество находится в кризисе. И экономика в кризисе. Все общество находится в системном кризисе, особенно в моральном и экономическом. Власти должны это понять и разработать программу вывода страны из кризиса. То есть они должны думать о спасении общества, а не о собственном благополучии.

Толя добавил:

Ну, в глобальном смысле, я бы хотел, чтобы в конце концов мы приблизились к правовому государству, чтобы все социальные отношения, все процессы, которые здесь происходят, протекали в рамках закона, чтобы, прежде всего, исчезла коррупция, которая так нам мешает. Ну, и чтобы в результате этого повысилось благосостояние народа, чтобы повысилась зарплата, и чтобы народ начал зарабатывать — чтобы люди начали получать именно ту зарплату, которую они заслуживают.

Пожелания Светланы были скромнее: она лишь хотела, чтобы власть лучше выполняла свою работу — так, чтобы можно было ее не замечать²⁰.

²⁰ Пожелания Светланы были удивительно похожи на пожелания американских респондентов Дж. Хиббинга и Э. Тайсс-Морс. См. [Hibbing, Theiss-Morse 2002].

Ни одно из этих пожеланий нельзя отнести к целям, которых можно было бы достичь при отсутствии власти или в разгар радикальных институциональных изменений. Кроме того, поскольку люди, в наибольшей степени недовольные действующими руководителями, одновременно принадлежат к группе наиболее обеспокоенных царящим в обществе беспорядком, стремление к порядку подрывает в них стремление к любым, даже позитивным, изменениям. Даже люди, в меньшей степени обеспокоенные отсутствием порядка в обществе, хотели иметь нормальную и более предсказуемую политическую систему. Марина Александровна сказала:

Я бы хотела, чтобы в моей стране, где я живу, была нормальная власть, нормальный президент. Ну, а что значит нормальная? Нормальная — это такая, о которой мне не нужно было бы думать, и я могла бы заниматься своими собственными делами. Та, которая защитит меня, когда я буду старая и больная, проработав сорок или тридцать лет, как в нормальной стране.

Дима сказал, что ему нужна «предсказуемость власти — предсказуемость, и, соответственно, чтобы я мог строить свои планы применительно к ситуации, чтобы иметь возможность предсказать ситуацию, должна быть предсказуемая власть».

Таким образом, если под легитимностью существующих институтов понимать их восприятие как подходящих для общества, то российские политические институты можно назвать достаточно легитимными в глазах большинства респондентов²¹. Хотя

²¹ Данный вывод подтверждается и при иных определениях легитимности. В работе Д. Фукса и Х.-Д. Клингеманна проводится различие между соответствием на уровне политических процессов, когда власть дает гражданам то, что они хотят (реагирование), и соответствием на уровне формальных структур, когда граждане воспринимают эти структуры как соответствующие общепринятым ценностям и нормам (легитимность). В соответствии с этим определением российские институты также являются легитимными, поскольку они воспринимаются как соразмерные ценности социального порядка. См. [Fuchs, Klingemann 1995: 3]. По мнению Д. Хелда, легитимность

многие участники интервью критикуют работу институтов и их чиновников, за существенные изменения в институциональных структурах выступает лишь небольшая часть респондентов. Причина критического отношения людей к работе институтов совпадает с причиной, по которой они не проявляют склонности к переменам: отсутствие порядка в обществе воспринимается как свидетельство того, что власть не выполняет свою работу, а также как свидетельство того, что власти еще предстоит выполнить критически важную работу. В сложных условиях работа власти слишком важна, чтобы допустить существенные изменения в институциональных структурах. Для многих российских респондентов власть является легитимной уже потому, что она существует и имеет функцию, которую нужно выполнять. И поскольку они ценят эту функцию, они принимают структуры, уполномоченные ее выполнять.

Американцы не такие?

Есть основания полагать, что россияне могут отличаться от других народов готовностью принимать политические институты, фактически не удовлетворяющие потребности граждан: в конечном счете у них почти всегда были именно такие институты. Опыт жизни при советской власти вряд ли придал россиянам твердую уверенность в том, что граждане могут сформировать власть, которая будет служить удовлетворению народных чаяний и устремлений. Предполагается, что американцы, напротив, пребывают в оптимистической уверенности в том, что желаемого всегда можно добиться. Ожидания американцев от власти также могут быть иными, поскольку считается, что они предпочитают, чтобы роль государства была ограничена и власть

основана либо на нормативном соглашении о том, что существующие институты могут не быть идеальными, но являются подходящими для данных обстоятельств, либо на вере в истинность этого утверждения. Россияне считают, что их институты — лучшие из возможных, несмотря на имеющиеся недостатки. См. [Хелд 2014].

не создавала им серьезных препятствий. Кроме того, американцы не переживали таких социальных беспорядков и мучительных потрясений, которые испытали россияне в переходный период после краха коммунистического режима. Соединенные Штаты являются стабильной процветающей страной, где конституция действует более двух веков. Следовательно, было бы логично ожидать, что американцы продемонстрируют характер поддержки власти, кардинально отличный от наблюдаемого у российских респондентов. Чтобы определить, насколько специфичными являются причины признания россиянами их политической системы, перейдем к анализу интервью с американскими респондентами.

Как и в случае с российской выборкой, американская выборка была разделена на группы по уровню поддержки действующих представителей власти исходя из ответов респондентов на вопросы о том, считают ли они, что президент, члены Конгресса и местные мэры действуют в интересах большинства населения (см. приложение В).

При пороговых значениях, аналогичных примененным в российской выборке, американские респонденты продемонстрировали более высокий, чем россияне, уровень поддержки действующих представителей власти. В группе с высоким уровнем поддержки оказалось более половины американских респондентов, в то время как россиян в аналогичной группе было около трети. Низкий уровень поддержки продемонстрировало менее четверти американской выборки, тогда как доля россиян в соответствующей группе составляла 40 % выборки. Как и в случае с россиянами, демографические характеристики по большей части мало влияли на поддержку действующих представителей власти, хотя американцы, довольные своим материальным положением, обнаруживали незначительную тенденцию к большей поддержке действующих руководителей²². Кроме того, как

²² Большинство американских респондентов были удовлетворены своим материальным положением, но не испытывали в его отношении чрезмерной радости. Из пяти человек, охарактеризовавших свое положение как «значи-

и в российской выборке, у респондентов с более высоким уровнем ощущения беспорядка и непредсказуемости повседневной жизни обнаруживалась тенденция в меньшей степени поддерживать представителей действующей власти. Однако у американцев эта тенденция проявилась слабее, по крайней мере отчасти, потому что американские респонденты в значительно меньшей степени, чем россияне, ощущали присутствие социального беспорядка (см. таблицу 8.4).

Несмотря на слабее выраженную тенденцию, комментарии американцев свидетельствуют о наличии связи между удовлетворенностью действующими политическими руководителями и удовлетворенностью жизнью в целом. Как и россияне, американские респонденты были довольны своими местными мэрами, когда улицы были чистыми, зимой производилась уборка снега и власти реагировали на запросы граждан. Респонденты, опрошенные в период правления президента Билла Клинтона, отмечали такие достижения, как снижение безработицы и рост рынка, что было для них источником удовлетворения. О президенте Клинтоне Джин сказала: «Я думаю, он хорошо справляется. Потому что экономика в хорошем состоянии и мы в общем-то живем в мире». Как и многие респонденты, Джин не хотела полностью поддерживать Клинтона из-за того, что он нарушил клятву супружеской верности, но добавила: «Я доверяю ему, когда дело касается заботы о нашей стране и совершения добрых дел на благо нашей страны, но на месте Хиллари я бы не доверила ему, когда дело касается личных вопросов».

Вследствие террористических атак, войны и экономического спада во время президентства Джорджа Буша-младшего мир стал явно менее упорядоченным, однако по крайней мере в конце 2001 года многие американские респонденты все еще считали

тельно лучше, чем удовлетворительное», четверо входили в группу с высоким уровнем поддержки действующей власти. Крайне неудовлетворительным свое материальное положение назвал лишь один американский респондент, который принадлежал к группе с низким уровнем поддержки действующих представителей власти.

Таблица 8.4. Ощущение социального беспорядка и поддержка действующих политических руководителей (американские респонденты)

	Низкий уровень ощущения беспорядка	Умеренное отношение к беспорядку	Высокий уровень ощущения беспорядка
Высокий уровень поддержки	Бетти, Билл, Крис, Эмили, Эрнест, Харриет, Джейкоб, Джейн, Джин, Лео, Триш (11 респондентов)		
Умеренная поддержка	Грейс, Тед (2 респондента)	Дэниел, Лейт, Рик (3 респондента)	
Низкий уровень поддержки	Кэролайн, Фред (2 респондента)	Адам, Сэм, Виктория (3 респондента)	

свою жизнь относительно стабильной и предсказуемой, и многие из них поддерживали Буша в его усилиях по обеспечению безопасности граждан. Бетти сказала: «Он делает то, что нужно делать. И он делает это сейчас». Билл полагал, что президент Буш находит правильные решения экономических проблем. Он сказал: «Я думаю, Буш считает, что, помогая большому бизнесу, он помогает и обычным людям, и я тоже с этим согласен. Так что да, я думаю, что он действует в интересах всех — большинства людей». Такую поддержку проявили даже респонденты, не склонные симпатизировать Бушу, не голосовавшие за него и считавшие себя сторонниками Демократической партии. Например, Эрнест сказал о Буше:

Он, конечно, показывает себя с лучшей стороны, когда действует в интересах большинства. Я подумал, например, что это замечательно, что он ходил в мечети и придавал такое значение религиозной терпимости после терактов 11 сентября. Так что из всех президентов-республиканцев, которые у нас были, по крайней мере из тех, кого я могу вспомнить в своей жизни, он во многих отношениях наилучшим образом представляет весь народ.

Даже та критика в адрес представителей власти, с которой выступали американцы, мало обеспокоенные социальным беспорядком, была весьма умеренной. Респонденты обвиняли мэров в чрезмерной увлеченности коммерческой застройкой; президента Клинтона, безусловно, критиковали за прегрешения в семейной жизни, но обычно не за проводимую им политику; Конгресс признавали неэффективным органом, а его членов — выразителями узкопартийных интересов, однако отметили также преимущества рассредоточения власти. В частности, Билл заметил, что институциональная система сдержек и противовесов не позволяет какому-либо одному органу получать слишком много власти и выполнять слишком много функций, добавив, что «переизбыток законодательства в долгосрочной перспективе к хорошему бы не привел».

Американские респонденты с более высоким уровнем обеспокоенности проблематичностью повседневной жизни подвергали действующих руководителей более фундаментальной критике. По своему неприятию методов, применяемых в политике, и ощущению невосприимчивости власти к нуждам людей они обнаруживали большее сходство с российскими респондентами. В частности, отрицательное отношение к Конгрессу выразила Виктория:

Они тратят слишком много времени на обсуждение совсем не важных тем. Они слишком доступны для лоббистских групп. И еще эти избирательные кампании: финансирование кампании стоит очень больших денег. Я имею в виду, что обычный человек не может вот так взять и выдвинуть свою кандидатуру; он не может себе этого позволить. Это все

равно что не иметь возможности ходить в церковь... Я думаю, что бедняков игнорируют, потому что они не могут участвовать в финансировании кампаний.

Кроме того, Виктория считала, что мэр ее города работает в первую очередь в интересах белых людей и в интересах бизнеса, а она не принадлежала ни к одной из этих групп.

Американские респонденты с более сильным ощущением социального беспорядка чаще жаловались на то, что государственные чиновники работают в своих интересах, а не на благо страны, а также на то, что избранные должностные лица вынуждены поддерживать расположение основных спонсоров кампании и вследствие этого не реагируют на проблемы простых людей. Адам полагал, что Конгресс погряз в коррупции и должен быть полностью реорганизован. По содержанию и тону его комментарии практически не отличались от высказываний российских респондентов, например: «Я думаю, конгрессмены слишком много грызутся по мелочам. Похоже, все, чем они заняты — это игра на публику. Все они просто хотят сделать себе имя... Все они пытаются набить свои карманы, и я ненавижу это. Я думаю, от многих из них нужно избавиться». Рик жаловался, что политические решения, которые, казалось, одобряли многие американцы, по-видимому, уничтожались процедурами Конгресса. В то время как Рик полагал, что Конгресс не может служить интересам населения, так как он обязан «деньгам и большому бизнесу», Тед обвинял законодательный орган в зависимости от «определенных групп интересов ... всех меньшинств, меньшинства населения, расовых групп, женщин». По мнению других респондентов, главная проблема заключается в том, что политики ставят интересы своих партий выше интересов своих избирателей.

Таким образом, американцы, как и россияне, оценивали своих законодателей, исходя из результатов их деятельности, то есть по их эффективности, а также с точки зрения процедур — в частности, по тому, уделялось ли одним группам населения больше внимания, чем другим. В оценках должностных лиц, данных респондентами, комментарии о ценностях встречались значительно реже.

В некоторых случаях на поддержку государственных чиновников влияла также партийная принадлежность американских респондентов: сторонники Демократической партии были более склонны считать, что интересам большинства служат президенты-демократы, а сторонники Республиканской партии чаще доверяли президентам-республиканцам. Однако это влияние нельзя назвать значительным. Республиканцы, опрошенные в годы правления Клинтона, считали удовлетворительное состояние экономики достаточным основанием полагать, что президент Клинтон служил интересам большинства. Некоторые респонденты-демократы были довольны борьбой президента Буша с терроризмом, хотя были невысокого мнения о его внутренней политике. При этом партийные пристрастия в основном не распространялись на Конгресс и местных мэров.

Как и в случае с россиянами, у оптимистов проявлялась тенденция к более высокому уровню поддержки выборных должностных лиц. Особенно явно эта тенденция прослеживалась у респондентов, опрошенных при администрации Буша. Люди, твердо верившие в свободные рынки, поддерживали президента Буша даже на фоне экономического спада: будучи уверены в том, что ситуация на рынках исправится, они не считали президента виновным в падении экономики. Респонденты, менее благосклонно относившиеся к действующим представителям власти, с большей вероятностью полагали, что страна движется в неправильном направлении. Например, Рик сказал:

Я думаю, что с точки зрения внутренней политики никакого развития нет. Я думаю, что это просто застой, нет движения ни в какую сторону. И если вы попытаетесь измерить общественное мнение или общее представление о стране, это будет похоже на какофонию. Общего представления о стране нет... Что касается внешней политики, я тоже думаю, что мы идем в неправильном направлении. Мы как бы вовсю применяем силу, используем сейчас наше влияние, и в краткосрочной перспективе это нам сойдет с рук. Но в конечном итоге это может нам навредить.

В отличие от россиян, которые были склонны с неприятием относиться к институциональным изменениям даже в тех случаях, когда они были убеждены, что их страна катится в пропасть, американцы, недовольные действующими представителями власти, чаще выступали с предложениями о внесении в существующие институты весьма значительных изменений. В частности, Сэм, хотя он был единственным сторонником подобных мер, высказался за переход к диктатуре и назвал Ричарда Никсона человеком, который хорошо справился бы с ролью диктатора. Он сказал: «Это самая эффективная форма руководства из когда-либо существовавших. Я имею в виду полный контроль. Единственная проблема диктатуры — кто должен прийти на смену диктатору... Но у него должна быть власть, и ему нельзя задавать вопросы». Сэм также был готов объявить вне закона лоббистов. Дэниел предложил упразднить пост президента, утверждая, что Конгресс, благодаря включению в него и демократов, и республиканцев, лучше отражает разнообразие воли американского народа. Фред подробно говорил о желательности ликвидации политических партий, из-за которых, по его мнению, избранные им представители были вынуждены голосовать против своей совести и его интересов. Виктория сказала, что она управляла бы государством «больше как бизнесом», разделила бы основные институты и распределила бы их по стране. Согласно ее логике, если бы Верховный суд собирался, например, в Мексике (город в штате Миссури), он был бы более подотчетен гражданам.

Респонденты, выступавшие с подобными предложениями, находились в меньшинстве. Хотя Фред был не единственным участником интервью, испытывавшим неприязнь к политическим партиям, ликвидировать институт президентства не предложил никто, кроме Дэниела, и даже Сэм, выдвинувший идею диктатуры, все же оговорился, что Конгресс упразднять не стоит. Тем не менее интересно, что американцы, недовольные действующими руководителями, более охотно, чем россияне, выступали за фундаментальные структурные изменения. Американцы реже, чем россияне, отчаивались в возможности перемен, в меньшей степени были уверены в невозможности исправления структурных

дефектов и меньше беспокоились о социальных потрясениях, которые могли сопровождать изменения в политических институтах. Эту готовность обдумывать возможные изменения можно рассматривать как выражение глубинной веры в успех в сложившейся ситуации. В нормально функционирующем мире государственная власть не является последней защитой от социального хаоса.

Большинство американских респондентов, относительно довольных государственными чиновниками и относительно уверенных в стабильности своей повседневной жизни, считали, что политические институты достаточно хороши в своем нынешнем виде. Как отмечали многие американские участники интервью, они жили в лучшей стране в мире и считали, что заслуга в этом отчасти принадлежит политическим структурам. В отличие от россиян, многие американские респонденты, даже из числа недовольных действующими руководителями и условиями своей жизни, выразили гордость за свою страну и свое государство. Тед сказал:

Это лучшее государство на планете. Потребовалось двести лет, чтобы стать державой номер один в мире. И мы сделали это при помощи нашего государства. Наша конституция написана так блестяще, что охватила — с учетом поправок — все основы. Она не подводила нас в прошлом и, вероятно, не подведет в будущем.

Даже Адам, который весьма критически оценивал работу государственных институтов, сказал: «Нет, я не ненавижу государство. Оно мне нравится. Я очень расстраиваюсь, когда люди ругают правительство США. Я не знаю. Я просто думаю, что у нас лучшее государство в мире, когда оно работает правильно».

Лео, чья биография олицетворяла деловой дух американской мечты, был особенно эксцентричен, но не одинок в своих чувствах. Он сказал:

Мне чертовски повезло, и я чертовски горжусь тем, что родился и вырос в этой стране, и все мы должны этим гордиться. И мы должны просыпаться каждое утро и просто осо-

знавать, глядя на весь мир, как нам повезло быть там, где мы есть. Правда, до идеала мы еще не дошли. Мы не Шангри-Ла, у нас еще много проблем, но мы над этим работаем.

Безусловно, не все респонденты были так же полны оптимизма, как Лео, но даже недовольные обычно испытывали к представителям государственной власти лишь раздражение или безразличие, но не классовое отвращение, характерное для многих россиян. Американские респонденты хотели от государства того же, чего хотели русские. Им были нужны честные и энергичные лидеры, которые бы старались добиться успеха и уважения в глазах избирателей. Они хотели мира, экономического процветания, социальной помощи пожилым людям и хороших школ для своих детей. Несмотря на возникающее время от времени недовольство, американские респонденты были более или менее довольны тем, насколько государство удовлетворяет их запросы²³.

Представленные здесь данные свидетельствуют о том, что в то время как российская власть пользуется своего рода легитимностью по умолчанию — лишь в силу того, что любой политический порядок лучше хаоса, — американская политическая система располагает более глубокой легитимностью. Несмотря на растущее количество свидетельств снижения доверия к государственной власти в Соединенных Штатах, американцы в беседах о своем государстве не просто проявляют к нему терпимость, а отзываются о нем с похвалой²⁴. Представляется, что, как и в случае с поддержкой действующих представителей власти, важную роль здесь играет эффективность деятельности власти.

Поддержке, выраженной американскими респондентами своим властям, также способствуют лежащие в основе государства

²³ Связь между положительными результатами деятельности власти, в частности экономическим процветанием государства, и поддержкой власти населением подтверждается анализом национальных опросов американцев. См. [Citrin, Luks 2001].

²⁴ О снижении доверия к государству в западных демократиях см. [Pharr, Putnam 2000; Norris 1999; Nye et al. 1997].

демократические ценности и процедуры. Оценивая в ходе интервью различные институты, участники интервью сошлись во мнении, что демократия является лучшей формой правления, а для обеспечения демократии необходимы такие представительные, совещательные органы, как Конгресс, вследствие чего респонденты сочли оправданным существование даже такого Конгресса, который ни у кого не вызывал симпатии. Участники интервью со знанием дела говорили о роли системы сдержек и противовесов в сохранении свободы и предотвращении тирании. Например, Рик сказал:

В демократии нужен совещательный орган. Я действительно так считаю, ну, на самом деле в этом-то все и дело. Потому что в стране существует множество точек зрения и множество интересов, и единственный способ, которым можно все это синтезировать и внимательно разобраться в этом множестве, — это через совещательный орган, какой-то специально созданный представительный орган.

Менее красноречиво, но не менее точно высказалась Грейс, одна из самых яростных критиков действующих представителей власти:

Я должна сказать, хотя все, что я говорю, звучит как отрицание всего, но я должна сказать, что, насколько я знаю, — а знаю я немного — демократия по-прежнему остается лучшей системой из всех, что есть. Думаю, здравым решением могут быть именно системы сдержек и противовесов.

Заключение

Таким образом, из сказанного выше следует, что как среди россиян, так и среди американцев люди, обеспокоенные непредсказуемостью повседневной жизни, в меньшей степени склонны верить, что государственные чиновники работают в их интересах. Однако отсутствие поддержки государственных чиновников

среди российских респондентов не повышает вероятность того, что эти респонденты будут выступать за фундаментальные изменения в институциональных структурах. Россияне отказываются от мысли о пользе институциональных изменений по той же причине, которая лежит в основе их недовольства государственными чиновниками, а именно вследствие неспособности власти обеспечить условия для предсказуемого существования. Повседневная жизнь россиян слишком нестабильна и полна рисков, чтобы они могли допустить мысль о возможности политической трансформации, чреватой разрушительными последствиями. В результате респонденты машут рукой и говорят: «Пусть уж будут они». Такое поведение сильно отличается от поведения американских участников интервью. Американцы, недовольные действующими государственными чиновниками, уровнем безопасности и предсказуемости повседневной жизни, с готовностью высказывали предложения о фундаментальных институциональных изменениях. Американские респонденты значительно чаще склонялись к мысли о возможности исправления дефектной системы и с меньшей вероятностью были готовы смириться и позволить «им» продолжать править страной.

Одна из причин различия в ответах россиян и американцев, по-видимому, заключается в различии контекстов, в которых оказались участники интервью: относительно беспорядочная среда постсоветской России разительно отличается от относительно упорядоченной среды американского процветания. Однако сопоставление ответов этих двух групп респондентов позволяет выявить и другие факторы, лежащие в основе обнаруженных различий. Типичная для американцев приверженность демократическим процедурам даже в тех случаях, когда реальная практика их применения вызывает сомнение, не столь характерна для россиян. Со временем и по мере накопления опыта оценка россиянами демократического процесса может улучшиться, однако в настоящее время легитимность российской власти основывается в большей мере на страхе перед любой альтернативой, нежели на позитивной приверженности существующим институтам.

Каковы возможные последствия рассмотренных различий в моделях поддержки власти? С одной стороны, российская власть получает некоторое пространство для маневра. Если не принимать во внимание возможность неожиданного экономического чуда, в ближайшем будущем, вероятно, не следует ожидать наступления периода стабильного процветания большинства россиян, но их недовольство повседневной жизнью вряд ли станет причиной выступлений за институциональные изменения. Граждане, безусловно, будут голосовать за отставку нынешней власти, однако вряд ли будут требовать принятия новой или отмены действующей конституции. Страх перемен и усталость от нестабильности, выражаемые многими из российских респондентов, являются, таким образом, источником стабильности и предоставляют новым представителям власти возможность «дорости» до выполнения своих задач.

С другой стороны, недоверие респондентов к институциональным изменениям может также непроизвольно способствовать реализации планов тех, кто пытается изменять институты постепенно, изнутри, в направлении ползучего авторитаризма, с которым ассоциируется Путин. Граждане, не ожидающие от своей власти практически никаких позитивных перемен и полагающие, что любая власть лучше, чем хаос, в который их жизнь может быть ввергнута в любой момент, вряд ли сразу пробудятся и восстанут против ограничения своих прав. Наоборот, многие из российских респондентов, по-видимому, сочтут вполне целесообразной концентрацию полномочий у исполнительной власти, которая предприняла шаги для улучшения их жизни.

Хотя американцы, недовольные действующей властью, чаще высказывали предложения об институциональных изменениях, структура поддержки государственных институтов в Соединенных Штатах также препятствует таким изменениям. В имеющейся — следует признать, небольшой — американской выборке лишь меньшая часть респондентов выразила недовольство действующими руководителями или обеспокоенность состоянием общественного порядка. Недовольные американские респонденты предлагали совершенно разные виды институциональных

изменений, от концентрации власти в руках президента до упразднения этого поста. При таких различиях во взглядах на перемены вряд ли можно говорить о наличии оснований для какого-либо общественного движения.

Еще более важно то, что даже многие из недовольных американцев выразили чувства, которых не выразил практически никто из россиян — гордость за свое государство и уверенность в том, что они живут в лучшей стране на земле. Эта основополагающая уверенность, полностью отсутствующая в российской выборке, является одновременно и явным выражением фундаментальной легитимности, и источником стабильности. В этой связи примечательно высказывание Билла об американской политической системе: «Не надо чинить то, что не сломано. Я уверен, что в идеале, вероятно, можно было бы ее настроить, но никогда не знаешь, что получится. Поэтому я бы не стал доверять себе или кому-то из парней вроде меня лезть во что-то, что так долго и хорошо работало». И русские, и американцы, по-видимому, хотят от государства одного и того же — предсказуемости повседневного существования и надежды на то, что кто-то, облеченный властью, поможет им в трудную минуту. Различие заключается лишь в том, что американцы в основном получают то, что хотят, а россияне — нет.

Значительная часть информации об отношении людей к своему государству не выразалась словами. Всем американским респондентам и некоторым россиянам был задан вопрос о том, какие чувства у них возникают, когда они думают о своем государстве. Американцы отвечали с большим воодушевлением и давали множество комментариев, подтверждающих их гордость и удовлетворение. Россияне отвечали с заминками, долго подбирали слова и говорили о самых разных чувствах: от гордости, которая их переполняла раньше, когда на Олимпийских играх поднимался красный флаг с серпом и молотом, до смущения при виде закрытых предприятий и опасения за благополучие русского народа. Во время моих бесед с россиянами те заминки, которые часто следовали за вопросом о том, что полезного и важного делает государство, были более красноречивыми, чем некоторые ответы.

Несколько российских респондентов выглядели все более и более подавленными по мере того, как в течение интервью они составляли свой рассказ о том, насколько сильно власть обманула их ожидания.

Русский язык создает барьер для англоязычных исследователей, изучающих проблему легитимности власти, ввиду отсутствия в нем прямого соответствия слову *government*²⁵. Тот факт, что респонденты преодолевают этот барьер, обозначая власть словом «они» — так же, как жизнь при коммунистическом режиме обозначается словом «тогда», — указывает на расстояние, которое люди ощущают между собой и своими правителями. Русские чаще, чем американцы, употребляют притяжательное местоимение «наш» — например, «наш народ», «наша Россия», или, как работники гостиницы в Воронеже называли меня и моего мужа — «наши иностранцы», однако они не склонны выражать это чувство собственности или соучастия, говоря о власти в своей стране. И они, безусловно, не делали таких оговорок, какие регулярно вставляли в свои комментарии американские респонденты, о том, что, в сущности, несмотря на их недовольство конкретными представителями власти или непопулярной политикой, все на самом деле было в порядке.

²⁵ Переводным эквивалентом слова *government* часто считается слово *правительство*, однако в английском языке *government* обладает гораздо более широким спектром значений, которые в зависимости от контекста могут быть переданы в переводе словами *власть/власти, государство, органы государственной власти, государственные чиновники*. — Примеч. пер.

Глава девятая

Общие выводы

По прошествии более десяти лет после краха коммунистического режима перспективы полного торжества демократии в России оставались туманными. Хотя люди и стали свободнее, чем в Советском Союзе, а власть лидеров была (пусть даже не полностью) ограничена выборами и законами, не было никакой уверенности в успехе демократии. Наблюдатели сходились во мнении, что В. В. Путин уводил страну в противоположную от демократии сторону, и россияне практически ничего не делали, чтобы остановить это движение к авторитаризму. Как показали народные выступления после выборов в Грузии, на Украине и даже в Киргизии, народ в этих странах был готов защищать свои демократические свободы, однако российские граждане по большей части оставались пассивными. Действительно, популярность Путина сохранялась, несмотря на ограничение демократических свобод, и на этом основании некоторые аналитики делали вывод о том, что простые россияне поддерживают его авторитарные намерения. Но такая ли картина складывается из тех длительных бесед с россиянами, на которых основана эта книга?

Не совсем. В начале этой главы кратко суммируются результаты анализа в предыдущих главах: во-первых, результаты, подтверждающие значительную поддержку демократических и рыночных институтов, и, во-вторых, результаты, указывающие на определенные трудности. После этого делаются некоторые общие выводы относительно источников поддержки Путина россиянами. В конце главы делаются выводы о важности культурных традиций для развития демократии в России.

Могут ли россияне быть демократами?

Интервью, которые я проводила с россиянами в период с 1998 по 2003 год, свидетельствуют об общей для многих ориентации на демократию. Большинство респондентов в российской выборке всячески поддерживали идею о том, что чиновники должны реагировать на требования граждан, и считали, что избранные должностные лица обязаны учитывать мнение избирателей, служить интересам населения и руководствоваться волей избирателей. Кроме того, эти простые россияне выступали в защиту личных и политических свобод, обретенных после краха коммунизма. Они высоко ценили свободный обмен информацией, начавшийся еще во времена М. С. Горбачева, и радовались доступности книг и музыки из зарубежных стран; они не хотели терять возможность путешествовать за границу. Они хотели голосовать на выборах и иметь возможность критиковать власти, не опасаясь репрессий.

Некоторые из моих респондентов, возможно, были готовы согласиться на ограничение новоприобретенной свободы в надежде на больший социальный порядок, однако это говорило не столько о недооценке ими свободы, сколько о понимании того, что индивидуальной свободой невозможно в полной мере пользоваться в атмосфере беззакония, где слабые беззащитны перед властью имущими и богатыми или перед вооруженными бандитами. За исключением нескольких намеков на желательность возврата к монархии (которая, надо признать, существует в ряде европейских демократических стран), российские респонденты не демонстрировали особого стремления к полному изменению политических структур. По сравнению с американскими респондентами россияне меньше говорили о необходимости сдержек и противовесов для ветвей власти, но различие в данном случае было скорее в степени выраженности этих идей. Многие российские респонденты понимали, что неуправляемый парламент, даже если от него мало толку, может быть полезен как механизм сдерживания исполнительной власти. В целом понимание российскими респондентами демократических практик было

на удивление правильным, хотя еще и не идеальным. По многим своим взглядам российские респонденты не сильно отличались от американских, и во многих случаях у них были верные представления, чтобы считаться демократами.

Точно так же многие россияне имели правильные представления о жизни и работе в условиях рыночной экономики. Большинство из них не отдавали предпочтение равному распределению богатства, полагая, что некоторые люди заслуживают большего материального вознаграждения, чем другие, поскольку больше работают, предлагают новые идеи или вносят большой вклад в благосостояние общества. Российские респонденты в основном признают конструктивную роль государства в экономике, однако их ожидания от правительства мало отличались от ожиданий респондентов в американской выборке. Российские респонденты хотели, чтобы государство обеспечивало процветание страны, устанавливая условия, позволяющие людям иметь работу и трудиться на собственное благо. Как и многие американцы, россияне считали, что некоторые люди имеют право на государственную поддержку, особенно пожилые или те, кто не может работать по болезни, но большинство людей вполне могут сами себя обеспечивать, если экономические условия этому благоприятствуют. Некоторые исследователи утверждают, что россияне чрезмерно зависимы от государства, сохраняя унаследованные из прошлого патерналистские взгляды¹. Однако эта зависимость не была особенно заметна среди моих респондентов. Ольга Юрьевна так высказалась о государстве: «Оно не должно ничего делать для меня. Я сама должна строить свою жизнь. Я не из тех, кто чего-то ждет, требует, просит. Я считаю, что каждый человек — хозяин собственной жизни». На самом деле, некоторые российские респонденты лишь надеялись, что власти не будут особо вмешиваться в их жизнь. На вопрос, что полезного делает государство, Полина ответила: «Конечно, важно, чтобы мир был, во-первых. Все остальное мы сделаем сами, лишь бы не мешали».

¹ См., напр., [Sil, Chen 2004; McDaniel 1996: 32–46; Vainshstein 1994].

Такого рода склонность россиян к демократическим и рыночным ценностям нельзя считать только результатом применения использованного для данного исследования подхода — проведения глубинных интервью с небольшим числом респондентов. Массовые опросы также указывают на существенную поддержку демократии и чуть более меньшую поддержку капитализма простыми россиянами, по крайней мере на основе вопросов общего характера². Особое значение глубинные интервью имеют для выявления причин некоторых, очевидно, *менее* демократически ориентированных ответов, которые россияне дают в массовых опросах общественного мнения. Например, массовые опросы показывают, что российские граждане не склонны доверять представительным институтам [Rose, Doh Chull Shin 2001; Rose, Munro 2002: 226; White 2004: 78]. Когда российские респонденты имели возможность объяснить, *почему* они не верили в эффективность представительных институтов, они ясно давали понять, что их не устраивает не сама идея представительной законодательной власти, а, скорее, то, в каком виде она реализуется в России, особенно в том, что касается Государственной думы. Как мы видели в главе четвертой, по мнению российских респондентов, Дума не выполняла свои представительные функции. Они называли депутатов продажными политиками и «шайкой мошенников», обвиняя их в преследовании своих корыстных интересов за счет народа. При этом мои респонденты хотели более действенного представительства. Они в основном нетерпимо относились к беспорядочной повседневной деятельности законодателей, критикуя их за неорганизованность и политическое позерство. В этом отношении россияне были похожи на американских респондентов³.

² Результаты опросов см. в главе второй. Лилия Шевцова указывает на результаты опросов, согласно которым 33 % населения России полностью поддерживают либерально-демократическую повестку, а 37 % склонны ее поддерживать. См. [Shevtsova 2003].

³ Это касается как моей американской выборки, так и полученных другими учеными данных об отношении американцев к Конгрессу. См., напр., [Hibbing, Theiss-Morse 1995].

Благодаря предоставленной российским респондентам возможности объяснить свои взгляды выяснилось, что их якобы недемократическая ориентация в определенной степени была *результатом* восприятия институтов, которые должны служить образцами демократии, но таковыми не были. Другими словами, недостаточная поддержка демократии отчасти объяснялась несовершенством институтов в стране. Это касалось отношения к представительным институтам, а также к милиции. Мои респонденты не особо верили в эффективность и профессионализм правоохранительных органов в России, и некоторые намекали, что их деятельность далеко не всегда осуществляется в рамках закона. При этом многие выступали за более *строгое* применение действующего законодательства. Это значит, что они были готовы поверить в верховенство закона, если бы правоохранительные органы выполняли свою работу. Как и в случае с представительными органами, причины сомнений в определяющей роли закона заключались в том, как в реальности работали институты, а не в самой идее верховенства закона в обществе.

Несовершенством имеющихся институтов объясняется также и нежелание россиян активно участвовать в политической жизни. В стране просто не существует структур, которые могли бы служить связующим звеном между простыми гражданами и государством. Андрей Викторович пояснил: «В России нет традиции бороться за свои права, как на Западе. Нет профсоюзов, которые могли бы защищать интересы своих членов. Суды к этому не готовы. Нет судебной системы, которая бы гарантировала это». В любом случае российские респонденты сомневались, что кто-то из представителей власти будет их слушать. На вопрос о возможности влияния на власть Инна ответила:

Я думаю, что с нами никто не считается. Я в этом просто уверена. Мне, слава богу, уже сорок шесть лет, и я не помню такого момента, чтобы государство как-то заботилось о своих людях. Ведь сколько раз нас обирали. Сколько раз нас оставляли без денег, без средств к существованию. Люди доверяют государству, сильнейшему органу, а в итоге защиты искать-то не у кого, только, скажем, у самих себя.

Если некоторые явно недемократические убеждения россиян отчасти объясняются реакцией на плохую работу якобы демократических институтов, то их негативное отношение к капитализму в основном проистекает из восприятия хаотичного, хищнического капитализма, который возник в России. Как мы видели в главе пятой, респонденты, которые в меньшей степени поддерживали капитализм, в качестве причины такого отношения указывали недостатки именно российского капитализма: в России рыночная экономика не предоставляет возможности для большинства людей; те, кому удалось преуспеть, необязательно работали больше и лучше других или внесли большой вклад в общественное благо.

Большинство массовых опросов россиян показывает, что значительная часть населения поддерживает демократию, но с подозрением относится к рыночной экономике⁴. Развитие подлинно либеральной демократической системы в России зависит от этих сторонников демократии, скептически настроенных по отношению к рыночной экономике. В данном случае глубинные интервью также были полезны для выявления причин негативного отношения к капитализму среди части российских демократов. Как и либеральные демократы, скептически относящиеся к рынку демократы в российской выборке не поддерживали равное распределение богатства. Они считали, что экономическая жизнь должна основываться на принципе распределения по заслугам и что не все люди заслуживают одного и того же. Однако по сравнению с либеральными демократами скептически относящиеся к рынку демократы были в гораздо большей степени озабочены недостатками российского капитализма. Как и в случае несовершенства демократических институтов, признание несовершенства российского рынка необязательно означало стремление вернуться к социалистической системе. Многие респонденты просто хотели, чтобы капитализм в России работал лучше и обеспечивал более широкие возможности, которые предполагались теоретически.

⁴ См., напр., [Kullberg, Zimmerman 1999; Brym 1996].

Таким образом, простые россияне разделяют многие ценности и убеждения, которые являются основанием для поддержки демократических институтов и рыночных механизмов. Отсутствие такой поддержки, как правило, объясняется — по крайней мере отчасти — все еще недостаточным прогрессом на пути к демократии и рыночной экономике в России. И это положительный момент для приложения усилий по развитию либеральной демократии в стране. Преобладание неправильных представлений населения не относится к числу препятствий для развития демократии в России. Многие россияне готовы по крайней мере пассивно поддерживать рыночную демократию; они лишь сомневаются в наличии такой демократии в стране. Их скептическое отношение могло бы даже внести позитивный вклад, если бы обеспечило обоснование для углубления демократии и формирования многочисленного среднего класса.

Предостережения

Вместе с тем некоторые представления российских респондентов не способствуют развитию либеральной демократии. Одна из проблем заключается в стремлении к порядку. Точно так же, как предпочтения и ценности моих респондентов отражали несовершенство новых политических и экономических институтов, так и их политические убеждения определялись тем, в какой степени они воспринимали свою жизнь, с одной стороны, предсказуемую и упорядоченную, с другой стороны, скатывающуюся в хаос. Как мы видели в главе шестой, респонденты различались по ощущению социального порядка. Характерный для демократии беспорядок не вызывал беспокойства у респондентов, которые полагали, что социальные механизмы достаточно хорошо работают — люди могут найти работу, полиция борется с преступностью, а чиновники делают все возможное для улучшения условий жизни граждан. Отдавая предпочтение «порядку», а не более демократическим альтернативам, эти респонденты понимали порядок как правильное применение законов, принятых представительными

органами власти. Таким образом, их понимание порядка полностью соответствовало идее демократии. Однако респондентам, ощущавшим приближение социального коллапса, демократия нравилась гораздо меньше. Волновавшие их проблемы — закрытие предприятий, уличная преступность, коррупция чиновников, непредсказуемость жизни на грани кризиса — могли быть решены, как им казалось, только авторитарными методами. Они с подозрением относились к демократическим институтам и лидерам, не верили в рыночные реформы, были готовы расстаться со свободами, в которых не видели для себя никакой пользы, и подчиниться сильной руке авторитарной власти.

М. Игнатъев полагает, что болезненная реакция на неэффективность общества является наследием советской системы:

Бремя, которое они несут, но о котором не говорят, — это бремя советской цивилизации, тяжесть которого можно оценить только по совокупности деталей: неработающие лифты, скрепленные проволокой разваливающиеся автобусы, покрытые пятнами грязи окна, обыденный произвол властей, постоянное унижение рабочих в стране победившего пролетариата [Ignatieff 1994: 141]⁵.

Россияне, болезненно воспринимающие этот социальный беспорядок, не видят в демократических процедурах решения существующих проблем и даже считают, что демократия лишь усугубляет эти проблемы. Этим россиянам особенно не хватает элементов стабильности, которые были в Советском Союзе — твердых цен и постоянной работы. Если экономические условия в России будут улучшаться, люди, возможно, будут меньше бояться социального беспорядка, и вместе с этим страхом исчезнет один из факторов негативного отношения к демократии.

Кое-где в России беспорядок советского прошлого уступает место более яркому и функциональному будущему. Например, в центре Москвы уже нет «покрытых пятнами грязи окон», нео-

⁵ Игнатъев пишет об украинцах, однако примерно такие же условия были и в России.

новая реклама товаров, которые действительно продаются, сменила кумачовые лозунги, призывающие пролетариев всех стран объединяться, а в новых домах предлагаются все удобства и комфорт в западном стиле. Но, как любила повторять Светлана, «Москва — это не Россия». Для многих россиян, которых я интервьюировала, мало что изменилось в повседневной жизни после крушения коммунистической системы. Они живут в тех же квартирах, ездят на тех же «скрепленных проволокой разваливающихся автобусах» и работают там же, где и работали. Только теперь на свою зарплату они могут купить меньше продуктов и товаров. Как мы видели в главе седьмой, некоторые считают, что у власти находятся те же самые люди, что и прежде.

Еще одним основанием для беспокойства является тот факт, что многие простые россияне не видят особых различий между пусть даже несовершенными демократическими и абсолютно недемократическими институтами. Для многих моих российских респондентов различие между президентом и царем или народным комиссаром было далеко не очевидным. Они отнюдь не были убеждены в том, что их роли как граждан существенно изменились. В этом смысле россияне, скорее всего, не уникальны. Американские респонденты также проводили странные параллели между демократическими и недемократическими институтами. Например, предложение Виктории, чтобы управление государством было больше похоже на управление компанией, свидетельствует о непонимании требований демократии, хотя такого рода высказывания довольно характерны для американцев. В Соединенных Штатах, как и в других демократических странах, не имеет особого значения то, что граждане не очень хорошо разбираются в тонкостях демократии, поскольку демократические практики, скорее всего, продолжатся в любом случае. Однако в России, где сохраняется угроза возврата к авторитаризму со стороны чиновников, могут возникнуть проблемы из-за того, что некоторые граждане не видят происходящих изменений. Как показано в главе седьмой, российские респонденты, которые в меньшей степени разбирались в практических вопросах демократии, имели низкие уровни политической грамотности

и поддержки демократии. Однако именно такие люди пойдут голосовать на выборах [Bahry, Way 1994; White et al. 1997: 120–121].

Последним основанием для беспокойства относительно перспектив демократии в России является то, что многие респонденты по-прежнему видят в государстве далекую от них и равнодушную к их интересам силу. Как показывают их высказывания, приведенные в главе восьмой, многие российские респонденты не доверяют властям и не надеются, что положение дел изменится к лучшему. По словам Надежды, ее первой эмоциональной реакцией на руководство страны было чувство отчуждения. Она добавила: «Я думаю, что у государства есть свои собственные интересы, которые не совпадают с моими интересами. И чаще всего мои интересы совершенно чужды государству». Валентина призналась, что чувствует себя «забытым безбилетником», так как правительству Ельцина нет никакого дела до благополучия ее семьи. На вопрос, делают ли власти что-нибудь полезное для него, Егор Егорович ответил: «Я считаю, что они ничего не делают. Может, самую малость. Трудно сказать. Пожалуй, почти ничего не делают. Так всегда и будет». Это отчуждение от власти особенно тревожно, поскольку оно нередко сочетается с ощущением, что простые люди ничего не могут поделать с безответственностью и равнодушием власти. Если граждане не ждут, что государство будет служить их интересам, и не хотят заставить чиновников выполнять их требования, последние и не будут ничего делать.

В конечном счете высказывания российских респондентов складываются в сложную и неоднозначную историю. В некоторых моментах — стремлении взять на себя ответственность за свою судьбу, готовности участвовать в выборах, желании полагаться на закон как средство регулирования несовершенного общества и приверженности свободе — они выражали вполне демократические убеждения. И даже когда их представления были не совсем демократическими (например, когда они сомневались в справедливости принципа вознаграждения по заслугам в рыночной экономике или в эффективности дискуссионного законодательства), их мнения, скорее всего, были отражением плохой работы

этих институтов. Если бы эти институты работали лучше, мнение россиян, возможно, изменилось бы. Однако и по некоторым другим вопросам российские респонденты выражали убеждения, которые шли вразрез с развитием демократии в таких сложных условиях.

Обеспокоенность порядком, игнорирование различий между демократическими и недемократическими формами правления, а также почти полное отсутствие ожиданий относительно позитивных действий власти — все это может помешать моим респондентам стать убежденными защитниками зарождающейся демократии. Они скорее склонны защищать сложившийся порядок вещей, но не потому, что им нравится существующая власть, а потому, что, по их мнению, это лучше, чем хаос, который может наступить в результате изменений. В 1994 году Г. Э. Бурбулис, советник президента Б. Н. Ельцина, так высказался о пользе апатии народа: «Большинству людей больше не нужны власти и правительство. Никто уже не слушает оппозицию. Равнодушие масс полезно; оно даже способствует стабильности. Это равнодушие является, так сказать, защитой от восстания»⁶.

Если бы российские лидеры стремились построить либерально-демократическую систему и опасались бы сопротивления народа реформам в краткосрочной перспективе, то это стабилизирующее равнодушие пошло бы на пользу демократии. Однако если российские лидеры двигаются в противоположную от демократии сторону, то равнодушный народ не встанет у них на пути. Вопрос лишь в том, в какую сторону они хотят двигаться?

Отношение к президенту Путину

При президенте В. В. Путине в России, по всей видимости, намечился отход от демократии [McFaul et al. 2004; Myers 2004; Крыштановская 2003]. Индивидуальные и политические свободы были ограничены, оппозиционные партии ослаблены. Путин

⁶ Цит. по: [McDaniel 1996: 177]. См. также [Oreshkin 2003: 5].

стремился построить «вертикаль власти», на вершине которой находится президент. Все это мало волновало простых россиян. Как анализируемые в этой книге глубинные интервью помогут нам понять их нежелание противостоять этим изменениям?

Из высказываний российских респондентов очевидна одна вещь: Путин, на их взгляд, получил определенную свободу действий, потому что он нравился россиянам гораздо больше своего предшественника Ельцина. Для людей, которые не жили в России в 1990-е годы, фигура Ельцина сохраняет некий героический ореол. В августе 1991 года он, стоя на танке, обратился к народу, провозгласил начало эпохи невиданной прежде свободы, разрушил коммунистическую систему и начал строительство новой России. Большинство российских респондентов, отдавая должное Ельцину за эти свершения, критиковали его по другим поводам. По их мнению, Ельцин дал им свободу, которой они не могли пользоваться в атмосфере полного беззакония, когда права ничего не значили без оружия, чтобы их отстаивать. При нем в стране сложился капитализм, при котором лишь некоторые получили огромные возможности, а простые люди стали существенно беднее и не чувствовали себя в безопасности. Он правил так, что никто не знал, какие изменения произойдут во власти на следующий день или насколько обесценится рубль. Ельцин слишком долго оставался президентом после периода своего расцвета и даже стал героем анекдотов, как Л. И. Брежнев. В высказываниях моих респондентов было много примеров, которые характеризовали правление Ельцина как неопатримониальный режим, хотя они, разумеется, не использовали этот термин⁷. Власть была сконцентрирована в руках президента и правительства, а законодательные органы играли чисто символическую роль. Политика превратилась в драку за добычу между близкими к власти кликами, и победители быстро становились невероятно богатыми, а простым гражданам оставалось лишь наблюдать, как обесцениваются их сбережения. Администрация президента занималась умиротворением элит, которые обладали достаточной

⁷ См. [Эйзенштадт 1999; Мау, Starodubrovskaya 2001: 338].

властью, чтобы угрожать правительству, а о населении страны никто и не думал.

Российские респонденты предпочитали Путина Ельцину по ряду причин. Они высоко оценивали его личные качества. Если к концу своего правления Ельцин выглядел косноязычным и малокомпетентным болтуном, то Путин казался умным, здоровым, рассудительным и решительным политиком. Он, по всей видимости, был в меньшей степени озабочен личным обогащением и, как выразилась Лена, не тянул одеяло на себя. Накануне избрания Путина на первый срок Инна сказала, что от правителей России она хочет только одного — честности:

Главное — честность, просто честность. Больше ничего не нужно, потому что, если человек честен, все остальное приложится: уважение, отсутствие желания причинить боль... Если человек занимает высокое положение, он должен полностью посвятить себя своему делу, а не набивать, извините за выражение, свои карманы деньгами, чтобы обеспечить свою семью на сто лет вперед.

В то время россияне уже устали от новостей о том, как семья и соратники Ельцина обогащались благодаря его положению на вершине власти.

Помимо личных качеств, в Путине привлекало то, что ему удалось гораздо эффективнее Ельцина обеспечить улучшение условий повседневной жизни многих российских граждан. Экономика России уверенно росла начиная с 1999 года, благодаря чему благосостояние большинства россиян стало значительно выше, чем при Ельцине. Политическая жизнь при Путине стала более упорядоченной, особенно когда все больше политиков начали переходить в парламентскую партию, поддерживающую Путина, а несговорчивая оппозиция осталась в прошлом. К 2003 году у россиян появилась некоторая уверенность в завтрашнем дне, многие надеялись не только выжить, но и со временем преуспеть. Раньше у людей такой уверенности практически не было. Эта элементарная стабильность жизни и является основой «порядка», который ценят россияне. По словам Евгения, все, что

ему нужно от государства, — это стабильная работа. «Тогда, — сказал он, — будет, как говорится, обеспеченная старость, пенсия, нормальная жизнь для человека, который отдал свои силы и, можно сказать, лучшие годы на процветание страны. Они должны это ценить». В Путине многие россияне наконец увидели лидера, который повернулся к ним лицом и хотел помочь им улучшить жизнь.

Как показано в главе четвертой, основным критерием для оценки россиянами руководителей государства является эффективность, а не строгое следование демократическим процедурам⁸. В то же время нельзя утверждать, что мои респонденты были готовы интерпретировать многие действия Путина как исключительно враждебные в отношении демократии. Например, в западной прессе преследование олигархов при Путине было представлено как стремление подорвать капитализм, частную собственность, свободное предпринимательство и, соответственно, демократию [McFaul 2004; Myers 2003; Raphael 2003]. Однако многие из российских респондентов вряд ли придерживались такой же точки зрения на эти события. Они, возможно, согласились бы с тем, что такое преследование имело политический характер, однако маловероятно, что они считали того или иного олигарха действительно невиновным. Большинство из них были уверены, что невозможно законными способами заработать такие огромные деньги за такой короткий период. Более того, простые люди сомневались, что очень богатые, как и они, платили все налоги. Если олигархи разбогатели незаконными методами, то при правильном применении закона некоторые из них неизбежно должны были оказаться в тюрьме.

Еще до того, как российские власти во главе с Путиным начали преследовать олигархов, Иван Иванович говорил о том, что хотел бы от новой власти, чтобы

⁸ Об этом см. также [Rose et al. 2004]. Л. Шевцова в [Shevtsova 2003: 259] приводит результаты опросов, которые показывают, что 78 % жителей России хотят, чтобы их страна была комфортной для жизни и чтобы интересы людей были основным приоритетом государства.

законы соблюдались от и до... чтобы закон был един для всех, для богатых и бедных, для начальников и простых людей, чтобы наказание за любое преступление было неминуемым, кто бы его ни совершил, независимо от его положения. Я хочу, чтобы в России соблюдались законы.

Обуздание олигархов, таким образом, могло восприниматься как шаг на пути *укрепления* верховенства закона и вместе с тем прав собственности простых людей⁹. По мнению ряда наблюдателей, возможно, что конечной целью некоторых олигархов было ослабить президентскую власть, чтобы получить возможность влиять на принятие политических решений, финансируя парламентские партии [Centre TV 2003]. Мои респонденты вряд ли сочли бы такое финансирование более демократическим вариантом, чем сильная президентская власть.

Путин предпринял ряд шагов, которые, очевидно, угрожали системе выборов в России. Высказывания респондентов по этому поводу также указывают на то, что они далеко не всегда воспринимали эти действия как направленные против демократии. Путин направил в Думу законопроект, предполагающий отмену губернаторских выборов. Мои респонденты, особенно в Сибири, считали, что усиление контроля за губернаторами может быть полезно. На их взгляд, Ельцин предоставил местным руководителям слишком много свободы действий, позволив тем, кто пользовался его благосклонностью, управлять вверенными им территориями как своими вотчинами. Поэтому некоторые респонденты опасались возможности распада России, как это было с Советским Союзом, поскольку некоторые губернаторы начали рассматривать границы своих регионов как государственные границы и принимали законы, которые противоречили федеральному законодательству. По этому поводу Аня заметила:

⁹ Об этом см. также [Lavelle 2004]. П. Лавель утверждает, что Путин намерен создать современную и диверсифицированную экономику и сделать так, чтобы энергетические ресурсы России использовались на благо народа в целом. Это было бы очень хорошо для простых россиян и даже, возможно, для демократических институтов, хотя и не так хорошо для российских олигархов.

«Я думаю, что важно сохранить территориальную целостность России. Иначе страна распадется на отдельные княжества, как было в прошлом, и ничего хорошего из этого не выйдет». Кроме того, мои респонденты выражали явный скептицизм в отношении соблюдения демократических процедур на региональных выборах. В условиях, когда нужно было выбирать между назначаемыми губернаторами и губернаторами, которые купили свои должности или с помощью угроз и силы избавились от своих политических оппонентов, назначение губернаторов президентом представлялось не худшим вариантом.

Точно так же решение Путина заменить смешанную избирательную систему на голосование по партийным спискам, вероятно, не казалось большинству респондентов прямым вызовом демократии. Действительно, голосование по партийным спискам принято во многих странах со стабильной демократией. Единственной причиной, по которой голосование по партийным спискам могло бы иметь идущие вразрез с демократией последствия, заключается в том, что «Единая Россия» — поддерживающая Путина парламентская партия, — скорее всего, получила бы на выборах подавляющее большинство голосов, по крайней мере на первых таких выборах. Однако для понимания того, как избирательные системы влияют на перспективы развития демократии в определенных обстоятельствах, требуется более сложный анализ последствий изменения правил проведения выборов, который, очевидно, не по силам простым гражданам. Более того, для большинства моих информантов голосование по одномандатным округам представлялось более проблематичным, чем выбор партии при голосовании по партийным спискам. Большинство респондентов достаточно хорошо понимали различия между партиями (или, по крайней мере, думали, что видят различия) и могли сделать выбор исходя из своих предпочтений. А кандидаты в одномандатных округах зачастую были настолько малоизвестны, что избиратели не имели ни малейшего представления о том, кто они такие. При таком почти полном отсутствии информации о кандидатах гражданам ничего не оставалось, кроме как «голосовать с закрытыми глазами», как выразилась

Зинаида в главе седьмой. Следовательно, и выборы по партийным спискам не казались моим респондентам существенным отходом от демократических процедур.

То же самое относится и к объединению партий в крупные избирательные блоки и отказу в регистрации некоторых оппозиционных партий, в частности тех, которые представляли наиболее либеральную часть политического спектра. Мои респонденты не испытывали любви к «Единой России», но и к оппозиционным партиям относились без особой симпатии. И дело было не в том, что они не симпатизировали их целям. Дима полагал, что ни одна из оппозиционных партий на самом деле не хотела прийти к власти. Светлана считала, что они больше заинтересованы в самопиаре, нежели в благе страны. Объектом особой критики были лидеры либеральных партий, причем в основном личные качества лидеров, а не выдвигаемые ими идеи. Все это, однако, не означает, что респонденты активно поддерживали попытки Путина лишить оппозицию присутствия в эфире. Впрочем, остается неясным, повлияло бы на их выбор большее присутствие в СМИ других кандидатов.

Путина иногда обвиняют в том, что он возрождает имперские амбиции России, стремится вернуть бывшие советские республики в сферу российского влияния и при этом противостоит ориентации на Запад [Lipman 2005; Myers 2004; Arvedlund 2004]. Большинство моих респондентов не интересовались внешней политикой, но их беспокоило то, что Россия была ослаблена после распада Советского Союза. Поэтому они, вероятно, поддержали бы усилия по укреплению государства и возвращению людям чувства гордости за свою страну.

Многие респонденты были расстроены тем, что Россия оказалась в тяжелом положении. В 1998 году Григорий сказал:

Раньше, когда мы смотрели телевизор и видели, как поднимается наш флаг на каком-нибудь политическом форуме или на Олимпийских играх, чувство гордости за государство, его силу и мощь было совершенно другим, гораздо сильнее, чем сейчас. Сейчас, даже не знаю, как-то трудно думать об этом. Государство болеет, и ему нужно лекарство.

В 2003 году Лена оценивала ситуацию ненамного лучше:

Они не говорят о патриотизме, потому что теперь повсюду коррупция. Какой тут может быть патриотизм? Раньше был. Да, при коммунистах нас так воспитывали. У тех, кому сейчас лет тридцать или тридцать пять, может быть, двадцать восемь, он еще есть. Патриотизм — это когда стыдно за свою родину. Наверное, так и есть? Стыдно, что государство стало таким.

В той степени, в какой Путин воспринимается как защитник интересов и достоинства России, мои респонденты, вероятно, полагали, что он все делает правильно. Пожалуй, должно пройти еще какое-то время, прежде чем россияне смогут называть свою страну лучшей в мире, как это часто делали американские респонденты, но, по крайней мере, Путин дал надежду на то, что страна сможет стать лучше, чем в данный момент.

Вместе с тем мои респонденты очень неоднозначно оценивали войну в Чечне. Многие утверждали, что русские должны защитить себя от террористов, однако никому не хотелось жертвовать жизнями российских солдат, чтобы силой удержать страну от распада. Соня надеялась, что удастся сохранить территориальную целостность России, подчеркнув при этом: «Но только, если возможно, без войны. Если для сохранения территории встает вопрос о войне, то нужно найти способ позволить им уйти мирно». С этой точкой зрения соглашался Константин: «Чеченский вопрос показывает, что сила не работает». Мои респонденты сожалели о развале Советского Союза, но больше из чувства неудобства, чем от потери империи. Из-за распада Советского Союза многие семьи оказались разъединенными и сложнее стали поездки. У многих были знакомые этнические русские, которых вынуждали покинуть дома в бывших советских республиках. Большинство моих респондентов были бы рады воссозданию Советского Союза, но они не питали иллюзий по поводу такой возможности. Многие довольно широко понимали русский национализм, полагая, что русских в большей степени объединяют культура и язык, нежели этнические корни или происхо-

ждение¹⁰. Следовательно, кто хотел, мог стать русским. Эта идея в прошлом принесла немало бед россиянам; на самом деле большинство моих респондентов не понимало, почему люди в бывших советских республиках совершенно не радовались возможности стать русскими. Такие взгляды, однако, были недостаточным поводом для поддержки войн за доминирование, и если такое намерение было у Путина, обещавшего сделать Россию сильной, то маловероятно, что мои респонденты поддержали бы его.

В целом российские респонденты не желали возврата к прошлому и не считали, что Путин ведет их назад. Наталья так высказалась о коммунистах: «Их поезд ушел». Татьяна Михайловна назвала коммунистов «бедные крошки» и заметила, что они теперь ведут себя гораздо тише и скромнее, чем раньше, когда были у власти, и поэтому от них нет особого вреда. Конечно, у КПРФ были последователи. Многие из более пожилых респондентов признавались, что были коммунистами всю свою сознательную жизнь; некоторые голосовали за коммунистов, отчасти в силу ностальгии и сожаления об утраченном прошлом¹¹, а не потому, что были уверены, что, придя к власти, коммунисты сделают их жизнь лучше. Как заметила Зоя Игоревна, которая в прошлом была членом КПСС, «они тоже сошли на нет». Для большинства моих респондентов вопрос о возврате к коммунизму не представлял никакого интереса. Насколько они себе представляли, Путин вел их к чему-то другому. Конечная цель была не до конца ясна, но она точно не имела ничего общего с тем, что было в прошлом.

Осенью 2004 года сотни тысяч украинцев вышли на демонстрации в знак протеста против фальсифицированных выборов. В лидере оппозиции В. А. Ющенко они видели честного и более компетентного лидера, который может побороть повсеместную коррупцию и повести страну в «цивилизованный» мир [Karatnytsky 2005]. Возможно, мои российские респонденты ошибаются,

¹⁰ Об этом см. [Markowitz 2000].

¹¹ Эта фраза из высказываний Димы.

но многие из них полагают, что у россиян уже есть такой лидер в лице Путина. Высокие рейтинги одобрения Путина свидетельствуют о нежелании граждан отказаться от этой надежды.

Вердикт культуре

В этой книге предпринята попытка проанализировать различные предположения относительно российской политической культуры, в частности гипотезу о том, что россияне унаследовали некий набор идей и ценностей из прошлого, в силу которых сам менталитет российских граждан является препятствием для развития демократии. Вердикт, основанный на анализе проведенных интервью, заключается в том, что унаследованные убеждения *нельзя* считать главным препятствием для построения демократии в России. Прежде всего, интервью практически не подтверждают наличие характерных особенностей, которые нередко приписываются российской политической культуре: мои респонденты не проявляли особой склонности к авторитаризму, эгалитаризму, мессианству или утопизму. Они не выражали предпочтения каким-то крайностям по сравнению с умеренностью и не ожидали, что государство позаботится о них. Большинство из них признавало важность закона для регулирования жизни несовершенного общества, и никто не выступал за восстановление тоталитарного политического порядка¹².

Вместе с тем некоторые другие аспекты традиционной российской политической культуры действительно остаются актуальными в настоящее время. В частности, моих респондентов привлекал идеал социального порядка, хотя, говоря о «порядке», все они имели в виду одно и то же. Кроме того, они довольно скептически высказывались о государственной власти и собственной способности влиять на своих правителей. Большинство респондентов осознавало, что разрыв между простыми людьми

¹² Об этих характерных особенностях российской политической культуры см. [McDaniel 1996; Fleron 1998: 36; Вайнштейн 1998: 43–44].

и теми, кто находится у власти, остается огромным и, по крайней мере, пока непреодолимым. Для многих единственным лучом надежды был Путин, который, как им казалось, учитывает их интересы и, во всяком случае, делает в этом отношении гораздо больше, чем его предшественники.

В этой книге я пыталась показать, что, хотя некоторые характерные особенности традиционной российской политической культуры проявляются в отношении многих россиян к государственной власти, это необязательно происходит из-за унаследованных установок, в силу которых они не доверяют ни начальникам, ни друг другу. Глубинные интервью, на которых основана эта книга, свидетельствуют о том, что существующие отношения являются отражением существующих условий. Российские граждане скептически относятся к власти, потому что власть мало делает для удовлетворения их потребностей. Они неохотно вовлекаются в политическую активность, которая могла бы сделать более значимыми их требования, так как не уверены, что их усилия принесут результат. Кроме того, из-за недостатка возможностей, предоставляемых хищническим российским капитализмом, простые россияне должны значительную часть времени трудиться, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Они живут в непредсказуемом и сложном мире, который, возможно, постепенно становится более упорядоченным под руководством Путина.

Тем не менее, на примере отношения к власти отчетливо видно, что сегодня россияне несут тяжелое бремя наследия советского периода. У всех моих респондентов, кроме самых молодых, взгляды на власть сформировались при советской власти и, в сущности, мало изменились после падения коммунистического режима. С их точки зрения, для изменения отношения к власти у них не было никаких причин, поскольку власть по большей части продолжает действовать как враждебная и чуждая людям сила. Но коль скоро граждане не меняются, коль скоро они не выступают против нарушения властью принципов демократии и игнорирования ею народных потребностей, они несут свою долю ответственности за судьбу демократии в России.

Учитывая контекст, в котором формируется отношение россиян к власти, неудивительно, что многие российские граждане ничего от нее не ждут и чувствуют себя бессильными изменить ее, что они не одобряют особенности новой политико-экономической системы, в рамках которой их жизнь пока еще не сильно улучшилась. Однако представляется очевидным, что эти люди, которые пережили советскую систему, ее крушение и беспорядочную перестройку всего общества, смогут приспособиться и к демократии. Если только руководство страны допустит это.

Приложения

Приложение А. Демографические характеристики российских респондентов

Псевдоним	Год интервью	Уровень поддержки / отношение к демократии	Уровень поддержки / отношение к рынку	Уровень опущения / отношение к беспорядку	Пол	Возраст на 2000 год	Регион проживания	Уровень образования	Профессия (род занятий)
Александр Антоновна	1998	умеренный	высокий	умеренный	жен.	более 60	Москва	высшее	пенсия / специальный лист
Алексей	1998	низкий	низкий	высокий	муж.	46–60	Москва	среднее специальное	рабочий
Алла	1998	умеренный	низкий	умеренный	жен.	46–60	Сибирь	высшее	специальный лист
Андрей Викторович	1998	высокий	смешанный	умеренный	муж.	более 60	Сибирь	высшее	пенсия / специальный лист
Анна Павловна	1998	смешанный	низкий	умеренный	жен.	более 60	Московская область	неполное среднее	рабочий
Аня	1998	умеренный	смешанный	низкий	жен.	31–45	Европейская часть России	среднее специальное	квалифицированный рабочий

Псевдоним	Год интервью	Уровень поддержки / отношение к демократии	Уровень поддержки / отношение к рынку	Уровень опущения / отношение к беспорядку	Пол	Возраст на 2000 год	Регион проживания	Уровень образования	Профессия (род занятий)
Аркадий	1998	высокий	низкий	низкий	муж.	46–60	Сибирь	высшее	специалист
Борис Борисович	1998	смешанный	высокий	умеренный	муж.	более 60	Москва	среднее специальное	квалифицированный рабочий специалист
Валентина	1998	смешанный	смешанный	высокий	жен.	31–45	Сибирь	высшее	рабочий специалист
Валя	2003	низкий	низкий	умеренный	жен.	до 30	Московская область	среднее	рабочий
Вася	2003	смешанный	высокий	умеренный	муж.	до 30	Европейская часть России	высшее	специалист
Вилен Николаевич	2000	смешанный	смешанный	умеренный	муж.	более 60	Европейская часть России	среднее	пенсия / рабочий
Витя	2003	умеренный	высокий	низкий	муж.	до 30	Московская область	высшее	специалист

Псевдоним	Год интервью	Уровень поддержки / отношение к демократии	Уровень поддержки / отношение к рынку	Уровень ощущения / отношение к беспорядку	Пол	Возраст на 2000 год	Регион проживания	Уровень образования	Профессия (род занятий)
Владимир Ильич	1998	низкий	низкий	высокий	муж.	более 60	Европейская часть России	среднее специальное	пенсионер / рабочий
Галина Григорьевна	2000	умеренный	низкий	высокий	жен.	более 60	Европейская часть России	неполное среднее	пенсия / нерка / рабочая
Геннадий	2000	высокий	низкий	умеренный	муж.	31–45	Европейская часть России	высшее	специалист
Григорий	1998	смешанный	смешанный	умеренный	муж.	31–45	Сибирь	высшее	предприниматель
Дима	2003	высокий	смешанный	низкий	муж.	до 30	Европейская часть России	высшее	специалист
Евгений	2000	низкий	низкий	умеренный	муж.	31–45	Москва	среднее специальное	безработный

Псевдоним	Год интервью	Уровень поддержки / отношение к демократии	Уровень поддержки / отношение к рынку	Уровень опущения / отношение к беспорядку	Пол	Возраст на 2000 год	Регион проживания	Уровень образования	Профессия (род занятий)
Егор Егорович	2003	смешанный	низкий	высокий	муж.	более 60	Европейская часть России	неполное среднее	рабочий
Екатерина	1998	умеренный	высокий	низкий	жен.	46–60	Москва	высшее	домохозяйка
Елена	2000	смешанный	низкий	высокий	жен.	46–60	Сибирь	среднее специальное	квалифицированный рабочий
Зинаида	2000	смешанный	низкий	высокий	жен.	31–45	Европейская часть России	неполное среднее	рабочий
Зоя Игоревна	2003	смешанный	смешанный	высокий	жен.	более 60	Московская область	среднее	рабочий
Иван Иванович	2000	смешанный	низкий	высокий	муж.	более 60	Сибирь	среднее специальное	специалист
Инна	2000	низкий	низкий	высокий	жен.	46–60	Москва	среднее	рабочий

Псевдоним	Год интервью	Уровень поддержки / отношение к демократии	Уровень поддержки / отношение к рынку	Уровень ощущения / отношение к беспорядку	Пол	Возраст на 2000 год	Регион проживания	Уровень образования	Профессия (род занятий)
Иосиф	1998	высокий	низкий	высокий	муж.	31–45	Европейская часть России	высшее	специалист
Ирина Львовна	1998	смешанный	низкий	умеренный	жен.	более 60	Московская область	высшее	пенсия / нерка / специалист
Каця	1998	смешанный	смешанный	низкий	жен.	до 30	Европейская часть России	среднее	учащаяся
Клара	2000	смешанный	смешанный	низкий	жен.	31–45	Москва	среднее специальное	рабочий
коллектив (групповое интервью)	2000	смешанный	низкий	высокий	жен.	46–60	Сибирь	высшее	специалист
Коля	2000	умеренный	высокий	низкий	муж.	до 30	Европейская часть России	среднее	рабочий

Псевдоним	Год интервью	Уровень поддержки / отношение к демократии	Уровень поддержки / отношение к рынку	Уровень опущения / отношение к беспорядку	Пол	Возраст на 2000 год	Регион проживания	Уровень образования	Профессия (род занятий)
Константин	1998	высокий	низкий	умеренный	муж.	46–60	Москва	среднее специальное	пенсионер/рабочий
Лена	2003	смешанный	смешанный	высокий	жен.	до 30	Московская область	среднее специальное	рабочий
Лев	2003	умеренный	низкий	умеренный	муж.	46–60	Московская область	среднее	рабочий
Люба	2003	смешанный	высокий	низкий	жен.	до 30	Европейская часть России	среднее специальное	рабочий
Людмила Владимировна	1998	высокий	высокий	умеренный	жен.	более 60	Московская область	высшее	пенсия / нерка / рабочая
Марина Александровна	1998	высокий	высокий	низкий	жен.	более 60	Москва	высшее	предприниматель
Михаил	1998	умеренный	смешанный	низкий	муж.	31–45	Москва	высшее	специалист

Псевдоним	Год интервью	Уровень поддержки / отношение к демократии	Уровень поддержки / отношение к рынку	Уровень ощущения / отношение к беспорядку	Пол	Возраст на 2000 год	Регион проживания	Уровень образования	Профессия (род занятий)
Миша	2003	высокий	высокий	низкий	муж.	до 30	Европейская часть России	среднее специальное	рабочий
Надежда	1998	высокий	смешанный	низкий	жен.	31–45	Европейская часть России	высшее	специалист
Надя	2003	смешанный	низкий	низкий	жен.	до 30	Европейская часть России	среднее специальное	рабочая
Наталья	все 3 года	высокий	смешанный	низкий	жен.	46–60	Москва	высшее	специалист
Николай	1998	смешанный	смешанный	умеренный	муж.	31–45	Москва	среднее специальное	квалифицированный рабочий
Олег	2000	высокий	высокий	низкий	муж.	46–60	Европейская часть России	среднее специальное	квалифицированный рабочий

Псевдоним	Год интервью	Уровень поддержки / отношение к демократии	Уровень поддержки / отношение к рынку	Уровень опущения / отношение к беспорядку	Пол	Возраст на 2000 год	Регион проживания	Уровень образования	Профессия (род занятий)
Ольга Юрьевна Павел	2000	смешанный	низкий	низкий	жен.	более 60	Москва	высшее	специалист
Павел	2003	смешанный	смешанный	низкий	муж.	46–60	Европейская часть России	среднее специальное	рабочий
Пелатая	2003	смешанный	низкий	высокий	жен.	46–60	Европейская часть России	неполное среднее	пенсионер / рабочий
Полина	1998 и 2000	смешанный	высокий	умеренный	жен.	31–45	Москва	среднее	рабочая
Раиса	2003	умеренный	высокий	низкий	жен.	46–60	Московская область	высшее	специалист
Рая	2000	умеренный	низкий	умеренный	жен.	до 30	Европейская часть России	высшее	специалист
Руслан	1998	смешанный	смешанный	низкий	муж.	46–60	Москва	среднее специальное	предприниматель

Псевдоним	Год интервью	Уровень поддержки / отношение к демократии	Уровень поддержки / отношение к рынку	Уровень ощущения / отношение к беспорядку	Пол	Возраст на 2000 год	Регион проживания	Уровень образования	Профессия (род занятий)
Светлана	все 3 года	умеренный	высокий	умеренный	жен.	31–45	Москва	высшее	квалифицированный специалист
Сергей	1998	смешанный	смешанный	низкий	муж.	46–60	Московская область	среднее специальное	безработный / рабочий
Слава	1998	умеренный	высокий	низкий	муж.	до 30	Москва	среднее специальное	безработный
Соня	1998	умеренный	смешанный	умеренный	жен.	до 30	Европейская часть России	высшее	учащаяся
София	2003	смешанный	высокий	умеренный	жен.	31–45	Европейская часть России	высшее	квалифицированный специалист

Псевдоним интервью-вью	Год интервью	Уровень поддержки / отношение к демократии	Уровень поддержки / отношение к рынку	Уровень умеренности / отношение к беспорядку	Пол	Возраст на 2000 год	Регион проживания	Уровень образования	Профессия (род занятий)
Татьяна Михайлова	1998	низкий	смешанный	умеренный	жен.	более 60	Москва	высшее	пенсия / нерка / специализация
Толя	2003	стандартная	смешанный	умеренный	муж.	до 30	Европейская часть России	высшее	специализация
Юрий	1998	умеренный	высокий	низкий	муж.	46–60	Москва	высшее	специализация

Неполное среднее: респондент окончил менее 11 классов средней школы.

Среднее: респондент окончил 11 классов средней школы.

Среднее специальное: респондент прошел курс обучения в среднем профессиональном учебном заведении — профессионально-техническом училище (ПТУ) или техникуме.

Высшее: респондент окончил университет или другое высшее учебное заведение.

Приложение Б. Демографические характеристики американских респондентов

Псевдоним	Год интервью	Пол	Возраст на 2000 год	Образование	Профессия (род занятий)	Отношение к политическим партиям
Адам	1999	муж.	до 30	неоконченное высшее	учащийся	Демократ. партия
Бетти	2002	жен.	более 60	высшее	пенсия/специалист	Республ. партия
Билл	2001	муж.	до 30	неоконченное высшее	учащийся	Республ. партия
Виктория	1998	жен.	31–45	высшее	специалист	нет
Греис	1999	жен.	46–60	среднее	домохозяйка	Республ. партия
Джейкоб	1998	муж.	более 60	неполное среднее	пенсия	беспартийный
Джейн	1999	жен.	31–45	неоконченное высшее	специалист	Демократ. партия
Джин	1998	жен.	31–45	среднее	предприниматель	нет
Дэниел	2001	муж.	до 30	среднее	рабочий	Демократ. партия
Кейт	1998	жен.	до 30	неоконченное высшее	учащаяся	Демократ. партия
Крис	1998	муж.	до 30	высшее	специалист	беспартийный
Кэролайн	1998	жен.	46–60	высшее	специалист	нет
Лео	2001	муж.	более 60	высшее	пенсия / специалист	Республ. партия
Рик	2001	муж.	до 30	высшее	специалист	Демократ. партия

Псевдоним	Год интервью	Пол	Возраст на 2000 год	Образование	Профессия (род занятий)	Отношение к политическим партиям
Сэм	2001	муж.	46–60	среднее	специалист	Республ. партия
Тед	1998	муж.	до 30	неоконченное высшее	учащийся	Республ. партия
Триш	1998	жен.	до 30	неоконченное высшее	учащаяся	Республ. партия
Фред	2001	муж.	46–60	неоконченное высшее	предприниматель	беспартийный
Харриет	2001	жен.	более 60	неполное среднее	пенсионерка / рабочий	Демократ. партия
Эмили	1998	жен.	более 60	среднее	пенсионерка	Демократ. партия
Эрнест	2002	муж.	46–60	высшее	специалист	Демократ. партия

Приложение В. Измерения, использованные при анализе

Для анализа ответов респондентов часто полезно разбить респондентов на группы в соответствии с некоторым набором общих ориентаций. В этой работе такая группировка осуществлялась путем измерения созданных для этой цели показателей, основанных на ответах респондентов на определенные вопросы. Для получения показателей измерения ответам каждого респондента на соответствующие вопросы присваивалось определенное число баллов, которые затем либо суммировались, либо усреднялись в соответствии с описанными ниже процедурами, и результирующие значения использовались в качестве величин, на основе которых проводилась группировка респондентов. По возможности в отношении россиян и американцев применялись аналогичные измерения. В тех случаях, когда использование измерения, аналогичного разработанному для российских респондентов, не давало очевидно значимой классификации американских респондентов, разбивка американцев на группы не проводилась. В этом приложении приводится описание измерений, применявшихся для деления респондентов на группы.

ПОДДЕРЖКА ДЕМОКРАТИИ

Измерение применялось для деления респондентов из России на группы по степени поддержки ими демократических ценностей. Результаты данного измерения использовались в главе пятой и в большинстве последующих глав. Измерение основывается на ответах респондентов на пять вопросов. В центре внимания находились те части ответов, в которых выражалось отношение респондентов к общим ценностям, а не их оценка конкретных реально существующих институтов. Для получения измеряемых величин ответам присваивалось указанное ниже количество баллов.

Вопрос: «А вообще, как вы думаете, в России должна быть Дума, или такой институт, как Государственная дума, России не нужен?»

0 — По мнению респондента, представительные институты не имеют никакой ценности вообще, не только в России.

1 — Респондент высказывается в поддержку существования представительных институтов, однако с некоторыми ограничениями: например, респондент полагает, что представительные институты имеют

некоторую ценность, но не в любых условиях, или не может объяснить, зачем нужны представительные институты.

2 — Ответ респондента демонстрирует четкое понимание роли, которую представительные институты играют в демократической системе.

Вопрос: «Как вы считаете, важно или не важно участвовать в выборах президента России, в выборах Государственной думы и в выборах мэра и городской думы?»

0 — Респондент полагает, что принимать участие в голосовании не имеет смысла.

1 — Респондент выражает некоторую двойственность отношения к голосованию — например, считает, что на некоторых выборах стоит голосовать, а на других нет, или что голосование имеет некоторое значение, однако это значение невелико.

2 — По мнению респондента, важно голосовать на всех выборах.

Вопрос: «Должно ли людей, которые сегодня находятся у власти, заботить то, что думают такие люди, как вы?»

0 — Респондент считает, что люди, находящиеся у власти, не должны интересоваться мнением простых людей.

1 — Респондент считает, что люди, находящиеся у власти, должны интересоваться мнением простых людей.

Вопрос: «Что, по вашему мнению, означает слово *демократия*?»

0 — В своем толковании демократии респондент делает акцент на негативном аспекте — например, на росте беспорядка и преступности.

1 — В своем толковании респондент делает акцент лишь одном аспекте демократии, например *свободе*, без дальнейших пояснений.

2 — Респондент дает подробное толкование или включает в него несколько аспектов демократии.

Вопрос: «Считаете ли вы, что у людей сегодня слишком много свободы?»

0 — Респондент полагает, что свободы так много, что ее количество было бы полезно несколько ограничить.

1 — Респондент не выражает недовольства уровнем имеющейся свободы.

2 — Респондент утверждает, что слишком много свободы не бывает, или отмечает недостаточность уровня свободы в России.

Для каждого респондента вычислялась сумма баллов по ответам на все пять вопросов. Все респонденты ответили на все предложенные вопросы. Возможная сумма баллов находится в диапазоне от 0 до 9.

Респонденты, набравшие 4 балла или меньше, составляют группу с *низким* уровнем поддержки демократии. Сумма баллов, равная 5 или 6, соответствует *смешанному* отношению к демократии. Респонденты, набравшие 7 баллов, относятся к группе с *умеренным* отношением к демократии. Респонденты, набравшие 8 или 9 баллов, составляют группу с *высоким* уровнем поддержки демократии. Во многих случаях группы с *умеренным* отношением и *высоким* уровнем поддержки демократии в процессе проведения анализа объединяются.

Деление американских респондентов на группы по уровню поддержки / отношению к демократии не проводилось, поскольку различия в их ответах были слишком малы для получения значимых групп.

ПОДДЕРЖКА РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ

Измерение применяется в главе пятой для деления респондентов из России на группы по степени поддержки рыночных реформ. Оценка основана на ответах респондентов на вопрос: «Как вы относитесь к экономическим переменам, которые произошли в России за последние годы?» В опросе 2003 года данный вопрос содержал конкретизированную формулировку «за последние 15 лет». Ответы оценивались по пятибалльной шкале:

1 — Комментарии респондента в целом отрицательные. Респондент не поддерживает никакие аспекты рыночных реформ.

2 — Респондент дает комментарии, отражающие смешанное отношение, однако они скорее отрицательные, чем положительные.

3 — Комментарии респондента отражают смешанное отношение без уклона в сторону положительной или отрицательной оценки. Респондент отмечает и позитивные, и негативные аспекты рыночных реформ.

4 — Респондент дает комментарии, отражающие смешанное отношение, однако скорее положительные, чем отрицательные.

5 — Комментарии респондента содержат однозначно положительную оценку.

В таблице 5.1 применяется система оценки по пятибалльной шкале. В таблице 5.2 используется следующая система оценки в баллах:

1 — Комментарии респондента являются по большей части, но не исключительно негативными.

2 — Комментарии респондента отражают смешанное отношение.

3 — Комментарии респондента являются по большей части, но не исключительно, позитивными.

Деление американских респондентов на группы по уровню поддержки / отношению к рыночным реформам не проводилось, поскольку в Соединенных Штатах, в отличие от России, перехода к рыночной экономике в недавнем прошлом не происходило.

ОЩУЩЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО БЕСПОРЯДКА

Измерение применяется в главах шестой и восьмой и основывается на ответах респондентов на серию вопросов, состоявшую из трех частей. Оценка ответов российских респондентов в баллах производится описанным ниже способом.

Вопросы: «Скажите, пожалуйста, насколько вы удовлетворены деятельностью милиции? Почему?»

0 — Респондент выражает удовлетворение работой милиции. Некоторые респонденты отмечали, что милиция выполняет свои задачи, насколько этого можно ожидать в сложившихся обстоятельствах.

1 — Респондент отмечает как положительные, так и отрицательные аспекты в работе милиции.

2 — Респондент упоминает о страхе перед преступностью, о коррупции и некомпетентности работников милиции.

Вопросы: «Как вы пережили изменения, произошедшие в экономике?», «Насколько вы удовлетворены своим материальным положением?» Ответы оценивались следующим образом:

0 — респондент практически не беспокоится о своем материальном положении, считает, что ситуация в экономике улучшается и экономика находится в удовлетворительном состоянии;

1 — респондент считает, что экономические проблемы существуют, но люди справятся с ними;

2 — респондент считает, что экономика разрушается, и выражает неуверенность в том, что люди смогут выжить в таких обстоятельствах.

При оценке в баллах ответов на приведенные выше два вопроса использовались части ответов, относящиеся к ситуации в экономике страны в целом, а не к соображениям респондента о его личных обстоятельствах. Оценка собственного материального положения, по-видимому, не всегда прямо соотносится с реальным положением дел. В частности, некоторые из наиболее состоятельных респондентов оказались в числе наименее удовлетворенных своим материальным положением.

Данное измерение включает в себя также оценку ответов на вопросы о действующей власти. Оценка ответов приведена ниже.

Вопросы: «Насколько вы удовлетворены деятельностью президента [Ельцина или Путина]?», «Насколько вы удовлетворены деятельностью Государственной думы?»

0 — Респондент не говорит о коррупции, связях с преступностью и вопиющей некомпетентности.

1 — Респондент упоминает о коррупции, преступности или некомпетентности, однако не в порядке осуждения всей структуры власти.

2 — Респондент выступает с резко негативными заявлениями о коррупции, преступности, внутреннем конфликте или очевидном преследовании государственными чиновниками своих собственных интересов.

Баллы за ответы на вопросы о милиции, экономическом положении и степени удовлетворения деятельностью власти суммируются. Сумма баллов находится в диапазоне от 0 до 6.

Респонденты, набравшие по данному измерению 5 или 6 баллов, относятся к группе с *высоким* уровнем ощущения социального беспорядка. Сумма баллов, равная 3 или 4, соответствует *умеренному* отношению к беспорядку. Респонденты, набравшие менее 3 баллов, имеют *низкий* уровень ощущения беспорядка.

Для американской выборки было разработано сопоставимое измерение с двумя незначительными отличиями. Американцам было предложено ответить на вопрос об удовлетворенности экономическими условиями, но вопрос о том, как они пережили экономическую реформу, им не задавался. В третьей части американцам были заданы вопросы о деятельности президента (Клинтона или Буша) и Конгресса. Американские респонденты, набравшие сумму баллов, равную 0 или 1, характеризуются низким уровнем ощущения социального беспорядка, а набравшие 2 или 3 балла относятся к группе с умеренным ощущением беспорядка. Ни один респондент из американской выборки не набрал по данному измерению более 3 баллов.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГРАМОТНОСТЬ

Измерение применяется в главе седьмой и основывается на оценке четырех параметров. Оценка ответов приведена ниже.

Уровень образования респондента:

1 — неполное среднее;

2 — среднее;

3 — высшее.

Общая оценка качества ответов, данных респондентом в ходе интервью:

1 — Ответы очень короткие, односложные либо почти односложные, большое количество ответов «не знаю».

2 — Интервью характеризуется неоднородностью типов ответов. Некоторые ответы односложные, другие — более развернутые и взвешиваемые. Респондент иногда дает значительные по объему ответы, однако часто отклоняется от темы. Формулировки ответов зачастую основаны на клише.

3 — Все ответы подробные, представляют собой продуманные высказывания.

Общая оценка понимания политических вопросов, проявленного респондентом в ходе интервью, особенно при обсуждении политических институтов и партий:

1 — Респондент имеет ограниченное представление о политических вопросах и проявляет незначительную обеспокоенность в отношении проблем, выходящих за рамки его личных интересов (например, респондент полагает, что Дума не справляется с возложенными на нее задачами, так как лично он потерял работу).

2 — Респондент способен поддерживать беседу о политических деятелях, но не о проводимой политике или политических процессах.

3 — Респондент подробно и тонко рассуждает о различных политических проблемах, имеет четкое представление о том, какие институты существуют, чем они занимаются, в том числе на местном уровне, имеет точное представление об ориентации политических партий, а также способен обсуждать по крайней мере некоторые вопросы политики правительства.

В ходе интервью российским респондентам было задано три вопроса с вынужденным выбором. Им было предложено ответить: пожертвуют ли они личной свободой ради борьбы с коррупцией; что лучше: жить в обществе со строгим порядком или дать людям столько свободы, чтобы они могли разрушить общество; и движется ли Россия в правильном или в неправильном направлении. Баллы в этой части измерения начислялись в зависимости от того, способен ли респондент мыслить нешаблонно и сформулировать свой собственный ответ, не привязанный ни к одному из двух предлагаемых неприятных или неточных вариантов. Оценка ответов приведена ниже:

0 — Респондент не предлагает альтернативных вариантов ответа.

1 — По крайней мере один отказ респондента принять вынужденный выбор и предложение альтернативной формулировки ответа.

Баллы по всем измеряемым параметрам суммируются. Общая сумма баллов находится в диапазоне от 3 до 10. Респонденты, набравшие от 3 до 5 баллов, характеризуются *низким* уровнем политической грамотности; сумма баллов в диапазоне от 6 до 8 соответствует *среднему* уровню политической грамотности, а респонденты, набравшие 9 или 10 баллов, относятся к группе с *высоким* уровнем политической грамотности.

Для американских респондентов было разработано сопоставимое измерение, однако с некоторыми отличиями. Американским респондентам не задавались вопросы с вынужденным выбором. Соответственно, измерение политической грамотности американцев проводилось только на основе оценки их уровня образования, качества ответов и понимания политических вопросов. Уровень образования оценивался по четырем категориям (1 — неполное среднее; 2 — среднее; 3 — неоконченное высшее; 4 — высшее). Общая сумма баллов находилась в диапазоне от 3 до 10, применялись те же пороговые значения, что и для российских респондентов.

ПОДДЕРЖКА ДЕЙСТВУЮЩИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВЛАСТИ

Измерение применялось в главе восьмой для деления российских респондентов на группы в зависимости от степени поддержки ими действующих представителей власти. В основе измерения лежат ответы респондентов на три вопроса: «Считаете ли вы, что то, что Путин / Государственная дума / мэр вашего города делает, он(а) делает в интересах большинства граждан России или только в интересах небольшой группы людей?» Оценка ответов приведена ниже:

1 — респондент полагает, что данный представитель или орган власти действует не в интересах большинства населения;

2 — респондент выражает неоднозначную позицию в отношении того, действует ли данный представитель или орган власти в интересах большинства;

3 — респондент считает, что данный представитель или орган власти в основном действует в интересах большинства населения.

Вычисляется средний балл по ответам на данные три вопроса. Если респондент ответил лишь на один или на два из этих вопросов, для вычисления среднего значения используются набранные по ним баллы.

Средний балл менее 2 соответствует низкому уровню поддержки, более 2 — высокому уровню поддержки, равный 2 — умеренной поддержке.

Измерение показало, что уровень поддержки респондентами действующей власти различается в зависимости от института. На вопрос о том, действует ли президент в интересах большинства, отрицательно ответили 35 % респондентов, 30 % выразили неоднозначное мнение, а оставшиеся 35 % респондентов сочли, что президент действительно работает в интересах большинства населения. В отношении Государственной думы 57 % респондентов высказали мнение, что ее депутаты относятся к нуждам большинства с полным безразличием; 32 % сочли, что депутаты отчасти действуют в интересах большинства, и лишь 10 % респондентов ответили, что депутаты работают в интересах большинства населения. (Один респондент на вопрос не ответил). Наибольшим народным доверием пользовались мэры. Мнение о том, что мэры абсолютно не представляют интересов населения города, высказали 18 % респондентов; 22 % ответили, что мэры отчасти действуют в интересах большинства, и 50 % выразили уверенность в том, что мэры работают в интересах большинства населения городов. (Не ответили на вопрос 10 % респондентов.)

Аналогичное измерение было разработано для американских респондентов, лишь с тем отличием, что американцам были заданы вопросы о президенте, Конгрессе и мэре их города. Система оценки ответов в баллах и пороговые значения были полностью аналогичными применяемым в измерении для российских респондентов.

Библиография

Александров 1998 — Александров А. Коррупция требует жертв // Аргументы и факты. 1998. № 9. 25 февраля. С. 2.

Андреенков, Жаворонков 1988 — Андреенков В. Г., Жаворонков А. В. Каталог переменных базы социологических данных по проблемам изучения идеологического процесса. В 4 т. М.: Институт социологических исследований АН СССР, 1988.

Аристотель 1983 — Аристотель. Политика / пер. С. А. Жебелева // Сочинения в 4-х томах. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 444–485.

Ахиезер 1992 — Ахиезер А. С. Кризис либерализма в современной России // Либерализм и демократия: Опыт Запада и перспективы России. М.: Международный фонд социально-экономических и политологических исследований [Горбачев-фонд], 1992.

Ахиезер 1995 — Ахиезер А. С. Дезорганизация как категория общественной науки // Общественные науки и современность. 1995. № 6. С. 42–52.

Ашин 1995 — Ашин Г. Смена элит // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 40–50.

Басина 1998 — Басина Е. З. Индивидуализм и коллективизм в постсоветском обществе: Дифференциация социальных установок // Человек в переходном обществе: Социологические и социально-психологические исследования / ред. Г. Г. Дилигенский. М.: Институт мировой экономики и международных отношений, 1998. С. 88–112.

Бердяев 2008 — Бердяев Н. А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008.

Бердяев и др. 2017 — Бердяев Н. А., Струве П. Б., Булгаков С. Н. и др. Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М.: РИПОЛ Классик, 2017.

Березовский, Кротов 1990 — Березовский В. Н., Кротов Н. И. Неформальная Россия: О неформальных политизированных движениях и группах в РСФСР (опыт справочника). М.: Молодая гвардия, 1990.

Бикметов 1999 — Бикметов Р. М. Избирательный процесс, власти и оппозиция в Ульяновской области // Полис: Политические исследования. 1999. № 3. С. 119–130.

Богомолова, Тапилина 1998 — Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. Мобильность населения по материальному положению: субъективный аспект // Социологические исследования. 1998. № 12. С. 28–37.

Богомолова, Тапилина 2001 — Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. Экономическая стратификация населения России в 90-е годы // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 32–43.

Борев 1995 — Борев Ю. Б. История государства советского в преданиях и анекдотах. М.: Рипол, 1995.

Бызов 2001 — Бызов Л. Г. Первые контуры «постпереходной эпохи» // Социологические исследования. № 4. 2001. С. 3–15.

Вайнштейн 1998 — Вайнштейн Г. И. Общественное сознание и институциональные перемены // Человек в переходном обществе: Социологические и социально-психологические исследования / ред. Г. Г. Дилигенский. М.: Ин-т мировой экономики и международных отношений, 1998. С. 43–44.

ВЦИОМ 1997 — ВЦИОМ. Информация: Настроения, мнения и оценки населения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены: информационный бюллетень, 1997. № 1.

ВЦИОМ 2001а — ВЦИОМ. Информация: Результаты опросов // Мониторинг общественного мнения. Информация и анализ. 2001. № 1. Вып. 51.

ВЦИОМ 2001б — ВЦИОМ. Информация: Результаты опросов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены: Информационный бюллетень. 2001. № 1. Вып. 5. С. 66.

ВЦИОМ 2002а — ВЦИОМ. Информация // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены: информационный бюллетень. 2002. № 2. Вып. 58.

ВЦИОМ 2002б — ВЦИОМ. Мониторинг перемен: Основные тенденции / Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 2. Вып. 58. С. 3–8.

Алмонд, Верба 2014 — Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: Политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014.

Голдстоун 2006 — Голдстоун Д. К теории революции четвертого поколения / Пер. с англ. Н. Эдельмана // Логос. № 5 (56). 2006. С. 58–103.

Голенкова и др. 1995 — Голенкова З. Т., Витюк В. В., Гридчин Ю. В., Черных А. И., Романенко Л. М. Становление гражданского общества

и социальная стратификация // Социологические исследования. 1995. № 6. С. 14–24.

Гордон и др. 1998 — Гордон Л. А., Терехин А. Т., Будилова Е. В. Опыт многомерного описания материально-экономической дифференциации населения (по данным «мониторинга экономических и социальных перемен»): Статья вторая // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены: Информационный бюллетень. 1998. № 2.

Горшков 2003 — Горшков М. К. Российское общество в условиях трансформации: Мифы и реальность (социологический анализ). М.: РОССПЭН, 2003.

Гришаев 2001 — Гришаев С. В. Динамика социальной структуры Краснодарского региона // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 117–120.

Гроссман 2012 — Гроссман В. С. Все течёт. М.: Книга по требованию, 2012.

Грушин 1988 — Грушин Б. А. Есть ли у нас общественное мнение? // Новое время. 1988. № 30. С. 9–14.

Грушин, Оников 1980 — Грушин Б. А., Оников Л. А. Массовая информация в советском промышленном городе: Опыт комплексного социологического исследования. М.: Изд-во политической литературы, 1980.

Гулиев 1993 — Гулиев В. Е. Российская государственность: состояние и тенденции // Политические проблемы теории государства / ред. Н. Н. Деев. М.: Институт государства и права РАН, 1993. С. 5–16.

Гумилев 2002 — Гумилев Л. Н. Чтобы свеча не погасла: Сборник эссе, интервью, стихотворений, переводов. М.: Айрис-пресс, 2002.

Денисовский, Козырева 2002 — Денисовский Г. М., Козырева П. М. Политическая толерантность в реформируемом российском обществе второй половины 90-х годов. М.: Ин-т социологии РАН, Центр общечеловеческих ценностей, 2002.

Дубин 2000 — Дубин Б. В. Запад, граница, особый путь: Символика «другого» в политической мифологии современной России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2000. № 6. С. 25–34.

Дубин 2002 — Дубин Б. В. Модельные институты и символический порядок: Элементарные формы социальности в современном российском обществе // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 1 (57). С. 14–19.

Дугин 2001 — Дугин А. Г. Русская вещь: Очерки национальной философии. М.: Арктогея, 2001. Т. 1. С. 12–70.

Жаворонков 1988 — Жаворонков А. В. Некоторые изменения в структуре информационной и общественно-политической деятельности населения Таганрога за 10 лет (1969–1979 гг.) // Проблемы совершенствования деятельности средств массовой информации и пропаганды в городе. М.: Институт социологических исследований АН СССР, 1988.

Заславская 1995 — Заславская Т. И. Бизнес-слои российского общества: Сущность, структура, статус // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 17–32.

Зубкова 2000 — Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: Политика и повседневность, 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2000.

Исаев 1992 — Пути Евразии: Русская интеллигенция и судьбы России / Составление, вступительная статья, комментарии д. ю. н. И. А. Исаева. М.: Русская книга, 1992.

Казинцев 1994 — Казинцев А. И. На перепутье: Выборное шоу и глубинная жизнь России // Наш современник. 1994. № 2. С. 112–128.

Качановский 1995 — Качановский И. И. Будущее либеральной демократии в России // Общественные науки и современность. № 2. 1995. С. 52–56.

Клямкин и др. 1993 — Клямкин И. М., Петренко Е., Блехер Л. Каким может быть авторитарный режим в России? // Серия исследований «Народ и политика». Вып. 5/5. М.: Фонд «Общественное мнение», 1993.

Клямкин и др. 1995 — Клямкин И. М., Лапкин В. В., Пантин В. И. Между авторитаризмом и демократией // Полис. Политические исследования. 1995. № 2. С. 57–87.

Красильникова 2000 — Красильникова О. В. Политические предпочтения возрастных групп // Социологические исследования. 2000. № 9.

Красников 2001 — Красников В. Красноярский край // Регионы России в 1999 г. / ред. Николай Петров. Москва: Гендальф, 2001.

Крыштановская 2003 — Крыштановская О. Выбор патриотов: бедность или ракеты? // Аргументы и факты. 2003. № 30 (июль). С. 3.

Лайдинен 2001 — Лайдинен Н. В. Образ России в зеркале российского общественного мнения // Социологические исследования. 2001. № 4. С. 27–31.

Лапин 2000 — Лапин Н. И. Пути России: Социокультурные трансформации. М.: Российская академия наук, Ин-т философии, 2000.

Лапкин 1999 — Лапкин В. В. Прежде чем выписать рецепт, требуется уточнить диагноз // Полис: Политические исследования. 1999. № 4.

Лапкин, Пантин 1997 — Лапкин В. В., Пантин В. И. Русский порядок // Политические исследования. 1997. № 3.

Лапкин, Пантин 1998 — Лапкин В. В., Пантин В. И. Ценности постсоветского человека // Человек в переходном обществе: Социологические и социально-психологические исследования / ред. Г. Г. Дилигенский. М.: Ин-т мировой экономики и международных отношений, 1998.

Левада 1995 — Левада Ю. А. «Человек советский» пять лет спустя: 1989–1994 (предварительные итоги сравнительного исследования) // Экономические перемены: Информационный бюллетень — Мониторинг общественного мнения. 1995. № 1. Январь–февраль. С. 9–14.

Левада 1997 — Левада Ю. А. Комплексы общественного мнения (статья вторая) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены: Информационный бюллетень 1. 1997. Январь–февраль. С. 7–12.

Левада 2001 — Левада Ю. А. Координаты человека: К итогам изучения «человека советского» // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2001. № 1 (51). С. 7–15.

Левада 2002 — Левада Ю. А. Варианты адаптивного поведения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 1 (57) С. 7–13.

Локк 1988 — Локк Дж. Два трактата о правлении: Книга вторая // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 262–405.

Магомедов 1999 — Магомедов А. Ульяновская область: Хроника политических событий (1990–1998) // Нижегородская область, Ульяновская область, Регионы России: Хроника и руководители / Под ред. К. Матцузато, А. Шатилова. Sapporo: Slavic Research Center, 1999. Т. 6. С. 167–196.

Маркс 2010 — Карл Маркс: Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. Издательство: Академический проект, 2010.

Мелешкина 1999 — Мелешкина Е. Ю. Перспективы и ограничения политической реформы // Полис: Политические исследования. 1999. № 4.

Мигранян 1989 — Мигранян А. М. Долгий путь к европейскому дому // Новый мир. 1989. № 7. С. 166–184.

Милль 2000 — Милль Дж. С. О Свободе // О свободе: Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века) / сост. М. А. Абрамов, М. М. Федорова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 288–392.

Митев и др. 1998 — Митев П. Э., Иванова В. А., Шубкин В. Н. Катастрофическое сознание в Болгарии и России // Социологические исследования. 1998. № 10.

Монтескье 1999 — Монтескье Ш. Л. О духе законов / Пер. А. Матешука. М.: Мысль, 1999.

Мур 2016 — Мур-младший Б. Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира / пер. с англ. А. Глухова; под науч. ред. Н. Эдельмана. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

Наумова 1994 — Наумова Н. Ф. Социальная политика в условиях западывающей модернизации // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 6–21.

Немировский 1999 — Немировский В. Г. Сибиряки: динамика социально-политических ориентаций // Социологические исследования. 1999. № 8. С. 25–31.

Немцов 1998 — Немцов Б. А. Борис Немцов о президентстве, богатстве и Чубайсе // Аргументы и факты. Март 1998. № 12. С. 3.

Никитинский 1995 — Никитинский Л. В. «Миллион терзаний» заблудшего интеллигента (поправки к парадигме) // Общественные науки и современность. 1995. № 2.

Никовская 2000 — Никовская Л. И. Политика и экономика в современной России: Конфликт на перепутье (круглый стол) // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 87–100.

Остром 2010 — Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010.

Патнэм 1996 — Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии / пер. с англ. А. Захарова. М.: Ad Marginem, 1996.

Патрушев и др. 2003 — Патрушев С. В., Айвазова С. Г., Кертман Г. Л., Машезерская Л. Я., Палова Т. В., Хлопин А. Д. Власть и народ в России: Повседневные практики и проблема универсализации институционального порядка // Политика. 2003. Вып. 29. № 2.

Пелевин 1999 — Пелевин В. Generation «П». М.: Вагирус, 1999.

Петров 1999 — Петров Н. Выборы губернатора Красноярского края // Регионы России в 1998 / ред. Николай Петров. Москва: Гендальф, 1999. С. 223–232.

Поппер 1992 — Поппер К. Открытое общество и его враги / Под ред. В. Садовского. М.: Культурная инициатива, 1992.

Ранкур-Лаферрьер 1996 — Ранкур-Лаферрьер Д. Рабская душа России: Проблемы нравственного мазохизма и культ страдания. М.: Арт-бизнес-центр, 1996.

Рис 2005 — Рис Н. «Русские разговоры»: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки / Пер. с англ. Н. Н. Кулаковой и В. Б. Гулиды. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

Романович 2002 — Романович Н. А. Демократические ценности и свобода «по-русски» // Социологические исследования. 2002. № 8. С. 35–39.

Руссо 1998 — Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998.

Рывкина 2000 — Рывкина Р. В. Политика и экономика в современной России: Конфликт на перепутье (круглый стол) // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 94–95.

Саттер 2003 — Саттер Д. Тьма на рассвете. Возникновение криминального государства в России. ОГИ. 2004.

Скочпол 2017 — Скочпол Т. Государства и социальные революции: Сравнительный анализ Франции, России и Китая / Пер. с англ. С. Моисеева под науч. ред. Д. Карасева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.

Степанов 2000 — Степанов Е. И. Политика и экономика в современной России: Конфликт на перепутье (круглый стол) // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 87–100.

Суховольский 1999 — Суховольский В. Г. А. Лебедь в Красноярском крае: Электоральные успехи и политические поражения // Полития. 1999. Вып. 116. № 1. С. 95–109.

Титков 1999 — Титков А. С. Образы регионов в российском массовом сознании // Полис. 1999. № 3. С. 61–73.

Токвиль 1992 — Токвиль А. де. Демократия в Америке / пер. с франц. В. П. Олейника, Е. П. Орловой, И. А. Малаховой, И. Э. Иванян, Б. Н. Ворожцова. М.: Прогресс, 1992.

Туровский 1998 — Туровский Р. Ф. Отношения «центр-регионы» в 1997–1998 гг.: Между конфликтом и консенсусом // Полития. 1998. Вып. 7. № 1. С. 5–32.

Файбисович 1999 — Файбисович С. Н. Русские новые и новые: Эссе о главном. М.: Новое литературное обозрение, 1999.

Федералист 1994 — Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Литера», 1994.

Фукуяма 1996 — Фукуяма Ф. Главенство культуры (перевод статьи: Fukuyama F. The Primacy of Culture // The Global Resurgence of Democracy / 2nd ed., ed. L. Diamond, M. F. Plattner. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996). URL: <http://www.politnauka.org/library/dem/fukuyama.php> (дата обращения: 30.03.2021).

Фукуяма 2004 — Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.

Хангтингтон 2004 — Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / Пер. В. Р. Рокитянского. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

Хенкин 1998 — Хенкин С. М. Потенциал массового протеста в условиях противоречивых перемен // *Полития*. 1998. Вып. 8. № 2. С. 129–146.

Цаллер 2004 — Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения / Пер. с англ. А. А. Петровой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.

Ципко 1989 — Ципко А. С. Истоки сталинизма. Очерк 3: Эгоизм мечтателей // *Наука и жизнь*. 1989. № 1. С. 46–56.

Шабанова 2000 — Шабанова М. А. Образы свободы в реформируемой России // *Социологические исследования*. 2000. № 2. С. 29–38.

Шестопап 1996 — Шестопап Е. Б. Перспективы демократии в сознании россиян // *Общественные науки и современность*. 1996. № 2. С. 45–60.

Шестопап 2003 — Шестопап Е. Б. Установки российских граждан на власть как показатель качества демократии (по данным политико-психологического исследования 1993–2003) // *Полития*. 2003. № 2 (29). С. 32–53.

Штурман 1995 — Штурман Д. Размышления о либерализме // *Новый мир*. 1995. № 4. С. 159–168.

Эйзенштадт 1999 — Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. А. В. Гордона. М.: Аспект Пресс, 1999.

Явлинский 2003 — Явлинский Г. А. Периферийный капитализм // *Московские новости*. 13–19 мая 2003. № 18. Вып. 1187. С. 10.

Яковлев 1992 — Яковлев А. Н. От прошлого к будущему: Либерализм и демократия в конце XX века // *Либерализм и демократия: Опыт Запада и перспективы России*. М.: Международный фонд социально-экономических и политологических исследований [Горбачев-фонд], 1992.

Alexander 2000 — Alexander J. *Political Culture in Post-Communist Russia: Formlessness and Recreation in a Traumatic Transition*. New York: St. Martin's Press, 2000.

Alexander et al. 2001 — Alexander J., Degtyarev A., Gel'man V. *Democratization Challenged: The Role of Regional Elites* // *Fragmented Space in the Russian Federation* / ed. Blair A. Ruble, Jodi Koehn, Nancy E. Popson. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press, 2001. P. 161–187.

Alford, Hibbing 2004 — Alford J. R., Hibbing J. R. *The Origins of Politics: An Evolutionary Theory of Political Behavior // Perspectives on Politics*. 2004. № 4 (2). December. P. 707–723.

Allina-Pisano 2002 — Allina-Pisano J. *Reorganization and its Discontents: A Case Study in Voronezh Oblast // Rural Reform in Post-Soviet Russia / ed. David J. O'Brien, Stephen K. Wegren*. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press, 2002.

Almond 1990 — Almond G. A. *Discipline Divided: Schools and Sects in Political Science*. Newbury Park, CA: Sage, 1990.

Almond, Verba 1989 — Almond G. A., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Newbury Park, CA: Sage, 1989.

Alvarez, Brehm 2002 — Alvarez R. M., Brehm J. *Hard Choices, Easy Answers: Values, Information, and American Public Opinion*. Princeton: Princeton University Press, 2002.

Alwin et al. 1995 — Alwin D. F. et al. *Comparative Referential Structures, System Legitimacy, and Justice Sentiments: An International Comparison // Social Justice and Political Change: Public Opinion in Capitalist and Post-Communist States / ed. James R. Kluegel, David S. Mason, and Bernd Wegener*. Hawthorne, NY: Aldine De Gruyter, 1995. P. 109–130.

Andrews 2002 — Andrews J. T. *When Majorities Fail: The Russian Parliament, 1990–1993*. New York: Cambridge University Press, 2002.

Arvedlund 2004 — Arvedlund E. E. *Russian Talk on Ukraine Recalls Cold War // New York Times*. 2 December 2004.

Ashwin 1995 — Ashwin S. “There’s No Joy Any More”: The Experience of Reform in a Kuzbass Mining Settlement // *Europe-Asia Studies*. 1995. № 47. December.

Ashwin 1998 — Ashwin S. *Endless Patience: Explaining Soviet and Post-Soviet Social Stability // Communist and Post-Communist Studies*. 1998. № 31 (2). P. 187–198.

Bahry 1993 — Bahry D. L. *Society Transformed? Rethinking the Social Roots of Perestroika // Slavic Review*. 1993. № 52. Fall. P. 512–554.

Bahry 1999 — Bahry D. L. *Comrades into Citizens? Russian Political Culture and Public Support for the Transition // Slavic Review*. 1999. № 58. Winter. P. 841–853.

Bahry et al. 1997 — Bahry D. L., Boaz C., Burnett Gordon S. *Tolerance, Transition, and Support for Civil Liberties in Russia // Comparative Political Studies*. 1997. № 4 (30). P. 484–510.

Bahry, Silver 1987 — Bahry D. L., Silver B. D. *Intimidation and the Symbolic Uses of Terror in the USSR // American Political Science Review*. 1987. № 81. P. 1061–1098.

Bahry, Way 1994 — Bahry D. L., Way L. Citizen Activism in the Russian Transition // *Post-Soviet Affairs* 1994. № 4 (10). P. 330–366.

Barber 1984 — Barber B. R. *Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1984.

Belin 2002 — Belin L. Lebed's Presidential Campaign: His Most Enduring Legacy // *Russian Political Weekly* 2 (29 April 2002). URL: www.rferl.org (дата обращения: 20.01.2022).

Belin, Orttung 1997 — Belin L., Orttung R. W. *The Russian Parliamentary Elections of 1995: The Battle for the Duma*. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1997.

Belson 1986 — Belson W. *Validity in Survey Research*. Aldershot, U.K.: Gower, 1986.

Blee, Taylor 2002 — Blee K. M., Taylor V. Semi-structured Interviewing in Social Movement Research // *Methods of Social Movement Research* / ed. Bert Klandermans, Suzanne Staggenborg. *Social Movement, Protest, and Contention*. Vol. 16. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002. P. 92–117.

Boeva, Shironin 1992 — Boeva I., Shironin V. Russians Between State and Market: The Generations Compared // *Studies in Public Policy*. № 205. Glasgow, U.K.: University of Strathclyde, Centre for the Study of Public Policy, 1992.

Bourdieu 1986 — Bourdieu P. The Forms of Capital // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* / ed. J. G. Richardson. New York: Greenwood Press, 1986. P. 241–258.

Bova 1998 — Bova R. Political Culture, Authority Patterns, and the Architecture of the New Russian Democracy // *Can Democracy Take Root in Post-Soviet Russia? Explorations in State-Society Relations* / ed. Harry Eckstein, Frederic J. Floron Jr., Erik Hoffmann, William Reisinger. New York: Rowman and Littlefield, 1998.

Bova 2001 — Bova R. Democracy and Liberty: The Cultural Connection // *The Global Divergence of Democracies* / ed. Larry Diamond and Marc F. Plattner. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001. P. 63–77.

Brader, Tucker 2001 — Brader T., Tucker J. A. The Emergence of Mass Partisanship in Russia, 1993–1996 // *American Journal of Political Science*. 2001. № 45. January. P. 69–83.

Brady 1999 — Brady R. *Kapitalizm: Russia's Struggle to Free Its Economy*. New Haven: Yale University Press, 1999.

Brehm, Rahn 1997 — Brehm J., Rahn W. Individual-Level Evidence for the Causes and Consequences of Social Capital // *American Journal of Political Science*. 1997. № 4. July. P. 999–1023.

Brinton 1965 — Brinton C. *The Anatomy of Revolution* / rev. and expanded ed. New York: Vintage, 1965.

Brown 1989 — Brown A. *Ideology and Political Culture // Politics, Society, and Nationality Inside Gorbachev's Russia* / ed. S. Bialer. Boulder, CO: Westview Press, 1989.

Brown 2001 — Brown A. From Democratization to 'Guided Democracy' // *Journal of Democracy*. 2001. № 4 (12).

Brym 1996 — Brym R. J. Re-evaluating Mass Support for Political and Economic Change in Russia // *Europe-Asia Studies* 48 (July 1996). P. 751–766.

Brzezinski 1984 — Brzezinski Z. K. *Soviet Politics: From the Future to the Past? // The Soviet Polity in the Modern Era* / ed. E. P. Hoffmann, R. Laird. New York: Aldine, 1984.

Bunce 1999 — Bunce V. *Subversive Institutions: The Design and Destruction of Socialism and the State*. New York: Cambridge University Press, 1999.

Burawoy, Verdery 1999 — Burawoy M., Verdery K. Introduction // *Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the Postsocialist World* / ed. M. Burawoy, K. Verdery. New York: Rowman and Littlefield, 1999. P. 1–17.

Burlatsky 1989 — Burlatsky F. Democratization Is a Long March // *Voices of Glasnost: Interview with Gorbachev's Reformers* / ed. S. F. Cohen, K. van den Heuvel. New York: W. W. Norton, 1989.

Canache et al. 2001 — Canache D., Mondak J. J., Seligson M. A. Meaning and Measurement in Cross-National Research on Satisfaction with Democracy // *Public Opinion Quarterly*. 2001. № 65 (4). P. 506–528.

Carnaghan 1992 — Carnaghan E. *A Revolution in Mind: Russian Political Attitudes and the Origins of Democratization under Gorbachev* / PhD diss. New York University, 1992.

Carnaghan 1996 — Carnaghan E. Alienation, Apathy or Ambivalence? 'Don't Knows' and Democracy in Russia // *Slavic Review*. 1996. Vol. 55. № 2. P. 325–363.

Centre TV 2003 — Centre TV. Russian Think-Tank Says Big Business Is Plotting to Change State System // *BBC Worldwide Monitoring*. 7 June 2003.

Citrin 1974 — Citrin J. Comment: The Political Relevance of Trust in Government // *American Political Science Review*. 1974. № 68. P. 973–988.

Citrin, Green 1986 — Citrin J., Green D. Presidential Leadership and Trust in Government // *British Journal of Political Science*. 1986. Vol. 16. P. 431–453.

Citrin, Luks 2001 — Citrin J., Luks S. *Political Trust Revisited: Déjà Vu All Over Again?* // *What Is It About Government That Americans Dislike?* / John R. Hibbing and Elizabeth Theiss Morse. New York: Cambridge University Press, 2001. P. 9–27.

Clark et al. 2003 — Clark T. D., Goss E., Kosova L. B. Economic Well-Being and Popular Support for Market Reform in Russia // *Political Development and Cultural Change*. 2003. Vol. 51. № 3. P. 753–768.

Clem, Craumer 1995 — Clem R. S., Craumer P. R. A Rayon-Level Analysis of the Russian Election and Constitutional Plebiscite of December 1993 // *Post-Soviet Geography*. 1995. Vol. 36 (October). P. 459–475.

Clem, Craumer 1997 — Clem R. S., Craumer P. R. The Regional Dimension // *The Russian Parliamentary Elections of 1995: The Battle for the Duma* / ed. Laura Belin, Robert W. Orttung. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1997. P. 137–159.

Clem, Craumer 1998 — Clem R. S., Craumer P. R. Regional Patterns of Voter Turnout in Russian Elections, 1993–1996 // *Elections and Voters in Post-Communist Russia* / ed. Matthew Wyman, Stephen White, and Sarah Oates. Northampton, MA: Edward Elgar, 1998.

Clem, Craumer 2002 — Clem R. S., Craumer P. R. Urban and Rural Effects on Party Preferences in Russia: New Evidence from the Recent Duma Election // *Post-Soviet Geography and Economics*. 2002. Vol. 43. № 1. P. 1–12.

Coleman 1988 — Coleman J. S. Social Capital and the Creation of Human Capital // *American Journal of Sociology Supplement (Organizations and Institutions: Sociological and Economic Approaches to the Analysis of Social Structure)*. 1988. № 94. P. 95–120.

Colton 1995 — Colton T. J. *Moscow: Governing the Socialist Metropolis*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 1995.

Colton 1996 — Colton T. J. Economics and Voting in Russia // *Post-Soviet Affairs*. 1996. Vol. 12. № 4. P. 289–317.

Colton 1998 — Colton T. J. Determinants of the Party Vote // *Growing Pains: Russian Democracy and the Election of 1993* / ed. T. J. Colton, J. F. Hough. Washington, DC: Brookings Institution, 1998. P. 75–114.

Colton 2000 — Colton T. J. *Transitional Citizens: Voters and What Influences Them in the New Russia*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000.

Colton, Hough 1998 — *Growing Pains: Russian Democracy and the Election of 1993* / eds. Timothy J., Jerry F. Hough J. Washington, DC: Brookings Institution, 1998.

Colton, McFaul 2001 — Colton T. J., McFaul M. Are Russians Undemocratic? // *Carnegie Endowment for International Peace Working Papers*. 2001. № 20. June.

Colton, McFaul 2003 — Colton T. J., McFaul M. *Popular Choice and Managed Democracy: The Russian Elections of 1999 and 2000*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2003.

Converse 1964 — Converse P. E. *The Nature of Belief Systems in Mass Publics // Ideology and Discontent* / ed. David E. Apter. New York: Free Press, 1964. P. 206–261.

Converse 1976 — Converse J. M. *Predicting No Opinion in the Polls // Public Opinion Quarterly*. 1976. Vol. 40. P. 515–530.

Converse, Presser 1986 — Converse J. M., Presser S. *Survey Questions: Handcrafting the Standardized Questionnaire*. Newbury Park, CA: Sage, 1986.

Crozier et al. 1975 — Crozier M. J., Huntington S. P., Watanuki J. *The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission*. New York: New York University Press, 1975.

Dahl 1956 — Dahl R. A. *A Preface to Democratic Theory*. Chicago: University of Chicago Press, 1956.

Dahl 1961 — Dahl R. A. *Who Governs? Democracy and Power in an American City*. New Haven: Yale University Press, 1961.

Dahl 1971 — Dahl R. A. *Polyarchy: Participation and Opposition*. New Haven: Yale University Press, 1971.

Dahl 1989 — Dahl R. A. *Democracy and Its Critics*. New Haven: Yale University Press, 1989.

Di Palma 1990 — Di Palma G. *To Craft Democracies: An Essay on Democratic Transitions*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1990.

Dryzek, Holmes 2002 — Dryzek J. S., Holmes L. *Post-Communist Democratization: Political Discourses Across Thirteen Countries*. New York: Cambridge University Press, 2002.

Duch 1993 — Duch R. M. *Tolerating Economic Reform: Popular Support for Transition to a Free Market in the Former Soviet Union // American Political Science Review*. 1993. № 87. September. P. 600–602.

Duch 1995 — Duch R. M. *Economic Chaos and the Fragility of Democratic Transition in Former Communist Regimes // Journal of Politics*. 1995. № 57. February. P. 121–158.

Dunn 1999 — Dunn E. *Slick Salemen and Simple People: Negotiated Capitalism in a Privatized Polish Firm // Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the Postsocialist World* / ed. Michael Burawoy and Katherine Verdery. New York: Rowman and Littlefield, 1999. P. 125–150.

Easton 1965 — Easton D. *A Systems Analysis of Political Life*. New York: John Wiley and Sons, 1965.

Easton 1975 — Easton D. *A Re-assessment of the Concept of Political Support // British Journal of Political Science*. 1975. № 5. P. 435–457.

Eckstein 1982 — Eckstein S. *The Impact of Revolution on Social Welfare in Latin America // Theory and Society*. 1982. Vol. 11. P. 43–49.

Eckstein 1988 — Eckstein H. A Culturalist Theory of Political Change // *American Political Science Review*, 1988. № 82. September. P. 789–804.

Eckstein et al. 1998 — Can Democracy Take Root in Post-Soviet Russia? *Explorations in State-Society Relations* / ed. H. Eckstein, F. Fleron Jr., E. Hoffmann, W. Reisinger. New York: Rowman and Littlefield, 1998.

Eisenstadt 1978 — Eisenstadt S. N. *Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations*. New York: Free Press, 1978.

Elkins 1993 — Elkins D. J. *Manipulation and Consent: How Voters and Leaders Manage Complexity*. Vancouver: University of British Columbia Press, 1993.

Elster et al. 1998 — Elster J., Offe C., Preuss U. K. *Institutional Design in Post-Communist Societies: Rebuilding the Ship at Sea*. New York: Cambridge University Press, 1998.

Farhi 1990 — Farhi F. *States and Urban-Based Revolutions: Iran and Nicaragua*. Chicago: University of Illinois Press, 1990.

Fazullina 1996 — Fazullina G. Ulyanovsk Hovers on the Brink of Change // *Moscow News*. 1996. № 39 (9–15 октября). P. 3.

Finifter, Mickiewicz 1992 — Finifter A., Mickiewicz E. Redefining the Political System of the USSR: Mass Support for Political Change // *American Political Science Review* 1992. № 186 (December). P. 857–874.

Fish 1995 — Fish M. S. *Democracy from Scratch: Opposition and Regime in the New Russian Revolution*. Princeton: Princeton University Press, 1995.

Fish 2001 — Fish M. S. *The Dynamics of Democratic Erosion // Postcommunism and the Theory of Democracy* / ed. Richard D. Anderson Jr., M. Steven Fish, Stephen E. Hanson, Philip G. Roeder. Princeton: Princeton University Press, 2001. P. 54–95.

Fitzpatrick 1994 — Fitzpatrick S. *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village After Collectivization*. New York: Oxford University Press, 1994.

Fitzpatrick 1999 — Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times; Soviet Russia in the 1930s*. New York: Oxford University Press, 1999.

Fleron 1996 — Fleron F. J. Jr. Post-Soviet Political Culture in Russia: An Assessment of Recent Empirical Investigations // *Europe-Asia Studies*. 1996. № 48. March. P. 225–260.

Fleron 1998 — Fleron F. J. *Congruence Theory Applied: Democratization in Russia // Can Democracy Take Root in Post-Soviet Russia? Explorations in State-Society Relations* / Ed. Harry Eckstein, Frederic J. Fleron Jr., Erik Hoffmann, William Reisinger. New York: Rowman and Littlefield, 1998.

Fleron, Ahl 1998 — Fleron F. J. Jr., Ahl R. Does the Public Matter for Democratization in Russia? What We Have Learned from 'Third Wave' Transitions and Public Opinion Surveys // *Can Democracy Take Root in Post-Soviet Russia? Explorations in State-Society Relations* / ed. Harry Eckstein, Frederic J. Fleron Jr., Erik Hoffmann, William Reisinger. New York: Rowman and Littlefield, 1998. P. 287–330.

Foran 1997 — Foran J. Discourse and Social Forces: The Role of Culture and Cultural Studies in Understanding Revolutions // *Theorizing Revolutions* / ed. John Foran. New York: Routledge, 1997. P. 203–226.

Foran, Goodwin 1993 — Foran J., Goodwin J. Revolutionary Outcomes in Iran and Nicaragua: Coalition Fragmentation, War, and the Limits of Social Transformation // *Theory and Society*. 1993. Vol. 22. № 2. P. 209–247.

Francis, Busch 1975 — Francis J. D., Busch L. What We Know About 'I Don't Knows' // *Public Opinion Quarterly*. 1975. Vol. 39. P. 207–218.

Fuchs D., Klingemann 1995 — Fuchs D., Klingemann H.-D. Citizens and the State: A Changing Relationship? // *Citizens and the State* / ed. Hans-Dieter Klingemann, Dieter Fuchs / Vol. 1: Beliefs in Government. New York: Oxford University Press, 1995.

Fukuyama 1989 — Fukuyama F. The End of History? // *National Interest*. 1989. Vol. 16. P. 3–18.

Galston 2001 — Galston W. A. Political Knowledge, Political Engagement, and Civic Education // *Annual Review of Political Science*. 2001. Vol. 4. P. 217–234.

Gamson 1968 — Gamson W. A. Power and Discontent. Homewood, IL: Dorsey Press, 1968.

Gel'man et al. 2003 — Gel'man V., Ryzhenko S., Brie M., Avdonin V., Ovchinnikov B., Semenov I. Making and Breaking Democratic Transitions: The Comparative Politics of Russia's Regions. New York: Rowman and Littlefield, 2003.

Gibson 1996a — Gibson J. L. A Mile Wide but an Inch Deep (?): The Structure of Democratic Commitments in the Former USSR // *American Journal of Political Science*. 1996. № 40. May. P. 396–420.

Gibson 1996b — Gibson J. L. Political and Economic Markets: Changes in the Connections Between Attitudes Toward Political Democracy and a Market Economy Within the Mass Culture of Russia and Ukraine // *Journal of Politics*. 1996. № 58. November. P. 954–984.

Gibson 1997a — Gibson J. L. The Struggle Between Order and Liberty in Contemporary Russian Political Culture // *Australian Journal of Political Science*. 1997. № 32 (2). P. 271–290.

Gibson 19976 — Gibson J. L. Mass Opposition to the Soviet Putsch of August 1991: Collective Action, Rational Choice, and Democratic Values in the Former Soviet Union // *American Political Science Review* 1997. № 91 (3). P. 671–684.

Gibson 1998a — Gibson J. L. A Sober Second Thought: An Experiment in Persuading Russians to Tolerate // *American Journal of Political Science*. 1998. № 42 (3). P. 819–850.

Gibson 19986 — Gibson J. L. Putting Up With Fellow Russians: An Analysis of Political Tolerance in the Fledgling Russian Democracy // *Political Research Quarterly*. 1998. № 51. March. P. 37–68.

Gibson 2001 — Gibson J. L. The Russian Dance with Democracy // *Post-Soviet Affairs*. 2001. Vol. 17. № 2. P. 101–125.

Gibson et al. 1992 — Gibson J. L., Duch R. M., Tedin K. L. Democratic Values and the Transformation of the Soviet Union // *Journal of Politics*. 1992. № 54. May. P. 329–371.

Gibson, Duch 1994 — Gibson J. L., Duch R. M. Postmaterialism and the Emerging Soviet Democracy // *Political Research Quarterly*. 1994. № 47. P. 5–39.

Gleason 1980 — Gleason A. *Young Russia: The Genesis of Russian Radicalism in the 1860s*. New York: Viking Press, 1980.

Glinkina et al. 2001 — Glinkina S. P., Grigoriev A., Yakobidze V. *Crime and Corruption* // *The New Russia: Transition Gone Awry* / ed. Lawrence R. Klein and Marshall Pomer. Stanford, CA: Stanford University Press, 2001.

Goldman 2003 — Goldman M. I. *The Piratization of Russia: Russian Reform Goes Awry*. New York: Routledge, 2003.

Goldstone 1998 — Goldstone J. A. *The Soviet Union: Revolution and Transformation* // *Elites, Crises, and the Origins of Regimes* / ed. Mattei Dogan and John Higley. New York: Rowman and Littlefield, 1998.

Goldstone 2001 — Goldstone J. A. *Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory* // *Annual Review of Political Science*. 2001. Vol. 4. P. 139–187.

Goodwin 1994 — Goodwin J. *Toward a New Sociology of Revolution* // *Theory and Society*. 1994. Vol. 23. № 6. P. 731–766.

Goodwin 2001 — Goodwin J. *No Other Way Out: States and Revolutionary Movements, 1945–1991*. New York: Cambridge University Press, 2001.

Goodwin, Jasper 2004 — Goodwin J., Jasper J. M. *Caught in a Winding, Snarling Vine: The Structural Bias of Political Process Theory* // *Rethinking Social Movements: Structure, Meaning, and Emotion* / ed. J. Goodwin, J. Jasper. New York: Rowman and Littlefield, 2004.

Gozman, Etkind 1992 — Gozman L., Etkind A. *The Psychology of Post-totalitarianism in Russia*. London: Centre for Research into Communist Economies, 1992.

Gramsci 1971 — Gramsci A. *Prison Notebooks: Selections*, trans. Quinton Hoare and Geoffrey Smith. New York: International, 1971.

Habermas 1975 — Habermas J. *Legitimation Crisis*. Boston: Beacon Press, 1975.

Hahn 1991 — Hahn J. W. *Continuity and Change in Russian Political Culture* // *British Journal of Political Science*. 1991. October. P. 393–441.

Hahn 1995 — Hahn J. W. *Changes in Contemporary Russian Political Culture* // *Political Culture and Civil Society in Russia and the New States of Eurasia* / ed. Vladimir Tismaneanu. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1995. P. 112–136.

Hall 1999 — Hall P. A. *Social Capital in Britain* // *British Journal of Political Science*. 1999. № 29. P. 417–461.

Hardin 1999 — Hardin R. *Do We Want Trust in Government?* // *Democracy and Trust* / ed. Mark E. Warren. New York: Cambridge University Press, 1999. P. 22–41.

Harrison, Huntington 2000 — *Culture Matters: How Values Shape Human Progress* / ed. by L. E. Harrison, S. Huntington. New York: Basic Books, 2000.

Hartz 1955 — Hartz L. *The Liberal Tradition in America*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1955.

Havel 1990 — Havel V. *The Power of the Powerless* // *Without Force or Lies: Voices from the Revolution of Central Europe in 1989–90* / ed. William M. Brinton and Alan Rinzler. San Francisco: Mercury House, 1990. P. 43–128.

Hayek 1944 — Hayek F. *The Road to Serfdom*. Chicago: Chicago University Press, 1944.

Held 1987 — Held D. *Models of Democracy*. Stanford: Stanford University Press, 1987.

Helmer 1997 — Helmer J. *Communist Reform: A Success Story* // *The Russian*. 1997. (November).

Hesli, Bashkirova 2001 — Hesli V. L., Bashkirova E. *The Impact of Time and Economic Circumstances on Popular Evaluations of Russia's President* // *International Political Science Review*. 2001. Vol. 22. № 4. P. 379–398.

Hibbing, Theiss-Morse 1995 — Hibbing J. R., Theiss-Morse E. *Congress as Public Enemy: Public Attitudes Toward American Political Institutions*. New York: Cambridge University Press, 1995.

Hibbing, Theiss-Morse 1999 — Hibbing J. R., Theiss-Morse E. *Democrats or Anti-Democrats? Americans' Preferences for Governmental Processes* / Paper presented at the annual meeting of the Midwest Political Science Association. Chicago, April 1999.

Hibbing, Theiss-Morse 2001 — Hibbing J. R., Theiss-Morse E. *Process Preference and American Politics: What the People Want Government to Be* // *American Political Science Review*. 2001. № 1 (95). March. P. 145–153.

Hibbing, Theiss-Morse 2002 — Hibbing J. R., Theiss-Morse E. *Stealth Democracy: Americans' Beliefs About How Government Should Work*. New York: Cambridge University Press, 2002.

Hochschild 1981 — Hochschild J. *What's Fair? American Beliefs about Distributive Justice*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981.

Horowitz 1996 — Horowitz D. *Comparing Democratic Systems // The Global Resurgence of Democracy / 2nd ed.*, ed. L. Diamond, M. F. Plattner. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. P. 143–149.

Hough 1994 — Hough J. *The Russian Election of 1993: Public Attitudes Toward Economic Reform and Democratization // Post-Soviet Affairs*. 1994. № 10 (1). P. 12.

Hough 1997 — Hough J. F. *Democratization and Revolution in the USSR, 1985–1991*. Washington, DC: Brookings Institution, 1997.

Hough et al. 1996 — Hough J. F., Davidheiser E., Goodrich Lehmann S. *The 1996 Russian Presidential Election*. Washington, DC: Brookings Institution, 1996.

Howard 2003 — Howard M. M. *The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe*. New York: Cambridge University Press, 2003.

Huntington 1968 — Huntington S. P. *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press, 1968.

Huntington 1996 — Huntington S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Touchstone, 1996.

Ignatieff 1994 — Ignatieff M. *Blood and Belonging: Journeys into the New Nationalism*. New York: Farrar, Straus, and Giroux, 1994.

Inglehart 1977 — Inglehart R. *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*. Princeton: Princeton University Press, 1977.

Inglehart 1990 — Inglehart R. *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton: Princeton University Press, 1990.

Ioffe et al. 2001 — Ioffe G., Medvedkov O. L., Medvedkov Y., Nefodova T., Vlasova N. *Russia's Fragmented Space // Fragmented Space in the Russian Federation / ed. Blair A. Ruble, Jodi Koehn, Nancy E. Popson*. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press, 2001.

Jackman 1993 — Jackman R. W. *Power Without Force: The Political Capacity of Nation-States*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1993.

Javeline 1999 — Javeline D. *Response Effects in Polite Cultures: A Test of Acquiescence in Kazakhstan // Public Opinion Quarterly*. 1999. № 63 (1). P. 1–28.

Johnson 1982 — Johnson C. *Revolutionary Change / 2nd ed.* Stanford, CA: Stanford University Press, 1982.

Jowitt 1996 — Jowitt K. *The New World Disorder // The Global Resurgence of Democracy / 2nd ed.*, ed. L. Diamond, M. F. Plattner. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996.

Kagarlitsky 1988 — Kagarlitsky B. *The Thinking Reed: Intellectuals and the Soviet State 1917 to the Present / trans. Brian Pearce.* New York: Verso, 1988.

Karatnycky 2005 — Karatnycky A. *Ukraine's Orange Revolution // Foreign Affairs.* 2005. Vol. 84. № 2. P. 35–52.

Keane 1988 — Keane J. *Democracy and Civil Society: On the Predicaments of European Socialism, the Prospects for Democracy, and the Problem of Controlling Social and Political Power.* London: Verso, 1988.

Keenan 1986 — Keenan E. L. *Muscovite Political Folkways // Russian Review.* 1986. № 45. April. P. 115–181.

Kelley, Evans 1993 — Jonathan Kelley J., Evans M. D. R. *The Legitimation of Inequality: Occupational Earnings in Nine Nations // American Journal of Sociology.* 1993. Vol. 99. № 1. P. 75–125.

Kharkhordin 1999 — Kharkhordin O. *The Collective and the Individual in Russia: A Study of Practices.* Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1999.

Khlebnikov 2003 — Khlebnikov P. *The Khodorskovsky Affair // Wall Street Journal.* 17 November 2003.

Kim 1992 — Kim K. *Marx, Schumpeter, and the East Asian Experience // Journal of Democracy.* 1992. Vol. 3 (July). P. 17–31.

Kinder, Kiewiet 1981 — Kinder D. R., Kiewiet D. R. *Sociotropic Politics: The American Case // British Journal of Political Science.* 1981. № 11. P. 129–161.

Kluegel et al. 1995 — Kluegel J. R., Csepeli G., Kolosi T., Orkeny A., Nemenyi M. *Accounting for the Rich and the Poor: Existential Justice in Comparative Perspective // Social Justice and Political Change: Public Opinion in Capitalist and Post-Communist States / ed. James R. Kluegel, David S. Mason, and Bernd Wegener.* Hawthorne, NY: Aldine De Gruyter, 1995. P. 179–207.

Kluegel, Mason 2000 — Kluegel J. R., Mason D. S. *Market Justice in Transition // Marketing Democracy: Changing Opinion About Inequality and Politics in East Central Europe / ed. David S. Mason and James R. Kluegel.* Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2000. P. 172–181.

Kluegel, Mateju 1995 — Kluegel J. R., Mateju P. *Egalitarian vs. Inegalitarian Principles of Distributive Justice // Social Justice and Political Change: Public Opinion in Capitalist and Post-Communist States / ed. James R. Kluegel, David S. Mason, and Bernd Wegener.* Hawthorne, NY: Aldine De Gruyter, 1995. P. 209–238.

Kluegel, Smith 1986 — Kluegel J. R., Smith E. R. Beliefs About Inequality: Americans' Views of What Is and What Ought to Be. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1986.

Kolasky 1985 — Laughter Through Tears: Underground Wit, Humor and Satire in the Soviet Russian Empire / ed. John Kolasky. Bullsbrook, Australia: Veritas, 1985.

Kullberg 1998 — Kullberg J. S. Preserving the Radical Stronghold: The Election in Moscow // Growing Pains: Russian Democracy and the Election of 1993 / ed. Timothy J. Colton, Jerry F. Hough. Washington, DC: Brookings Institution, 1998. P. 311–347.

Kullberg, Zimmerman 1999 — Kullberg J. S., Zimmerman W. Liberal Elites, Socialist Masses, and Problems of Democracy // World Politics. 1999. № 51. April. P. 336.

Kuns 1999 — Kuns B. Old Corruption in the New Russia // The Russian Transformation: Political, Sociological, and Psychological Aspects / ed. Betty Glad and Eric Shiraev. New York: St. Martin's Press, 1999. P. 119–124.

Ladd, Bowman 1998 — Ladd E. C., Bowman K. H. Attitudes Toward Economic Inequality. Washington, DC: American Enterprise Institute Press, 1998.

Laitin 1995 — Laitin D. D. The Civic Culture at 30 // American Political Science Review. 1995. Vol. 89. № 1. P. 168–173.

Lallemand 1998 — Lallemand J.-Ch. Who Rules Smolensk Oblast // EWI Russian Regional Report 3. 1998. № 40 (8 October). URL: <http://www.ceri-sciencespo.com/archive/october/artjcl.pdf> (дата обращения: 18.01.2022).

Lane 1962 — Lane R. E. Political Ideology: Why the American Common Man Believes What He Does. New York: The Free Press, 1962.

Lane 1972 — Lane R. E. Political Man. New York: Free Press, 1972.

Lane 1986 — Lane R. E. Market Justice, Political Justice // American Political Science Review. 1986. Vol. 80. P. 383–402.

Lardeyret 1996 — Lardeyret G. The Problem with PR // The Global Resurgence of Democracy / 2nd ed., ed. L. Diamond, M. F. Plattner. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. P. 175–180.

Lavelle 2004 — Lavelle P. What Does Putin Want? // Current History. 2004. Vol. 103. № 675. P. 314–318.

LeDonne 1993 — LeDonne J. P. The Ruling Class: Tsarist Model // International Social Science Journal. 1993. May. P. 285–300.

Lee Myers 2003 — Lee Myers S. Old Kremlin, New Kremlin: It's Still a Big Secret // New York Times. 27 August 2003.

Lee Myers 2004a — Lee Myers S. Putin Backs Ukrainian Leader, Dismissing Calls for New Runoff // New York Times. 3 December 2004.

Lee Myers 20046 — Lee Myers S. Using Power, Losing Favor: Putin Falters on World Stage // *New York Times*. 10 December 2004.

Levada et al. 2002 — Levada I., Shubkin V., Kertman G., Ivanova V., Yadvov V., Shiraev E. Russia: Anxiously Surviving // *Fears in Post-Communist Societies: A Comparative Perspective* / ed. Eric Shiraev, Vladimir Shlapentokh. New York: Palgrave, 2002.

Levitsky, Way 2002 — Levitsky S., Way L. Elections Without Democracy: The Rise of Competitive Authoritarianism // *Journal of Democracy*. 2002. Vol. 13. № 2. P. 51–65.

Lijphart 1996 — Lijphart A. Constitutional Choices for New Democracies // *The Global Resurgence of Democracy* / 2nd ed., ed. L. Diamond, M. F. Plattner. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. P. 162–174.

Linz 1996 — Linz J. The Perils of Presidentialism // *The Global Resurgence of Democracy* / 2nd ed., ed. L. Diamond, M. F. Plattner. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. P. 124–142.

Lipman 2005 — Lipman M. How Russia Is Not Ukraine: The Closing of Russian Civil Society // *Carnegie Endowment for International Peace Policy Outlook*. January 2005. URL: <http://www.CarnegieEndowment.org> (дата обращения 20.01.2022).

Lipset 1981 — Lipset S. M. Political Man: The Social Bases of Politics [1959] / expanded ed. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981.

Lukin 2000 — Lukin A. The Political Culture of the Russian “Democrats”. New York: Oxford University Press, 2000. P. 122–133.

Mann 1986 — Mann M. The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms, and Results // *States in History* / ed. John A. Hall. Oxford, U.K.: Basil Blackwell, 1986. P. 109–136.

March, Olsen 1984 — March J. G., Olsen J. P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // *American Political Science Review*. 1984. № 78. P. 734–749.

March, Olsen 1989 — March J. G., Olsen J. P. Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics. New York: Free Press, 1989.

Markovitz 1999 — Markovitz I. L. Constitutions, the Federalist Papers, and the Transition to Democracy // *Transitions to Democracy* / ed. Lisa Anderson. New York: Columbia University Press, 1999. P. 42–71.

Markowitz 2000 — Markowitz F. Coming of Age in Post-Soviet Russia. Urbana: University of Illinois Press, 2000.

Marsh 2002 — Marsh C. Russia at the Polls: Voters, Elections, and Democratization. Washington, DC: CQ Press, 2002.

Marx 1978 — Marx K. Economic and Philosophic Manuscripts of 1844 // *The Marx-Engels Reader* / ed. Robert C. Tucker, 2d ed. New York: W. W. Norton, 1978.

Mason 1995a — Mason D. S. Justice, Socialism, and Participation in the Postcommunist States // *Social Justice and Political Change: Public Opinion in Capitalist and Post-Communist States* / ed. James R. Kluegel, David S. Mason, and Bernd Wegener. Hawthorne, NY: Aldine De Gruyter, 1995.

Mason 1995b — Mason D. S. Attitudes Toward the Market and Political Participation in the Post-Communist States // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54 (Summer). P. 385–406.

Mason, Kluegel 2000 — Mason D. S., Kluegel J. R. Introduction: Public Opinion and Political Change in the Postcommunist States // *Marketing Democracy: Changing Opinion About Inequality and Politics in East Central Europe* / ed. David S. Mason and James R. Kluegel, with Ludmilla Khakhulina, Petr Mateju, Antal Orkeny, Alexander Stoyanov, and Bernd Wegener. New York: Rowman and Littlefield, 2000.

Mau, Starodubrovskaya 2001 — Mau V., Starodubrovskaya I. *The Challenge of Revolution: Contemporary Russia in Historical Perspective*. New York: Oxford University Press, 2001.

McAuley 1984 — McAuley M. Political Culture and Communist Politics: One Step Forward, Two Steps Back // *Political Culture and Communist Studies* / ed. Archie Brown. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1984. P. 3–39.

McAuley 1997 — McAuley M. *Russia's Politics of Uncertainty*. New York: Cambridge University Press, 1997.

McClosky, Zaller 1984 — McClosky H., Zaller J. *The American Ethos: Public Attitudes Toward Capitalism and Democracy*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984.

McDaniel 1991 — McDaniel T. *Autocracy, Modernization, and Revolution in Russia and Iran*. Princeton: Princeton University Press, 1991.

McDaniel 1996 — McDaniel T. *The Agony of the Russian Idea*. Princeton: Princeton University Press, 1996.

McFaul 2001 — McFaul M. *Russia's Unfinished Revolution: Political Change from Gorbachev to Putin*. Ithaca: Cornell University Press, 2001.

McFaul 2004 — McFaul M. Reengaging Russia: A New Agenda // *Current History*. 2004. Vol. 103. № 675. P. 307–313.

McFaul et al. 2004 — McFaul M., Petrov N., Ryabov A. *Between Dictatorship and Democracy: Russian Post-Communist Political Reform*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2004.

McIntosh et al. 1994 — McIntosh M. E., MacIver M. A., Abele D. G., Smeltz D. Publics Meet Market Democracy in Central and East Europe, 1991–1993 // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53 (Summer). P. 483–512.

Michelbach et al. 2003 — Michelbach P. A., Scott J. T., Matland R. E., Bornstein B. H. Doing Rawls Justice: An Experimental Study of Income Distribution Norms // *American Journal of Political Science*. 2003. Vol. 47. № 3. P. 523–539.

Migdal 2001 — Migdal J. S. *State in Society: Studying How States and Societies Transform and Constitute One Another*. New York: Cambridge University Press, 2001.

Mikhalev 2001 — Mikhalev V. *Poverty and Social Assistance // The New Russia: Transition Gone Awry* / ed. Lawrence R. Klein and Marshall Pomer. Stanford: Stanford University Press, 2001. P. 251–268.

Miller 1999 — Miller D. *Principles of Social Justice*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999.

Miller et al. 1994 — Miller A. H., Hesli V. L., Reisinger W. M. Reassessing Mass Support for Political and Economic Change in the Former USSR // *American Political Science Review*. 1994. № 2 (88). June.

Miller et al. 1996 — Miller A. H., Reisinger W. M., Hesli V. L. Understanding Political Change in Post-Soviet Societies: A Further Commentary on Finifter and Mickiewicz // *American Political Science Review*, 1996. № 90. March. P. 153–166.

Miller et al. 1997 — Miller A. H., Hesli V. L., Reisinger W. M. Conceptions of Democracy Among Mass and Elite in Post-Soviet Societies // *British Journal of Political Science*. 1997. № 27.

Miller, Klobucar 2000 — Miller A. H., Klobucar T. F. The Development of Party Identification in Post-Soviet Societies // *American Journal of Political Science*. 2000. № 44. October. P. 667–686.

Mishler, Rose 1996 — Mishler W., Rose R. Trajectories of Fear and Hope: Support for Democracy in Post-Communist Europe // *Comparative Political Studies*. 1996. № 28. January. P. 553–581.

Mishler, Rose 1997 — Mishler W., Rose R. Trust, Distrust, and Skepticism: Popular Evaluations of Civil and Political Institutions in Post-Communist Societies // *Journal of Politics*. 1997. № 59 (2). May. P. 418–451.

Mishler, Rose 2001a — Mishler W., Rose R. What Are the Origins of Political Trust? Testing Institutional and Cultural Theories in Post-Communist Societies // *Comparative Political Studies*. 2001. № 34. February. P. 30–62.

Mishler, Rose 2001b — Mishler W., Rose R. Political Support for Incomplete Democracies: Realist vs. Idealist Theories and Measures // *International Political Science Review*. 2001. № 4 (22). P. 303–320.

Mishler, Rose 2002 — Mishler W., Rose R. Learning and Re-learning Regime Support: The Dynamics of Post-Communist Regimes // *European Journal of Political Research*. 2002. № 41. January. P. 5–36.

Moore 1966 — Moore B. Jr. *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston: Beacon Press, 1966.

Mueller 1999 — Mueller J. *Capitalism, Democracy, and Ralph's Pretty Good Grocery*. Princeton: Princeton University Press, 1999.

Muller, Jukam 1977 — Muller E. N., Jukam T. O. *On the Meaning of Political Support* // *American Political Science Review*. 1977. № 71. P. 1561–1595.

Muller, Seligson 1994 — Muller E. N., Seligson M. A. *Civic Culture and Democracy: The Question of Causal Relationships* // *American Political Science Review*. 1994. № 88 (3). P. 635–652.

Nachmias, Nachmias 1987 — Nachmias D., Nachmias C. *Research Methods in the Social Sciences* / 3d ed. New York: St. Martin's Press, 1987.

Norris 1999 — Norris P. *Introduction: The Growth of Critical Citizens? // Critical Citizens: Global Support for Democratic Governance* / ed. Pippa Norris. New York: Oxford University Press, 1999. P. 1–27.

Nye et al. 1997 — *Why People Don't Trust Government* / eds. Joseph S., Nye Jr., Philip D. Zelikow, David C. King. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997.

O'Donnell, Schmitter 1986 — O'Donnell G., Schmitter P. C. *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions About Uncertain Democracies*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.

O'Kane 1993 — O'Kane R. H. T. *Against Legitimacy* // *Political Studies*. 1993. № 41. P. 471–487.

Olekh 2001 — Olekh G. L. *Novosibirsk Oblast: Problems of Globalization and Regionalization* // *Regionalization of Russian Foreign Policy and Security Policy*. Working Paper № 9. Zurich: Center for Security Studies and Conflict Research, 2001.

Olson 2000 — Olson M. *Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorship*. New York: Basic Books; Perseus, 2000.

Oreshkin 2003 — Oreshkin D. *The Silence of the Oligarchs* // *Moscow News*. 23–29 July 2003. № 28. P. 5.

Pesmen 2000 — Pesmen D. *Russia and Soul*. Ithaca: Cornell University Press, 2000.

Pharr, Putnam 2000 — *Disaffected Democracies: What's Troubling the Trilateral Countries?* / eds. Pharr S. J., Putnam R. D. Princeton: Princeton University Press, 2000.

Plattner 2001 — Plattner M. F. *From Liberalism to Liberal Democracy* // *The Global Divergence of Democracies* / ed. Larry Diamond and Marc F. Plattner. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001.

Popper 1963 — Popper K. R. *The Open Society and Its Enemies* / 4th ed. Princeton: Princeton University Press, 1963.

Powers 1998 — Powers D. V. *Understanding Reactions to Post-Communist Transitions: Conception of Self, Political Attitudes, and Democratic Consolidation* / prepared for the annual meeting of the American Association for the Advancement of Slavic Studies, Boca Raton, Florida, 1998.

Prothro, Grigg 1960 — Prothro J. W., Grigg C. W. *Fundamental Principles of Democracy: Bases of Agreement and Disagreement* // *Journal of Politics*. № 22. May 1960. P. 276–294.

Przeworski 1986 — Przeworski A. *Some Problems in the Study of the Transition to Democracy* // *Transitions from Authoritarian Rule: Comparative Perspectives* / ed. Guillermo O'Donnell, Philippe C. Schmitter, Laurence Whitehead. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.

Przeworski 1991 — Przeworski A. *Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*. New York: Cambridge University Press, 1991.

Przeworski et al. 1995 — Przeworski A. et al. *Sustainable Democracy*. New York: Cambridge University Press, 1995.

Przeworski et al. 2000 — Przeworski A., Alvarez M. E., Cheibub J. A., Limongi F. *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990*. New York: Cambridge University Press, 2000.

Putnam 1993 — Putnam R. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press, 1993.

Pye 1973 — Pye L. W. *Culture and Political Science: Problems in the Evaluation of the Concept of Political Culture* // *The Idea of Culture in the Social Sciences* / ed. L. Schneider, C. M. Bonjean. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.

Quade 1996 — Quade Q. *PR and Democratic Statecraft* // *The Global Resurgence of Democracy* / 2nd ed., ed. L. Diamond, M. F. Plattner. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. P. 181–186.

Radio 2003 — Radio Free Europe / Radio Liberty Newsline. 12 March 2003. Vol. 7. № 47.

Raphael 2003 — Raphael T. *Commentary: Business as Usual* // *Wall Street Journal*. 31 October 2003.

Rawls 2001 — Rawls J. *Justice as Fairness: A Restatement* / ed. Erin Kelly. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 2001.

Reddaway, Glinski 2001 — Reddaway P., Glinski D. *The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism Against Democracy*. Washington, DC: United States Institute of Peace Press, 2001.

Reisinger et al. 1994 — Reisinger W. M., Miller A. H., Hesli V. L., Hill Maher K. *Political Values in Russia, Ukraine, and Lithuania: Sources and Implications for Democracy* // *British Journal of Political Science*. 1994. № 24. April. P. 183–223.

Reisinger et al. 1995a — Reisinger W. M., Miller A. H., Hesli V. L. *Public Behavior and Political Change in Post-Soviet States* // *Journal of Politics*. 1995. № 57 (4). P. 941–970.

Reisinger et al. 1995b — Reisinger W. M., Miller A. H., Hesli V. L. *Political Norms in Rural Russia: Evidence from Public Attitudes* // *Europe-Asia Studies*. 1995. Vol. 47 (September). P. 1025–1042.

Reisinger et al. 1997 — Reisinger W. M., Miller A. H., Hesli V. L. *Russians and the Legal System: Mass Views and Behaviour in the 1990s* // *Communist Studies and Transition Politics*. 1997. № 13 (3). P. 24–55.

Reisinger et al. 1998 — Reisinger W. M., Miller A. L., Hesli V. L. *Ideological Divisions and Party-Building Prospects in Post-Soviet Russia* // *Elections and Voters in Post-Communist Russia* / ed. Matthew Wyman, Stephen White, and Sarah Oates. Northampton, MA: Edward Elgar, 1998. P. 136–166.

Reisinger 1995 — Reisinger W. M. *The Renaissance of a Rubric: Political Culture as Concept and Theory* // *International Journal of Public Opinion Research*. 1995. № 7 (4). P. 328–352.

Reisinger 1998 — Reisinger W. M. *Survey Research and Authority Patterns in Contemporary Russia* // *Can Democracy Take Root in Post-Soviet Russia? Explorations in State-Society Relations* / ed. H. Eckstein, F. J. Fleron Jr., E. Hoffmann, W. Reisinger. New York: Rowman and Littlefield, 1998.

Ries 1997 — Ries N. *Russian Talk: Culture and Conversation During Perestroika*. Ithaca: Cornell University Press, 1997.

Rivera et al. 2002 — Rivera S. W., Kozyreva P. M., Sarovskii E. G. *Interviewing Political Elites: Lessons From Russia* // *PS: Political Science and Politics*. 2002. Vol. 35. № 4. P. 683–688.

Roeder 1994 — Roeder P. G. *Varieties of Post-Soviet Authoritarian Regimes* // *Post-Soviet Affairs*. 1994. №10 (1). P. 61–101.

Roeder 1998 — Roeder P. G. *Transitions from Communism: State-Centered Approaches* // *Can Democracy Take Root in Post-Soviet Russia? Explorations in State-Society Relations* / ed. H. Eckstein, F. Fleron Jr., E. Hoffmann, W. Reisinger. New York: Rowman and Littlefield, 1998. P. 201–228.

Rogowski 1974 — Rogowski R. *Rational Legitimacy: A Theory of Political Support*. Princeton: Princeton University Press, 1974.

Rose 1994 — Rose R. *Postcommunism and the Problem of Trust* // *Journal of Democracy*. 1994. № 5. July. P. 18–30.

Rose 1999 — Rose R. Living in an Antimodern Society // East European Constitutional Review 8. 1999. № 1/2. P. 72.

Rose et al. 2004 — Rose R., Munro N., Mishler W. Resigned Acceptance of an Incomplete Democracy: Russia's Political Equilibrium // Post-Soviet Affairs. 2004. Vol. 20. № 3. P. 195–218.

Rose 1995 — Rose R. Russia as an Hour-Glass Society: A Constitution Without Citizens // East European Constitutional Review. 1995. № 4 (3). P. 36–44.

Rose, Carnaghan 1995 — Rose R., Carnaghan E. Generational Effects on Attitudes to Communist Regimes: A Comparative Analysis // Post-Soviet Affairs. 1995. № 11. January–March. P. 28–56.

Rose, Doh Chull Shin 2001 — Rose R., Doh Chull Shin. Democratization Backwards: The Problem of Third-Wave Democracies // British Journal of Political Science. 2001. № 31. P. 331–354.

Rose, Mishler 1994 — Rose R., Mishler W. T. Mass Reaction to Regime Change in Eastern Europe: Polarization or Leaders and Laggards // British Journal of Political Science. 1994. № 24. April. P. 159–182.

Rose, Munro 2002 — Rose R., Munro N. Elections Without Order: Russia's Challenge to Vladimir Putin. New York: Cambridge University Press, 2002.

Rustow 1970 — Rustow D. A., Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // Comparative Politics. 1970. № 2 (2). P. 337–363.

Sabine 1952 — Sabine G. H. The Two Democratic Traditions // Philosophical Review. 1952. № 61. October. P. 451–474.

Sakwa 1995 — Sakwa R. Subjectivity, Politics, and Order in Russian Political Evolution // Slavic Review. 1995. № 4 (54).

Satter 2003 — Satter D. Darkness at Dawn: The Rise of the Russian Criminal State. New Haven: Yale University Press, 2003.

Schober, Conrad 1997 — Schober M. F., Conrad F. G. Does Conversational Interviewing Reduce Survey Measurement Error? // Public Opinion Quarterly. 1997. Vol. 61 (Winter). P. 576–602.

Schumpeter 1950 — Schumpeter J. A. Capitalism, Socialism, and Democracy / 3d ed. New York: Harper and Row, 1950.

Scott 1990 — Scott J. C. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven: Yale University Press, 1990.

Selbin 1997 — Selbin E. Revolutions in the Real World: Bringing Agency Back In // Theorizing Revolutions / ed. John Foran. New York: Routledge, 1997. P. 123–136.

Seligson, Muller 1977 — Seligson M. A., Muller E. N. Democratic Stability and Economic Crisis: Costa Rica, 1978–1983 // International Studies Quarterly. 1987. № 31. P. 301–326.

Sen 1992 — Sen A. *Inequality Reexamined*. New York: Russell Sage Foundation, 1992.

Sergeyev 2001 — Sergeyev V. M. *Organized Crime and Social Instability in Russia: The Alternative State, Deviant Bureaucracy, and Social Black Holes // Russia in the New Century: Stability or Disorder? / ed. Victoria E. Bonnell and George W. Breslauer*. Boulder, CO: Westview Press, 2001. P. 158–171.

Sergeyev, Biriukov 1993 — Sergeyev V., Biriukov N. *Russia's Road to Democracy: Parliament, Communism, and Traditional Culture*. Brookfield, VT: Edward Elgar / Ashgate, 1993.

Shenfield 2001 — Shenfield S. D. *Russian Fascism: Traditions, Tendencies, Movements*. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2001.

Shevchenko 2001 — Shevchenko O. *Bread and Circuses: Shifting Frames and Changing References in Ordinary Muscovites' Political Talk // Communist and Post-Communist Studies*. 2001. № 1 (34). March. P. 77–90.

Shevtsova 2003 — Shevtsova L. *Putin's Russia*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2003.

Shiraev 1999a — Shiraev E. *Attitudinal Changes During the Transition // The Russian Transformation: Political, Sociological, and Psychological Aspects / ed. Betty Glad and Eric Shiraev*. New York: St. Martin's Press, 1999.

Shiraev 1999b — Shiraev E. *The New Nomenclature and Increasing Income Inequality // The Russian Transformation: Political, Sociological, and Psychological Aspects / ed. Betty Glad and Eric Shiraev*. New York: St. Martin's Press, 1999.

Shlapentokh 1985 — Shlapentokh V. E. *Two Levels of Public Opinion: The Soviet Case // Public Opinion Quarterly*. 1985. № 49. Winter. P. 443–459.

Shlapentokh 1996 — Shlapentokh V. E. *Early Feudalism: The Best Parallel for Contemporary Russia // Europe-Asia Studies*. 1996. № 48. May.

Shlapentokh 2001 — Shlapentokh V. E. *A Normal Totalitarian Society: How the Soviet Union Functioned and How It Collapsed*. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2001.

Shlapentokh et al. 1997 — Shlapentokh V., Levita R., Loiberg M. *From Submission to Rebellion: The Provinces Versus the Center in Russia*. Boulder, CO: Westview Press, 1997.

Sil, Chen 2004 — Sil R., Chen C. *State Legitimacy and the (In)significance of Democracy in Post-Communist Russia // Europe-Asia Studies*. 2004. Vol. 56. № 3. P. 358–362.

Silver 1987 — Silver B. D. *Political Beliefs of the Soviet Citizen: Sources of Support for Regime Norms // Politics, Work, and Daily Life in the USSR:*

A Survey of Former Soviet Citizens / ed. James R. Millar. New York: Cambridge University Press, 1987. P. 116–122.

Simis 1982 — Simis K. M. USSR: The Corrupt Society; The Secret World of Soviet Capitalism. New York: Simon and Schuster, 1982.

Skocpol 1979 — Skocpol T. States and Social Revolution: Comparative Analysis of France, Russia, and China. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

Skocpol 1994 — Skocpol T. Cultural Idioms and Political Ideologies in the Revolutionary Reconstruction of State Power: A Rejoinder to Sewell // Social Revolutions in the Modern World. New York: Cambridge University Press, 1994. P. 199–209.

Sniderman et al. 1996 — Sniderman P. M., Fletcher J. F., Russell P. H., Tetlock P. E. The Clash of Rights: Liberty, Equality, and Legitimacy in Pluralist Democracy. New Haven: Yale University Press, 1996.

Soberg Shugart, Carey 2003 — Soberg Shugart M., Carey J. Presidents and Assemblies // The Democracy Sourcebook / ed. Robert A. Dahl, Ian Shapiro, Jose Antonio Cheibub. Cambridge, MA: MIT Press, 2003. P. 272–276.

Solnick 1998 — Solnick S. L. Stealing the State: Control and Collapse in Soviet Institutions. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998.

Sorenson 1993 — Sorenson G. Democracy and Democratization. Boulder, CO: Westview Press, 1993.

Spradley 1979 — Spradley J. P. The Ethnographic Interview. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1979.

Stephenson, Khakhulina 2000 — Stephenson S., Khakhulina L. Russia: Changing Perceptions of Social Justice // Marketing Democracy: Changing Opinion About Inequality and Politics in East Central Europe / David S. Mason and James R. Kluegel, with Ludmilla Khakhulina, Petr Mateju, Antal Orkeny, Alexander Stoyanov, and Bernd Wegener. New York: Rowman and Littlefield, 2000.

Suchman, Jordan 1992 — Suchman L., Jordan B. Validity and the Collaborative Construction of Meaning in Face-to-Face Surveys // Questions About Questions: Inquiries into the Cognitive Bases of Surveys / ed. Judith M. Tanur. New York: Russell Sage Foundation, 1992. P. 241–267.

Tarasov 2003 — Tarasov A. 'Legal Corruption' Deeply Rooted in Krasnoyarsk // Moscow News. 2003. № 27. 16–22 July. P. 5.

Tarrow 1994 — Tarrow S. Power in Movement: Social Movements, Collective Action, and Politics New York: Cambridge University Press, 1994.

Tedin 1991 — Tedin K. L. Popular Support for Competitive Elections in the Soviet Union // Comparative Political Studies. 1991. № 27. July. P. 241–271.

The Territories 2001 — The Territories of the Russian Federation / 2d ed. London: Europa, 2001.

Tucker 1971 — Tucker R. C. The Soviet Political Mind / rev. ed. New York: W. W. Norton, 1971.

Turchin 1981 — Turchin V. The Inertia of Fear and the Scientific World-view / trans. Guy Daniels. New York: Columbia University Press, 1981.

Tyler 1990 — Tyler T. R. Why People Obey the Law. New Haven: Yale University Press, 1990.

Vainshstein 1994 — Vainshstein G. I. Totalitarian Public Consciousness in a Post-totalitarian Society // Communist and Post-Communist Studies. 1994. № 27 (3). P. 247–259.

Vaksberg 1991 — Vaksberg A. I. The Soviet Mafia / trans. John and Elizabeth Roberts. New York: St. Martin's Press, 1991.

Verba 1965 — Verba S. Comparative Political Culture // Political Culture and Political Development / ed. L. W. Pye, S. Verba. Princeton: Princeton University Press, 1965.

Verba et al. 1978 — Verba S., Nie N. H., Kim Jae-On. Participation and Political Equality: A Seven Nation Comparison. New York: Cambridge University Press, 1978. P. 46–62.

Viola 1996 — Viola L. Peasant Rebels Under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. New York: Oxford University Press, 1996.

Volkov 2002 — Volkov V. Violent Entrepreneurs: The Use of Force in the Making of Russian Capitalism. Ithaca: Cornell University Press, 2002.

Walicki 1979 — Walicki A. A History of Russian Thought: From the Enlightenment to Marxism / Trans. Hilda Andrews-Rusiecka. Stanford: Stanford University Press, 1979.

Warren 1999 — Democracy and Trust / ed. Mark E. Warren. New York: Cambridge University Press, 1999.

Weatherford 1992 — Weatherford M. S. Measuring Political Legitimacy // American Political Science Review. 1992. № 86. March. P. 149–166.

Weber 1946 — From Max Weber: Essays in Sociology / ed. and trans. by H. Gerth, C. Wright Mills. New York: Oxford University Press, 1946.

Weigle 2000 — Weigle M. A. Russia's Liberal Project: State-Society Relations in the Transition from Communism. University Park: Pennsylvania State University Press, 2000.

Weil 1989 — Weil F. D. The Sources and Structure of Legitimation in Western Democracies: A Consolidated Model Tested with Time-Series Data in Six Countries Since World War II // American Sociological Review. 1989. № 54. October. P. 682–706.

Weiss 1994 — Weiss R. S. *Learning from Strangers: The Art and Method of Qualitative Interview Studies*. New York: Free Press, 1994.

Weiss-Stoner 1997 — Weiss-Stoner K. *Local Heroes: The Political Economy of Russian Regional Governance*. Princeton: Princeton University Press, 1997.

Welch 1987 — Welch S. Review Article: Issues in the Study of Political Culture; The Example of Communist Party States // *British Journal of Political Science* 17. № 4 (1987). P. 493.

White 1984 — White S. Political Culture in Communist States: Some Problems of Theory and Method // *Comparative Politics*. 1984. № 16. April. P. 351–365.

White 2004 — White S. *Russia's Disempowered Electorate* // *Russian Politics Under Putin* / ed. Cameron Ross. New York: Manchester University Press, 2004.

White et al. 1997 — White S., Rose R., McAllister I. *How Russia Votes*. Chatham, NJ: Chatham House, 1997.

Whitefield, Evans 1994 — Whitefield S., Evans G. The Russian Election of 1993: Public Opinion and the Transition Experience // *Post-Soviet Affairs*. 1994. № 10 (1). P. 38–60.

Whitefield, Evans 1996 — Whitefield S., Evans G. Support for Democracy and Political Opposition in Russia, 1993–1995 // *Post-Soviet Affairs*. 1996. № 12. July–September. P. 218–242.

Wyman 1994 — Wyman M. Russian Political Culture: Evidence from Public Opinion Surveys // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 1994. № 10 (1). P. 25–54.

Yorke 2003 — Yorke A. Business and Politics in Krasnoyarsk Krai // *Europe-Asia Studies*. 2003. Vol. 55. № 2. P. 241–262.

Zaller 1992 — Zaller J. R. *The Nature and Origins of Mass Opinion*. New York: Cambridge University Press, 1992.

Zaller, Feldman 1992 — Zaller J., Feldman S. A Simple Theory of the Survey Response: Answering Questions Versus Revealing Preferences // *American Journal of Political Science*. 1992. Vol. 36. P. 579–616.

Zarakhovich 1998 — Zarakhovich Y. Viewpoint: A Russian's Lament // *Time*. 21 September 1998.

Zimmerman 1995 — Zimmerman W. Synoptic Thinking and Political Culture in Post-Soviet Russia / *Slavic Review*. 1995. № 54. Fall. P. 630–641.

Предметно-именной указатель

- Аверченков Иван Александрович 91
автократия 23, 25, 40, 41, 56, 234, 241, 242, 244, 274
Адам (американский респондент) 194, 247, 339, 341, 344, 383
Александр Джеймс 13, 257
Александра Антоновна (российский респондент) 117, 165, 169, 192, 237, 266, 313
Алексей (российский респондент) 165, 169, 191, 217, 220, 266, 274, 282, 313, 373
Алла (российский респондент) 115, 165, 169, 217, 242, 266, 313, 316, 333, 334, 373
Алмонд Габриэль 29–31, 33, 282
американские респонденты 22, 24, 80, 82, 120, 129, 135, 136, 147, 164, 166, 177, 183, 190, 193, 201, 245–249, 253, 256, 274, 275, 293, 294, 298, 307, 334, 337–342, 344, 345, 347–350, 352, 354, 359, 368, 383, 385, 387, 388, 389, 391, 392
анализ глубинных интервью 18, 24
Андрей Викторович (российский респондент) 165, 169, 183, 193, 217, 236, 241, 243, 252, 266, 270, 276, 285, 291, 313, 315, 321, 355, 373
Анна Павловна (российский респондент) 122, 139, 169, 170, 217, 240, 266, 268, 313, 373
Аня (российский респондент) 165, 167, 189, 193, 217, 266, 274, 313, 365, 373
апатия политическая в России 23, 31, 149, 256, 259, 303, 361
Аристотель 28, 29
Аркадий (российский респондент) 118, 165, 169, 170, 193, 217, 229, 266, 284, 290, 313, 374
Бари Донна 9, 57, 215, 230
бедность, отношение к ней россиян 174, 209, 237, 304
Березовский Борис Абрамович 94, 96, 103, 145, 197
беспорядок социальный 14, 18, 20, 23, 214–219, 221, 222, 224–226, 228, 229, 233, 238–240, 242, 244, 245, 247, 252,

- 254, 311–313, 315, 337–339,
341, 358, 388, 389
- Бетти (американский респон-
дент) 339, 383
- Билл (американский респондент)
120, 138, 177, 183, 245, 249, 339,
340, 349, 383
- Бирюков Николай Иванович 42,
155, 257
- Блехер Леонид Иосифович 238
- Богомолова Татьяна 9, 75, 94, 158
- Борис Борисович (российский
респондент) 115, 127, 139, 169,
181, 187, 217, 234, 266, 271, 272,
313, 333, 374
- Бринто Крейн 260
- Бурбулис Геннадий Эдуардович 361
- Буш Джордж Уокер 130, 294, 338,
339, 342, 389
- Быков Анатолий Петрович 96
- Валентина (российский респон-
дент) 165, 169, 217–220, 223,
266, 271, 313, 314, 316, 325, 330,
360, 374
- Валя (российский респондент)
165, 169, 172, 187, 217, 266, 313,
319, 322, 374
- Вася (российский респондент)
119, 165, 169, 192, 201, 217, 232,
266, 288, 313, 329, 374
- Вайл Фредерик 305
- Верба Сидни 29–31, 282
- Виктория (американский
респондент) 246, 294, 339–341,
343, 359, 383
- Вилен Николаевич (российский
респондент) 137, 169, 174, 217,
266, 283, 313, 328, 374
- Витя (российский респондент)
165, 169, 173, 187, 195, 217, 226,
228, 266, 313, 316, 374
- Владимир Ильич (российский
респондент) 88, 118, 165, 169,
217, 220, 222, 266, 313, 326, 375
- возраст, его влияние на взгляды
россиян 16, 72, 74, 75, 77, 80,
113, 137, 138, 187–189, 215, 227,
292, 310
- Воронеж 9, 16, 75, 89, 90, 114, 126,
237, 350
- выборка российских респонден-
тов 161, 179, 186, 191, 193, 194,
202, 216, 246, 293, 320, 337, 338,
349, 352 356
- выборы в России 158, 365, 386
- «Газпром» 90
- Гайдар Егор Тимурович 158
- Галина Григорьевна (российский
респондент) 124, 165, 169, 175,
184, 217, 219, 223–225, 266, 280,
289, 313, 314, 331, 333, 375
- Гарвардский проект 53
- Геннадий (российский респон-
дент) 124, 165, 169, 170, 217,
243, 266, 280, 281, 290, 313, 375
- гласность 61, 257
- глубинные интервью 7, 9, 15–18,
20, 24, 62, 66–72, 76, 82, 97, 98,
109, 146, 199, 218, 264, 324, 354,
356, 362, 371
- Гозман Леонид Яковлевич 43,
111, 231, 282
- голосование, отношение к нему
россиян 44, 91, 96, 137–139,
160, 162, 163, 286, 328,
366, 386

- Горбачев Михаил Сергеевич 37, 41, 102, 198, 208, 254, 352
- Горшков М. К. 125, 154, 155, 199, 270, 303
- Горячев Юрий Фролович 87, 88
- Государственная Дума 49, 72, 83, 86, 89, 90, 100, 102, 112, 113, 119, 121, 129, 141, 209, 216, 220, 228, 265, 277, 289, 308, 327, 331, 354, 385, 386, 389, 391, 392; см. *также* законодательная власть
- государственные институты в России 20, 22, 50, 131, 142, 198, 210, 243, 323, 327, 330, 331; см. *также* законодательная власть и президент
- государственные институты в Соединенных Штатах 305, 344; См. *также* законодательная власть и президент
- граждане, их роль в демократии 7, 9–17, 19–37, 40, 41, 43, 46, 49, 50, 57, 59, 60, 64, 81, 93, 98–100, 102, 103, 105–109, 119, 120, 123, 128, 130, 134, 135, 137–142, 144, 146, 147, 149–152, 154, 162, 181, 199, 202, 205–208, 210–214, 219–221, 223, 225–228, 230, 234, 235, 238, 244, 248, 249, 252–256, 258, 259, 262–264, 271, 273, 277, 282–284, 287, 289, 292–308, 321, 324, 329, 331–336, 338, 339, 343, 348, 351, 352, 354, 355, 357, 359, 360, 362, 363, 366, 370–372, 391; см. *политическая активность*
- гражданская культура 29, 30, 48
- гражданское общество 11, 36, 37, 44, 45, 50, 103, 130, 135, 259, 301
- грамотность, политическая 264–268, 273–277, 279–282, 284–289, 291, 293, 311, 312, 359, 389–391
- Грамши Антонио 300, 301
- Грейс (американский респондент) 339, 346, 383
- Григорий (российский респондент) 129, 133, 165, 169, 191, 217, 240, 266, 271, 313, 319, 325, 367, 375
- Гроссман Василий Семенович 44
- Грузия 351
- Гусинский Владимир Александрович 145
- двойственность российской ментальности 58, 60, 270, 386
- дворник 128
- «Демократическая Россия», движение 83
- демократические ценности, теория 20, 31, 33, 51, 53, 61, 64, 98, 99, 103, 106, 109, 141, 163, 177, 221, 231, 320, 346, 385
- «Демократический выбор России» 83, 84, 197
- демократия 10, *passim*
- Денисовский Геннадий Михайлович 135
- Джейкоб (американский респондент) 339, 383
- Джейн (американский респондент) 339, 383
- Джин (американский респондент) 190, 338, 339, 383
- Джовитт Кеннет 42
- Дима (российский респондент) 114, 165, 167, 189, 198, 202, 217,

- 226, 229, 234, 243, 266, 313, 322, 332, 335, 367, 369, 375
- доверие 30, 31, 35, 36, 48–50, 56, 57, 64, 77, 136, 141, 142, 210, 212, 242, 245, 249, 263, 303, 305, 306, 318, 323, 345, 392
- Драйзек Джон 18, 57, 75, 104
- Дубин Борис Владимирович 144, 203, 304, 309
- Дугин Александр Гельевич 12, 13, 43
- Дэниел (американский респондент) 247, 339, 343, 383
- Евгений (российский респондент) 165, 169, 217, 238, 244, 266, 268, 313, 365, 375
- евразийцы 43, 44
- Егор Егорович (российский респондент) 169, 197, 198, 217, 221, 266, 313, 360, 376
- «Единая Россия» 195, 197, 366, 367
- «Единство» 77, 90, 195–197, 200; см. *«Единая Россия»*
- Екатерина (российский респондент) 127, 133, 165, 169, 182, 183, 187, 192, 217, 266, 267, 214, 313, 319, 376
- Елена (российский респондент) 165, 169, 172, 217, 224, 232, 266, 271, 274, 287, 292, 313, 376
- Ельцин Борис Николаевич 11, 15, 22, 78, 84, 87, 91, 93, 95, 100–102, 217, 118, 121–126, 129, 153, 158, 170, 197, 210, 219, 220, 227, 228, 271, 278, 281, 304, 308, 310, 311, 315, 319, 327, 331, 332, 360–363, 365, 389
- Желев Желю 261
- Жириновский Владимир Вольфович 78, 195
- забастовки 94, 139, 258, 270
- задержки зарплаты 12, 94, 153
- закон 14, 19, 21, 26, 27, 37, 40, 45, 51, 81, 92, 101, 113, 114, 116, 117, 119, 121, 122, 130–138, 140, 147, 193, 197, 202, 205, 212, 222, 225, 233–235, 238–242, 244, 248, 249, 253, 254, 258, 286–289, 299, 305, 306, 315, 327, 330, 334, 343, 351, 355, 357, 360, 364, 365, 370
- законодательная власть 99, 113, 162, 120, 354
- законотворчество, отношение к нему россиян 116, 327
- Зарахович Юрий 111
- Зинаида (российский респондент) 116, 165, 169, 188, 217, 219, 220, 224, 237, 238, 240, 252, 266, 280, 287, 290, 294, 313, 331, 367, 376
- Зоя Игоревна (российский респондент) 169, 217, 221, 266, 275, 284, 313, 326, 369, 376
- Зубов Валерий Михайлович 95, 96
- Зюганов Геннадий Андреевич 86, 89, 91
- Иван Иванович (российский респондент) 134, 169, 191, 217, 218, 223, 266, 284, 287, 313, 364, 376
- Игнатъев Михаил 358
- Ильинская, деревня 85

- Инглхарт Рональд 306
- Инна (российский респондент)
165, 169, 189, 217, 218, 220–224,
267, 268, 296, 313, 355, 363, 376
- институты политические 20, 23,
25, 28, 32–34, 37, 38, 40, 56, 57,
64, 72, 81, 98, 104, 112, 139, 140,
141, 209, 231, 255, 258, 259,
262–265, 267, 271, 277, 281, 282,
289, 292, 293, 297–299, 303, 305,
321, 322, 324, 332, 333, 335, 336,
344, 390; см. *государственные
институты*
- Иосиф (российский респондент)
123, 165, 169, 193, 217–219, 224,
225, 266, 313, 377
- Ирина Львовна (российский
респондент) 169, 217, 266, 283,
313, 331, 377
- исследование общественного
мнения 15, 56, 61, 74, 144, 308
- Истон Дэвид 297, 299, 300, 307
- капитализм 21, 22, 67, 144–152,
156–160, 178, 182, 184, 185,
200–202, 205, 206, 209, 213, 224,
297, 303, 354, 356, 362, 364, 371;
см. также *рыночная экономика*
- Катя (российский респондент)
165, 169, 217, 266, 313, 319, 377
- квотная выборка 75, 80
- Кейт (американский респондент)
247, 383
- Кинан Эдвард 41, 44, 111, 131
- Киргизия 351
- Кириенко Сергей Владиленович
117, 122, 123, 228
- Клара (российский респондент)
165, 169, 217, 241, 266, 313, 377
- Клинтон Билл 199, 338, 340, 342, 289
- Клямкин Игорь Моисеевич 49,
51, 203, 238, 239
- Ковалев Александр Яковлевич
89, 90
- Козырева Полина 8, 75, 135
- количественный анализ, его цель
66, 80
- коллектив (групповое интервью
в России) 124, 134, 137, 138,
169, 207, 217, 219, 233, 251, 266,
271, 279, 287, 313
- коллективизм 41, 151
- Колтон Тимоти 50
- Коля (российский респондент)
113, 122, 165, 169, 170, 173, 186,
192, 217, 228, 229, 235, 266, 289,
313, 319, 377
- Коммунистическая партия 43, 90,
93, 122, 197, 200, 206, 215, 255,
258, 271
- Конгресс 119, 120, 250, 275, 294,
305, 337, 340–343, 346, 354, 389,
392; см. *законодательная
власть*
- Константин (российский респон-
дент) 165, 169, 217, 266, 280,
313, 318, 327, 330, 368, 378
- Конституция Российской
Федерации 11, 100, 101, 121,
126, 327
- Королев, город 85
- коррупция в России 9, 57, 90, 123,
125, 132, 158, 192, 201, 210, 221,
236, 237, 254, 258, 263, 302, 303,
322, 334, 358, 368, 369, 388,
389, 390
- Красноярск 9, 16, 75, 76, 91,
94–96, 113

- «красный пояс» 16, 75, 76, 86, 90, 92
- Крис (американский респондент) 339, 383
- Кулаков Владимир Григорьевич 90
- Куллберг Джудит 152
- Кэролайн (американский респондент) 120, 339, 383
- Лайдинен Наталья Валерьевна 115, 270
- Лапкин Владимир Валентинович 51, 203, 210, 211, 212, 233, 236
- Лебедь Александр Иванович 76, 95–97
- Лев (российский респондент) 115, 118, 137, 165, 169, 190, 217, 237, 266, 286, 313, 379
- легитимация политической системы 262
- легитимность 26, 273, 278, 297, 299–304, 306–308, 323, 335, 345, 347, 349, 350; см. также *власть*
- Лейн Роберт 17, 68, 127, 249, 300
- Лена (российский респондент) 165, 169, 173, 217, 222, 223, 232–234, 266, 272, 313, 325, 363, 368, 378
- Ленин Владимир Ильич 86, 89, 133, 181, 279
- Лео (американский респондент) 136, 183, 193, 194, 201, 246, 248, 250, 294, 339, 344, 345, 383
- Либерально-демократическая партия России 195, 197; см. также Жириновский, Владимир Вольфович
- либеральные демократы в российской выборке 167, 172–174, 178–180, 182, 184–186, 194, 199, 200
- лидеры 22, 29, 44, 45, 49, 86, 101, 104, 117, 124–126, 128, 129, 140, 141, 203, 204, 211, 239, 241, 246, 253, 258, 261, 262, 273–275, 326, 332, 345, 351, 358, 361, 364, 367, 369, 370
- Липсет Сеймур Мартин 299, 302, 304
- литании 69
- личные связи 207, 270
- Лужков Юрий Михайлович 84, 85, 93, 126–129, 142, 195, 258
- Луховицкий район 85
- Люба (российский респондент) 165, 169, 202, 217, 234, 266, 272, 278, 313, 315, 318, 378
- Людмила Владимировна (российский респондент) 165, 169, 188, 217, 266, 274, 279, 313, 378
- Магомедов Арбахан 9, 75, 87
- Макаренко Анатолий Михайлович 91
- Макдэниел Тим 13, 207, 229, 306
- Маккლოსки Герберт 151
- Марина Александровна (российский респондент) 165, 169, 182, 187, 217, 227, 239, 240, 266, 272, 276, 313, 335, 378
- Марковиц Фран 70, 257
- Маркс Карл 181, 242, 259, 260, 262
- Марусин Виталий Владимирович 88
- Марч Джеймс 38
- Маслов Виктор Николаевич 91

- мафия 95, 332
Международный проект по исследованию социальной справедливости 154, 34
Мейсон Дэвид 304
местные власти 53, 88, 139, 286
место, влияние на отношение россиян 74–78
Мигранян Андраник 44, 45, 147
Миллер Артур 108, 134
Миллер Дэвид 150–152
Михаил (российский респондент) 165, 169, 217, 228, 266, 313, 318, 379
Миша (российский респондент) 121, 166, 169, 173, 179, 217, 266, 313, 318, 379
Мишлер Уильям 56
Мокрый Владимир Семенович 314
Москва 8, 16, 53, 73, 75, 76, 78, 79, 82–86, 89, 90, 92, 93, 113, 122, 126–128, 140, 142, 160, 165, 186, 189, 210, 221, 258, 287, 309, 321, 358, 359; *см. также* Лужков
Юрий Михайлович
Московская область 16, 75–77, 79, 85, 86, 113, 160, 165
Мур Баррингтон 149
Муха Виталий Петрович 92, 93
Мэдисон Джеймс 37, 38
Мюллер Джон 148, 149
Надежда (российский респондент) 165, 169, 184, 189, 217, 227, 229, 242, 266, 285, 290, 313, 360, 379
Надя (российский респондент) 165, 169, 172, 189, 217, 241, 266, 280, 287, 313, 379
налоги 81, 88, 94, 95, 132, 140, 159, 192, 193, 239, 271, 299, 302, 364
налоговая политика 94, 193
Наталья (российский респондент) 133, 165, 169, 175, 217, 226, 235, 241, 243, 266, 272, 290, 313, 369, 379
«Наш дом — Россия» 86
национализм 368
«Не знаю», ответ в опросах 70, 71, 218, 224, 252, 265, 268, 274, 280, 286, 344, 367
неравенство 143, 144, 146–151, 153, 154, 160, 161, 171–175, 185, 200
Николай (российский респондент) 122, 129, 132, 165, 169, 179, 217, 266, 313, 379
Николай II 46
Никсон Ричард 343
Новосибирск 9, 16, 75, 91–94, 114
новые русские 77, 78, 224
ностальгия по советскому периоду 156, 187, 259, 310, 369
образование 16, 36, 70–72, 74, 75, 77, 80, 83, 111, 116, 138, 154, 159, 160, 165, 190, 194, 202, 215, 218, 219, 225, 245, 264, 267, 293, 310, 312
общественное мнение в России 9, 15, 27, 45, 48, 56, 60, 99, 137, 205, 237, 290
Олег (российский респондент) 137, 165, 169, 173, 217, 230, 266, 279, 313, 379
олигархи 22, 101, 116, 117, 125, 145, 158, 195, 197, 202, 243, 364, 365; *см. также* Ходорковский

- Михаил Борисович и Березовский Борис Абрамович*
Олсен Йохан 38
Остром Элинок 39
Ольга Юрьевна (российский респондент) 217, 226, 235, 266, 274, 283, 284, 287, 315, 353, 380
«Отечество — вся Россия» 85, 195
отношение к полиции американцев 135, 136, 245–248
отношение к милиции россиян 132–135, 141, 214, 220, 221, 224, 225, 239, 315, 355
Павел (российский респондент) 165, 169, 173, 217, 266, 313, 318, 380
Пай Лусиан 31
Пантин Владимир Игоревич 51, 203, 211, 212, 233, 236
патерналистское государство 12, 157, 191, 306
Патнэм Роберт 30, 35, 36, 306
патриотизм 274, 368
Пелагея (российский респондент) 139, 165, 169, 188, 217, 266, 272, 313, 322, 380
перевод 46, 64, 72, 114, 350
перестройка 59, 157, 180, 187, 208, 254, 257, 315, 372
Пешкова Наталья 8, 75
Песмен Дейл 18, 155, 263
Петренко Е. 238
Пимашков Петр Иванович 95
Пиночет Аугусто 96, 240
Платон 28
поколение, влияние на взгляды россиян; см. *возраст*
Полина (российский респондент) 133, 165, 169, 176, 187, 192, 217, 240, 266, 271, 278, 286, 315, 332, 353, 380
поддержка демократии 20, 21, 23, 50, 54, 55, 103, 107, 109, 143, 151, 152, 161, 162, 164–168, 185, 196, 213, 216, 225, 228, 238, 240, 281, 315, 247, 312, 354, 355
политическая активность 31, 76, 195, 291, 371
политическая апатия; см. *апатия, политическая*
политическая культура 13, 15, 20, 21, 26–31, 33, 34, 41, 42, 44, 47, 55, 58–61, 99, 110, 121, 131, 132, 135, 140, 155, 257, 282, 295, 370, 371
политическая поддержка; см. *легитимность*
политическая эффективность; см. *эффективность, политическая*
политические институты; см. *государственные институты*
политические партии, поддержка россиянами, 195–199
Попов Гавриил Харитонович 84
порядок, предпочтения американцев 244–251, 336–341
порядок, предпочтения россиян 12–14, 18, 22, 23, 49, 51, 59, 203, 204, 214–254, 357–372
права, отношение к ним россиян 12, 49, 102, 142, 281
православие 27, 42, 43, 79, 155, 231; см. *Русская Православная Церковь*

- президентство, в России 95, 125, 228, 273, 275, 276, 311
- президентство, его оценки американцами 274, 275, 338, 343
- преступность 12, 96, 209, 210, 212, 214, 215, 220, 233, 240, 244–248, 254, 272, 316, 357, 358
- приватизация 87, 96, 155, 158, 179, 180, 181, 193, 197, 218, 269, 302
- Примаков Евгений Максимович 85, 195
- проект советских интервью 53
- Прохоров Александр Дмитриевич 91
- психология тоталитаризма 44
- Путин Владимир Владимирович 11, 15, 22, 24, 25, 27, 78, 90, 94, 101, 117, 121, 123–126, 129, 139, 141, 142, 145, 157, 159, 195, 197–200, 220, 221, 226, 228, 271, 272, 278, 304, 308, 310, 311, 318, 326, 331, 348, 351, 361–366, 368–371
- Раиса (российский респондент) 165, 169, 173, 180, 190, 198, 217, 236, 266, 285, 313, 315, 316, 328–330, 380
- Райзингер Уильям 134, 152
- Ранкур-Лаферрьер Дэниел 44
- Рая (российский респондент) 165, 169, 174, 175, 189, 217, 266, 280, 288, 313, 318, 325, 380
- революция 7, 43, 206, 257, 259–263, 273, 277, 281, 295, 296, 332
- региональная политика в России 62–71, 276
- Рик (американский респондент) 134, 187, 209, 256–58, 261, 289
- римское право 97
- Рис Нэнси, 6, 49, 159
- роль государства в экономике, отношение американцев 193, 194
- роль государства в экономике, отношение россиян 191–199, 352, 353
- Российская политическая культура; см. *политическая культура, российская*
- Ростегаева Нина 8, 75
- Роуз Ричард 9, 56, 212, 304
- Руслан (российский респондент) 113, 128, 165, 169, 217, 241, 266, 287, 313, 323
- Русская Православная Церковь; см. *православие*
- Руссо Жан-Жак 109, 234, 299
- Рывкина Р. В. 210, 302
- рыночные реформы 18, 89, 93, 153, 166, 167, 170, 171, 179–181, 186, 190, 200, 201, 358
- Саква Ричард 230
- Сахаров Андрей Дмитриевич 69
- Светлана (российский респондент) 124, 126, 137, 165, 169, 217, 266, 276, 313, 332–334, 359, 367, 381
- свобода 11, *passim*
- сдержки и противовесы 113, 118, 120, 276, 340, 346, 352
- Сергеев Виктор 42, 155, 257
- Сергей (российский респондент) 165, 169, 181, 217, 241, 266, 267, 271, 286, 313, 318, 381

- Сибирь 76, 77, 79, 95, 113, 118,
165, 215, 309, 310, 312, 365
- сильная рука, предпочтение
россиян 49, 51, 203, 238, 240,
244, 326, 329, 358
- сильное государство, значение для
американцев 136, 247, 249, 253
- сильное государство, значение
для россиян 240, 244, 249,
251–253
- скептически относящиеся
к рынку демократы в россий-
ской выборке 21, 153, 167,
174–178, 180, 183–185,
188–190, 192–194, 199, 200,
202, 356
- Скотт Джеймс 69
- Скочпол Теда 260–262, 295
- Слава (российский респондент)
122, 165, 169, 186, 187, 217, 227,
266, 275, 276, 313, 318, 381
- славянофилы 42–44
- Смоленск 9, 16, 75, 76, 90, 91, 114
- соборность 42, 110
- советский период 15, 22, 41, 42,
48, 53, 56, 57, 87, 89 95, 111,
171, 208, 213, 282, 371
- Соня (российский респондент)
165, 169, 180, 217, 266, 283, 284,
313, 368, 381
- Сорокин Питирим 45
- София (российский респондент)
126, 132, 165, 169, 181, 188, 217,
283, 313, 332, 333, 381
- социальное обеспечение,
отношение к нему россиян
173, 287
- социальный капитал 31, 35–37
- «Союз правых сил» 159, 197, 228
- способность власти реагировать,
отношение к ней американцев
293–295, 337–246
- способность власти реагировать,
отношение к ней россиян
131–140, 282–296
- справедливость рынка, отноше-
ние к ней американцев 183
- справедливость рынка, отноше-
ние к ней россиян 178–191
- Сталин Иосиф Виссарионович
46, 47, 123, 125, 181, 204, 206,
240, 243, 279, 280, 326
- Старая Купавна 85
- Степанов Е. И., 209, 302
- Ступино 76, 85
- суды, отношение к ним росси-
ян 133
- Сэм (американский респондент)
247, 248, 339, 343, 383
- Таганрог 53
- Тайс-Морс Элизабет 305, 334
- Такер Роберт 47
- Татарстан 86
- Татьяна Михайловна (россий-
ский респондент) 115, 131, 137,
165, 169, 182, 183, 240, 266, 274,
313, 330, 333, 369, 382
- Тед (американский респондент)
147, 181, 294, 339, 341, 344, 384
- Титков Алексей 83, 86
- Токвиль Алексис де 29
- Толоконский Виктор Алексан-
дрович 93, 94
- Толя (российский респондент)
116, 126, 165, 169, 184, 189, 197,
217, 243, 266, 285, 313, 318, 327,
329, 334, 382

- традиционная российская политическая культура; см. *политическая культура, российская*
- Триш (американский респондент) 339, 384
- Тэтчер Маргарет 239
- Уайт Стивен 41, 44
- Украина 134, 351
- Ульяновск 9, 16, 75, 86–89, 114
- Файбисович Семен 211
- Федеральная служба безопасности (ФСБ) 90, 91
- Флерон Фредерик мл. 13
- Фред (американский респондент) 245, 247, 249, 339, 343, 384
- Хабермас Юрген 303
- Халецкий Владислав Николаевич 91
- Хантингтон Самюэль 235, 262, 303
- Харриет (американский респондент) 245, 339, 384
- Хархордин Олег Валерьевич 46
- Хаф Джерри 56
- Хелд Дэвид 105, 335
- Хесли Вики 9, 134, 152
- Хиббинг Джон 305, 320, 334
- хищническое государство 256, 302
- Хлопонин Александр Геннадиевич 97
- Ходорковский Михаил Борисович 11, 145, 157, 158
- хозяин 111, 121, 127, 219, 353
- Холл Питер 36
- Холмс Лесли 18, 57, 75, 104
- Хохшильд Дженнифер 17, 67, 71, 150
- Цаллер Джон 262, 265
- Цапин Александр Николаевич 89
- Циммерман Уильям 51, 152
- Ципко Александр Сергеевич 44
- Черноземье 89
- Черномырдин Виктор Степанович 86
- Чечня 96, 102, 117, 124, 125, 211
- Шабанов Иван Михайлович 51, 90, 233
- Шаманов Владимир Анатольевич 88
- Шаховская 79, 85
- Шашенков Андрей 9, 75
- Шевченко Ольга 67, 68, 291
- Ширяев Эрик 281
- Шляпентох Владимир 284
- шоковая терапия 87; см. также *рыночные реформы и приватизация*
- Щеглова Ольга 9, 75
- эгалитаризм 67, 144, 150, 155, 176, 370
- Эйзенштадт Шмуэль 620, 362
- экономическая свобода, отношение к ней россиян 145, 171, 224, 234; см. также *рыночная экономика, отношение к ней в России*
- экономические изменения, восприятие россиянами 72,

- 218, 270, 314; см. также
рыночная экономика, отношение к ней в России
экономические условия в России
20, 33, 51, 180, 215, 268–270,
353, 358
экономическое положение 77, 78,
94, 153, 215, 226, 292, 310, 312
«Элита», колхоз 77
элиты 11, 14, 32, 39, 40, 50, 51, 58,
87, 130, 134, 135, 152, 248, 257,
261, 262, 362
Эмили (американский респон-
дент) 339, 384
Энгельс Фридрих 181, 242
Эрнест (американский респон-
дент) 178, 249, 293, 339, 384
- Эткинд Александр 43, 111,
231, 282
этнография 78; см. также
глубинные интервью
эффективность, политическая 49
- Юрий (российский респон-
дент) 128, 165, 169, 217, 240,
266, 275, 285, 313, 317,
328, 382
Ющенко Виктор 369
- «Яблоко» 159, 195, 197
Явлинский Григорий Алексеевич
159, 195
Ястребова Ольга 8, 72, 75

Содержание

Благодарности	7
Глава первая. Не в порядке	11
Глава вторая. Запутанная паутина культуры	26
Глава третья. Своими словами	61
Глава четвертая. Абстрактные представления о демократии в зеркале реальной жизни	98
Глава пятая. Отношение к рынку: россияне против неравенства	144
Глава шестая. Взгляды на порядок, беспорядок и демократию	203
Глава седьмая. Взгляды на изменения: чем больше все меняется, тем более неизменным все остается	255
Глава восьмая. Чего хотят россияне	297
Глава девятая. Общие выводы	351
Приложения	373
Библиография	394
Предметно-именной указатель	426

Научное издание

Элен Карнаган
...А ПОРЯДКА В НЕЙ НЕТ
Российские политические ценности в неидеальном мире

Директор издательства *И. В. Немировский*
Заведующая редакцией *А. Пахомова*

Ответственный редактор *И. Белецкий*
Дизайн *И. Граве*
Редактор *М. Маркушина*
Корректор *А. Филимонова, А. Чепурнова*
Верстка *Е. Падалки*

Подписано в печать 00.00.2021.
Формат издания 60 × 90 1/16. Усл. печ. л. 27,5.
Тираж 500 экз.

Academic Studies Press
1577 Beacon Street, Brookline, MA 02446 USA
<https://www.academicstudiespress.com>

ООО «Библиороссика».
190005, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25а

12+

*Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ*